

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2024. Том 49, № 3

НОМОТНЕТІКА:

Философия. Социология. Право

2024. Том 49, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук, старший преподаватель (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Штопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 22,3. Дата выхода 30.09.2024. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 417 Пигулевский В.О., Мирская Л.А. Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния
428 Устименко Д.Л. «Кантианские вариации» М. Мамардашвили: специфика текста и мысли

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 439 Бурмистров С.Л. Философская компаративистика Вильгельма Хальбфасса

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 452 Цветкова И.В. Противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса в коллективной памяти (на примере студенческой молодежи г. Тольятти)
465 Цибуля Н.А. Диспозиции молодежи в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики
477 Шмарион Ю.В., Конев И.В., Курских Е.П. Представления студентов гуманитарного вуза об искусственном интеллекте

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 487 Богатырёв М.Р. Эволюция научных подходов к определению понятия правового регулирования в отечественном правоведении
495 Задорожная Е.В. Конституционно-правовые аспекты трансформации современного государства: особенности развития концепции суверенитета
502 Хмелевская И.Г. Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 513 Гуторова А.Н. Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти
525 Васильев С.А. Контроль как форма соотношения субъектов конституционного права
535 Киреев К.П. Подфункция наблюдения функции общественного контроля: понятийно-содержательные аспекты
544 Позднышов А.Н., Москаленко С.Г. Концептуальная и институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 553 Баранова С.В. Релевантность как инструмент управления запросом в условиях трансформации сетевого медиатекста Web 2.0–3.0
563 Растворов А.И., Емельянова О.Б. Зарубежные исследования идентичности человека в эпоху культуры постмодерна
574 Хасуев А.Э. Влияние молодежных субкультур на осознание социального статуса и роли в обществе

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 582 Колесников С.А. Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 592 Финогентов В.Н. Искушение насилием

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 600 Волков М.В. Евразийское осмысление роли Украины и украинской культуры в истории России
607 Нифонтова В.А., Селюков С.А. Русская философская мысль: знак и символ в XIX–XX веках

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 615 Борисов С.Н., Дмитраков Р.А. Насилие «без места» или позитивность не для всех. Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна»
619 Шестаков Ю.А., Руденко А.М. Современный экстремизм: кто виноват и что делать? Рецензия на монографию А.В. Римского «Человек в практиках экстремизма (философско-культурологическая интерпретация)»

NOMOTHETIKA:

Philosophy. Sociology. Law

2024. Volume 49, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education "Belgorod National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology (Belgorod National Research University)

Nifontova, O.L., Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer (NRU "BelSU")

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor (Moscow State University)

Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva, E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State University)

Sivkov, C.G., Doctor of Law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of Law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Higher School of Economics)

Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Kadyrov Chechen State University)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № Ф077-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 22,3. Date of publishing 30.09.2024. Dummy layout has been prepared by Belgorod National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 417 **Pigulevskiy V.O., Mirskaya L.A.** Myths of Psychoanalysis and Culture: Trends and Traces of Influence
428 **Ustimenko D.L.** "Kantian variations" by M. Mamardashvili: The Specifics of the Text and Thought

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 439 **Burmistrov S.L.** Wilhelm Halbfass's Comparative Philosophy

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 452 **Tsvetkova I.V.** Contradictory Interpretations of the Iron Curtain Political Stereotype in Collective Memory (a Case Study of Tolyatti Student Youth)
465 **Tsibulya N.A.** Dispositions of Youth in Relation to Virtual Components of State Youth Policy
477 **Shmarion Y.V., Konev I.V., Kurskikh E.P.** Ideas of Humanities Students about Artificial Intelligence

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 487 **Bogatyrev M.R.** The Evolution of Scientific Approaches to the Definition of the Concept of Legal Regulation in Russian Jurisprudence
495 **Zadorozhnaya E.V.** Constitutional and Legal Aspects of the Transformation of the Modern State: The Sovereignty Concept Development Features
502 **Khmelevskaya I.G.** Youth Parliamentarism and Civil Society: The Comparative Dilemma

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 513 **Gutorova A.N.** Public Actions and Freedom of Speech in the Mechanism of Ensuring Public Trust
525 **Vasiliev S.A.** Control As a Form of Correlation of Subjects of Constitutional Law
535 **Kireev K.P.** The Subfunction of Observation of the Public Control Function: Conceptual and Substantive Aspects
544 **Pozdnyshov A.N., Moskalenko S.G.** Conceptual and Institutional Specifics of Human Rights Activities in the Russian Federation

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 553 **Baranova S.V.** Relevance As a Request Management Tool in the Context of the Network Media Text Transformation Web 2.0–3.0
563 **Rastvorov A.I., Yemelyanova O.B.** Foreign Studies of Human Identity in the Era of Postmodern Culture
574 **Khasuev A.E.** Influence of Youth Sub-Cultures on Awareness of Social Status and Role in Society

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 582 **Kolesnikov S.A.** Theology and Non-Theology: The Authenticity of the Theological Vocation in Karl Barth's Concept

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 592 **Finogentov V.N.** The Temptation of Violence

THESIS

- 600 **Volkov M.V.** Eurasian Understanding of the Role of Ukraine and Ukrainian Culture in the History of Russia
607 **Nifontova V.A., Selyukov S.A.** Russian Philosophical Thought: Sign and Symbol in the 19th – 20th Centuries

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 615 **Borisov S.N., Dmitrakov R.A.** Violence "Out of Place" or Positivity Is Not for Everyone. Review of the Book by Byung-Chul Han "Topology of Violence. A Critique of Late Modern Positivity Society"
619 **Shestakov Y.A., Rudenko A.M.** Modern Extremism: Who Is to Blame and What to Do? Review of A.V. Rimsky's monograph "Man in the Practices of Extremism (Philosophical and Cultural Interpretation)"

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 130.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния

Пигулевский В.О. , Мирская Л.А.

Южно-Российский гуманитарный институт,
Россия, 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108
lymirskaya@yandex.ru

Аннотация. Инверсия нормы и патологии в области сексуальных отношений в западном обществе выводит к проблеме влияния мифа психоанализа на культуру. Речь идет о восприятии в обществе идеи Фрейда об иррациональной жизни души и базовых инстинктах – сексуальности и агрессии. Инстинкты мифологизируются как Эрос и Танатос. Конфликт Эроса и Танатоса с репрессивной цивилизацией, рациональными нормами и запретами воспринимается искусством модернизма, контркультурой и авангардом. Представление об оппозиции телесных желаний индивида и моральных норм приводит к современному мифотворчеству. Это визуализация сновидений, эпатаж свободной любви и психоделия, черный юмор и танатография эроса. Появляются две волны влияния фрейдизма на современную западную культуру. Первая – фрейдизма на сюрреализм и фрейдомарксизма на контркультуру. Вторая – переосмысление психоанализа Жаком Лаканом. Они оставляют в развитии авангарда в ситуации постмодерна деструктивный след. Переработанный миф психоанализа продуцирует регрессию к основаниям бессознательного и трансгрессию за пределы культурных норм и гетеросексуальной жизни. Этот след стимулирует общественное сознание к неразличимости полов, фантазиям о трансформации тела человека, создавая тренд трансгендерности. В условиях падения нравов след влияния психоанализа на культуру заключается в продуцировании мифа танатографии эроса.

Ключевые слова: психоанализ, черный юмор, эрос, агрессия, иррациональное, гендер, мифотворчество, символический обмен, регрессия, трансгрессия

Для цитирования: Пигулевский В.О., Мирская Л.А. 2024. Мифы психоанализа и культура: тренды и следы влияния. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 417–427. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Myths of Psychoanalysis and Culture: Trends and Traces of Influence

Victor O. Pigulevskiy , Ludmila A. Mirskaya

South-Russian Humanitarian Institute
108 Krasnoarmeiskaya St, Rostov-on-Don 344082, Russian Federation
lymirskaya@yandex.ru

Abstract. The inversion of norm and pathology in the field of sexual relations in Western society leads to the problem of the influence of the psychoanalysis myth on culture. We are speaking about the perception in society of Freud's idea of the soul's irrational life and basic instincts – sexuality and aggression. Instincts are mythologized as Eros and Thanatos. The conflict of Eros and Thanatos with a repressive civilization, rational norms and prohibitions is perceived by the art of modernism, counterculture and the avant-garde. The idea of the opposition of the individual's bodily desires and moral norms leads to modern mythmaking. These are the visualization of dreams, the outrage of free love and psychedelia,

black humor and the thanatography of eros. Two waves of Freudian influence on modern Western culture are emerging. The first is Freudianism against Surrealism and Freudian Marxism against counterculture. The second is Jacques Lacan's reinterpretation of psychoanalysis. They leave a destructive trace in the development of the avant-garde in the postmodern situation. The revised myth of psychoanalysis produces regression to the foundations of the unconscious and transgression beyond cultural norms and heterosexual life. This trace stimulates the public consciousness to the indistinguishability of the sexes, fantasies about the transformation of the human body, creating a trend of transgenderism. In the conditions of the decline of morals, the trace of the influence of psychoanalysis on culture lies in the production of the eros thanatography myth.

Keywords: psychoanalysis, black humor, eros, aggression, irrational, gender, myth-making, symbolic exchange, regression, transgression

For citation: Pigulevskiy V.O., Mirskaya L.A. 2024. Myths of Psychoanalysis and Culture: Trends and Traces of Influence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 417–427 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-417-427

Психоанализ на наших глазах превращается
во все более запутанную мифологию.
Жак Лакан

Лишь миф входит в тела тех, кто нашел в нем
убежище, требуя от них постоянной готовности
принять его... Быть может, миф – всего лишь
баснословие, но эта побасенка в корне отлична от
вымысла: взгляните на те вполне реальные толпы,
что своим бешеным танцем, своим беспощадным
действием претворяют ее в живую истину.
Жорж Батай

Один из главных парадоксов современной западной культуры заключается в том, что нормальные отношения мужчины и женщины стали политическим инструментом преследования мужчины. Как и когда произошла в культуре Запада инверсия нормы и патологии? И сыграл ли в культурных трансформациях какую-то роль психоанализ? Определение парадоксальных и противоестественных трендов сексуальности в культуре в XX–XXI вв. в связи с влиянием фрейдизма на культуру и мировоззрение Запада является целью данного исследования.

Марксизм, психоанализ и экзистенциализм оставили глубочайший след в мировоззрении Западной Европы. Если говорить о психоанализе, то можно обнаружить две волны влияния: фрейдизма на модернизм в первой трети XX века и фрейдо-марксизма на контркультуру в середине столетия. Влияет не сам психоанализ, а его мифотворчество. В ситуации постмодерна остается лишь след влияния мифов психоанализа, который расщепляется на танатографию эроса авангарда и соблазны массовой культуры. Вероятно, что тренды влияния мифов приводят к инверсии нормы и патологии сексуальности в общественном сознании.

Предметом данного исследования является мифология психоанализа, воспринятая модернизмом, контркультурой, авангардом в ситуации постмодерна, и ее след в символическом обмене массовой культуры.

Фрейдизм и модернизм: эротически чудесное и черный юмор

Непосредственное влияние психоанализ оказывает на сюрреализм, который является продолжением романтической традиции. Уже в романтизме сложились мифы о душе – суть души составляет вера, дающая целостный взгляд на мир; это сфера подспудной

жизни, предполагающая полную свободу воображения, которое полнится грезами, снами, экстазами, «жизнью сердца»; это поэтическая реальность, в которой поэт занимается суверенным колдовством, магией, провидением вечного и бесконечного [Beguin, 1937]. На этой почве и вырастает сюрреализм, который, помимо романтической традиции, испытывает влияние фрейдизма. Сюрреализму импонирует концепция Фрейда об инстинктах бессознательного. Однако, если Фрейд признавал естественную природу биологических инстинктов, то сюрреалисты выражают романтически идеалистическую позицию. Они полагают, что человек руководим подспудными космическими силами, которыми и являются Эрос и Танатос. Так влияние на искусство и культуру оказывает не психоаналитическая теория, а ее мифология, которая легко усваивается романтическим сознанием.

Согласно Фрейду, культурные нормы и запреты выступают препятствием на пути психосексуальной энергии, в результате чего энергия сублимируется в качестве снов, художественной фантазии, юмора и оговорок [Фрейд, 1995; Фрейд, 2023]. Творчество – результат сублимации. Этот тезис составляет основу целой традиции литературы и искусства, воспринявших психоанализ [Райх, 2002; Фромм, 2002; Выготский, 2002]. Соответственно, внимание культуры смещается на внесение терминов психоанализа в дискурс современного общества [Parker, 1997]. С позиции психоанализа вопрос о контроле и сдерживании в культуре выступает как зависть к материнству и превалирование отца, что рождает комплекс Эдипа. Именно эта позиция подвергается эрозии, что в дальнейшем приводит к идее об изменчивости гендера [Minsky, 1998].

Влияние психоанализа на современную западную культуру опосредовано искусством модернизма, в котором сексуальность представлена агрессивно как инструмент подрыва норм культуры, моральных табу и религиозного ригоризма. Так воплощаются эротические видения сюрреалистов в литературе Луи Арагона, Робера Десноса, Андре Бретона, в кинофильмах Луиса Бунюэля, Жана Кокто, в картинах Сальвадора Дали, Ремедиус Варо, Роберто Матта, Вифредо Лама, в скульптурах Ханса Беллмера, Генри Мура и др. Сюрреалистов привлекают мифопоэтические идеи сомнамбулизма, Эроса и Танатоса. Картины Сальвадора Дали, Хуана Миро, Макса Эрнста в фантастически гротескных образах воплощают основные черты реальности *le Rêve*, такие же, как в сновидениях, – алогичность, смещение с важного на незначительное, инверсию причины и следствия, сгущение переживания, спутанность образов (З. Фрейд). Выражением буйства Эроса и Танатоса, истерии, депрессии, ужаса, ночных страхов, безумной страсти, словом, сумеречной зоны души становятся причудливый эротический сон и кошмар в произведениях художников.

Фантастический гротеск, выражающий подспудную жизнь души, имеет два модуса – эротически чудесное и черный юмор. Предтечей концепции эротически чудесного для сюрреалистов становится поэма романтика Лотреамона «Песни Мальдорора» (1869), а также темные страсти Маркиза де Сада, его «Жюстина» (1791) и «Философия в будуаре» (1795). Эротически чудесное, которое также характеризуется как конвульсивная красота [Бретон, 2006, с. 17]¹ – это эстетизация безобразного с обертонами эротики, выраженная в иррациональных образах и вещах. Репрезентация иррационального в картинах, поэзии, на театральных подмостках – фантастический гротеск, в литературе – язык, «скользящий красной рыбкой в бокале твоего голоса» (Аполлинер), а презентация в действительности (вне иллюзорного статуса произведения) – *objet trouvé* (фр.: найденный объект). Благодаря Дада (1915–1922) репрезентация классического искусства была замещена антишедеврами, презентацией *ready-mades* – типовых вещей в культурном контексте. Сюрреализм, выражая иррациональную жизнь души, вводит не типовой, а случайный, оригинальный объект – *objet trouvé*, в котором можно увидеть «осадки нашего желания

¹ Красота подобна судороге, она должна быть конвульсивной или ее не должно быть вовсе – эту мысль Андре Бретон почерпнул у Лотреамона.

[Шенье-Жандрон, 2002, с. 133]. Художники находят на блошинных рынках странные вещи, а иногда и сами конструируют: Мерет Оппенгейм «Меховой завтрак» (1936), «Столик» (1939), «Моя гувернантка» (1936), Сальвадор Дали и Оскар Тускетс «Диван-губы» (1937, 1974) Жоан Миро «Найденный объект» (1936), Исамо Ногучи «Камень духовного познания» (1964). Эти объекты провоцируют черный юмор как игру воображения и рассудка у реципиента. Они полностью противоречат нашему опыту осязания и деятельности, что вызывает эффект *остранения* (В. Шкловский). Черный юмор сюрреализма приобретает метафизический характер из-за обращения к смерти или иррациональности бессознательного. Когда Андре Бретон составляет «Антологию черного юмора» (1939), он подбирает туда рассказы не по принципу остроумия, а по возможности абстрагирования от повседневной жизни, введения реципиента в состояние неопределённости [Бретон, 1999].

Сексуальность как агрессия, как иррациональное телесное влечение реализуется либо как сюрреальная метафора (сопоставление несопоставимого), либо как черный юмор (подрыв ценностей). Можно сказать, что метафора, понятая как коллаж несопоставимых вещей, созданный посредством автоматического письма, есть источник черного юмора [Шенье-Жандрон, 2002, с. 72, 117, 162, 166; Бретон, 2006, с. 64]¹. Эротизм переходит в жестокость, вызывая ужас и помрачение ума в фильме Луиса Бунюэля «Андалузский пес» (1929), в новелле Жоржа Батая «История глаза» (1928), в куклах Ханса Беллмера. Происходит трансгрессия самой сексуальности, когда автор позволяет реципиентам погружаться в хаос своего безумия, «растворяться в их собственном кошмаре» [Барт, 1994, с. 96].

Конструирование коллажа с обертонами Эроса и Танатоса продолжается поп-артом. Примером пластической метафоры являются работы Алана Джонса «Комната» (1950), Роберта Раушенберга «Одеяло» (1955) и «Монограмма» (1959)². Примером черного юмора является фотографии черепа из Нью по рисунку Сальвадора Дали от Филиппа Хальсмана (1951), Джордана Доннера (2016).

Идея иррациональной психосексуальной энергии в ее плотских основаниях как подлинной жизни личности распространяется в западной культуре. Сексуальность в элитарной культуре используется не в качестве принципа удовольствия, а как принцип реальности – в качестве инструмента подрыва правил и норм. То есть идея Фрейда о сексуальности как принципе удовольствия и о сознании как принципе реальности переиначивается. Весьма откровенно это демонстрирует литература «потока сознания» – творчество Лоуренса, Генри Миллера, Владимира Набокова. Так, в предисловии к роману «Тропик рака» Генри Миллер писал: «Это не книга. Это – клевета, издевательство, пасквиль. <...> Это затажное оскорбление, плевков в морду Искусству, пинок под зад Богу, Человеку, Судьбе, Времени, Любви, Красоте... всему чему хотите».

В искусстве модернизма сексуальность и агрессия в формах гротескного преувеличения становятся шок-ценностями культуры (П. Валери). Однако и визуализация снов, и поток сознания, будучи компенсацией нереализованных желаний личности, остаются элитарным искусством, имеющим довольно ограниченное влияние на общество, поскольку в основном питает «революцию сознания» интеллигенции.

¹ Эффект такой метафоры – *éclat* (фр.: взрыв, отблеск) или «застывший взрыв» (А. Бретон). Можно сказать, что *objet trouvé* относятся «к потрясающим земным случайностям, что сразу приводят нашу мысль в замешательство» (А. Бретон). Юмор в этом отношении «переносится» на предмет, предаваясь «созерцанию природы в ее случайных проявлениях» (Гегель). Юмор объективен, он возникает как случайная вспышка между людьми, выражая агрессию слов желания (З. Фрейд). Юмор есть «неуловимый отблеск разбушевавшегося произвола» (А. Бретон).

² Анализ работ Роберта Раушенберга требует учета контекста массовой культуры, распространения в рекламе *pin up girls*, а в кино боевиков и эротики, сформировавших агрессию и сексуальность как стереотипы общественного сознания. Этот неомифологический контекст и обуславливает коннотации артефактов.

Фрейд-марксизм и контркультура: психоделия и агрессия

Новая волна влияния психоанализа на общественное мировоззрение проявилась в качестве фрейд-марксизма, и связана она с подъемом контркультуры, сексуальной и психоделической революцией. Как известно, на движение хиппи оказали влияние книги Вильгельма Райха «Диалектический материализм и психоанализ» (1929) и Герберта Маркузе «Эрос и цивилизация» (1955). Молодежь воспринимается идея того, что изнурительный производительный труд, на котором строится цивилизация, питается энергией, отнятой у инстинктов: «Навязываемый "Сверх-Я" категорический императив, хотя и конструирует социальное существование личности, остается императивом самодеструкции» [Маркузе, 2003, с. 59]. Формируется идеология «Великого Отказа» с требованием перехода к нерепрессивной культуре с оргиастически-эротическими практиками. Орфический Эрос должен прийти на смену мучительному труду Прометея.

Фрейд-марксизм демонстрирует, во-первых, ослабление Эдипова комплекса (Э. Фромм), во-вторых, замещение психосексуальной энергии, направленной на противоположный пол, орфической чувственностью (Г. Маркузе). Вопрос заключается в том, что incestуозная связь сына с матерью не является всепоглощающей, поскольку равноценное чувство мальчик может питать к девочке его возраста, а, следовательно, сексуальное влечение становится амбивалентным [Фромм, 2021, с. 240, 245, 260]. Более того, активное половое влечение можно интерпретировать как «бунт против пассивной зависимости раннего детства» [Фромм, 2021, с. 261]. Вопрос заключается, следовательно, в возможности двух и более объектов сексуального влечения, которое отнюдь не вызывает ненависти к отцу. На первый план выходит вопрос удовольствия, которое может достигаться в фантазии, наслаждении игрой и песней, в протесте против ограничений культуры, в переменчивом сексуальном влечении, и в этом нарциссизме состоит суть Орфического Эроса [Маркузе, 2003, с. 183].

Сексуальная революция – провокация в сфере интимно-психологических отношений, которая заключается в отказе от моногамии, преодолении табу на перверсии, в сексуальной неразборчивости. В моде этот тренд выражается во введении бикини (Луи Репар), монокини (Руди Гейдрих), мини юбки (Мэри Квант, Андре Курреж). В рекламе начинается фрагментация женского тела, что служит знаками привлекательности предлагаемого товара или пропагандируемого гламурного стиля жизни.

Путешествия хиппи по Афганистану и Индии с употреблением наркотиков, пропаганда LSD-25 Тимоти Лири, произведений Олдоса Хаксли, Станислава Грофа, Хамфри Осмонда, Ральфа Метцнера по изучению измененных состояний сознания [Гроф, 1994; Лири, 2003; Юнгер, 2012] привели не просто к увлечению молодежи практиками расширения сознания (*trip*), но к рождению психоделии как стиля в музыке, моде и графическом дизайне. Пестрые краски *day-glo* вызывают непредсказуемые и обманчивые визуальные эффекты, вроде неоновых галлюцинаций. Таковы афиши к *acid-rock* Виктора Москосо, Рика Гриффина, Уэса Вильсона, Элтона Келли и Стенли Мауса. Рупорами психоделии в Лондоне становятся журналы OZ, IT и Gandalf's Garden. В американском андеграунде ведущими являются Нью-Йоркская газета East Village Other и калифорнийский San Francisco Oracle. Психоделия и свободная любовь выступают способами эскейпизма от репрессивной цивилизации.

На волне рок-музыки Sex-Pistols, Ramones, The Clash, The Damned рождается панк-движение (1976). Образ жизни и стиль панка демонстрирует усиление агрессии субкультуры протеста к власти, корпорациям и большим лейблам, карьеризму и лжи, что выливается в лозунг безысходности "No Future" и принцип «сделай сам». Характер плакатов и музыкальных фэнзинов становится более агрессивным, анархичным, оскорбляющим устои благочестивого общества, нигилирующим карьеризм, прагматизм и утилитаризм. Панки подхватывают лозунг контркультуры «секс, наркотики и рок-н-ролл», выражая настроение злобного аморализма, скандала, извращенности. Волна психоделии и

панк-движения поддерживается *underground comix*, которые становятся протестом против американского «Кодекса комиксов» (1954), запретившего рисовать насилие, кровь, секс, алкоголь и посмеиваться над властью. Подпольные комиксы Джека Джексона, Роберта Крамба, Гилберта Шелтона, Кима Дейча в 1970-х годах представили «изнанку Америки, весь её ужас» (Р. Крамб). В этом плане черный юмор и перверсии приобретают подрывной характер в буржуазной культуре. Особенно преуспевает журнал сюрреалистической фотографии с подзаголовком «глупый и злой» *Nara-Kiri* (1960–1987), на смену которому приходит журнал карикатуры *Charlie Hebdo* (1970). Насилие и порнография, сюрреалистический глум и *body horror*, цинизм и кощунство, политические провокации и оскорбления в адрес сильных мира сего, чёрный юмор, мерзость и грязь, шок и трепет – эти журналы в западной культуре играют роль *enfant terrible*. Вторжение в социум черного юмора и агрессивной сексуальности на волне протеста молодежи – таково последствие мифологии фрейд-марксизма в культуре.

Миф десимволизации: танатография Эроса

В ситуации постмодерна происходит поворот от интеллектуализма к телесности и текстуальности. Культура понимается как многослойный пространственный текст (ризом) и текстуальность (поток, письмо), состоящий из слов, сигналов, команд, кодов, образов и знаков, дискурсов и нарративов, словом, понятый как символическая реальность с бесконечным горизонтом, в которую погружен индивид. Человек уже не мыслится «очагом смысла» (М. Мерло-Понти), субъектом действия и речевых актов. Напротив, человек – это субъективность тела, погруженного в текст, при помощи которой «мыслиться» и «говориться». Субъективность тела предстает как «машина желания» с ее чувственными практиками: «За твоими мыслями и чувствами, брат мой, стоит более могущественный повелитель, неведомый мудрец – он называется Самость. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело»¹.

Если учесть тезис Фрейда о подавлении инстинкта принципом реальности и фрейд-марксизма о репрессивном характере цивилизации в отношении индивида, то можно проследить эволюцию авангарда с 1960-х гг. до настоящего времени в плане регрессии к бессознательным (телесным) основаниям психической жизни, и к трансгрессии символического, которая приводит к нивелированию гендерных различий, к боли и смерти. Авангард, так же как и контркультура, развивается отрицательным путем, только более радикальным. В ситуации постмодерна эволюция авангарда осуществляется в пространстве между символическим и телесным, между текстом и телесными практиками «машины желания». Понятие «желание», заимствованное из психоанализа Фрейда, воспринимается как гендерно нейтральное, лишённое гендерной оппозиции.

Возможно, этому положению дел больше соответствует теория символического бессознательного Жака Лакана: «Бессознательное – это знание, структурированное как язык». Границы психоаналитического поля задают речь и сексуальность. В глубинах бессознательного укоренено означающее². Означающее, очерчивающее сферу сексуальности, у Жака Лакана характеризуется как «фаллос». Это не мужской генитальный орган, а область движения означающих, выражающих удовольствие и наслаждение. Сексуальное не имеет гендерной детерминации, ибо сфера бессознательного представляет собой движение означающих, которые связываются (метонимия) и замещаются (метафора) согласно желанию. Возникшая в классическом психоанализе проблема комплекса Эдипа теряет смысл и замещается игрой означающих [Лакан, 2008; 2014].

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., ОЛМА Медиа групп, 2012. 304 с.

² Если означающее – чувственное, то означаемое – умопостигаемое, сфера бессознательного соткана означающими, выражающими желание, а сфера сознания – означаемыми, то есть понятиями и представлениями, нормами и запретами.

Интерес смещается от вопросов сексуального влечения, подавленного культурой, к проблеме телесных желаний в связи с нарративами жизни и смерти. Место фрейдизма занимают символические прочтения психоанализа (Ж. Лакан, Ю. Кристева). Развертывание массовой культуры, усиленной цифровой революцией и введением интернета, превращают западную культуру в гипертекст, который поглощает связанную с сознанием субъективность – смерть автора, смерть искусства, конец истории, застревание между прошлым и будущим – таковы культурные условия современности. В ситуации постмодерна от влияния психоанализа на культуру остается лишь след. Внимание авангарда с иррациональной жизни души переносится на телесные практики, скрытые под покровом символического, – боль, болезнь, ранения и увечья, безумие, агрессия, еда, секс, отходы жизнедеятельности и смерть... Происходит регрессия на край символического к отвратительному и непристойному.

Но подрыв религиозных, моральных, идеологических кодов сдерживания, на которых зиждется «сон индивидов и покой государств», возвращает нам проблему «апокалипсиса» [Кристева, 2003, с. 245]. С позиции нравственных требований личность попадает в парадокс. Принятие христианского требования «возлюби ближнего как самого себя» становится препятствием для наслаждения, бессознательная энергия которого обращается на себя (Я), замыкается в сфере символического воображения и переходит в нарастающую агрессию (Сверх-Я): «Я отступаю перед этой заповедью любви к ближнему потому, что на горизонте маячит что-то такое, в чем есть невыносимая жестокость» [Лакан, 2006, с. 251]. Но и трансгрессия морального императива тоже открывает шлюзы агрессии, поскольку сексуальное наслаждение в виде обнаженного желания реализуется в реальности как у де Сада в «наслаждении разрушением; добродетель, заключенная в преступлении; зло, творимое ради него самого» [Лакан, 2006, с. 255]. В любом случае возникает танатография эроса.

Если говорить о сюрреалистической традиции, то регрессию к детскому травматизму души можно обнаружить в творчестве Луиз Буржуа в фаллообразной скульптуре «Девчонка» (1968)¹, в ее инсталляциях «Разрушение отца» (1974) и «Клетка» (1990–1993). Инфантильная регрессия обозначена самой художницей [Bourgeois, 2012]. Однако основной тренд авангарда предполагает регрессию не к детским травмам, а к взрослым желаниям, страхам, галлюцинациям [Зимин, 2011] и психодинамике садомазохистских отношений [Спиркина, 2011]. Также куклы Ханса Белмера и Синди Шерман выражают двойственную смесь желания и ужаса – кастрацию, фетишизм, садомазохизм и др., то есть травматические состояния взрослых людей.

Для авангарда в ситуации постмодерна возникает задача трансгрессии на край символического – обнаружения *живого* тела в его перверсиях, муках, судорогах и отчаянии, когда пределом страсти становится смерть. Проблема смерти, травмы и боли показывает, что «эротизм и смерть неразрывно связаны» [Батай, 1994, с. 286]. Эрос и Танатос обнажают существование человека в его телесности. В минуты сексуальной страсти и с приходом смерти субъективность человека «редуцируется» в тело, заставляет человека страдать в теле, а не в духе: «В одиночестве, по-иному тягостном, чем одиночество обнаженных любовников, приближение к тлению связывает я-которое-умирает с наготой отсутствия» [Батай, 1994, с. 229]. Авангард стремится прикоснуться к живому телу перед лицом смерти – голодному или страдающему, подавленному или возбужденному, истерзанному, мятущемуся и пр. Словом, актуальной становится визуализация телесных практик – смерти, болезни, травм, перверсий, сексуальности и еды, психических и физических патологий.

В культуре постмодерна складывается ряд разрозненных художественных трендов и арт-практик, среди которых влияние психоанализа прослеживается в направлении

¹ Гендерное смещение в скульптуре "fillette" Луиз Буржуа обозначено двусмысленным термином – франц.: маленькая девочка / молодая и неопытная девушка.

"*feminist & gay*" [Lucie-Smith, 1995]. Отчасти феминизм становится продолжением сюрреализма, с той разницей, что «фундаментальное Я» модернизма подверглось деструкции в условиях тотальной текстуальности. Воспринимается основное противоречие, констатированное фрейдизмом и фрейдомарксизмом – между репрессивной цивилизацией и бессознательными желаниями, укорененными в теле. Однако элиминируется гетеросексуальность. В условиях погруженности субъекта желания в тексты, возникает установка выражения в искусстве невротозов, психозов и перверсий за счет проникновения под покров символического. Эта регрессия и трансгрессия вокруг субъективности тела в его бессознательной жизни становится трендом арт-практики феминизма и гомосексуальности со следами влияния психоанализа.

Заключение

Шок-ценности сюрреализма и контркультуры, продуцированные мифами психоанализа, подрывают моральные нормы и религиозные запреты, выражают протест против обезличивающей потребительской цивилизации и таких ценностей, как благочестие, сдержанность, гетеросексуальная любовь, гармония семейных отношений. Подрыв ценностей приводит к Танатографии Эроса в авангарде в ситуации постмодерна за счет регрессии к пределам бессознательного. Они выводят за грань символического – к живому телу с его страданиями, ранами и увечьями, жаждой и голодом, конвульсиями, сексуальными импульсами... Трансгрессия культурного и живого тела подводит к пределу – к смерти, болезни, отходам и мусору, обнажая истину конечности человеческого существования перед лицом общественного забвения и соблазна [Бодрийяр, 2023].

Но в современной западной культуре существует и другой след мифологии психоанализа, составляющий основное течение. Эрос и Танатос, будучи ассимилированы и упрощены массовой культурой до имиджей и рекламных обращений, втягиваются в индустрию развлечений, систему купли-продажи. В качестве массового продукта потребления шок-ценности делают приемлемыми в обществе свободную любовь, неразборчивость, новую сексуальность (Эрос) и психоделический транс, сатанизм, агрессивный аморализм и извращения (Танатос). Благодаря рекламе и массовой культуре то, что было табуировано как иррациональная жизнь души в начале XX века, на рубеже XX–XXI вв. становится расхожим креативом, стимулирующим массовое потребление. Сублимация энергии инстинктов в символический обмен знаками, имиджами и образами привела к распространению мифологии сексуальности и агрессии в сфере массовых коммуникаций. А поскольку компенсация нереализованных желаний осуществляется в сфере символического, постольку возникает психическая импотенция в повседневной жизни, толерантность к любым перверсиям.

Отрицание социальных ролей женщины как навязанной конструкции приводит к элиминации гендерных особенностей и нарушению границ между полами. Отчуждение в современном обществе означает потерю индивидуальности. В этом отношении требования равенства между женщиной и мужчиной становится стремлением к уничтожению половых различий: «равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины» [Фромм, 2009, с. 117].

Реальные сексуальные влечения, связанные с соблазнением и романтическим флером, воспринимаются как насмешка в ответ на желание, вызванное фетишами, символическими объектами. Таким образом, в сфере сексуальности мы имеем дело со сценарием иллюзорного обладания, которое в действительности тяготеет к дистанцированности, недоступности и смерти [Эко, 2021, с. 339–340]. Более того, сексуальность в качестве нормальных отношений мужчины и женщины становится политическим инструментом преследования мужчин. Мифы психоанализа, втянутые в символический товарно-денежный обмен, не только подрывают культурные нормы и традиции, но служат инструментом дегуманизации западной цивилизации.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Метафора глаза. В кн.: Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., Мифрил: 91-100.
- Батай Ж. Из «Внутреннего опыта». Из «Слез Эроса» В кн.: Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., Мифрил, 1994: 223-244, 269-310
- Бодрийяр Ж. 2023. Общество потребления. М., Neoclassic, 320 с.
- Бретон А. 1999. Антология черного юмора. М., Carte Blanche, 544 с.
- Выготский Л. 2002. Искусство и психоанализ. В кн. Классический психоанализ и художественная литература. СПб., Питер: 349-368
- Гроф С. 1994. Области человеческого бессознательного. Данные исследований ЛСД. М., МТМ, 240 с.
- Зимин В. А. 2011. По ту сторону супружеской измены (на материале фильма Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами»). В кн.: Психоанализ и искусство. М., Когито-Центр: 36–59.
- Кристева Ю. 2003. Силы ужаса. Эссе об отвращении. СПб., Алетейя, 256 с.
- Лакан Ж. 2008. Изнанка психоанализа. Семинар: Книга XVII (1969-1970). М., Гнозис, 272 с.
- Лакан Ж. 2014. Психозы. Семинары. Книга III (1955-1956). М., Гнозис, 432 с.
- Лакан Ж. 2006. Этика психоанализа. Семинары: Книга VII (1959-1960). М., Гнозис, Логос, 416 с.
- Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. 2003. Психоделический опыт: Руководство на основе «Тибетской книги мертвых». Львов: Инициатива, Киев, Ника-Центр, 224 с.
- Маркузе Г. 2003. Эрос и цивилизация. М., АСТ, 528 с.
- Райх В. 2002. Пер Гюнт. В кн.: Классический психоанализ и художественная литература. СПб, Питер: 99–105.
- Спиркина Е. А. 2011. Психодинамика садомазохистских отношений (на материале фильма Бернардо Бертолуччи «Последнее танго в Париже»). В кн.: Психоанализ и искусство. М., Когито-Центр: 60–84.
- Фрейд З. 2023. Психоанализ культуры. М., 2023, 512 с.
- Фрейд З. 1995. Художник и фантазирование. М., Республика, 400 с.
- Фромм Э. 2009. Модель симбиотического единства неиндивидуализированной любви. В кн.: Инсталляция страсти: сборник произведений западных философов XX–XXI вв. М., Алгоритм: 117–124.
- Фромм Э. 2002. «Процесс» Франца Кафки. В кн.: Классический психоанализ и художественная литература. СПб., Питер: 130–140.
- Фромм Э. 2021. Эдипов комплекс: заметки по поводу случая Маленького Ганса. В кн.: Эдипов комплекс: мама я люблю тебя. М., Алгоритм: 237–245.
- Фромм Э. 2021. Гипотеза об инцесте и эдиповом комплексе. В кн.: Эдипов комплекс: мама я люблю тебя. М., Алгоритм: 258–269.
- Шень-Жандрон Ж. 2002. Сюрреализм. М., Новое литературное обозрение, 416 с.
- Эко У. 2021. С окраин империи. Хроники нового средневековья. М., АСТ, CORPUS, 480 с.
- Юнгер Э. 2012. Приближения. Наркотики и опьянения. *Сократ. Журнал современной философии*, 4: 85–89.
- Beguín A. 1937. L'âme romantique et le rêve. Vol 2. Paris, Corti, 413 p.
- Bourgeois L. 2012. The Return of the Repressed. London: Violette Editions. Vol. 2, 192 p.
- Lucie-Smith E. 1995. Art Today. Phaidon Press Limited, 512 p.
- Minsky R. Psychoanalysis and Culture. Contemporary States of Mind. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1998, 245 p.
- Parker I. Psychoanalytic culture: Psychoanalytic discourse in Western society. Sage Publications, Inc, 1997, 304 p.

References

- Barthes R. 1994. Metafora glaza [The Metaphor of the Eye]. In: Tanatografiya erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny XX veka [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the XX Century]. St. Petersburg, Publ. Mifril: 91-100.
- Bataille G. 1994. Iz «Vnutrennego opyta». Iz «Slez Erosa» [From "Inner Experience". From "Tears of Eros"]. In: Tanatografiya erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny XX veka [Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the Mid-Twentieth Century]. St. Petersburg, Publ. Mifril: 223-244, 269-310
- Bodrillard J. 2023. Obshestvo potrebleniya [Consumer Society]. Moscow, Publ. Neoclassic, 320 p.

- Breton A. 1999. *Antologiya chernogo yumora [An Anthology of Black Humor]*. Moscow, Publ. Carte Blanche, 544 p.
- Vygotskij L. 2002. *Iskusstvo i psihoanaliz [Art and Psychoanalysis]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical psychoanalysis and fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 349-368.
- Grof S. 1994. *Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo. Dannye issledovanij LSD [Areas of the human unconscious. Data from LSD studies]*. Moscow, Publ. MTM, 240 p.
- Zimin V.A. 2011. *Po tu storonu supruzheskoj izmeny (na materiale fil'ma Stenli Kubrika «S shiroko zakrytymi glazami») [Beyond adultery (based on Stanley Kubrick's film "Eyes Wide Shut")]*. In: *Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and art]*. Moscow, Publ. Kogito-Centr: 36-59.
- Kristeva YU. 2003. *Sily uzhasa. Esse ob otrashchenii [Forces of horror. Essay on disgust]*. St. Petersburg, Publ. Aletejya, 256 p.
- Lacan J. 2008. *Iznanka psihoanaliza. Seminar: Kniga XVII (1969-1970) [The other side of psychoanalysis. Seminar: Book XVII (1969-1970)]*. Moscow, Publ. Gnozis, 272 p.
- Lacan J. 2014. *Psihozy. Seminary. Kniga III (1955-1956) [Psychoses. Seminars. Book III (1955-1956)]*. Moscow, Publ. Gnozis, 432 p.
- Lacan J. 2006. *Etika psihoanaliza. Seminary: Kniga VII (1959-1960) [The Ethics of Psychoanalysis. Seminars: Book VII (1959-1960)]*. Moscow, Publ. Gnozis, Logos, 416 p.
- Liri T., Metcner R., Olpert R. 2003. *Psihodelicheskiy opyt: Rukovodstvo na osnove «Tibetskoj knigi mertvyh» [The Psychedelic Experience: A Guide Based on the Tibetan Book of the Dead]*. L'vov, Inicijativa, Kiev, Nika-Centr, 224 p.
- Marcuse G. 2003. *Eros i civilizaciya [Eros and Civilization]*. Moscow, Publ. AST, 528 p.
- Reich W. 2002. *Per Gyunt [Peer Gynt]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical Psychoanalysis and Fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 99-105.
- Spirkina E.A. 2011. *Psihodinamika sadomazohistskih odnoszenij (na materiale fil'ma Bernardo Bertoluchchi «Poslednee tango v Parizhe») [sychodynamics of Sadoomasochistic Relationships (Based on Bernardo Bertolucci's Film "Last Tango in Paris")]*. In: *Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and Art]*. Moscow, Publ. Kogito-Centr: 60-84.
- Freud S. 2023. *Psihoanaliz kul'tury [Psychoanalysis of Culture]*. Moscow, Publ. 2023, 512 p.
- Freud S. 1995. *Hudozhnik i fantazirovanie [The Artist and Fantasy]*. Moscow, Publ. Respublika, 400 p.
- Fromm E. 2009. *Model' simbioticheskogo edinstva neindividualizirovannoj lyubvi [A Model of Symbiotic Unity of Non-Individualized Love]*. In: *Installyaciya strasti: sbornik proizvedenij zapadnyh filosofov XX-XXI vv. [Installation of Passion: A Collection of Works by Western Philosophers of the 20th–21st Centuries]*. Moscow, Publ. Algoritm: 117-124.
- Fromm E. 2002. *«Process» Franca Kafki [Franz Kafka's "The Trial"]*. In: *Klassicheskij psihoanaliz i hudozhestvennaya literature [Classical Psychoanalysis and Fiction]*. St. Petersburg, Publ. Piter: 130-140.
- Fromm E. 2021. *Edipov kompleks: zametki po povodu sluchaya Malen'kogo Gansa [The Oedipus Complex: Notes on the Case of Little Hans]*. In: *Edipov kompleks: mama ya lyublyu tebya [The Oedipus Complex: Mom, I Love You]*. Moscow, Publ. Algoritm: 237-245.
- Fromm E. 2021. *Gipoteza ob inceste i edipovom komplekse [The Hypothesis of Incest and the Oedipus Complex]*. In: *Edipov kompleks: mama ya lyublyu tebya [The Oedipus Complex: Mom, I Love You]*. Moscow, Publ. Algoritm: 258-269.
- Chenieux-Gendron, J. 2002. *Surrealizm [Surrealism]*. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p.
- Eko U. 2021. *S okrain imperii. Hroniki novogo srednevekov'ya [From the Outskirts of the Empire]*. Moscow, Publ. AST: CORPUS, 480 p.
- Junger E. 2012. *Priblizheniya. Narkotiki i op'yanieniya [Approximations. Drugs and Intoxications]*. *Sokrat. Zhurnal sovremennoj filosofii*, 4: 85-89.
- Beguin A. 1937. *L'âme romantique et le rêve. Vol 2. Paris, Corti.*
- Bourgeois L. 2012. *The Return of the Repressed. London: Violette Editions. Vol. 2, 192 p.*
- Lucie-Smith E. 1995. *Art Today. Phaidon Press Limited, 512 p.*
- Minsky R. *Psychoanalysis and Culture. Contemporary States of Mind. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1998, 245 p.*
- Parker I. *Psychoanalytic culture: Psychoanalytic discourse in Western society. Sage Publications, Inc, 1997, 304 p.*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 18.04.2024

Поступила после рецензирования 18.07.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received April 18, 2024

Revised July 18, 2024

Accepted August 30, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пігулевський Віктор Олегович, доктор філософських наук, професор кафедри гуманітарних дисциплін, ректор, Южно-Російський гуманітарний інститут, г. Ростов-на-Дону, Росія.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Victor O. Pigulevskiy, Doctor of philosophy, Professor of the Department of Humanities, Rector, South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7937-9436](https://orcid.org/0000-0001-7937-9436)

Мирская Людмила Анатольевна, доктор філософських наук, професор кафедри гуманітарних дисциплін, проректор, Южно-Російський гуманітарний інститут, г. Ростов-на-Дону, Росія.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)

Ludmila A. Mirskaya, Doctor of philosophy, Professor of the Department of Humanities, Vice-Rector, South-Russian Humanitarian Institute, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-8043-5068](https://orcid.org/0000-0002-8043-5068)

УДК 141.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-428-438

«Кантианские вариации» М. Мамардашвили: специфика текста и мысли

Устименко Д.Л.

Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики
Россия, 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, д. 62

UstimenkoD2006@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена оригинальная специфика текста, в котором философия Канта продумывается на особом языке, в реестре новых понятий. Подчеркнута основательная подготовленность Мамардашвили к изложению своих «Вариаций», выраженная в твердой концептуальной позиции по многим аспектам кантовского учения. Учение Канта у Мамардашвили уверенно приводится к онтологии События, имеющей ценность в современной философии. В исследовании раскрыты основные темы «Вариаций»: личность Канта, проблема морали, интуиция свободы, теория разума, вопросы формы и синтеза опыта, проблема времени и единственности, абсолютное соответствие трансцендентального сознания и эмпирического мира. Показано, что возможность совпадения чистого и эмпирического сознания осуществляется Мамардашвили через образ ленты Мебиуса. В целом мы высоко оцениваем «Кантианские вариации» Мамардашвили, в которой осуществлена редкая попытка целостного продумывания сложной кантовской онтологии.

Ключевые слова: Мамардашвили, Кант, язык, разум, свобода, онтология

Для цитирования: Устименко Д.Л. 2024. «Кантианские вариации» М. Мамардашвили: специфика текста и мысли. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 428–438. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-428-438

"Kantian variations" by M. Mamardashvili: The Specifics of the Text and Thought

Ustimenko D.L.

North-Caucasian branch of Moscow Technical University of Communications and Informatics,
62 Serafimovicha St, Rostov-on-Don 344002, Russian Federation

UstimenkoD2006@yandex.ru

Abstract. The original specificity of the text is considered, in which Kant's philosophy is thought through in a special language, in a register of new concepts. Emphasized, that Mamardashvili's thorough preparation for the presentation of his "Variations", expressed in a firm conceptual stance on many aspects of Kant's teaching. Kant's teaching in Mamardashvili is confidently reduced to the ontology of the Event, which is valuable in modern philosophy. The study reveals the main themes of "Variations": Kant's personality, the problem of morality, the intuition of freedom, the theory of reason, questions of form and synthesis of experience, the problem of time and uniqueness, the absolute correspondence of transcendental consciousness and the empirical world. It is shown that the possibility of coincidence of pure and empirical consciousness is realized by Mamardashvili through the image of the Mobius strip. In general, we highly appreciate Mamardashvili's "Kantian Variations", which makes a rare attempt at holistic thinking through a complex Kantian ontology.

Keywords: Mamardashvili, Kant, language, reason, freedom, ontology

For citation: Ustimenko D.L. 2024. "Kantian variations" by M. Mamardashvili: The Specifics of the Text and Thought. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 428–438 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-428-438

Введение. Историография исследования

Среди мэтров отечественной философии второй половины XX века особое место занимает Мераб Мамардашвили. Историки советской философии в своих исследованиях уделяют ему особое внимание [Мотрошилова, 2012]. Уникальность и притягательность мысли М. Мамардашвили известна, и нам хотелось бы продемонстрировать ее на примере его работы «Кантианские вариации». Однако на пути к экспликации его мысли предстоит текст, которому в историографии «по Мамардашвили», как нам кажется, уделяется излишне большое внимание. Вопрос, поднятый в работе «Философский текст: идеи, аргументация, образы» А.П. Алексеевым: «А что же текст? Если до него и доходит очередь, то эта очередь последняя. В культуру "внедряются" идеи философа, а не текст философского произведения» [Алексеев, 2006, с. 226], к М. Мамардашвили имеет избыточное отношение. Большинство работ, посвященных анализу «Кантианских вариаций», практически не затрагивают глубинности конкретных проблем кантовской философии, пусть и в интерпретации Мамардашвили, зато почти всецело нацелены на интерпретацию «оригинальной» формы мышления философа. В таком ключе написаны статьи В. Васильева «Размышления о “Кантианских вариациях”» [Васильев, 1999], Н.В. Пашковой «“Кантианские вариации” как поле осознания себя через другого в контексте понимания философии М.К. Мамардашвили» [Пашкова, 2019], Н.О. Балаева «Форма анализа Кантовского наследия в метафизике Мамардашвили» [Балаев, 2011], Н.В. Мотрошиловой «Символика трех “К” (Картезий, Кант, Кафка) в философии Мераба Мамардашвили» [Мотрошилова, 2010]. Текстологический подход доминирует и в работе Е.В. Бакеевой «Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили» [Бакеева, 2017]. При этом главное, сама идейно-теоретическая часть мышления Мамардашвили, собственные узловые моменты осмысления им Канта, если затрагиваются, то вскользь.

В отношении Мамардашвили, который жил не теориями, но самими вещами, излишняя акцентуация вопроса текста, или даже – характера и стиля устного изложения философии, не вполне справедлива. В то же время способ мышления и текст Мамардашвили специфичен и, естественно, заслуживает особого слова.

Специфика текста «Кантианских вариаций» Мамардашвили

«Кантианские вариации» – текст живой, в котором слова, термины и тезисы все время ищут себя. Конечно, за сыростью языка просматривается ясная – продуманная (и эту работу важно видеть и понимать) – интуиция М. Мамардашвили, но выражает он ее постепенно, педагогично заводя слушателя в потаенные уголки кантовской философии. Правда, это заведение осуществляется не в логике кантовской терминологии, а в специальном своем и простом, и одновременно сложном метаязыке, на котором отечественный мыслитель, проникшись, понял и для себя проинтерпретировал И. Канта. Текст наполнен постоянными ссылками на примеры, рефлексиями, перепроговорами. Не исключено, что такое изложение действительно схватывает глубину кантовского мышления, как, впрочем, и то, что в нем И. Канту приписывается нечто неаутентичное его мысли, что в нем М. Мамардашвили косвенно, «конгениально» продумывает и свое философское видение. В этом ведь и есть смысл философской деятельности. Но беглое знакомство с текстом вариаций может как зацепить теми или иными фрагментами, так и оттолкнуть нудными и вязкими рассуждениями. На наш взгляд, он отражает главные проблемы кантовской философии. При обстоятельном его рассмотрении можно найти довольно красивый единый интуитивно-концептуальный подход к пониманию И. Канта, хотя и не со всеми акцентами и выводами мы можем согласиться.

Известно, что «Кантианские вариации» – это текстуально обработанные лекции М. Мамардашвили, которые он прочитал 1982 году в Институте общей и педагогической психологии. Можно предположить, перед женской аудиторией. Не вызывает сомнения

демонстрация силы мужской мысли, зачарованность слушательниц перед событием свершения живого мышления. На протяжении пятнадцати лекций происходило упрощение, разъяснение философии И. Канта – в одном напряженном, терминологически насыщенном движении слова. Перед нами пример того, как нужно читать лекции. Порой вовлечение слушателя в живую среду мысли и только в ней – в понимание, тяжелая актуализация мышления, привитие любви к нему оказываются ценнее формальных лекционных перечислений, за которыми не ощущается экзистенции. Об этой особенности Ю.П. Сенокосов замечал: «Насколько я понимаю этого уникального философа, его всегда волновал (в качестве именно философа) единственный вопрос: как можно помыслить то, чем мыслишь? Или подумать то, чем думаешь?..» [Сенокосов, 1992, с. 4].

Этим и отличается М. Мамардашвили – неформальным отношением к мысли, в которой за скрупулезной работой над историко-философскими текстами, поиском адекватности, стремлением к синтезу, приведением разрозненных высказываний к единым источникам философского узрения просвечивают всегда важные психологический и мировоззренческий подтексты. Осмысление личностного компонента, «настроения души» для М. Мамардашвили являлось не внешним, а подлинным началом понимания, ключом к разгадке философии Канта. Однако можно только представить, о чем он и сам оговаривает, какой разрыв образует найденное понимание и – необходимость его изложения. «Работая с Кантом, мне пришлось сделать много письменного текста, и он очень сильно мне мешает, потому что это две совершенно разные вещи – строить текст и рассуждать перед вами» [Мамардашвили, 1997, с. 233]. Еще раз отметим, понять и оценить текст может только квалифицированный философ, уже разбирающийся в нюансах философии И. Канта. Возвращения, отвлекающие примеры, введение собственных понятий, определенная непоследовательность в плане доведения мысли до понятного тезиса, отсутствие разового понятийного представления всех слоев кантовской конструкции, растягивание, детализация той или иной интуиции, которая уже теряет свои очертания. И это при том, что производится постоянное формулирование, синтезирование. Можно сказать, что текст не доведен до конца. Его нужно домысливать. Аналитический компонент в нем затеняет синтетический, из-за чего теряется искомая цельность и завершенность. Несмотря на это, в последних лекциях М. Мамардашвили пытается очертить контуры «онтологии» И. Канта, сосредоточиться на проблеме Актуальности опыта.

Что касается содержательной стороны. Здесь можно выделить несколько блоков, акцентуируемых М. Мамардашвили. Первый из них – описание характера и исходного воззрения И. Канта. Отмечается «натуральность» его мышления, не до конца себя понимающее, всегдашнее осознание им чудесности события души человека, вежливость, умалчивание о себе, космополитичность, сознание своей принадлежности к духовной жизни Европы, чувство своей абсолютной обязанности просвещать юношество. «Кант человек абсолютной – как тонкая бумага трепещет на ветерке – живости и восприимчивости, впечатлительности и способности представить и вообразить» [Мамардашвили, 1997, с. 18]. В Канте М. Мамардашвили усматривает «чувство полноты», требующее напряжения в качестве условия переживания, предшествующего эмпирическому событию. Это видится нервом философии И. Канта: «Она резюмирована мотивом вяжущей силы самопознания, которая стягивает в некоторую точку полного чувств человека как событие в мире, событие отнюдь не само собой разумеющееся» [Мамардашвили, 1997, с. 19]. В этой связи утверждается, что у И. Канта нет системы, а есть размышление о возможности философии, ее средствах, языке, органическое «раскручивание какой-то бесконечной, но одной ленты» [там же, с. 14], в рамках которой все три Критики нужно рассматривать как единое целое. И признание-восхищение: «Чем лучше понимаешь Канта (если повезет), тем меньше понимаешь, как можно было все это сделать трудом жизни и мысли одного человека» [Мамардашвили, 1997, с. 29].

Значение этики Канта

Важным блоком рассмотрения И. Канта, проводимым вдоль всех лекций, является религиозно-этическая тема. По М. Мамардашвили, немецкий философ – глубоко верующий человек. И в то же время он человек, ярко осознающий абсолютную безотносительную свободу человека. Она вменяется И. Канту в качестве ключевой интуиции, обуславливающей этическую жизнь практического разума. В данной связи приводятся такие слова: «Упование на Бога настолько абсолютно, что мы не можем вовлекать надежду на него ни в какие свои дела» [Мамардашвили, 1997, с. 21]. Удивительная, хотя и парадоксальная мысль. Есть в ней истина, но ведь суть веры в пропорциях, в акцентах, в догматизме акта богопознания. Апофатическое смещение в сторону человека очевидно секуляризирует мысль, сохраняя деистическое мировосприятие. Бог уводится из орбиты жизни человека. М. Мамардашвили, не замечая этих мировоззренческих нюансов, проводит апологию идеи самоданной свободы своего героя, цитируя и такие слова: «Только потому, что вера абсолютна, мы не должны верить и надеяться; только потому, что вина полная, а не частичная, конкретная, – мы свободны, то есть вменяемы и ответственны... мы последние глупцы и язычники, если пытаемся вовлечь Бога в свои дела. Не там Бог!» [Мамардашвили, 1997, с. 22]. Именно из такого разграничения М. Мамардашвили фиксируется вся этика И. Канта: только потому, что мы не боги, не святые, мы можем быть нравственными, моральными. Человеку как бы вменяется своеобразное равенство с Богом. Не нужно все перекладывать на Бога или на кого-либо еще. В самом человеке есть абсолютное чистое понимание нравственного закона, совесть, долг (синонимы). В реальной жизни этот закон не реализуется, но он есть во внеэмпирическом интеллигибельном сознании человека. Всякое желание оправдания, скрывание себя от собственной возможности нравственности есть «гримаса». Религия, церковь, в принципе, тоже гримасы. «Зачем они, когда есть нравственное чувство», – приводятся слова Канта [Мамардашвили, 1997, с. 23]. Оно есть у каждого человека априорно – нужно жить согласно ему, беря ответственность только на себя. Эта базовая идея либерализма, можно сказать, поддерживается М. Мамардашвили, но повторим, при этом не осознается вся реальная невозможность ее исполнения без реальной силы Божией, не осознается глубокая поврежденность человеческой души. Получается, кантовская этика, хотя и усмотрела в душе подлинную предпосылку нравственной жизни, требуя от человека собственного свободного усилия в выборе добра, и в этом ее несомненная правда, поскольку данная предпосылка является реальной, внутренне сознаваемой силой, но – и это признает сам «бескорыстный» И. Кант – в жизни не осуществима. Однако, и это видно уже из отсутствия замечаний, М. Мамардашвили, верный своему советскому воспитанию, восхищается этикой Канта, тем более что она наполнена разъяснениями таких очаровательных категорий, как «освобождение» [Мамардашвили, 1997, с. 23, 258]; «человек света» [там же, с. 24]; «характер» [там же, с. 43–46]; «мораль – это мораль в тебе, а не моральное побуждение» [там же, с. 25]; «целомудрие» [там же, с. 27]; ненависть к «химере излишества» [там же, с. 29], к «хитрости рассуждения» (в том числе вовлекать в свои дела высшее существо) [там же, с. 31]; «каждый раз начинать заново» [там же, с. 33]; «ответственность» [там же, с. 268–269]; «откровение» о своем присутствии в чистом пространстве мысли, являющееся условием понимания мира, морали, в том числе Евангелия, а не наоборот [там же, с. 40]; «внезапная индивидуализация характера нравственного мира» [там же, с. 45]. Именно априори открывая в себе эти категории – категорический императив – в качестве реальности понятия свободы человек проникает «к познанию вещей в себе, то есть сверхчувственного, Бога и бессмертия» [там же, с. 52]. Нравственность вне времени, и это тавтология, внутри которой мы всякий раз находимся. Сердце, добро – уже. «Речь идет о несомненности внутреннего воздействия, для нас непостижимого и в этом смысле сверхъестественного» [Мамардашвили, 1997, с. 57]. Феномен совести мы усматриваем априори, независимо от фактов. В фактичности –

он проявляется в смешении. То же и со свободой: именно она «оказывается необходимой практической предпосылкой... только руководствуясь которой я и могу рассматривать явления разума как действительные» [Мамардашвили, 1997, с. 113]. Это же относится и к чистой воле, искренней дружбе, нравственности. Этическая сфера у И. Канта вне обоснования – ее реальность констатируется пониманием. Более того, для многомерной философской проблемы оснований именно эта «этико-религиозная» реальность свободы признается предпосылочным, окончательным и далее неразложимым основанием.

В то же время М. Мамардашвили открывает в мысли И. Канта какую-то невероятную парадоксальность, едино-двойственность. С одной стороны, сфера морали открывается там, где нет причинных терминов, нет терминов ряда «для чего», «почему» и так далее. «Мы люди тогда, когда мы внутри онтологических тавтологий, или тавтологий существования и понимания, – вопреки всем силам природы и потокам естественной необходимости» [Мамардашвили, 1997, с. 272]. С другой стороны, из глубины целостного представления кантианского понимания разума М. Мамардашвили делает одно показательное замечание: детерминизм предполагает свободу, категория причинности вырастает из интуиции абсолютной свободы. Знание детерминизма является условием, на котором «возможно свободное действие в мире или свободная причинность» [Мамардашвили, 1997, с. 294].

Проблема сознания

Центральным блоком рассмотрения предстает у М. Мамардашвили опыт восприятия, сознания, знания. Осуществляется он, как замечает и В. Васильев, вне сложной конструкции «Критики чистого разума», хотя мы не согласимся с автором, что «Кантианские вариации» избегают «технических» проблем основной работы [Васильев, 2017, с. 177]. Как часто бывает, скрупулезное рассудочное знание всех разделов «Критики...» и при этом – невидение целого. У Мамардашвили в примате целое, что, на наш взгляд, намного дороже. Познание по Канту определяется им в соответствии с первичностью морали, из пространства свободы, из «моего» метафизического мира, независимого ни от какого эмпирического содержания. Сознание относится к этой твердой, устойчивой области свободы, от которой зависит все остальное. «Весь последующий, эмпирический опыт есть опыт зависимого мира. А этот опыт – опыт независимого мира» [Мамардашвили, 1997, с. 61]. М. Мамардашвили подчеркивает, что кантовская проблематика рождается из преодоления предшествующей метафизики, скажем точнее, механицизма, испарившего мир и познающего, нравственного человека в знании, в «божественном сновидении».

Для Мамардашвили у Канта принципиально то, что знание не замкнуто в себе, а должно расширяться. «Расширение» – ключевой проблемный контекст. Как возможны синтетические суждения априори: – существенная проблема – не призрак ли я в этом мире? Такое «расширение» [Мамардашвили, 1997, с. 50, 75, 205] осуществляется И. Кантом не только вовне, через трансценденцию к реальности внешнего мира, но и вовнутрь: экспликация трансцендентального измерения сознания – это внутреннее расширение души. Пространство и время являются базовыми элементами этого измерения.

Итак, «расширение» предполагает, впервые открывает и узаконивает и наше уже «пространственное» существование среди конкретных событий и явлений, уясняющихся как сущих на самом деле, и – одновременно – предполагает «наши» условия их понимания. В этой интуиции М. Мамардашвили видит источник разработки И. Кантом трансцендентального анализа. Все, что есть в мире, имплицировано в чистом разуме, на уровне принципов, несущих в себе абсолютную предрасположенность к любой возможной эмпирической реальности и истории, но не предопределяющего ее. Конкретная композиция события (опыта) вершится в обязательном взаимодействии

внешнего и внутреннего. «Вся философия Канта... является решением одной проблемы – синтеза» [Мамардашвили, 1997, с. 75]. Чисто априорный анализ разлагает живое явление. Элемент внешнего, незнаемого – обязателен. Отмечая у Канта совершенную инородность рассудка и чувственности (души и тела), М. Мамардашвили осмысляет искомый синтез через понятия идеальное и эмпирическое (физическое). «Проблема Канта в том и состоит, чтобы понять и удерживать это вместе. А понять сложно. Мы включены во взаимодействие мира как существа, которые одновременно мыслят в терминах вневременных и внепространственных сущностей и в то же время индивидуализируют их, конкретизируют их в эмпирических пространственно-временных локализациях» [Мамардашвили, 1997, с. 81]. Это опытный принцип, при котором, цитируется И. Кант, нужно с толком сумасшествствовать (!).

Синтез невозможен, но он есть. Для объяснения соединения в Вариациях выделяется базовое понятие – «форма». Она есть «возможность связи». Кант «держит духовное ощущение формы» [Мамардашвили, 1997, с. 85]. «Форма, – пишет М. Мамардашвили, – это то, что со-держит. Так же как хорошо скованный обруч со-держит. Форма есть некоторое со-пряжение или такое напряжение, что оно может держать» [Мамардашвили, 1997, с. 87].

Специфика познания в том, что умственность, знание, хотя и аффицируется извне, но имеет место только из и на собственных субъективных основаниях. Познать можно только то, что уже вложено в понимание. А что мы в него вкладываем? Чем, какими категориями наполняется этот зазор? Здесь нельзя не учитывать исторический контекст, который М. Мамардашвили пытается не замечать, целиком доверяясь И. Канту. Оказывается, законы, закономерности, детерминации, причинно-следственные связи – вот необходимые, имеющие «трансцендентальное» измерение понятия, которые всеми людьми общезначимо вкладываются в познание. «Причинная связь» – сам язык деобязывает к такой концептуализации. Идея детерминизма проскальзывает в «Кантианских вариациях» неоднократно в связи с идеями свободы, спонтанности, согласованности опыта, но не получает очертаний, между тем как она, на наш взгляд, представляется существенной в понимании И. Канта.

Позволим себе реплику. Признание детерминизма на таком высшем разумно-законодательном уровне осмысления – это не безобидная категория. Она означает жесткую причинно-следственную связность явлений. То, что свобода возможна через противоположение детерминизму, не значит, что они как-то спаяны, сопряжены, взаимообусловлены. Введение самого принципа детерминизма – категории причинности в систему рассудка – это абсолютно необязательная вещь, которая Кантом «трансцендентально» обосновывается, естественно, как обязательная. Такое легкое или сверхзапутанное опровержение Д. Юма, отвергавшего необходимость причинной связи, является специальным, сознательным, авантюрным, и за всей мощью «Критики чистого разума» – это самый из самых ключевых моментов, не замечаемых в учебниках. Это то, ради чего писалась Критика – обоснование истинности ньютоновской философии природы, незыблемости жестких законов причинности. Кант был убежденным сциентистом, ньютонианцем. При детерминизме, если, конечно, это понятие применяется не в фигуральном смысле, нет места ни чуду, ни Богу, ни иной смысловой открытости. В этом деизме, антиномизме, заключена вся теоретическая и практическая специфика западной онтологии и антропологии. Только в XX веке впервые осуществляется преодоление этого грубого логического рационализма. Рациональность понимается уже в качестве живого, отражающего саму жизнь, непредсказуемого смыслового потока с его «мотивациями» (это понятие заменяет «детерминации»), флуктуациями, возможностями, свободой и при этом – не менее «твердо», трансцендентально.

Проблематика «формы» связывается М. Мамардашвили и со словом *civitas*, или гражданственность, с вежливостью, цивилизованностью, этикой, красотой.

Подчеркивается, что форма, в том числе в сфере познания, все эти многоэтажные синтезы ни откуда не возникли, они просто есть в виде невидимой идеальной – чистой – данности. Впрочем, как ни странно, М. Мамардашвили, симпатизируя феноменологии, не настаивает на радикализме понимания Кантом категории «чистоты», различия между идеальным и реальным в познании. Значимость сознания «идеальной сущности» мышления и принятие «факта», «чуда» «переживания идеального в реальном акте» [Гуссерль, 2011, с. 167] не значима для Мамардашвили. В «Вариациях» это онтологическое различие объявляется гносеологическим. А онтология понимается в рамках смешения, двуединства, непрерывного взаимоперехода этих сфер. То есть откровенно – в пантеистическом, материалистическом ключе. Его объяснение: эти сферы уже «синтезированы» в форме. Форма – это и есть автономный, мыслящий сам себя разум.

Действительно, это базовая интуиция Канта, о чем он и писал в 1776 году Герцу: «Вы ведь знаете, что сфера разума, выносящего свои суждения независимо от каких-бы то ни было эмпирических принципов, то есть сфера чистого разума, должна быть доступна нашему умственному взору, так как она априорно находится в нас самих и не связана с какими-то ни было открытиями, полученными посредством опыта» [Кант, 1994, с. 503]. Но при этом Кант не выясняет и нигде не подчеркивает онтологический статус «чистого» разума, его специфически онтологическое отличие от разума эмпирического. Эта проблема остается в тени и у Мамардашвили. Разум, говорит он, нельзя понимать независимо от опыта, от индивидуализации. Разум и есть и – нет разума. Возможность опыта (разум) и есть закон мира, опыта. «Мы уже внутри полностью определенного индивида» [Мамардашвили, 1997, с. 145]. А индивид и есть явленность, так-то и так-то нечто сложившееся, им может быть целый мир. Производится как бы полное снятие внутреннего (разума) и внешнего (вещи в себе) и сосредоточение на «индивиде» (М. Мамардашвили почему-то редко использует слово «явление», «индивидуализация»). По Мамардашвили, нельзя думать, что априорная разумная субъективность как бы извне накладывает свои «рамки» на вещь. Нет. «Разум, – говорит он, – лежит как раз в этой необратимой области порождения самим миром условий извлечения опыта относительно этого мира. Что означает, что он содержит в себе ядро чего-то безусловного, определяющего, но не определяемого, чего-то, что не может быть объектом и является, следовательно, областью беспредметного мышления. Область необратимости есть одновременно разум в области необратимого, где мысль не есть ни один из предметов – ни то, ни то, ни то...» [Мамардашвили, 1997, с. 145]. Разум понимается медиумом, сверхчувственной невидимой материей, «трансцендентальной материей явлений» (словосочетание самого И. Канта) – это «всеохватывающий, всепроникающий элемент», «то самое Одно, которое обсуждал Платон» [там же, с. 146]. Специфично, что у этого «разума-индивида» (разума-явлений) есть рефлексия, понимание своих средств-сил. В этом моменте у М. Мамардашвили проскальзывает мысль о человеке-боге (понятно, он говорит в других неочевидных категориях), через которого само истинное божественное Бытие проявляет себя.

От себя заметим, что данная интуиция действительно может быть извлечена особенно из третьей Критики Канта, но она Страшная. Магическая. Она еще нуждается в глубоком религиозно-философском прояснении. То есть красота твоего ума и объективная красота (в том числе, законы природы) мира совпадают. Твой разум встречается с таким же разумом со стороны природы: свершается надвижение друг на друга двух одинаковых миров истин. Истинное смыкается из двух своих же различностей. Разум человека и разум «природы» (Бога, вещи-в-себе) совпадают, отождествляются. Или, по-другому, человеческий разум и есть предельный Разум мира, по-сути Бог. Душа – своего рода монада (по И. Канту, она, можно сказать, с окнами, вяжет разнородное). Или: ты просто «медиум», через тебя событийствует Сам Бог. А ведь эта интуиция продумывалась

и Вл. Соловьевым, развивалась С. Франком, понималась М. Хайдеггером. И удивительно, что М. Мамардашвили доходит до этих предельностей, но не доводит их до конца. Ведь его нелюбимый Г. Гегель, а до него и Ф. Шеллинг, говорят об этом же, но уже прямо, не иносказательно. Не об этом же самом говорит и сам Кант. Не встроены ли теологический рационализм во внутрь его философии, явившись по выше оговариваемым причинам (Бог – не человек) предметом различной критики, например, Л. Фейербаха, С. Кьеркегора. Предельная религиозная интуиция Канта в том, что разум автономен, все в себе содержит, в том числе обеспечивает возможность религии откровения. Уже при жизни обвиненный в антихристианских идеях, свои воззрения он тезисно излагает королю [Кант, 1994, с. 560–563].

М. Мамардашвили замечает: «В каждое мгновение я думаю что-то окончательное. Это одновременно и срез решения, выбора, волевой срез, или, если угодно, экзистенциальный» [Мамардашвили, 1997, с. 154]. Подчеркивается, что И. Кант преодолевает пассивный субстанционализм новоевропейской философии, открывая счастье наглядности, конечного познания, ограничения, выбора, трансцендирования. В темпоральном аспекте познание свершается в единый миг настоящего. Время и есть миг – «не временная последовательность, не временное течение, а миг, когда я что-либо понимаю» [Мамардашвили, 1997, сс. 183, 185, 194]. Он смещается, но он все время разный.

Онтология События

Последние лекции вариаций – итоговый блок, который мы могли бы выделить и который удачно демонстрирует теоретическую кухню философского мирозерцания самого Мамардашвили, – сосредоточены на экспликации проблемы онтологии, решаемой через разноуровневое прояснение опыта события. Событие – сквозное понятие Вариаций. «Событие... есть интеллигибельная материя – когда нечто, расположившись как материя, одновременно не требует никакого дополнительного ее понимания, а само является пониманием. Таким свойством у Канта обладают: с одной стороны, идеи, с другой – пространственно-временные созерцания» [Мамардашвили, 1997, с. 204]. И оно есть в единственном виде самоприсутствия и самоопределения «структуры мира». Кант запрещает здесь удвоение времени и мира. Иначе нужно было бы мыслить еще одно время, кроме того, которое определяет формальное условие нашего внутреннего опыта. Уникальность единственности «события» – популярная тема современной философии, связываемая с так называемой метафизикой фактичности, которую продумывал еще один мэтр советско-российской философии В.В. Библихин.

В качестве подходящего примера для объяснения онтологии опыта (познания, события) И. Канта, касающегося все того же различия между идеальным и реальным, М. Мамардашвили использует ленту Мебиуса. Через него делается попытка объяснения «синтеза», соединение несоединимого. Лента бесконечная, двусторонняя, в ней замыкаются противоположности, минимум и максимум, причем в некоей круговой непосредственности. Должна быть гармония, согласование, целесообразность между чувственными восприятиями и пониманием. И эта упорядоченность должна случиться на уровне сознания. Причем без удвоения! Это принципиально. В этом контексте рассуждений напрашивается параллель с Л. Витгенштейном: осознав языковую картину мира, нужно отбросить лестницу философской рефлексии.

М. Мамардашвили говорит, что событие в своей истине (Бытие, существование) не может быть сделано предметом мышления, но оно лишь «ухватывается» нами как независимая от нас сила, действующая в нас самих и проявляющаяся в нас расширением. Событие осмысливается также в категориях «суждения», «умственности», «гениальности», «эстетизиса», действия которых нужно понимать всегда конечно, конкретно. Нельзя бесконечно удваивать образ самих себя в предметах. Но не в этом ли маленьком

недостатке подвисает как раз философия? «Я мыслю» – это не субстанция, а лишь форма мышления, сочлененная с созерцанием, знанием и незнанием, эмпирическим и вневременным. Единственное, что остается – это понимание уже случившейся гармонии, предсогласованности, сообщенности всех субстанций в едином континууме пространства-времени. Если принять эту аксиому уже-согласованности, то вопрос об интересубъективности предстанет псевдопроблемой. В контексте этой «онтологической» мысли трансцендентальная философия есть, как говорит М. Мамардашвили, «язык» выражения явлений мира. Мир должен быть правильно выражен на языке философии, иначе он останется немым. «Поэтому у Канта везде уравнивается вещь в себе с субъектом... с внутренним, духовноподобным» [Мамардашвили, 1997, с. 250]. Событие познания осуществимо лишь в выражении индивидуации, артикулированной пространственно и посредством языка.

Истина и язык философии

Тема языка – завершающая в «Кантианских вариациях». Как понять, что трансцендентальное сознание есть язык бытия мира? Дело в том, что оно осознается чем-то единым и тождественным, предполагающим в себе на логическом уровне все возможное множество перцепций и дифференциаций реальности, и одновременно сознается частью любого опыта. Трансцендентальный разум заключает настолько много, что не нуждается даже в Откровении, «в добавлении влияния еще какого-либо чисто духовного естественного существа», Бога [Мамардашвили, 1997, с. 257].

Кант, согласно М. Мамардашвили, как бы разорвал магический субстанционализм и сделал жизнь открытой, новой. «Повторяю, вся сила мысли Канта, все построения его сложнейшего технического аппарата, сложнейшей системы понятий появились для того, чтобы расцепить то, как мы прилепились к миру, считая, что наши человеческие представления и есть мир сам по себе» [Мамардашвили, 1997, с. 259]. Отсюда и онтология как подлинная «бытийно упорядоченная» реальность, к которой принадлежит и «я» человека. Свое место он не знает точно, но всегда ищет.

М. Мамардашвили пишет и о «символических, косвенных понятиях», и о «онтологических абстракциях порядка» (идеалы, ценности), и, главное, об «актуальности» сознательной жизни, причем именно «трансцендентальное есть чистая форма всякой актуальности, актуальности источника» [Мамардашвили, 1997, с. 288]. Трансцендентальные формы созерцания, можно сказать, забегаая вперед и встречая (для себя все время требуется домысливание и доформулирование фраз самого Мамардашвили) независимую от человека среду явления, открывают «место» мыслительным актам, на которых последние только и выполняются. В этой онтологической точке явления согласованы «истина», «красота» и «благо» (в античном первоизданном смысле): «В ядре философского мышления действительно сочленены, соединены эти три, казалось бы, совершенно различные вещи <...> Красота – наглядно зримая явленность истины; истина, которая наглядно явлена материальным расположением, есть прекрасное. Все три термина – истина, добро, красота – являются свойствами того, что вслед за Кантом я называю самоподдержанием разума» [Мамардашвили, 1997, с. 294 – 295].

На этом лекции завершаются. И мы отвечаем на свои первые вопросы. Мераб Мамардашвили действительно «гениален», глубок и рассудителен. На фоне мирового кантоведения его «Кант» – по-настоящему оригинальный «онтолог», чья трансцендентальная апперцепция, выразимо-невыразимая, видимо-невидимая, просто завораживает самый высокий ум. Конечно, это только форма, чему и посвящает себя философия. Вопросы, естественно, есть, и их немало, и они начинаются с проблем содержания, историографической, смысловой и исторической конкретики, задающие эти формы и подминающие их под себя.

Список литературы

- Алексеев А.П. 2006. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М., Прогресс-Традиция, 328 с.
- Бакеева Е.В. 2017. Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили. М., ФЛИНТА, Изд-во Урал. ун-та, 156 с.
- Балаев Н.О. 2011. Форма анализа Кантовского наследия в метафизике Мамардашвили. *Вестник ВятГУ*, 2(4): 41-43.
- Васильев В.В. 1999. Размышления о «Кантианских вариациях» М.К. Мамардашвили. *Вопросы философии* 10: 176-183.
- Волкова П.Д. 2010. Мераб на «Высших курсах». В кн: Мераб Мамардашвили: «Быть философом – это судьба...». Материалы Международной конференции «Мераб Мамардашвили: вклад в развитие философии и культуры». Москва, 9-11 декабря 2010г. М., Прогресс-Традиция, 278-291.
- Гуссерль Э. 2011. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. М., Академический Проект, 253 с.
- Кант И. 1994. Сочинения. В 8-ми т. Т.8. М., Чоро, 718 с.
- Мамардашвили М.М. 1997. Кантианские вариации. М., Аграф, 320 с.
- Мамардашвили М. 1993. Картезианские размышления. М., Издательская группа Прогресс; Культура, 352 с.
- Мотрошилова Н.В. 2007. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. М., Канон+, 320 с.
- Мотрошилова Н.В. 2012. Отечественная философия 50–80 годов XX века и западная мысль. М., Академический Проект, 376 с.
- Мотрошилова Н.В. 2010. Символика трех «К» (Картезий, Кант, Кафка) в философии Мераба Мамардашвили. В кн: Мераб Мамардашвили: «Быть философом – это судьба...». Материалы Международной конференции «Мераб Мамардашвили: вклад в развитие философии и культуры». Москва, 9-11 декабря 2010 г. М., Прогресс-Традиция, 201-210.
- Сенокосов Ю.П. 1992. Призвание философа (вместо предисловия). В кн: Мамардашвили М. Как я понимаю философию. Доклады, статьи, философские заметки. М., Прогресс, 5-13.
- Смирнов С.А. 2020. Мераб Мамардашвили: топология мысли. СПб., Алетейя, 392 с.

References

- Alekseev A.P. 2006. Filosofskii tekst: idei, argumentatsiya, obrazy [Philosophical text: ideas, argumentation, images]. Moscow, Publ. Progress-Tradition, 328 p.
- Bakeeva E.V. 2017. Inkarnatsiya mysli: poststrukturalizm v kontekste idei M.M. Bakhtina i M.K. Mamardashvili [The Incarnation of Thought: poststructuralism in the context of the ideas of M. M. Bakhtin and M. K. Mamardashvili]. Moscow, Publ. FLINT, 156 p.
- Balaev N.O. 2011. Forma analiza Kantovskogo naslediya v metafizike Mamardashvili [The form of analysis of the Kantian heritage in Mamardashvili's metaphysics]. *Vestnik VyatGU*, 2(4): 41-43.
- Vasiliev V.V. 1999. Razmyshleniya o "Kantianskikh variatsiyakh" M.K. Mamardashvili [Reflections on the "Kantian variations" by M.K. Mamardashvili]. *Voprosy filosofii*, 10: 176-183.
- Volkova P.D. 2010. Merab at the "Higher courses". In: Merab Mamardashvili: "Being a philosopher is fate...". Proceedings of the International Conference "Merab Mamardashvili: contribution to the development of philosophy and culture". Moscow, Publ. December 9-11, Progress-Tradition, 312 p. (in Russian).
- Husserl E. 2011. Logicheskie issledovaniya [Logical Research]. Vol. I: Prolegomena to pure logic. Translated from German by E.A. Bernstein, edited by S.L. Frank. Moscow, Publ. Academic Project, 253 p.
- Kant I. 1994. Essays. In 8 vols. 8. Moscow, Publ. Choro, 718 p. (in Russian).
- Mamardashvili M.M. 1997. Kantianskie variatsii [Kantian variations]. Moscow, Publ. Agraf, 320 p.
- Mamardashvili M. 1993. Kartezijskie razmyshleniya [Cartesian reflections]. Moscow, Publ. Publishing group Progress; Culture, 352 p.
- Motroshilova N.V. 2007. Merab Mamardashvili: filosofskie razmyshleniya i lichnostnyi opyt [Merab Mamardashvili: philosophical reflections and personal experience]. Moscow, Publ. "Canon+", 320 p.
- Motroshilova N.V. 2012. Russian philosophy of the 50-80 years of the twentieth century and Western thought. Moscow, Publ. Academic Project, 376 p. (in Russian).

- Motroshilova N.V. 2010. The symbolism of the three "K" (Cartesius, Kant, Kafka) in the philosophy of Merab Mamardashvili. In: Proceedings of the International Conference "Merab Mamardashvili: contribution to the development of philosophy and culture". Moscow, December 9-11. M., Publ. Progress-Tradition, 312 p. (in Russian).
- Senokosov Yu.P. 1992. The vocation of a philosopher (instead of a preface). In: Mamardashvili M. How I understand philosophy. Reports, articles, philosophical notes. Compilation and preface by Yu.P. Senokosov. Moscow, Publ. Progress, 416 p. (in Russian).
- Smirnov S.A. 2020. Merab Mamardashvili: topologiya mysli [Merab Mamardashvili: the topology of thought]. St. Petersburg Publ, "Alethea", 392 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.05.2024

Received May 03, 2024

Поступила после рецензирования 03.08.2024

Revised August 03, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Устименко Дмитрий Леонидович, доктор философских наук, профессор кафедры общенаучной подготовки, Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики, Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-3047-9564](https://orcid.org/0000-0002-3047-9564)

Dmitry L. Ustimenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Scientific Training, North Caucasus Branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-3047-9564](https://orcid.org/0000-0002-3047-9564)

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 091 + 294

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-439-451

Философская компаративистика Вильгельма Хальбфасса

Бурмистров С.Л.

Институт восточных рукописей РАН
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18А
SLBurmistrov@yandex.ru

Аннотация. Немецко-американский индолог Вильгельм Хальбфасс (1940–2000) известен как исследователь культуры и философии Индии, но его воззрения на возможности сравнительного изучения философии исследованы пока очень слабо. Между тем сравнительное изучение философских систем, возникших в разных культурах, невозможно без анализа терминологии, используемой в этих культурах для постановки и обсуждения экзистенциальных проблем. Именно эту задачу и ставил перед собой В. Хальбфасс. Цель исследования – показать суть и особенности методологии философской компаративистики В. Хальбфасса. Выявлено, что основой его метода является анализ контекста употребления базовых терминов, обозначающих различные аспекты культурного и экзистенциального опыта личности, которая сформировалась в той или иной культуре. В частности, индийская культура характеризуется строгой иерархичностью, а структура философских систем древней и средневековой Индии изоморфна структуре традиционного индийского общества с его системой варн (социальных страт) и ашрамов (стадий жизненного пути человека). На принципе иерархичности строится и индийская ксенология (стратегии восприятия и оценки иных культур и народов): в ней тот, кто находится вне системы варн и ашрамов, не считается вполне человеком и на этом основании игнорируется. Кроме того, в исследовании определено значение методологии философской герменевтики Х.-Г. Гадамера для философской компаративистики и показаны возможности герменевтического подхода к анализу текстов, возникших в неевропейских культурах.

Ключевые слова: Вильгельм Хальбфасс, индийская философия, философская компаративистика, ксенология, неоведантизм, Бенгальское Возрождение, санскрит

Для цитирования: Бурмистров С.Л. 2024. Философская компаративистика Вильгельма Хальбфасса. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(3): 439–451. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-439-451

Wilhelm Halbfass's Comparative Philosophy

Sergei L. Burmistrov

Institute of Oriental Manuscripts RAS
18A Dvortsovaya emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation
SLBurmistrov@yandex.ru

Abstract. The German-American Indologist Wilhelm Halbfass (1940–2000) is known as a researcher of Indian culture and philosophy, but his views on the possibilities of comparative studies of philosophy remain underexplored. Meanwhile, the very possibility of comparative study of philosophical systems formed in different cultures requires the analysis of terminology used in these cultures for raising and discussing existential problems. This was the task set by W. Halbfass. The purpose of this research is to

demonstrate the essence and essential traits of W. Halbfass's methodology for comparative studies in philosophy. The basis of his method was shown to be an analysis of the practical context of basic terms denoting certain aspects of cultural and existential experience of an individual shaped by one or another culture. In particular, Indian culture is characterised by a strict hierarchy, so that the structure of the philosophical systems of ancient and medieval India is isomorphic to that of traditional Indian society with its system of varṇas (social strata) and āśramas (stages of a person's life). Indian xenology (strategies of perception and evaluation of other cultures and peoples) is based on this principle: anyone who is outside the system of varṇas and āśramas is not considered fully human and is therefore ignored. Besides, the study shows the importance of H.-G. Gadamer's philosophical hermeneutics methodology for comparative philosophy studies, revealing the possibilities of a hermeneutic approach to the analysis of texts created in non-European cultures.

Keywords: Wilhelm Halbfass, Indian philosophy, comparative philosophy, xenology, neo-vedantism, Bengali Renaissance, Sanskrit

For citation: Burmistrov S.L. 2024. Wilhelm Halbfass's Comparative Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 439–451 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-439-451

Введение

Немецко-американский индолог Вильгельм Хальбфасс (1940–2000) – одна из крупнейших фигур в западном востоковедении, однако его наследие как философа и историка философии поныне остается недостаточно оцененным. Есть лишь одна коллективная монография, посвященная философской компаративистике Хальбфасса [Franco, Preisendanz, 2007], и некоторые вопросы его взглядов в ней, разумеется, освещены, но все же наследие Хальбфасса как компаративиста еще требует дальнейшего и более углубленного изучения.

Естественно, невозможно вести никакие сравнительные исследования в сфере философии, не разбираясь досконально как в европейской философской мысли, так и в интеллектуальной культуре стран Азии, так что компаративист должен быть в первую очередь востоковедом, причем – знатоком религиозно-философских систем того региона, философию которого он сравнивает с европейской философской мыслью. В этом смысле Хальбфасс оказывается особенно интересен именно как компаративист, ибо он в своих трудах не только исследует особенности философской мысли Индии, но и пытается установить какие-то соответствия между индийской и европейской философской терминологией. Не пытаясь объять необъятное, мы в настоящей статье ставим своей целью выявление общих особенностей методологии философской компаративистики Хальбфасса.

В целом проблематика философской компаративистики разработана достаточно хорошо, и не только в западной, но и в отечественной науке. Среди наиболее примечательных трудов в этой области можно назвать «Сравнительную философию» Поля Массон-Урселя [Masson-Oursel, 1923], «Введение в сравнительную философию» Пулла Тирупати Раджу [Raju, 1962] и ряд других, из отечественных работ – труды А. С. Колесникова [Колесников, 2004] и В. К. Шохина [Шохин, 1998]. Однако методологии, предложенной Хальбфассом, эти труды касаются лишь вскользь, что и неудивительно, если учесть, сколь сложна эта сфера философии и какой осторожности требует сравнение даже самых элементарных (на первый взгляд) понятий, разработанных в философской мысли разных цивилизаций.

В настоящем исследовании мы исходим из предположения, что основой методологии, предложенной Хальбфассом, был анализ контекстов употребления философских терминов, включая даже и само слово «философия», прямых эквивалентов которому в индийской культуре нет. В его методологии основной проблемой, которую должен решить компаративист, оказывается проблема перевода терминов одной философской системы на язык другой. Наша гипотеза состоит в том, что метод,

предложенный Хальбфассом, был методом герменевтическим, и философская герменевтика была положена им в основу не только методологии исследования индийской культуры, но и – как следствие этого – и философской компаративистики вообще.

Аналогичным методом пользовались и мы при анализе работ Хальбфасса. Первый шаг в этой методологии заключается в экспликации основных понятий и терминов, которые использовал Хальбфасс в своих трудах, и выявлении их взаимоотношений. Второй шаг – это реконструкция его воззрений на философскую компаративистику, понимаемых как непротиворечивая система. Наконец, третий шаг – это выявление того общего философского контекста, в котором сформировалась такая система, и выявление причин и мотивов ее формирования именно в том виде, в котором она представлена в его трудах.

Заметным прорывом в отечественной индологии стал выход в свет русского перевода книги Хальбфасса «Индия и Европа: Опыт понимания» [Хальбфас¹, 2022] – одного из основных его трудов вообще и, наверное, главного труда по философской компаративистике, которая сама по себе является одним из аспектов более широкого процесса – диалога цивилизаций. Поиск общих представлений о мире и человеке, общих ценностей и вместе с тем установление и проговаривание различий в этих областях, происходящие в ходе диалога, позволяет всем участвующим в нем обществам ясно сформулировать те идеологические конструкты, которые управляют жизнью общества, но, будучи невербализованными, не могут быть и осознаны, а значит, и изменены при необходимости. Транскультурная модель развития общества, выдвинутая М. Эпштейном, предполагает, что собственную культуру можно отстаивать опытом своих «культурных странствий» [Колесников, 2006, с. 82], в ходе которых человек ставит ценности своей культуры под вопрос и моделирует возможные изменения их и последствия этих изменений. Вместе с глобализацией экономической происходит и глобализация культурная: формируется транснациональное культурное пространство, в котором действуют единые нормы, институты и ценности и которое противостоит отдельным национальным культурам [Колесников, 2006].

Хальбфассу принадлежит своя трактовка термина «ксенология», которым он обозначал характерные для данной культуры формы восприятия других культур и взаимодействия с ними [Хальбфас, 2022, с. 197]. В. Г. Лысенко сформулировала четыре принципа ксенологии: 1) обращение к чужому позволяет нам понять самих себя как индивидов и членов группы, так что свое «я» осознается через «не-я», чужое, другое; 2) своя идентичность актуализируется при столкновении с чужой идентичностью; 3) «чужое», чужое – это конструкция нашего «я», так как мы выделяем в «другом» то, что как-либо переключается со «своим»; 4) образ чужого в той или иной культуре – показатель ее собственного развития [Лысенко, 2009, с. 62–63]. Существует ряд моделей выстраивания отношений с чужим: 1) этнологическая модель, или инстинктивно обусловленная ксенофобия, восприятие чужого как угрозы для «нас»; 2) чужой как аномалия по отношению к «нашему», воспринимаемому как норма; 3) чужой – полная противоположность «нам»; 4) восприятие чужого как другого биологического вида; 5) восприятие иных культур как «детства» нашей; 6) восприятие чужой культуры как идеального состояния, которое уже утрачено «нашей»; 7) восприятие чужой культуры как «естественного состояния» человечества, от которого «наша» культура уже ушла; 8) чужая культура – это другой мир с другими принципами и ценностями, хотя и не обязательно враждебный нашему; 9) «чужие» и «мы» – представители одного и того же человеческого рода [Лысенко, 2009, с. 63–69]. В последнем случае универсализация нередко осуществляется на основе «нашего», которое и понимается как общечеловеческое, а чужое воспринимается как продолжение «нашего». В результате мы,

¹ Именно так передают его фамилию переводчики его книги на русский язык.

рассматривая чужое, видим в нем только то, что привычно для нас, и не замечаем (а если и замечаем, то не ценим) его инаковости [Лысенко, 2009, с. 69]. Ксенология, таким образом, оказывается принципиально этноцентричной: она рассматривает иное именно как *иное*, и только это и позволяет нам различать разные формы, виды, аспекты этого иного [Killingley, 2007, p. 123]. Интересно, что последняя из девяти перечисленных моделей выстраивания отношений с другим не позволяет нам видеть иное именно как иное и поэтому делает нас слепыми по отношению к тому, что в нем может оказаться самым существенным.

Характер индийской ксенологии

Какова была ксенология в Индии? Классическая индийская (и в особенности – санскритская) литература избрала очень своеобразную стратегию – полное замалчивание. В индийской литературе нет рассказов о других народах, дальних землях, индийская культурная колонизация Тибета, Восточной и Юго-Восточной Азии через распространение буддизма тоже не нашла в ней отражения, и даже ислам, пришедший в Индию уже несколько столетий назад, и европейская колонизация упоминаются очень расплывчато и косвенно. Все, что предлагает индийская литература в этом отношении – это полное избегание [Хальбфас, 2022, с. 207–208]. Здесь Хальбфас подмечает очень характерную черту индийской культуры – восприятие себя, своих обычаев, своей религии, мировоззрения, языка как вневременных и совершенных, в сравнении с которыми все остальное, чуждое, иноземное не стоит не то что отвержения, но даже внимания. Конечно, такой «культурный эгоцентризм» был свойствен и другим народам, – достаточно вспомнить древних греков и их отношение к варварам. Но греки, по крайней мере, обращали внимание на культуры других народов, их особенности, описывали в своих сочинениях их обычаи, не брезговали при необходимости что-то заимствовать у них, порой даже в чем-то восхищались варварами. Индийцы же, говорит Хальбфас, все иное, неиндийское просто полностью игнорировали, как если бы его и вовсе не существовало.

На первый взгляд, эта установка начинает меняться в XIX веке, когда в трудах деятелей Бенгальского Возрождения (Р. М. Рой и др.) появляются попытки сравнения западной культуры, религии, философии, искусства с индийскими. Такое изменение кажется событием экстраординарным, ибо английские колониальные власти оставили нетронутыми традиционную структуру индийского общества и сложившиеся еще в средневековье социальные и политические институты. Но в действительности экстраординарность эту не стоит преувеличивать, ибо индийское англофильство оставалось явлением сугубо элитарным, причем затронуло в основном городские элиты преимущественно в Бенгалии, где город Калькутта (совр. Колката) стал форпостом британской колонизации Индии [Скорородова, 2013, с. 119–120]. Поэтому можно говорить не о тотальном, затронувшем всю индийскую культуру изменении установки, а об изменении, которое имело место только (или по преимуществу) в среде индийских интеллектуалов. Причем первый шаг в диалоге между индийской и западной культурами сделали именно европейцы – европейские миссионеры, которые изучали санскрит прежде всего для того, чтобы перевести на него Библию и другие христианские тексты и иметь возможность проповедовать христианство индийским интеллектуалам. Желание понять и быть понятыми – таков был основной мотив европейских исследователей индийской культуры в начале XIX века [Хальбфас, 2022, с. 74].

Индия глазами западных философов XIX века

На заре европейской индологии Индия часто представлялась западным интеллектуалам как едва ли не прародина человечества или, по крайней мере, как страна, в которой зародились индоевропейские языки и из которой цивилизация пришла и на

Запад. Но уже Фридрих Шлегель воспринимал подобные воззрения с большой долей скептицизма, хотя и полагал, что в области мифологии, философии и языкознания развитие мысли на Западе зависело от Индии. Однако в том, что касается религиозного сознания, Индия не воспринималась им как «прародина истинной религии»: индийский политеизм, полагал он, представлял собой искажение изначальной для человечества религиозной интуиции, допускавшей лишь единобожие и в индийских источниках предстающей уже в «омраченном» виде [Хальбфас, 2022, с. 97]. Но Шлегель и другие представители философии романтизма искали в Индии решения тех проблем, которые стояли в то время перед западной культурой.

Радикально иначе рассматривал индийскую культуру Гегель. Хорошо известно, что Восток вообще воспринимался Гегелем как «детство» человеческого духа, и Индия, с его точки зрения, вполне демонстрирует эту стадию развития. Первые попытки соединить абстрактные понятия и представления с наличной действительностью появляются, по Гегелю, именно у индийцев, но «главный их недостаток, сообразно понятию этой ступени, состоит в том, что они не в силах ни постичь смысл в его ясности, ни охватить наличную действительность в ее своеобразном облике и значительности. Индийцы поэтому и показали себя неспособными к историческому пониманию лиц и событий, ибо для исторического рассмотрения нужна трезвость, дающая возможность воспринимать и понимать происходящее само по себе, в его действительном виде, в его эмпирических опосредствованиях, основаниях, целях и причинах. Этой прозаической рассудительности противится стремление индийцев непременно сводить всё и вся к безусловно абсолютному и божественному и видеть перед собой в самом что ни на есть обычном и чувственном присутствии и деятельности богов, созданные фантазией» [Гегель, 1969, с. 45]. При этом, отмечает Хальбфас, такой образ Индии у Гегеля был вполне статичным, индийская культура «всегда была такова, какова она сейчас», и, что особенно интересно, многие индийцы подхватили именно такой взгляд на свою культуру, хотя на Западе он подвергался критике как проявление европейского «этноцентризма» [Хальбфас, 2022, с. 374]. Тем не менее такое понимание индийской культуры, в неподвижности и неизменности которой сам Гегель видел проявление «детства человеческого духа», неожиданно оказалось принято индийскими интеллектуалами, именно в неподвижности усмотревшими ее наиболее ценное качество. С их точки зрения, в такой неизменности проявляется «приверженность живой традиции и сосредоточенность на вневременном и непрерывном в противоположность безродности Запада и его исторической прерывности, его рассеянию во временном и преходящем» [Хальбфас, 2022, с. 374–375].

Индийская философия глазами индийских философов XX века

Все это, естественно, проявляется и в области философии, и в историко-философских исследованиях. Индийские философы XX века смотрели на свою собственную культуру в очень значительной степени через призму европейской философской терминологии, опираясь в основном на философию Гегеля и британских или итальянских неогегельянцев. В качестве примера можно взять «Индийскую философию» Сарвепалли Радхакришнана (1888–1975): в ней он рассматривает индийские философские системы (*darśana*), но анализирует их в терминах западной философии, находя там и этику, и метафизику, и другие элементы чисто западного философского дискурса. Конечно, нельзя не отметить, что сама эта книга имеет в значительной степени пропагандистский характер, и сам Радхакришнан прямо говорит, что целью ее написания было представить образованному индийскому читателю философию своей родины как комплекс систем, столь же ценный и богатый идеями, как и европейская философия. «Странная вещь, как раз тогда, когда Индия перестает казаться причудливой в глазах Запада, она представляется в таком свете в глазах некоторых из ее собственных сыновей. Запад пытался сделать все возможное, чтобы убедить Индию, что ее философия является

абсурдной, ее искусство пустым, ее поэзия не вдохновляющей, ее религия причудливой и ее этика варварской. Теперь, когда Запад чувствует, что его мнение оказалось не совсем правильным, некоторые из нас настаивают на том, что оно было совершенно правильным» [Радхакришнан, 1957, с. 700]. Однако показательно то, что для объяснения *индийскому* читателю сути *индийской* философии используется именно *европейская* философская терминология, хотя, казалось бы, с индийскими философскими терминами образованный индеец должен быть знаком намного лучше, чем с европейскими. В меньшей степени к такой «вестернизации» индийской философии склонны другие, более академические историки – такие, как Сурендранатх Дасгупта (1887–1953) или Пула Тирупати Раджу (1904–1992), хотя и в их взглядах отчетливо прослеживается влияние западной философии. Так, П. Т. Раджу сближает воззрения британского неогегельянца Френсиса Брэдли с учением Шанкары, полагая, что первого от второго отделяют всего несколько интеллектуальных шагов [Raju, 1937, p. 61]. Однако он не ставит вопроса о принципиальном различии в происхождении неогегельянства и адвайта-веданты, о различии в исторических обстоятельствах, в которых они возникли и ответами на которые были, так что основания для сравнения этих систем оказываются в высшей степени шаткими. В связи с этим у историков индийской философии возникает проблема интерпретации индийских философских терминов и установления соответствия их терминам европейским.

Индийская философская терминология в компаративистской перспективе

Первым из них оказывается сам термин «философия». Хорошо известно, что в санскрите у него нет точного эквивалента, так что для него приходится либо брать слова, имеющие в индийской культуре другие коннотации, либо конструировать нужный термин из санскритских корней, получая при этом слово, никогда не существовавшее в санскрите. В современной литературе на хинди, бенгали и других языках Индии в качестве эквивалента используется термин *darśana*, который буквально означает «взгляд, воззрение», или *darśana-śāstra*, где *śāstra* значит «наставление, наука». При этом в ходе усвоения западной интеллектуальной культуры европейская философия была введена в образовательный цикл индийских университетов как иностранная традиция мышления, но одновременно с этим была заново открыта и истолкована именно как *философия* собственная индийская интеллектуальная традиция во всем ее многообразии [Хальбфас, 2022, с. 312]. Все это потребовало переосмысления самой индийской традиции и установления каких-то связей с западной. Помимо *darśana*, в хинди и других языках современной Индии используются также слова *tattvajñāna* или *tattvavidyā* «знание сути» [Хальбфас, 2022, с. 314], что свидетельствует о попытках современных индийских интеллектуалов установить не просто «словарное», а содержательное соответствие между индийской и западной философией.

У термина *darśana*, впрочем, есть совершенно определенные смысловые коннотации в европейской культуре, которые не позволяют считать его точным эквивалентом философии или хотя бы приблизительным ее соответствием. В традиционных индийских доксографиях термином *darśana* обозначаются сложившиеся в Индии конкретные школы мысли. «Они – теоретически направленные, систематизированные мировоззрения и в большей или меньшей степени исключают вопросы религиозной практики. Однако здесь мы имеем дело с “философией” как чем-то данным традицией, то есть определенным спектром прочно установленных, полностью разработанных доктринальных конструкций; мы не имеем в них дело с “философией” как с бесконечным процессом постановки вопросов и поиска знаний. *Darśana* доксографий – принципиально ретроспективное понятие» [Хальбфас, 2022, с. 298].

Такие коннотации есть у слова *ānvīkṣikī*, буквально означающего поиск или разыскание, исследование чего-либо. В «Артхашастре» Каутильи *ānvīkṣikī* – не особая наука в ряду других наук, а общая методология, которую науки могут и должны использовать [Хальбфас, 2022, с. 300]. Но *ānvīkṣikī* тоже не вполне совпадает с понятием «философия», будучи в чем-то больше нее и что-то в то же время выпуская из ее семантического поля. Причина всех этих трудностей – в том, что индийская мысль вообще не воспринимала автономию человеческого мышления, свободу от сил традиции как что-то важное и ценное [Хальбфас, 2022, с. 306]. Разумеется, по меньшей мере странно было бы утверждать, будто в Индии вообще не было философской мысли; такие утверждения казались очень сильным искажением действительности даже в XIX веке, не говоря уже о нашем времени. Тем не менее философская компаративистика, как отмечает Хальбфас, уже с самого начала наталкивается на невозможность отыскать точные эквиваленты индийских понятий в европейской философской мысли.

Аналогичная проблема возникает при переводе термина «религия», которому в хинди и других языках современной Индии ставится в соответствие слово *dharma* с очень широким семантическим полем [Хальбфас, 2022, с. 336]. Само оно имеет корень *dhṛ* «держат, удерживать» и изначально обозначало закон или силу, которая удерживает (*dharati*) вселенский порядок. Дхарма – основа социальных норм, управляющих поведением людей, она поддерживает устройство общества, и тот, кто придерживается предписанных ему обществом принципов поведения, тем самым следует дхарме, причем в самом понятии дхармы игнорируется различие между фактом и нормой, природным и социальным миром, физикой и этикой [Хальбфас, 2022, с. 337–338]. Это сближает дхарму с другим, не менее важным для ведийских времен понятием, которое, однако, в более поздних текстах встречается редко и играет явно меньшую роль, – понятием *ṛta* «вселенский порядок». Нарушение дхармы приводит и к нарушению вселенского порядка, по которому восходит и заходит солнце, меняются времена года и т. д., но, если кто-то нарушает свою дхарму и отбрасывает обязательные для него обычаи, установленные обществом, это приводит и к нарушению вселенского порядка. Дхарма с этой точки зрения – не только нормы общества как таковые, но и деятельность по их поддержанию, то есть выполнение членом общины традиционных для него обязанностей [Хальбфас, 2022, с. 340–341].

Проблема перевода и герменевтика в философской компаративистике

Таким образом, первая проблема, с которой сталкивается исследователь другой интеллектуальной культуры, согласно Хальбфассу, – это проблема установления взаимных соответствий терминов. Поскольку точные соответствия между понятиями, сформировавшимися в разных, генетически не связанных друг с другом культурах, невозможны, то каждый перевод философского термина на язык другой культуры вынужденно оказывается переводом интерпретирующим, а такая интерпретация возможна лишь при условии, что мы понимаем в целом ту систему, в которую он включен. Иными словами, мы оказываемся в классической ситуации герменевтического круга, и для того, чтобы понять текст, порожденный иной культурой и отвечающий на важные для нее вопросы, приходится начинать с какого-то отправного пункта, каковым может быть и предпонимание или *Vorurteil* в том смысле, который придавал этому слову Г. Гадамер. В конце концов, стратегия герменевтики вполне может исходить и из такого предпонимания, которое мы видим в воззрениях Гегеля: для него индийская мысль – это нечто «снятое» (*aufgehoben*) современной западной мыслью и содержащееся в ней в качестве одного из пройденных этапов. Такой подход, конечно, ставит под вопрос саму возможность нейтрального понимания другой культуры и сравнения ее с «нашей» [Хальбфас, 2022, с. 121–122]. Но ценность его – именно в этом: он, по крайней мере,

стимулирует тех, кто не согласен с таким восприятием индийской философской мысли, давать ответ на него и пытаться определить, каково истинное соотношение индийской и западной философии, что есть в первой ценного, что отсутствовало бы во второй, и тем самым понять собственную структуру индийской философии и характерные для нее мыслительные ходы. Совершенно не случайно, отмечает Хальбфасс, то, что в самой Индии существуют значительные традиции «гегельянства», «неогегельянства» и «антигегельянства» как результат критической рецепции его взглядов [Хальбфасс, 2022, с. 122]. При этом индийская культура дает именно такой ответ на это внешнее воздействие, опираясь на выработанные в ней самой механизмы реагирования на иные взгляды. Говорить о чужих точках зрения, излагать их и, более того, проговаривать «свой» взгляд на мир, соотнося его с «чужими», – такова обычная практика философского мышления уже в классической Индии [Halbfass, 1985, p. 12]. И нельзя не отметить при этом – как мы уже отметили применительно к воззрениям П.Т. Раджу, – что подход, аналогичный гегелевскому, по отношению к западной философии демонстрировали и индийские интеллектуалы XX века. Хорошо известный термин «инклюзивизм», введенный Паулем Хакером, вполне может обозначать и такую стратегию включения «иного» в «свое», при которой «иное» воспринимается как часть или пройденная стадия развития «своего». Но именно такой инклюзивизм был характерен и для индийских философов XX века, для которых философией *par excellence* была адвайта-веданта, а все остальные системы – как индийские, так и западные – соотносились с ней как с высшей формой философской мысли [Halbfass, 1985, p. 13].

До известной степени это близко к вышеописанной стратегии восприятия «иного» как «детства» нашего [Лысенко, 2009, с. 67] – с той существенной поправкой, что в традиционных схемах философской мысли Индии, представленных в классических доксографиях (например, в «Сарва-даршана-санграхе» Мадхавы Видьяраньи, XIV в.), нет понятия развития философии: системы расположены «концентрическими кругами», начиная с локаяты и заканчивая адвайта-ведантой, которая в трактате Мадхавы понимается как ядро философской мысли вообще, но все они совершенно статичны и никак со временем не изменяются. Единственное изменение, возможное здесь, затрагивает не саму систему, а людей, которые придерживаются ее учения: они могут осознать, что их взгляды далеки от совершенных, и принять в конце концов учение адвайты. Такое же восприятие взаимоотношений разных систем индийской философии мы находим и у большинства индийских историков. Радхакришнан завершает свою «Индийскую философию» главами о веданте и, хотя и рассматривает ведантистские школы все-таки в хронологическом ключе, начиная с адвайты Шанкары (IX в.) и заканчивая дуалистической ведантой Мадхавы (XIII в.) и шиваитскими школами, все же именно адвайту воспринимает в качестве высшей формы индийской философской мысли. «Адвайтизм Шанкары – это система замечательной умозрительной смелости и логической тонкости. Ее строгий интеллектуализм, ее беспощадная логика, которая безразлична к надеждам и чаяниям человека, ее относительная свобода от теологических трудностей – все это делает ее великолепным образцом чисто философской системы» [Радхакришнан, 1957, с. 395]. Его слова цитирует, соглашаясь с ними, Чандрардхар Шарма, автор «Критического обзора индийской философии», хотя и отмечает, что Шанкара в своих воззрениях испытал существенное влияние буддизма [Sharma, 1962]. Дасгупта заканчивает первый том своей «Истории индийской философии» тоже адвайтой Шанкары [Dasgupta, 1957], хотя и не дает ей таких же восторженных оценок, как Радхакришнан.

В этом смысле стратегия философской компаративистики, которую предлагает Хальбфасс, направлена, безусловно, против подобных интеллектуальных конструкций – как гегелевских, так и тех, которые были обычны в трудах индийских историков

філасофіі. Одна из целей философской компаративистики, говорит он, состоит в том, чтобы исправить европоцентристский дисбаланс в восприятии неевропейских философских систем и заменить субординацию координацией [Halbfass, 2007, p. 299]. Но можно сказать, развивая его мысль, что в той же мере необходимо избегать и индоцентристского дисбаланса – да и вообще любых дисбалансов в пользу каких угодно философских систем или регионов мира.

Индийская философия и «концентрическая» структура индийского общества

Но для начала следует попытаться понять общие мировоззренческие основания таких дисбалансов. Исследование корней европоцентризма сейчас выходит за рамки нашей темы, но относительно специфического индийского «адвайтацентризма» можно высказать гипотезу, следующую из анализа Хальбфассом «иерархичности» массового сознания в Индии. Система варн и каст, по которым распределяются люди в индийском обществе, представляет собой не только иерархию, определяемую степенью ритуальной чистоты, но систему взаимозависимых элементов, поддерживающих друг друга и соотносящихся друг с другом как части человеческого тела [Halbfass, 1992, p. 387]. Как было показано выше, поддержание (dharma) социального порядка, предполагающее, что каждый исполняет долг, определенный его принадлежностью к варне и касте, и есть осуществление дхармы [Halbfass, 1992, p. 389]. Кроме того, можно добавить сюда и систему ашрамов (āśrama) – стадий жизненного пути, начинающуюся со стадии ученика (brahmacārin) и завершающуюся санньясой (saṁnyāsa) – отшельничеством, выводящим человека за пределы традиционных общественных структур. Если рассмотреть индийские даршаны через призму системы varṇāśrama-dharma, то напрашивается очевидная аналогия, с одной стороны, между варнами и даршанами – от неприкасаемых и локаяты к брахманам и адвайте, а с другой стороны, между ашрамами и даршанами – от стадии детства, когда человек еще не принят в общину и не является ее членом, к стадии отшельничества, когда он в медитативных практиках постигает единый Брахман.

Однако тогда возникает вопрос, на который сам Хальбфасс не дает ответа: почему индийские мыслители придают такое исключительное значение именно адвайта-веданте, а не каким-либо другим ортодоксальным системам? Вполне понятно, почему такова была структура трактата Мадхавы, который сам был последователем адвайты, – неясно, почему индийские интеллектуалы XIX–XX вв. воспринимали именно эту систему как ядро индийской религиозно-философской мысли и вообще всей индийской интеллектуальной культуры. Хальбфасс отмечает, конечно, что сами индийские интеллектуалы колониальных времен считали идеи адвайты созвучными философии западного Просвещения, идеологии французской революции, идеям справедливости и даже политической теории социализма [Halbfass, 1992, pp. 377–378]. Очевидно, однако, что учение Шанкары и его последователей вовсе не было таким демократическим, какими его хотели видеть идеологи индийского национально-освободительного движения. Так, основатель адвайты безусловно одобряет запрет шудрам изучать Веды и наказания за попытку их изучения [Halbfass, 1992, p. 380], и очень маловероятно, что индийские мыслители колониальных времен могли этого не знать. Наше предположение о причинах современного индийского «адвайтацентризма» таково: адвайта, возможно, воспринималась самими индийскими мыслителями Нового времени как система, учение которой полностью выводит человека за рамки всех социальных структур индийского общества, которое в те времена оставалось еще в высшей степени традиционным. Санньяса в системе varṇāśrama-dharma означает выход за пределы всех социальных отношений. Санньясин, образно говоря, «социально мертв», он не имеет ни перед кем никаких обязанностей, он полностью расплатился со всеми долгами перед богами и

обществом и именно поэтому совершенно свободен. Если мы рассмотрим схему, которой руководствовался Мадхва в своей «Сарва-даршана-санграхе», то увидим, что изложение начинается здесь с локаяты – индийского материализма и скептицизма, то есть комплекса учений, не допускающих возможности выхода за пределы материального мира, следом идут главы о буддизме и джайнизме, далее – об ортодоксальных системах, а последняя глава посвящена адвайте. Интересно, что глава о вишиштадвайта-веданте Ямуначарьи и Рамануджи помещена сразу после главы о джайнизме [Mādhavācārya, 1924]. Сходную структуру имеет и «Сарва-сиддханта-санграха» (Sarva-siddhānta-saṅgraha, «Свод всех учений») основателя адвайты – Шанкары: в ней изложение тоже начинается с локаяты, далее идет глава о джайнизме, далее – о буддизме, за ней ортодоксальные системы – вайшешика, ньяя и др. и в последнюю очередь, в главе XII, рассматривается веданта [The Sarva-siddhānta-saṅgraha..., 1909, passim]. В этих трактатах структура индийской философии повторяет структуру варн и ашрамов, и аналогом материалистических воззрений здесь оказываются низшие касты и детство человека, а адвайта выступает как аналог брахманов в обществе и санньясы как высшей стадии человеческой жизни.

Таким образом, Хальбфасс как компаративист воспринимает как проблему в первую очередь саму возможность взаимного перевода понятий, возникших в разных культурах. Обратим внимание: не исключает и не считает невозможной, а именно *рассматривает как проблему*. Разумеется, перевод возможен, но он всегда сопряжен с трудностями, обусловленными множеством коннотаций вокруг каждого понятия и различными экстенционалами этих понятий, что делает необходимым ясное формулирование и смысла, и предметного значения каждого из них, прежде чем можно будет устанавливать какие-то их взаимные соответствия. Такой же проблемой, требующей анализа и учета при переводе индийских философских терминов, он видит и индийскую ксенологию. Если в западной культуре тема «иногo» уже не только поставлена, но и довольно хорошо разработана, то в индийской культуре, как показывает Хальбфасс, «иной» по сути не существует вовсе, – то есть ксенология как таковая отсутствует. Причины этого – отдельная и пока еще не решенная проблема, но одна из возможных причин – это именно вышеописанная иерархичность индийской культуры: кто вне системы варн и ашрамов – тот (несколько утрируя) не является человеком и поэтому «иным» по отношению к нашей культуре быть не может. Этим, возможно, объясняется и тот факт, что даже современные индийские философы постоянно прибегают к использованию терминов, выработанных в западной философии, для описания и анализа индийской религиозно-философской мысли, – они пишут в основном для западных читателей и европейски образованных индийцев, а те индийские интеллектуалы, кто, подобно Даянанде Сарасвати, полностью погружен в традицию и опирается только на нее, просто не нуждаются в осмыслении своей культуры средствами культуры совершенно иной.

Хальбфасс и Гадамер

Если учесть тот хорошо известный факт, что одним из учителей Хальбфасса, оказавшим значительное влияние на его мировоззрение, был Ханс-Георг Гадамер (1900–2002), то можно заметить, что немецкий индолог в своих исследованиях осознанно или бессознательно исходит из тех предпосылок, которые сформулированы в философской герменевтике. Согласно Гадамеру, для субъекта в ситуации диалога никогда не бывает достаточно понять только собеседника – подлинное понимание необходимо включает и переосмысление самого себя. Изучая иную культуру, можно занимать по отношению к ней позицию «объективного исследователя» и пытаться выявить ее исторические горизонты, но это ставит самого исследователя в позицию едва ли не экзаменатора в разговоре с экзаменуемым: мы выясняем особенности и возможности иной культуры, не ставя задачу понять себя самих и переопределить себя в этом диалоге. «Признание инаковости другого, превращающее эту инаковость в предмет объективного познания,

есть, таким образом, принципиальная приостановка его притязания на истину» [Гадамер, 1988, с. 358]. Диалог, естественно, невозможен без рефлексивного отношения «Я – Ты», требующего взаимного признания [Гадамер, 1988, с. 423]. Проблема, однако, состоит в том, что индийская традиционная культура, согласно Хальбфассу, как было сказано выше, полностью отрицает существование другого и игнорирует его. Но можно ли обоснованно утверждать, что никакого встречного движения к Западу со стороны носителей индийской брахманской учености нет, а значит, оказывается невозможным и диалог? Можно ли говорить, что брахманы игнорируют западную философскую мысль? На наш взгляд, такие утверждения как минимум не имеют под собой достаточных оснований. Во-первых, англоязычные работы индийских авторов по истории индийской философии адресованы, естественно, не только европейцам, но и индийцам, – а в этих работах по большей части используется терминология, порожденная западной философией, и индийские мыслители, естественно, ищут эквиваленты санскритским терминам в европейском философском лексиконе. Во-вторых, как сказано выше, даже в работах, написанных на индийских языках, авторы пытаются найти соответствия западному понятию философии – *darśana*, *tattvavidyā*, *tattvajñāna* и т. д. [Хальбфас, 2022, с. 312–314]. Впрочем, нельзя не признать вместе с тем, что трудов по западной философии на индийских языках очень немного, хотя и объясняется это, скорее всего, не отсутствием интереса к ней со стороны образованных индийцев, а просто тем, что они легко могут прочесть соответствующую литературу и по-английски. Однако вопрос о характере индийской ксенологии в наше время все еще остается открытым и требует специального анализа. Вряд ли можно всерьез утверждать, что индийцы по-прежнему игнорируют другие культуры – напротив, они изучают наследие других культур с большим интересом, но используют для их понимания западную философскую терминологию. Примечательно, что и в своей «автоксенологии», в стратегиях изучения своей собственной культуры как бы «со стороны», они пользуются, естественно, тоже терминами, разработанными в западной философии.

В целом можно сказать, что именно из философской герменевтики и выросла компаративистика Вильгельма Хальбфасса. Внимание к переводам базовых философских терминов, учет контекста, в котором они встречаются, учет их коннотативного поля – все это прямо отсылает к тем принципам анализа философского текста, которые были разработаны Х.-Г. Гадамером. И одним из наиболее важных достижений Хальбфасса в этой сфере было введение понятия «ксенология», обозначающего комплекс представлений «нашей» культуры о культурах «чужих», включающий и общие воззрения на природу «чужих» культур и их отношение к «нашей», и мыслительные диспозиции, и поведенческие установки по отношению к «чужим», и следующие отсюда стратегии перевода «чужих» понятий в «наши». А это, в свою очередь, ставит и вопрос о том, какова «наша» культура, чем она отличается от других и возможно ли взаимопонимание с другими или хотя бы приблизительный перевод «их» понятий на «наши», установление хотя бы некоторых соответствий между базовыми понятиями разных культур. Уже сам вопрос, была ли философия в Индии и Китае, возникавший в исследовательской литературе еще в XIX веке, говорит о том, что проблема взаимного перевода понятий, возникших в разных культурах, и, говоря более масштабно, взаимопонимания культур в известной мере осознавалась уже тогда, но Хальбфасс сформулировал ее предельно ясно и показал, что это взаимопонимание начинается с установления соответствий фундаментальных философских терминов, а это требует учета всего контекста культуры.

Заключение

Хальбфасс в своей методологии философской компаративистики опирался на идеи философской герменевтики Гадамера, в которой, в частности, ставилась проблема взаимной переводимости философских терминов. Хорошо известно, что даже при

изучении, например, античной философии не всегда бывает просто найти соответствия греческим терминам в философском словаре современности. Тем более это верно при исследовании неевропейских культур, так что герменевтика оказывается комплексом инструментов, способным дать большие положительные результаты в сфере как истории философии, так и философской компаративистики.

Из этого следует и еще одна черта методологии Хальбфасса – анализ контекстов употребления философских терминов как способ выявления их смысла. Именно это и позволяет осуществить основную задачу философской компаративистики – установление терминологических и, шире, концептуальных соответствий между разными философскими системами, что и делает возможным перевод текста, понимаемый как *философская* задача. В частности, Хальбфасс показал значение социальной структуры индийского общества для исследования индийской философии, ибо структуры философской мысли и общества в Индии изоморфны и построены на принципе иерархичности.

Список литературы References

- Гадамер Х.-Г. 1988. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. М., Прогресс, 704 с.
- Gadamer H.-G. 1988. Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki [Truth and Method: The Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Transl. by B. N. Bessonov. Moscow, Publ. Progress, 704 p.
- Гегель Г.В.Ф. 1969. Эстетика. В 4-х т. Пер. с нем. под ред. М. Лифшица. Т. 2. М., Искусство, 326 с.
- Hegel G. V. F. 1969. Estetika [Aesthetics]. In 4 vols. Transl. by M. Lifshits. Vol. 2. Moscow, Publ. Iskusstvo, 326 p.
- Колесников А.С. 2006. Философская компаративистика в поле глобальных перемен. *Вестник РУДН, серия «Философия»*, 1(11): 82–105.
- Kolesnikov A. S. 2006. Filosofskaya komparativistika v pole global'nykh peremen [Comparative Philosophy in the Field of Global Transformations]. *Vestnik RUDN, ser. Filosofiya*, 1(11): 82–105.
- Колесников А. С. 2004. Философская компаративистика: Восток – Запад. СПб.: Изд-во СПбГУ. 390 с.
- Kolesnikov A. S. 2004. Filosofskaya komparativistika: Vostok – Zapad [Comparative Philosophy: East – West]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishers. 390 p.
- Лысенко В.Г. 2009. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии). *Вопросы философии*, 11: 61–77.
- Lysenko V.G. 2009. Poznanie chuzhogo kak sposob samopoznaniya: Zapad, Indiya, Rossiya (popytka ksenologii) [Knowledge of the Other as a Way of Self-Knowledge (an Essay in Xenology)]. *Voprosy filosofii*, 11: 61–77.
- Радхакришнан С. 1957. Индийская философия. В 2-х т. Пер. с англ. под ред. В. И. Кальянова. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 734 с.
- Radhakrishnan S. 1957. Indiyская filosofiya [Indian Philosophy]. In 2 vols. Transl. by V. I. Kalyanov. Vol. 2. Moscow, Publ. Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 734 p.
- Скороходова Т. Г. 2013. Англофильство бенгальских интеллектуалов: путь к себе от признания Другого. *Вопросы философии*, 6: 118–128.
- Skorokhodova T. G. 2013. Anglofil'stvo bengal'skikh intellektualov: put' k sebe ot priznaniya Drugogo [Bengali Intellectuals' Anglophilia: the Way to Themselves from the Recognition of the Other]. *Voprosy filosofii*, 6: 118–128.
- Хальбфас В. 2022. Индия и Европа: Опыт понимания. Пер. с англ. П. С. Анучина и др. Под ред. А.В. Парибка и Р. В. Псху. М., Директ-Медиа, 464 с.
- Halbfass W. 2022. Indiya i Evropa: Opyt ponimaniya [India and Europe: an Essay in understanding]. Transl. by P. S. Anuchin a. o., ed. by A. V. Paribok and R. V. Pskhu. Moscow, Publ. Direkt-Media, 464 p.
- Шохин В. К. 1998. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М.: ИФ РАН, 1998. 248 с.
- Shokhin V. K. F. I. Stcherbatskoi i ego komparativistskaya filosofiya [Th. I. Stcherbatsky and his Comparative Philosophy]. Moscow: Institute of Philosophy RAS. 248 p.

- Dasgupta S. N. 1957. *A History of Indian Philosophy*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 552 p.
- Franco E., Preisendanz K. (eds.) 2007. *Beyond Orientalism: The Work of Wilhelm Halbfass and its Impact on Indian and Cross-Cultural Studies*. Delhi: Motilal Banarsidass, 695 p.
- Halbfass W. 1985. India and the Comparative Method. *Philosophy East and West*, 35(1): 3–15.
- Halbfass W. 2007. Research and Reflection: Responses to my Respondents. III. Issues of Comparative Philosophy. In: Franco E., Preisendanz K. (eds.) 2007. *Beyond Orientalism: The Work of Wilhelm Halbfass and its Impact on Indian and Cross-Cultural Studies*. Delhi: Motilal Banarsidass, pp. 297–314.
- Halbfass W. 1992. *Tradition and Reflection: Explorations in Indian Thought*. Delhi: Sri Satguru Publications, 432 p.
- Killingley D. 2007. Mlecchas, Yavanas and Heathens: Interacting Xenologies in Early Nineteenth-century Calcutta. In: Franco E., Preisendanz K. (eds.) *Beyond Orientalism: The Work of Wilhelm Halbfass and its Impact on Indian and Cross-Cultural Studies*. Delhi: Motilal Banarsidass, pp. 123–140.
- Mādhvācārya. 1924. *Sarvadarśanasamgraha*. Ed. by A. Vasudeva Śāstrī. Bombay: Nirnaya Sagar Press, 706 p.
- Masson-Oursel P. 1923 *La philosophie comparée*. Paris: F. Alcan. 203 p.
- Raju P.T. 1962. *Introduction to Comparative Philosophy*. Lincoln: University of Nebraska. 364 p.
- Raju P.T. 1937. *Thought and Reality: Hegelianism and Advaita*. London: George Allen & Unwin, 288 p.
- Sharma Ch. 1962. *Indian Philosophy: A Critical Survey*. New York: Barnes & Noble, Inc., 415 p.
- The Sarva-siddhānta-saṅgraha of Śāṅkarācārya. 1909. Ed. and transl. by M. Raṅgācārya. Madras: Government Press, 179 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.02.2024

Поступила после рецензирования 14.05.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received February 14, 2024

Revised May 14, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмистров Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-5455-9788](https://orcid.org/0000-0002-5455-9788)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei L. Burmistrov, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Section of South Asian Studies of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-5455-9788](https://orcid.org/0000-0002-5455-9788)

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.776.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса в коллективной памяти (на примере студенческой молодёжи г. Тольятти)

Цветкова И.В.

Тольяттинский государственный университет,
Россия, г. Тольятти, 425020, ул. Белорусская, д. 14
aleksandrkozlov@mail.ru

Аннотация. История советского периода на современном этапе является ареной политического противоборства. Это находит отражение в существовании противоречий в трактовках событий и явлений советской эпохи. Цель исследования – выявить противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса, которое находит проявление в суждениях молодежи о советском периоде истории и о современном обществе. Методология исследования базируется на концепциях конструктивизма, применяемых для изучения коллективной памяти. Эмпирическая база исследования включает материалы четырех фокус-групп, которые были проведены среди студентов трех вузов Тольятти. Результаты исследования показали, что противоречие интерпретаций железного занавеса проявляется в оценках молодежью идеологии, культуры советского периода. В отношении молодежи к поколениям, воспитанным под влиянием советской идеологии, обнаруживаются противоречия, обусловленные трактовками стереотипа. Социальная идентичность молодёжи включает противоречивые оценки советского образа жизни с учетом современных позиций в отношении к Западу. В исследовании были выявлены различия между функциями «либеральной» и «исторической» трактовки стереотипа железного занавеса.

Ключевые слова: исторический нарратив, методология конструктивизма, исторические знания, политика памяти, советский образ жизни, идеология, идентичность

Для цитирования: Цветкова И.В. 2024. Противоречие интерпретаций политического стереотипа железного занавеса в коллективной памяти (на примере студенческой молодежи г. Тольятти). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 452–464. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Contradictory Interpretations of the Iron Curtain Political Stereotype in Collective Memory (a Case Study of Tolyatti Student Youth)

Irina V. Tsvetkova

Tolyatti State University,
14 Belorusskaya St, Tolyatti 425020, Russian Federation
aleksandrkozlov@mail.ru

Abstract. The history of the Soviet period at the present stage is an arena of political confrontation. This is reflected in the existence of contradictions in the interpretations of the Soviet era events and phenomena. The purpose of the study is to identify contradictions in the interpretations of the political stereotype of the Iron Curtain, which are manifested in young people's judgments about the Soviet period

of history and modern society. The methodology of the study is based on the concepts of constructivism used for studying collective memory. The empirical base of the study includes materials from four focus groups that were held among students of three universities in Tolyatti. The results of the study showed that contradictions in the interpretations of the Iron Curtain are manifested in young people's assessments of the Soviet time ideology and culture. In the attitude of young people to generations brought up under the influence of Soviet ideology, contradictions are found due to interpretations of the stereotype. The social identity of young people includes contradictory assessments of the Soviet way of life, taking into account contemporary attitudes to the West. The study identified differences between the functions of the "liberal" and "historical" interpretations of the Iron Curtain stereotype.

Keywords: historical narrative, constructivist methodology, historical knowledge, politics of memory, Soviet way of life, ideology, identity

For citation: Tsvetkova I.V. 2024. Contradictory Interpretations of the Iron Curtain Political Stereotype in Collective Memory (a Case Study of Tolyatti Student Youth). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 452–464 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-452-464

Введение

Советский период истории является предметом дискуссий в России и за рубежом. Участниками дискуссий являются не только ученые или политики, но и представители других социальных групп. Формирование исторического сознания современной российской молодёжи при существовании плюрализма оценок советского периода требует изучения структурных элементов коллективной памяти, которые влияют на преемственность социального опыта, связей между поколениями. «В современном российском обществе значительной трансформации подвергаются институциональные и ценностные структуры жизненного пространства социальной памяти. Они вызваны сменой общественного строя, разрушением прежних и утверждением новых ценностных ориентаций в сознании и поведенческих практиках новых элит, социальных слоев и групп», – отмечает О.В. Фетисова [2021, с. 64]. Являясь составным элементом исторического сознания, коллективная память воспроизводит образы и смыслы прошлого в современном контексте [Кутыкова, 2015, с. 10]. При этом важно подчеркнуть, что историческое сознание не ограничено временным измерением прошлого, оно связано с настоящим и с будущим [Влануша, 2005].

Формирование различных вариантов интерпретации событий советской истории является основанием для войн памяти, которые ведутся на постсоветском пространстве [Миллер, 2019, с. 89]. Идейные разногласия затрагивают различные аспекты внутренней и внешней политики СССР, в том числе и политику железного занавеса.

Представления общества о железном занавесе включают когнитивные, ценностные и эмоциональные компоненты, которые претерпевают изменения под влиянием развития исторической науки, информации из СМИ, политических стратегий [Федоров, 2009, с. 65]. Сложная структура такого политического стереотипа, как железный занавес, охватывала различные аспекты социальных отношений (внешнюю и внутреннюю политику, образ жизни членов общества, идеологические и культурные аспекты и т.д.) времен СССР. На современном этапе политический стереотип железного занавеса применяется для характеристики советского периода истории, когда контакты граждан СССР с Западом находились под жестким контролем государства. В коллективной памяти противостоят противоречивые картины общества, в котором не было свободы для творческих проявлений, с описаниями достижений в сфере науки, искусства, спорта, освоения космоса.

В отечественной исторической науке понятие «железный занавес» рассматривают как один из элементов политики противостояния СССР и западных стран, начало которой было провозглашено в фултоновской речи У. Черчилля, произнесенной в 1946 году в

присутствии американского президента Г. Трумэна¹. Содержание речи, как предполагалось, было связано с подготовкой Великобритании к третьей мировой войне. Территорию Европы, которая по итогам Второй мировой оказалась в зоне влияния Советского Союза, У. Черчилль назвал находящейся под железным занавесом. В своем ответе Сталин раскрыл содержание политического курса Великобритании и США, направленного на подчинение СССР и стран Центральной и Восточной Европы диктату англоязычных государств [Киселев, 2022, с. 29].

Историческая наука, как и коллективная память, стремится к созданию целостной картины исторического процесса. Однако, в отличие от повседневного сознания, наука ставит задачи получения объективных знаний, теоретического осмысления исторических процессов. Реконструкция прошлого использует различные ресурсы, практики, методы, технологии. Представление о прошлом кодируется, декодируется и перекодируется в рамках существующих социальных контекстов [Smit, 2020, p. 97].

Создание целостного исторического нарратива обусловлено потребностями современного человека понять развитие общества, опираясь на знания о прошлом. Исторические нарративы важны для объяснения происхождения и характера общественного строя, а также для формирования социальных взаимодействий между поколениями. Они способствуют сплоченности общества, доверию и социальной интеграции. Отсутствие таких нарративов порождает чувство неуверенности, разочарование и нигилизм, которые ведут к насилию в различных проявлениях [Thompson, 2017].

Конкуренция между интерпретациями исторических событий создает предпосылки для манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, обостряет конфликты между представителями различных поколений [Замараева, 2022, с. 265]. Для этих целей используются политические мифы и стереотипы. К последним относится железный занавес, который ассоциируется с политической ситуацией в период холодной войны.

В зарубежных учебниках по истории причины возникновения железного занавеса связывают с последствиями Второй мировой войны, после завершения которой часть государств Европы оказалась под контролем Советского Союза. Подобная трактовка событий осуществляется в рамках современной политики ЕС, направленной на формирование общего для европейских граждан исторического сознания [Nordgren, 2021, p. 10]. Реализуются проекты по формированию общего представления членов ЕС об истории с целью создания европейской идентичности, которая должна прийти на смену национальной идентичности. Осуждению подвергаются сталинизм и социализм в процессе евроинтеграции постсоциалистических государств [Медушевский, 2019, с. 173].

В период холодной войны тоталитарное мышление определяло характер отношений между западным и советским обществом через антагонизм, непримиримое мировоззренческое противостояние [Ефременко, 2023, с. 21]. Во время перестройки изменилось отношение к механизмам, которые применялись руководством СССР для противодействия влиянию западной культуры. Идеология перестройки и нового мышления, провозглашенная М.С. Горбачевым, опиралась на общечеловеческие ценности, отказ от классовых борьбы и прекращение конфронтации с Западом [Лукьянов, 2021]. На основе либеральных идей особое значение приобрели права человека, общечеловеческие ценности, свобода миграций, туризм [Ключников, 2017].

После распада социалистической системы, в процессе интеграции государств Восточной Европы в европейское сообщество формируется политика памяти, которая трансформирует оценку исторических событий второй половины двадцатого века. Политика памяти опирается на представления об единстве народов Европы, разрушенного

¹ Черчилль У. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/Речь%20Уинстона%20Черчилля.pdf> (дата обращения: 31.08.2024).

советским режимом. Конструирование европейской идентичности в постсоциалистических государствах базируется на создании негативного образа России, исключения из исторической памяти советского периода истории [Рябов, 2016]. Метафора «железный занавес» нередко используется по отношению к тоталитарному режиму, чтобы доказать жестокость, бесчеловечность политики СССР в Восточной Европе ¹.

В российском обществе политический стереотип «железного занавеса» используют для объяснения особенностей мировоззрения советского человека, находящегося под идеологическим контролем. Характеризуя черты советского человека, В.В. Касьянов отмечает существование «двоемыслия», которое находило отражение в различиях между идеалами и реальными условиями жизни. Для советского человека была характерна «принудительная самоизоляция», обусловленная информационной блокадой [Касьянов, 2021, с. 143]. Политический стереотип железного занавеса порождает негативные ассоциации, связанные с условиями ограничения свободы, отсутствием возможности выбора, жестким идеологическим контролем. Эти образы создают препятствия для интеграции информации о советском периоде в структуру коллективной памяти.

Положительные оценки характеризуют примеры героизма и славы, они более просты для принятия социумом и выступают объектами национальной гордости. И, напротив, исторические события, которые сопряжены с переживанием чувства вины или стыда, гораздо труднее принимаются обществом как часть своего прошлого [Von Borries, 2011]. Таким образом, коллективная память формирует картины прошлого на основе эмоционально-образных переживаний, воспоминаний, метафор, конструирования мифов [Karlsson, 2011].

Среди особенностей советского политического мифа исследователи [Евгеньева, Титов 2017; Асонов, 2022] выделяют представление о единственной «правильной» системе ценностей, приписывание событиям символического значения, объяснение причин событий замыслами исторических субъектов. Разрушение советского мифа в постсоветский период не привело к его полному исчезновению, устойчивые элементы структуры воспроизводятся в современных условиях [Усманова, 2023, с. 260].

В спорах о железном занавесе, которые периодически возникают на интернет-площадках, принимают участие не профессиональные историки, а люди, которые желают высказать свое мнение о советском образе жизни. Например, в 2020 году состоялась дискуссия «Железный занавес» в СССР: зло или благо» ². Участники обсуждения затрагивали темы информированности советских граждан о западном образе жизни, доступности зарубежного туризма, качества и уровня жизни в СССР и за рубежом. В ходе дискуссии были высказаны мнения о политике советского государства, которая ограничивала информацию, поступающую с Запада, контролировала выездной туризм. Условия жизни в советский период сравнивались с современным российским обществом. Материалы дискуссии показывают, что железный занавес на уровне повседневного сознания рассматривается в качестве устойчивого стереотипа, который используется представителями разных поколений для характеристики особенностей образа жизни, сформировавшегося в СССР, а также для понимания современного российского общества.

Анализ публикаций, в которых используется понятие «железный занавес» [Бебешко, 2016; Киселев, Кефели, Опокин 2022; Ключников, 2017; Кутепов, Рыбаков 2013; Громыко, 2016; Ширяев, 2016; Павловская, 2012] показывает, что оно находит применение не только для объяснения исторических событий, но также для обоснования политики памяти на современном этапе.

¹ Андре Либих «Железный Занавес: разрушение Восточной Европы в 1944–1956 годах»: рецензия на книгу американской журналистки Энн Аппельбаум URL: <https://nashagazeta.ch/news/cultura/18711> (дата обращения: 31.08.2024).

² Харалужный А. 2020. «Железный занавес» в СССР: зло или благо. Военное обозрение, Аналитика. URL: <http://topwar.ru> (дата обращения: 31.08.2024).

В политическом контексте понятие «железный занавес» используют для осуждения тоталитарного режима, который ограничивал развитие СССР и стран Восточной Европы, так как препятствовал сотрудничеству с Западом.

В коллективной памяти на трактовку политического стереотипа железного занавеса определенное влияние оказывают научные знания, политические идеи, а также повседневные представления. Все это создает предпосылки для создания множества противоречивых интерпретаций, которые могут быть изучены с помощью качественных методов социологии.

Цель, объекты и методы исследования

Цель исследования состоит в выявлении противоречий интерпретаций политического стереотипа железного занавеса, которые находят проявление в суждениях молодежи о советском периоде истории и о современном обществе.

При составлении инструментария исследования и анализе результатов, мы опирались на гипотезу о том, что интерпретации железного занавеса в коллективной памяти молодежи различаются в зависимости от способов конструирования образов прошлого. Интерпретация, которая получила название «либеральная», исходит из того, что феномен железного занавеса следует оценивать в аспекте его влияния на повседневные условия жизни людей, права, свободы, удовлетворение потребностей граждан. При этом советское прошлое оценивают с помощью критериев, актуальных для современного общества. «Историческая» интерпретация конструирует представления о железном занавесе, в контексте сложных взаимосвязей между политикой, идеологией, культурой. Данная трактовка предполагает выявление исторических предпосылок возникновения железного занавеса, а также влияния этого феномена на современное общество.

В соответствии с гипотезой были сформулированы задачи:

- изучить противоречия в интерпретациях молодежи внешней и внутренней политики СССР, связанных с феноменом железного занавеса;
- проанализировать различия позиций участников фокус-групп относительно влияния железного занавеса на культуру советского периода;
- выявить противоречия социальной идентификации, которые находят отражение в суждениях молодежи об отношениях советского и западного общества в условиях железного занавеса.

Исследование интерпретаций понятия железного занавеса молодежью проведено на основе анализа материалов четырех фокус-групп, проведенных в октябре – ноябре 2022 г. В них принимали участие 39 студентов из трех вузов Тольятти Самарской области. Среди участников фокус-групп – 18 юношей и 21 девушка; 17 студентов обучаются по техническим специальностям, а 22 – по гуманитарным.

При составлении программы, инструментария исследования была использована конструктивистская методология, обоснованная в работах зарубежных исследователей [Ассман, 2004; Хальбвакс, 2005; Мегилл, 2005].

Результаты и их обсуждение

Идеологические противоречия интерпретаций

Стереотип железного занавеса используется молодежью для оценки политики советского периода. Участникам интервью был задан вопрос: «Раскройте содержание понятия "железный занавес". Что оно означает?». Ответы участников фокус-групп демонстрируют существование противоположных трактовок этого явления.

К «либеральной» интерпретации относится следующее суждение: «*Железный занавес – это исторический штамп, навешенный на Советский Союз, под ним понимается отношение Советского Союза к странам Запада, которое, во-первых, негативное, во-вторых, определяемое перспективой развития идей коммунизма*» (муж., 21, тех.).

«Либеральная» трактовка железного занавеса подчеркивает ущемление прав человека, которое имело место в советский период. При этом участники фокус-группы обращают внимание на трудности, с которыми сталкивались советские граждане при поездках за рубеж, в получении информации из иностранных источников.

«Железный занавес – это, когда советское правительство ограничивало влияние западной культуры на советских людей. Чтобы поехать за границу, нужно было сдавать специальный экзамен. Западные певцы приезжали по особому приглашению, не как сейчас» (муж., 22, тех.).

Данные проблемы, по мнению участников фокус-групп, препятствовали развитию культуры в советском обществе.

«Я понимаю под железным занавесом искусственные препятствия, которые лишают возможности путешествовать. До людей не доходили произведения искусства. Это лишало людей возможности знакомиться с достижениями других культур» (жен., 20, гум.).

Однако не все участники фокус-группы были согласны с такой трактовкой железного занавеса. «Либеральной» интерпретации противопоставляется «историческая», которая опирается на понимание особенностей международной обстановки в период после окончания Второй мировой войны.

«Железный занавес не у нас придумали, это обозвали, что мы такие "великие и ужасные", что отгородились от всего мира. Слова про железный занавес принадлежат Черчиллю» (муж., 22, гум.).

Политика железного занавеса, по мнению участника фокус-группы, характеризует сложные взаимоотношения, которые исторически сложились между Россией и Западом.

«Железный занавес – это ограничение влияния западной культуры на Советский Союз. Он работал в обе стороны. Логика была такая, что на основе ограничения поднимем свое производство, поднимем все отрасли, которые будут развиваться более прогрессивно и смогут конкурировать с западными» (муж., 20, гум.).

Респонденты оценивают железный занавес как информационную политику советского государства, которая была направлена на ограждение советских людей от влияния западных ценностей.

Различия «либеральной» и «исторической» трактовки проявляются в понимании участниками фокус-группы причин возникновения железного занавеса. Если «либеральная» трактовка связывает их с внутренней политикой советского государства, то «историческая» рассматривает данное явление в контексте международных отношений второй половины XX века.

«Либеральная» интерпретация рассматривает железный занавес как ограничение свободы передвижения, миграции населения за рубеж. По мнению сторонников либеральной позиции, железный занавес был одним из важных факторов стагнации советской системы.

«Историческая» трактовка железного занавеса подчеркивает специфику развития советского общества в условиях соревнования капиталистической и социалистической системы при ограниченных контактах с Западом. Сторонники «исторической» трактовки железного занавеса не являются защитниками коммунистической идеологии. Они рассматривают идейный контекст железного занавеса как следствие экономической и политической ситуации в СССР и на международной арене в условиях холодной войны.

Аксиологические противоречия интерпретаций

Противоречия интерпретаций железного занавеса находят отражение в оценке молодежью культуры советского периода. Вопрос «Какое влияние железный занавес оказал на развитие советской культуры?» стал предметом дискуссии среди участников фокус-группы.

Сторонники «либеральной» трактовки железного занавеса рассматривают систему ценностей советского общества как следствие влияния коммунистической идеологии.

Наличие железного занавеса выступает как аргумент в пользу того, что культура в советский период находилась под влиянием идеологии в состоянии упадка. *«Все было идеологизировано. Все было направлено на создание человека, который не имеет собственного мнения, не имеет собственных чувств, подчиняется системе» (жен., 19, гум.).*

Идеологические ограничения, связанные с железным занавесом, создавали препятствия для свободы творчества в советском обществе. *«В культурном плане это лишило людей возможности развития, невозможно было заниматься, например, некоторыми видами живописи. Была установка, связанная с идеологией, посвящать творчество государству, прославлять партию» (муж., 20, тех.).*

«Либеральная» интерпретация железного занавеса позволяет найти аргументы в пользу того, что современная отечественная культура изменилась в лучшую сторону по сравнению с советским периодом.

«Железный занавес пал, поэтому мы можем пользоваться благами западного мира и культуры. Интернет дает шанс развивать культуру» (муж., 22, тех.).

Участница фокус-группы отметила, что *«среди положительных явлений в России стали появляться новые жанры музыки, театра, которые пришли к нам из-за рубежа» (жен., 19, тех.).*

«Историческая» интерпретация железного занавеса выделяет достоинства советской культуры. Было высказано мнение о том, что невозможно *«сравнивать современную культуру и советскую. Культура была подцензурной, но по своему качеству она была значительно выше и лучше, чем современная. Сейчас снимают или рисуют как хотят, однако пишут и снимают одно и то же. В советский период было больше оригинальности, искренности. Советское искусство в разы выше, достойнее, чем современное» (муж., 21, гум.).*

При этом участники фокус-группы выразили мнение о самобытности советской культуры, в частности кинофильмов. Причина этого в том, что *«в прежние времена создатели фильмов ориентировались на мнение зрителей, старались соответствовать запросам общества, а сейчас руководствуются только тем, чтобы нравилось себе» (жен., 21, гум.).*

«Историческая» трактовка советской культуры включает суждения о том, что под влиянием Запада отечественная культура утрачивает самобытность. Однако это не рассматривается участником фокус-группы как отрицательное явление. *«Сложно выделить сейчас чисто российскую культуру, она сильно резонирует с европейской и с восточными культурами» (муж., 21, тех.).*

Аксиологические противоречия интерпретаций железного занавеса находят отражение в «либеральной» и «исторической» трактовке культуры советского периода. «Либеральная» интерпретация в качестве основного фактора, определяющего состояние советской культуры, выделяет коммунистическую идеологию. Её существование, по мнению сторонников «либеральной» трактовки, исключает свободу в сфере творчества, а также возможности для самовыражения личности.

«Историческая» интерпретация железного занавеса акцентирует внимание на достижениях советской культуры, значимости для общества в целом. Железный занавес, по мнению сторонников «исторической» трактовки, ориентировал культуру на удовлетворение потребностей государства, а современная культура служит средством самореализации индивида. Падение железного занавеса интегрирует национальную культуру в глобальные процессы, при этом она утрачивает свою самобытность.

Противоречия социальной идентичности

Участникам фокус группы был задан вопрос: «Какое влияние на развитие общества оказал железный занавес?». Ответы на этот вопрос связаны с представлениями

о дифференциации отношения советского общества к Западу в прошлом и в настоящем. Этот фактор оказывает влияние на представления о значимости опыта советских поколений для формирования социальной идентичности современной молодежи.

«Либеральная» трактовка железного занавеса включает убеждение в том, что русофобия, о которой средства массовой информации публикуют немало материалов, является одним из следствий идеологического воздействия советской пропаганды.

«Железный занавес настраивал советских людей против Европы. Советским людям внушали, что им там не рады, их там не ждут» (жен., 22, гум.).

Под влиянием железного занавеса в западных странах, по мнению молодежи, происходило искажение информации о советских людях. Участница фокус-группы процитировала стихотворение Маяковского про советский паспорт: *«берут как бомбу, как ежа» (жен., 21, гум.).*

Сторонники «либеральной» интерпретации железного занавеса акцентируют внимание на существовании резких различий во взглядах со старшими поколениями.

«Сейчас старшее поколение сложно переубедить в чем-либо, они считают, что американцы – это плохо. Цитируют Задорнова. Они верят всем новостям по телевизору, они считают, что все это правда. Сформировались стереотипы. Не было культурного взаимодействия, культурного обмена» (жен., 20, гум.).

Слепой вере в «пропаганду» молодежь противопоставляет негативное отношение к официальным источникам информации. Для некоторых представителей молодежи характерно недоверчивое отношение к тому, что в западных странах существует предвзятое отношение к русским.

«Историческая» трактовка железного занавеса при объяснении его влияния на советское общество выделяет социально-психологические особенности, возникающие в условиях информационных ограничений. По мнению участников фокус-группы, политика железного занавеса не была эффективной. Препятствия в получении информации о жизни за рубежом вызывали повышенный интерес к ней у советских людей, стремление подражать западному образу жизни.

«У большинства осталась парадигма, что то, что есть на Западе, то хорошо для нас, для нашего общества, для нашей страны. С другой стороны, нас за бугром никогда не любили и любить не будут» (муж., 21, тех.).

Это суждение содержит два противоположных критерия, которые связаны с представлениями о железном занавесе. С одной стороны, это преклонение перед Западом, с другой стороны, недоверчивое отношение к нему. «Историческая» трактовка указывает на то, что отношение к Западу является одним из важных факторов социальной дифференциации общества не только в советский период, но и на современном этапе.

«Железный занавес не препятствовал, а способствовал интересу к западному образу жизни. До сих пор в обществе существует конфликт по этому поводу, нужно ли нам кооперироваться с другими странами для создания товаров» (муж., 22, гум.).

Современной молодежью политика железного занавеса рассматривается в качестве одного из факторов формирования социальной идентичности старших поколений. В «либеральной» трактовке подчеркиваются различия мировоззрения современной молодежи и поколений советского общества. При этом утверждается, что молодежь «свободна» от стереотипов, поэтому открыта для восприятия достижений западной цивилизации. А представители старшего поколения рассматриваются как носители идеологических штампов по отношению к Западу, сформировавшихся под влиянием железного занавеса.

Сторонники «исторической» интерпретации считают, что стереотипы железного занавеса выступают одним из проявлений конфликтных взаимодействий с западной цивилизацией, которые существовали между Россией и Западом в течение многих веков. «Историческая» трактовка не устанавливает резких различий в отношении к Западу

советских поколений и современной молодежи. Следствием влияния политики железного занавеса на советское общество является преклонение перед Западом, которое характерно для определенной категории российских граждан, вне зависимости от возрастных различий.

Заключение

Противоречия в трактовке понятия железного занавеса находят проявление в различиях «либеральной» и «исторической» интерпретаций, которые были выявлены на основе анализа материалов фокус-групп. При сравнении позиций рассмотрены идеологические, аксиологические аспекты, а также критерии социальной идентичности.

Как показали результаты фокус-групп, в «либеральной» интерпретации железный занавес рассматривается как политика советского государства по отношению к советским гражданам, которая осуществлялась под влиянием коммунистической идеологии. «Либеральная» трактовка выделяет коммунистическую идеологию в качестве основной причины искаженных представлений советских людей о западном образе жизни. «Либеральная» трактовка железного занавеса противопоставляет ценности советских поколений ценностям современной молодежи. Утверждается, что взгляды представителей старших поколений основаны на пропаганде, которая отождествляется с информацией из официальных источников. «Либеральная» трактовка рассматривает русофобию как продукт советской пропаганды, которая убеждала советских граждан в негативном отношении к ним на Западе. В современных условиях, с точки зрения молодежи, критика западного образа жизни считается устаревшей и неуместной.

«Историческая» интерпретация рассматривает железный занавес как следствие политического конфликта после Второй мировой войны, нашедшего проявление в обострении отношений между Советским Союзом и Западом. «Историческая» трактовка железного занавеса отображает представления о самобытности, духовности, искренности произведений, созданных в советский период. Специфика советской культуры видится в том, что она выражала интересы государства и развития общества.

При объяснении влияния западных ценностей на социальную идентичность «историческая» интерпретация железного занавеса опирается на понимание социально-психологических механизмов. Усилия, направленные на ограничение информационного влияния Запада, привели к созданию «культы» западного образа жизни в сознании многих советских людей. Согласно «исторической» трактовке, компонентом социальной идентичности выступает отношение российских граждан к западным ценностям, которое прослеживалось не только в советский период, но и на других этапах развития общества.

Противоречия между трактовками стереотипа железного занавеса проявляются в том, что они выполняют противоположные функции. «Либеральная» интерпретация указывает на негативные последствия коммунистической идеологии, при этом ее сторонники не учитывают, что любая идеология опирается на стереотипы. Функции «исторической» интерпретации состоят в объяснении социально-политического контекста, который создает и поддерживает социальные стереотипы. «Историческая» трактовка критически переосмысливает последствия политики железного занавеса не только для прошлого, но и для настоящего, опираясь на знания социальных и гуманитарных наук.

Список литературы

- Асонов Н.В. 2022. Российская цивилизация: миф и реальность. *Социально-гуманитарные знания*. 2: 54–63. DOI 10.34823/SGZ.2022.2.51772.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. М.М. Сокольской. М., Языки славянской культуры: 363 с.

- Бешко Е. В. 2016. Фултонская реч У. Черчилля: дакументальнае пачало халоднай вайны. *Научный вестник Крыма*, 4 (4): 21.
- Громыко А.А. 2016. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику. *Современная Европа*, 1(67): 26–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120162638>.
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. 2017. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение. *Политическая наука*, 1: 120–137.
- Ефременко Д.В. 2023. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке. *Политическая наука*, 2: 15–45. DOI: 10.31249/poln/2023.02.01
- Жихарева Н.А., Яковлева Е.П. 2021. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 2: 31–40. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4.
- Замараева Е.И. 2022. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации. *Казанский педагогический журнал*, 3(152): 263–268. DOI: 10.51379/KPJ.2022.153.3.034.
- Касьянов В.В. 2021. Советский человек: возможна ли реинкарнация? *Гуманитарий Юга России*, 1: 143–152. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.13.
- Киселев С.Г., Кефели И.Ф., Опокин А.Б. 2022. Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля). *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 3(41): 24–33. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-24-33.
- Ключников С.Ю. 2017. О патриотизме, эмиграции и поездках за границу. *Постсоветский материк*, 1(13): 47–54.
- Кутепов В.А., Рыбаков С.В. 2013. Фултонская реч Черчилля: суть и подтексты. *Омский научный вестник*, 3(119): 17–20.
- Кутыкова И.В. 2015. Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 208: 7–15.
- Логунова Л.Ю., Рычков В.А. 2020. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов. *Идеи и идеалы*, 12 (4) 1: 191–213. DOI: 10.17212/20750862-2020-12.4.1-191-213.
- Лукиянов В. Ю. 2021. Гармонизация системы международных отношений XXI века: идеологический аспект. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2: 20–29. DOI: 10.37482/2687-1505-V084.
- Мегилл А. 2005. История и память: за и против. *Философия и общество*, 2: 132–165.
- Медушевский Н.А. 2019. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса. *Власть*, 3: 167–174. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6436.
- Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия. *Полития*, 3 (94): 87-102. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102.
- Павловская А.В. 2012. Россия И Запад: догнать и перегнать? *Россия и Запад: диалог культур*, 1: 4.
- Рябов Д.О. 2016. Политика памяти в формировании европейской идентичности ЕС. *PolitBook*, 4: 65–83.
- Усманова З.Р., Смулькина Н.В. 2023. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России. *Политическая наука*, 2: 254–272. DOI: 10.31249/poln/2023.02.11.
- Федоров А.В. 2009. Сравнительный анализ медийных стереотипов времен «Холодной войны» и идеологической конфронтации (1946-1991). *Медиаобразование*, 4: 62–84.
- Фетисова О.В. 2021. Тенденции развития социальной памяти в современном информационном пространстве России. *Гуманитарий Юга России*, 2: 58–67. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.5.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М., Новое издательство: 348 с.
- Ширяев Б.А. 2016. У истоков холодной войны (глобальные замыслы Вашингтона и иллюзорные ожидания и просчеты Москвы). *Управленческое консультирование*, 4 (88): 238–252.
- Blanuša N. 2005. Historical Consciousness of Young People in Europe at the Turn of the Millennium. *Politička misao*, XLII (5): 31–54.
- Karlsson K.-G. 2011. Processing Time – On the Manifestations and Activations of Historical Consciousness. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II*, editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik, 130–144. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129

- Nordgren K. 2021. The sidewalk is a history book: Reflections on linking historical consciousness to uses of history. *Historical Encounters A journal of historical consciousness historical cultures and history education*, 8(1): 1–15. DOI: 10.52289/hej8.101
- Rigney A. 2012. Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*, 43(4): 607–628. DOI: 10.2307/23358659
- Smit R. 2020. Connective Memory Work on Justice for Mike Brown. In Merrill S., Keightley E., Daphi P. (Eds.), *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media : Mobilising Mediated Remembrance* (Palgrave Macmillan Memory Studies book series (PMMS)): 85–108. DOI: 10.1007/978-3-030-32827-6_4
- Thompson T.L., Dean K.T. 2017. National Identity, Historical Consciousness, and Historical Preservation. *International Journal of Bahamian*, 23. DOI: 10.15362/ijbs.v23i0.280
- Von Borries B. Coping with Burdening History. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II.* editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik: 165–189. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129

References

- Asonov N.V. 2022. Rossijskaya civilizaciya: mif i real'nost' [Russian civilization: myth and reality]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2: 54–63. (in Russian). DOI: 10.34823/SGZ.2022.2.51772
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Per. M.M. Sokol'skoj. M., Yaz. slav. kul'tury. MM. Sokolskaya. M., Yaz. glory. culture: 363 p.
- Bebeshko E. V.2016. Fultonskaya rech' U. Cherrchillya: dokumental'noe nachalo holodnoj vojny [Fultonsky speech of U. Churchill: documentary beginning cold war]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 4(4): 21 p. (in Russian).
- Gromyko A.A. 2016. Istoki i vliyanie holodnoj vojny na mirovuyu politiku [Emergence and influence of "cold war" over world politics]. *Sovremennaya Evropa*, 1(67): 26–38 (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120162638>
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. 2017. Obrazy proshlogo v rossijskom massovom politicheskom soznanii: mifologicheskoe izmerenie [Images of the Past in Russian mass political consciousness: Mythological measurement]. *Politicheskaya nauka*, 1: 120–137 (in Russian).
- Efremenko D.V. 2023. Obretaya uverenost' v sobstvennom proshlom. Rossijskie identichnost' i politika pamyati na novej istoricheskoj razvilke [Gaining certainty in our own past. Russian identity and memory politics at a new historical fork]. *Politicheskaya nauka*, 2: 15–45 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2023.02.01
- Zhikhareva N.A., Yakovleva E.P. 2021. Stereotipy kak sredstva vliyaniya na massovoe soznanie v politicheskom diskurse [Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*, 2: 31–40 (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4
- Zamaraeva E. 2022. Problemy sohraneniya istoricheskoj pamyati v epohu cifrovizacii [Problems of preserving historical memory in the era of digitalization]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3(152): 263-268 (in Russian). DOI:10.51379/KPJ.2022.153.3.034
- Kasyanov V.V. 2021. Sovetskij chelovek: vozmozhna li reinkarnaciya? [Soviet man: is reincarnation possible?]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 1: 143–152 (in Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.13
- Kiselev S. G., Kefelib I. F., Opokin A. B. 2022. Iz-za zheleznogo zanavesa v seti gibridnoj vojny (ekho Fultonskoj rechi Cherrchillya) [From behind the Iron Curtain to Hybrid Warfare Networks (Echoes of Churchill's Fulton Speech)]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*, 3(41): 24–33 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-24-33
- Klyuchnikov S. 2017. O patriotizme, emigracii i poezdках za granicu [On patriotism, emigration and travelling abroad]. *Postsovetskij materik*, 1(13): 47–54 (in Russian).
- Kutepov V.A., Rybakov S.V. 2013. Fultonskaya rech' Cherrchillya: sut' i podteksty [Churchill's Fulton speech: essence and subtexts]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 3(119): 17–20 (in Russian).

- Kutykova I.V. 2015. Istoricheskaya pamyat' novogo pokoleniya v usloviyah sociokul'turnoj transformacii [Historical memory of the new generations in conditions of socio-cultural transforms]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 208: 7-15 (in Russian).
- Logunova L., Rychkov V. 2020. Pole pamyati: konstruirovaniye i bor'ba narrativov [Memory field: design and fight of narratives]. *Idei i idealy*, 12(4) 1: 191–213 (in Russian). DOI: 10.17212/20750862-2020-12.4.1-191-213
- Luk'yanov V. Yu. 2021. Garmonizaciya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij XXI veka: ideologicheskij aspekt [Harmonization of the system of international relations in the 21st century: an ideological aspect]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2: 20–29 (in Russian). DOI: 10.37482/2687-1505-V084
- Megill A. 2005. Istoriya i pamyat': za i protiv [History and memory: pros and cons]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2: 132–165 (in Russian).
- Medushevsky N.A. 2019. Politika pamyati v Evropejskom soyuze kak instrument realizacii integracionnogo processa [Memory policy in the European union as a tool for the implementation of the integration process]. *Vlast'*, 3: 167–74 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6436.
- Miller A.I. 2019. Rost znachimosti institucional'nogo faktora v politike pamyati - prichiny i posledstviya [Growth of the significance of institutional factor in politics of memory -causes and implications]. *Politiya*, 3 (94):87-102 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102
- Pavlovskaya A.V. Rossiya I Zapad: dognat' i peregnat'? [Russia and the West: Catch up with and Pass?]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, 1: 4 (in Russian).
- Ryabov D.O. 2016. Politika pamyati v formirovanii evropejskoj identichnosti ES [Politics of memory in the formation of european identity EU]. *PolitBook*, 4: 65–83 (in Russian).
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. 2023. Aktualizaciya obrazov proshlogo v predstavleniyah grazhdan o budushchem Rossii [Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia]. *Politicheskaya nauka*, 2: 254–272 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2023.02.11
- Fedorov A.V. 2009. Sravnitel'nyj analiz medijnyh stereotipov vremen «Holodnoj vojny» i ideologicheskoy konfrontacii (1946-1991) [Comparative analysis of media stereotypes during the Cold War and ideological confrontation (1946-1991)]. *Mediaobrazovanie*, 4: 62–84 (in Russian).
- Fetisova O.V. 2021. Tendencii razvitiya social'noj pamyati v sovremennom informacionnom prostranstve Rossii [Trends in the development of social memory in the modern world information space of Russia]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 2: 58–67 (in Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.5
- Halbvaks M. 2007. Social'nye ramki pamyati [Social framework of memory] Per. s fr. i vstupitel'naya stat'ya S.N. Zenkina – M.: Novoe izdatel'stvo. Per. from fr. and introductory article by S.N. Zenkina. M.: New publishing house, 2007. 348 p.
- Shiryayev B. A. 2016. U istokov holodnoj vojny (global'nye zamysly Vashingtona i illyuzornye ozhidaniya i proshchety Moskvyy) [At the Origins of the Cold War (Washington's Global Plans and Moscow's Illusory Expectations and Miscalculations)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 4(88): 238–252 (in Russian).
- Blanuša N. 2005. Historical Consciousness of Young People in Europe at the Turn of the Millennium. *Politička misao*, XLII (5): 31–54.
- Karlsson K.-G. 2011. Processing Time – On the Manifestations and Activations of Historical Consciousness. *Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II*, editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik, 130–144. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129
- Nordgren K. 2021. The sidewalk is a history book: Reflections on linking historical consciousness to uses of history. *Historical Encounters a journal of historical consciousness historical cultures and history education*, 8(1): 1–15. DOI: 10.52289/hej8.101
- Rigney A. 2012. Transforming Memory and the European Project. *New Literary History*, 43(4): 607–628. DOI: 10.2307/23358659
- Smit R. 2020. Connective Memory Work on Justice for Mike Brown. In Merrill S., Keightley E., Daphi P. (Eds.), *Social Movements, Cultural Memory and Digital Media : Mobilising Mediated Remembrance* (Palgrave Macmillan Memory Studies book series (PMMS)): 85–108. DOI: 10.1007/978-3-030-32827-6_4

- Thompson T.L., Dean K.T. 2017. National Identity, Historical Consciousness, and Historical Preservation. *International Journal of Bahamian*, 23. DOI: 10.15362/ijbs.v23i0.280
- Von Borries B. Coping with Burdening History. Historicizing the Uses of the Past. Scandinavian Perspectives on History Culture, Historical Consciousness and Didactics of History Related to World War II. editor Bjerg, Helle ; Lenz, Claudia and Thorstensen, Erik: 165–189. DOI: 10.14361/transcript.9783839413258.129

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.05.2024

Поступила после рецензирования 07.07.2024

Принята к публикации 16.08.2024

Received May 11, 2024

Revised July 07, 2024

Accepted August 16, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-3433-328X](https://orcid.org/0000-0002-3433-328X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tsvetkova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy, Tolyatti State University, Tolyatti, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-3433-328X](https://orcid.org/0000-0002-3433-328X)

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-465-476

Диспозиции молодежи в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики

Цибуля Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

nikitacibulya@mail.ru

Аннотация. В настоящее время сфера государственной молодежной политики претерпевает значительные изменения, связанные с процессом цифровизации, который затрагивает всех ее акторов, вызывая у них реакцию, далеко не всегда учитывающую специфику складывающейся гибридной реальности, порождающей как новые возможности, так и риски. Несмотря на происходящую трансформацию и необходимость ее осмысления, в научном дискурсе отсутствуют работы, посвященные изучению диспозиций различных групп молодежи в отношении цифровой трансформации, выявлению особенностей государственной молодежной политики в виртуальном пространстве, барьеров, возникающих в ходе работы с молодежью в цифровом обществе. Целью исследования, проведенного методом фокус-групп, участниками которых стали школьники, студенты и работающие молодые люди, является определение особенностей их позиций в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики. Результаты показали, что отношение молодых людей к онлайн-проектам и программам в сфере государственной молодежной политики противоречиво. С одной стороны, они заинтересованы в получении информации о проектной деятельности в виртуальном пространстве и даже участии в ней, с другой – демонстрируемый интерес носит инертный характер и не подкрепляется самостоятельными действиями по его удовлетворению. Автором установлено, что причины пассивности связаны с низкой эффективностью системы информационного обеспечения государственной молодежной политики, а также с несоответствием существующих виртуальных проектов и программ реальным потребностям молодежи, которая все чаще при рассмотрении возможности участия в практиках государственной молодежной политики, реализуемых как в реальной жизни, так и в онлайн-пространстве, ориентируется на личную практическую выгоду, которая вступает в противоречие с преимущественно социетальными целями государственной молодежной политики.

Ключевые слова: социальная реальность, гибридная реальность, цифровизация, виртуальные проекты, потребности молодежи, прагматизм, система информационного обеспечения

Для цитирования: Цибуля Н.А. 2024. Диспозиции молодежи в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 465–476. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-465-476

Dispositions of Youth in Relation to Virtual Components of State Youth Policy

Nikita A. Tsibulya

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

nikitacibulya@mail.ru

Abstract. The sphere of state youth policy is currently undergoing significant changes associated with the process of digitalization, which affects all its actors, causing a reaction in them that does not always take

into account the specifics of the emerging hybrid reality, generating both new opportunities and risks. Despite the ongoing transformation and the need to understand it, there are no works in the scientific discourse devoted to the study of the dispositions of various groups of youth in relation to digital transformation, identifying the features of state youth policy in the virtual space, barriers that arise in the course of working with youth in a digital society. The purpose of the study, conducted by the method of focus groups, which included schoolchildren, students and working young people, is to determine the specifics of their positions in relation to the virtual components of the state youth policy. The results showed that the attitude of young people to online projects and programs in the field of state youth policy is contradictory. On the one hand, they are interested in receiving information about project activities in the virtual space and even participating in them, on the other hand, their interest is inert in nature and is not supported by any independent actions to satisfy it. The author found that the reasons for passivity are related to the low efficiency of the information support system for state youth policy, as well as the discrepancy between the existing virtual projects and programs and the real needs of young people, who increasingly focus on personal practical benefit when considering the possibility of participating in the practices of state youth policy implemented both in real life and in the online space. Such preference contradicts the predominantly societal goals of state youth policy.

Keywords: social reality, hybrid reality, digitalization, virtual projects, youth needs, pragmatism, information support system

For citation: Tsibulya N.A. 2024. Dispositions of Youth in Relation to Virtual Components of State Youth Policy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 465–476 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-465-476

Введение

Социальная реальность в конце XX и начале XXI в. претерпевает существенные изменения, связанные с техногенным характером развития социума. Стремительный научно-технический прогресс позволил трансформировать общество, природу и самого человека. Нетехническое человечество окончательно сменилось «человечеством техническим», а биосферу подчинила себе техносфера [Лотфуллина, Солодухо, 2022, с. 92]. Связи между человеком, техникой и природой стали настолько тесными, что сегодня с полной уверенностью можно говорить о зарождении новой среды обитания людей – гибридной реальности.

В настоящее время о феномене гибридности всё чаще говорят в контексте объединения реальности и виртуального пространства [Василенко, Мещерякова, 2023, с. 49]. Подобная конвергенция цифрового и физического миров проявляется в глубокой интеграции информационно-коммуникационных технологий в нашу повседневность и в размывании границ между «онлайн» и «офлайн». Современный индивид живет не в одном, а сразу в двух мирах – традиционном «физическом» и виртуальном [Труфанова, 2021, с. 16]. Если в ходе утверждения первых интернет-технологий, порождаемый ими мир рассматривался как пространство для досуга, развлечений, временного отвлечения от повседневной рутины, то сегодня Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. Отказ от использования электронной почты, социальных сетей и мессенджеров не представляется возможным и означает изоляцию от общества, а онлайн-активность человека стала такой же важной, как и его жизнь офлайн.

Гибридизация реальности оказала значительное влияние на все социальные институты, прежде всего на государство. Интернет-технологии активно внедряются в процесс государственного управления, что позволяет в ряде случаев значительно повысить эффективность и прозрачность работы государственных органов.

Однако наряду с положительными эффектами, гибридная реальность порождает риски и угрозы. К подобным угрозам можно отнести, например, зависимость от технологий [Луговая, Черникова, 2018; Локова, Ханова, Захохова, 2024], потерю навыков

межличностной коммуникации [Гаю, 2019], деформацию структуры личности [Гурьянов, Коротаева, 2021; Шевченко, Штофер, 2022], уход в виртуальную реальность [Лисенкова, Труфанова, 2023]. Значительное влияние интернет-технологии оказывают на молодежь, которая на протяжении всего периода личностного становления погружена в цифровую среду. Молодые люди не только активно общаются в Интернете, но и осваивают разнообразные сервисы, они активнее и быстрее, чем остальные интернет-пользователи, овладевают различными средствами сетевой коммуникации. Образ жизни современной российской молодежи в большой степени складывается под влиянием не реального, а виртуального мира [Мартышенко, 2020, с. 195]. Через Интернет в молодежную среду транслируются модели поведения, образа жизни, специфические ценности, критерии жизненного успеха и способы его достижения. При этом исследователями отмечается увеличение значимости виртуального пространства как инструмента воспитания. В то же время традиционные институты, такие как семья и образование, теряют свое влияние на процессы социализации, формирования активной и социально-ответственной личности среди молодых людей [Макарова, 2021]. В условиях интенсивного влияния интернет-технологий на молодежь перед органами государственной власти и местного самоуправления, реализующими молодежную политику, по нашему мнению, должна стоять задача по формированию новых подходов, которые учитывали бы специфику складывающейся гибридной реальности.

В настоящее время субъектами молодежной политики уже созданы и активно используются информационные интернет-платформы, такие как «Молодежь России»¹ и «Добровольцы России»², на которых молодые люди могут узнать о форумных кампаниях и волонтерских мероприятиях, а также подать заявку на участие в них. Кроме того, ряд проектов и программ частично или полностью реализуется в виртуальном пространстве. Примером тому могут служить заочные конкурсы грантов³, онлайн-лекции и встречи с ведущими экспертами из различных областей⁴. Однако, несмотря на принимаемые меры, гибридные технологии недостаточно широко внедряются в сферу молодежной политики, отсутствует системность и закрепление данного направления работы в стратегических документах, в частности в «Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 года».

Возможности применения гибридных технологий в работе с молодежью и реализации государственной молодежной политики (далее – ГМП) исследуются в работах ряда авторов [Малькевич, 2020; Никитин, Комарова, 2022; Кушнаренко, 2022]. Г.А. Ляукина [2019], Д.Ф. Бужинин, Е.Н. Путинцева [2019], Е.В. Лунева, К.А. Фомичев, О.Г. Хрипунова [2019] рассматривают потенциал использования интернет-проектов в гражданско-патриотическом воспитании молодежи. Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в социальной работе с молодежью анализируют М.М. Иванова [2020], А.В. Филончик [2022]. Но практически не изучены такие аспекты проблемы, как диспозиции различных групп молодежи в отношении цифровой трансформации; не выявлены особенности молодежной политики в виртуальном пространстве; не определены барьеры, возникающие в ходе работы с молодежью в цифровом обществе.

Таким образом, в сложившихся условиях существует потребность в более глубоком изучении специфики применения гибридных технологий в сфере молодежной политики.

Целью исследования является определение особенностей позиций молодых людей в отношении виртуальных компонентов ГМП.

¹ ФГАИС «Молодежь России». URL: <https://myrosmol.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).

² DOBRO.RU – крупнейшая платформа для добрых дел. URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).

³ Росмолодежь. Гранты 2 сезон. URL: <https://navigator.dobro.ru/measure/3665> (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Академия Росмолодежи. URL: <https://academy.myrosmol.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).

Задачи исследования: выявить, чем определяется отношение молодых людей к виртуальным проектам и программам; насколько молодежь заинтересована в участии/неучастии в них; какова мотивация этой заинтересованности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают молодые люди, предметом – их диспозиции в отношении виртуальных компонентов государственной молодежной политики.

Для достижения цели и решения задач исследования был использован метод фокус-групп. Интервьюирование проводилось в городе Курске, его участниками стали различные категории молодежи: школьники, студенты и работающие молодые люди (всего 3 группы, общее количество участников – 24 человека в возрасте от 15 до 26 лет).

Перед проведением дискуссий был разработан топик-гайд (сценарий). Обсуждение в фокус-группах проходило под руководством модератора, который координировал ход исследования, задавал дополнительные вопросы, чтобы уточнить или расширить ответы информантов.

Результаты исследования

Необходимо отметить, что в ходе исследования изначально был зафиксирован информационный барьер, затрудняющий получение полной и адекватной информации о диспозициях молодежи в отношении государственной молодежной политике в гибридном пространстве. Он был обусловлен тем, что значительная часть молодых людей оказалась недостаточно информированной не только о цифровизации пространства молодежной политики, но и о самой этой отрасли. Тем не менее, уже само это обстоятельство стало основанием для вывода о том, что в настоящее время гибридные формы реализации ГМП пока не относятся к числу наиболее важных объектов интересов молодых людей.

Несмотря на то, что фокус-групповое интервьюирование не позволяет определить реальную долю молодых людей, которые не осведомлены о молодежной политике, реализуемой в виртуальной реальности, важным представляется вывод о том, что дефицит информации по-разному проявляется в отдельных молодежных группах.

Абсолютная неосведомленность характерна для школьников и студентов, которые не смогли назвать ни одного известного им онлайн-мероприятия: *Даниил (16 лет, школьник): «Не слышал»; Еремей (15 лет, школьник): «О тех, которые проводятся именно в Интернете, не слышал ничего»; Анастасия (20 лет, студентка): «О тех, которые в Интернете проходят, наверное, не слышала».*

Большинство представителей работающей молодежи также продемонстрировали полное отсутствие знаний о виртуальных проектах и программах. Некоторые респонденты признавались, что могли видеть информацию о них, но не уделяли ей должного внимания: *Кристина (24 года, копирайтер): «Мне кажется, что я что-то слышала, но никогда не проявляла интерес»; Анастасия (24 года, старший специалист по социальным коммуникациям): «Я не знакома вообще, может быть, видела, но не придавала значения».* Только один из участников исследования, представляющий работающую молодежь, продемонстрировал высокий уровень осведомленности. Он сообщил, что не только знает о мероприятиях, реализуемых в сети Интернет, но и активно участвует в них: *Даниил (24 года, специалист по инновационной деятельности): «Да, знаком. Это проект "Росмолодежь. Бизнес". О нем я узнал из Интернета. Моим интересам он отвечает и привлекает тем, что это сообщество единомышленников, где есть финансовые призы, а также личные какие-то достижения в этой сфере».*

Основная причина недостаточной информированности о ГМП, реализуемой в виртуальном пространстве, связана со спецификой заинтересованности в получении подобных сведений. У части респондентов она полностью отсутствует, что в наибольшей

степени проявляется среди школьников: *Валерия (16 лет, школьница): «Мне не интересно»*; *Софья (15 лет, школьница): «Мне не интересно. Я хочу развиваться в химико-биологическом направлении. Общество меня не интересует»*. У других молодых людей заинтересованность имеет место, но она носит абстрактный характер, поскольку не подкреплена реальными действиями, направленными на самостоятельное ознакомление с интернет-проектами. Подобная инертность характерна для студентов и работающей молодежи: *Анастасия (20 лет, студентка): «Хотелось бы узнать о том, какие возможности есть»*; *Анастасия (26 лет, документовед): «Да, хотела бы. Я очень мало знаю о молодежной политике, мало этого касалась. Всегда было интересно, но возможности узнать об этом не было. В Интернете было мало информации, либо все это проходило мимо меня»*.

При этом в ходе интервью были высказаны суждения о причинах отсутствия или наличия интереса. Среди них можно выделить три.

Первая – наличие увлечения, которое выступает основанием для общественной активности. Эти увлечения могут быть различными, но они инициируют просоциальное поведение: *Федор (20 лет, студент): «Животным вот люблю помогать, в приют мы ездили, вот это, наверно, интересно»*. *Кристина (24 года, копирайтер): «Мне интересно что-то связанное со сферой медиа, СМИ, журналистикой и новостями. Это будет полезно в моей сфере деятельности»*; *Георгий (16 лет, школьник): «Мне тоже тема политики больше всего интересна. Думал с этим связать дальнейшую жизнь»*. Одной из форм такого поведения и становится поиск в интернет-пространстве информации о возможности удовлетворить свои запросы посредством участия в молодежных проектах и программах.

Вторая причина связана с прагматическими соображениями: *Даниил (16 лет, школьник): «Баллы ЕГЭ, стикеры во ВКонтакте. Вот, например, мероприятие во ВКонтакте проводится, и там дарят стикеры, прикольно. Еще доступ к каким-то курсам подготовки к ЕГЭ»*; *Софья (15 лет, школьница): «Преимущества с поступлением. Возможность пообщаться с человеком, который сам этот путь прошел»*; *Максим (20 лет, студент): «Если будет возможность пообщаться с кем-то интересным, научиться чему-то новому у экспертов в своей области»*; *Юлия (21 год, студентка): «Возможность путешествовать, практику, например, где-то в интересном месте пройти»*. *Николай (26 лет, специалист по защите информации): «Вы поучаствовали где-то и после этого получили доступ, например, поступить в какой-то ВУЗ или уехать за границу учиться. То есть вы получаете перспективы и знания. Это должно быть в первую очередь. Ну и также какие-то материальные ценности. Можно даже не прямо сейчас, а что-то на перспективу. Например, поучаствовал где-то, а потом можешь участвовать еще выше»*; *Анастасия (24 года, старший специалист по социальным коммуникациям): «Опыт, перспективы дальнейшие, знакомства полезные. Ну, удобство мероприятий в Интернете, что ты еще можешь совмещать это с работой. Не надо отпрашиваться куда-то, приходиться. Еще одна из мер мотивации – это приглашенные стикеры. Сейчас на мероприятия, конкурсы приглашают экспертов, которых интересно послушать»*. Молодые прагматики, обращаясь к виртуальным практикам молодежной политики, прямо рассчитывают на вознаграждение.

Третья причина может быть определена как когнитивная, поскольку имеет место у тех участников, которые рассматривают получение новой информации как освоение нового знания: *Екатерина (24 года, консультант управления экологического контроля (надзора): «Интересно, потому что я в целом не осведомлена о молодежной политике, о тех проектах и мероприятиях, которые существуют»*.

В свою очередь причины отсутствия интереса можно сгруппировать по двум основаниям. Первое отражает специфику личных предпочтений и интересов респондентов, не связанных с молодежной политикой и предпочитающих решать

жизненные проблемы индивидуально: *Александр (15 лет, школьник): «Мне тоже не интересна [молодежная политика Н.Ц.], я по другому руслу иду»; Валерия (16 лет, школьница): «Я не в этой сфере нахожусь. Не интересно вообще принимать участие в каких-либо мероприятиях».* Второе связано с тем, что молодые люди не находят связи между получением сведений и достижением своих утилитарных целей: *Еремей (15 лет, школьник): «Мне не очень интересно. Как вам сказать? Мне нравится поверхность, а углубляться не хочется. Тем более этим надо заниматься, а мне лень. Единственное, что может изменить мое мнение, так это то, что это принесет кому-то пользу, потому что я люблю все делать с выгодой для себя»; Софья (15 лет, школьница): «Да не знаю, если я на платное поступлю, то смысл мне участвовать где-то? Если на бюджет, то можно, чтобы стипендия была больше».*

В тех случаях, когда участники фокус-группы высказывали интерес к виртуальным практикам ГМП, они демонстрировали дифференциацию его объектов. Так, респонденты отметили, что хотели бы узнать о виртуальных проектах и программах, которые связаны с волонтерством, военно-патриотическим воспитанием, журналистикой, молодежным парламентаризмом, программированием, информационно-коммуникационными технологиями, предпринимательством и стартапами: *Олег (21 год, студент): «Мне интересно все, что связано с программированием, IT. Если есть какие-то такие проекты, то о них было бы интересно узнать»; Анастасия (24 года, старший специалист по социальным коммуникациям): «Интересует волонтерство в целом, участие в каких-либо форумах».*

Однако даже наличие интереса к виртуальным практикам молодежной политики не означает, что молодые люди обязательно будут в них включаться, хотя установка на непосредственное участие в виртуальных цифровых проектах и программах присуща большинству респондентов.

Те же, кто отрицательно отнеслись к перспективе участия в сетевых практиках ГМП, мотивировали это тремя обстоятельствами.

Во-первых, для многих молодых людей типично отсутствие опыта участия в онлайн-мероприятиях ГМП. Его дефицит создает существенные барьеры для реального приобщения к проектам ГМП: *Олег (21 год, студент): «Хотел бы. Ну, потому что мало где участвовал, а тут можно попробовать, посмотреть»; Анастасия (24 года, старший специалист по социальным коммуникациям): «Мне бы хотелось поучаствовать, но я не знаю вообще, какие есть направления, я мало в этом осведомлена. Вот я услышала тут о некоторых проектах, и мне захотелось сразу поучаствовать. А так поучаствовать интересно».*

Во-вторых, даже если такой опыт имеется, то чаще всего он детерминирован соображениями утилитарного характера: *Даниил (24 года, специалист по инновационной деятельности): «Мне нравятся виртуальные проекты, поскольку они приносят деньги».* Но молодежная политика в любом из видов социальной реальности не является практикой «раздачи наград», и это создает барьер для многих потенциальных участников.

В-третьих, существенно мешает участию представление о некомфортности самого процесса, требующего определенного изменения стиля жизни: *Софья (15 лет, школьница): «Мне бы, например, больше онлайн где-то поучаствовать хотелось бы, потому что это проще, никуда ходить не надо»; Максим (20 лет, студент): «Они и удобнее, даже с телефона там зашел, нажал, посмотрел, что надо изучил. Тем более ездить куда-то не очень хочется, а так из дома можно».*

В-четвертых, проявилось довольно неожиданное предубеждение об однообразии и утомительности онлайн-практик по сравнению с офлайн-мероприятиями: *Даниил (16 лет, школьник): «Я не хотел бы. Это скучно как-то. В реальной жизни интереснее, если это проект. Если информацию просто посмотреть, то в Интернете»; Анастасия (26 лет, документовед): «Предыдущие мотивации, которые озвучивались: признание, успех,*

билборды. Меня наоборот это пугает. Это не моя мотивация сто процентов. Вот если бы я могла сделать что-то полезное, то это другое дело».

Для участников исследования, которые высказали заинтересованность в участии в онлайн-практиках ГМП, характерна дифференциация ее объектов. Направления виртуальных проектов и программ, которые привлекают респондентов, во многом схожи с теми, которые они указывали, отвечая на вопрос о том, о каких мероприятиях хотели бы узнать. Однако некоторые участники дискуссии отметили, что их привлекают и другие сферы, среди которых: киберспорт, проекты и программы, связанные с творчеством, развитием личного бренда и ведением блога: *Даниил (24 года, специалист по инновационной деятельности): «Все, что связано с блогингом, личным брендом. Что-то киберспортивное тоже прикольно, тоже трендовая сфера. И я считаю, что те направления молодежной политики, которые отвечают трендам, они меня интересуют, а те, которые не отвечают, не интересуют»;* *Екатерина (24 года, консультант управления экологического контроля (надзора): «Медиа направление ближе всего. Может быть, что-то связанное с творчеством. Где я могу что-то сделать и дальше это продвигать».*

Обсуждение

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о низкой осведомленности большинства молодых людей о цифровом пространстве молодежной политики. С одной стороны, это указывает на то, что действующая система информационного обеспечения ГМП недостаточно эффективна. Полученные данные согласуются с результатами других исследований [Новикова, Рудич, Макаева, 2018; Зубок, 2020; Рудакова, 2020; Асеева, Киреева, 2021; Козлова, Руднева, Скорнякова, Чурсина, 2021]. С другой стороны, это говорит о том, что молодежь слабо заинтересована в ГМП в целом, поскольку она не ассоциируется у нее с той сферой, которая способна удовлетворить ее базовые потребности, среди которых поиск идентичности, стремление к адаптации в обществе, ожидание жизненного успеха [Ушамирский, 2016, с. 319-320].

Мы полагаем, что подобная ситуация обусловлена влиянием ряда факторов.

Во-первых, молодые люди не видят своего места в проектах и программах молодежной политики, не имеют представления о механизмах участия в них, возможностях и преимуществах, которые они предоставляют.

Во-вторых, у многих молодых людей сформировалось негативное представление о сфере ГМП. Зачастую она воспринимается ими как формальное проведение разного рода мероприятий, которые не способны удовлетворить их реальные интересы и потребности. Подобная ситуация вызывает разочарование и нежелание участвовать в проектах и программах как в настоящем, так и будущем.

В-третьих, в силу возраста и отсутствия жизненного опыта, молодые люди не способны осознать всех проблем, с которыми они могут столкнуться, а также то, каким образом система ГМП может способствовать их решению.

По отношению к виртуальным формам реализации ГМП молодых людей можно разделить на три группы: «активисты», «когнитивисты», «прагматики».

Опираясь на концепцию М. Вебера [Вебер, 2016], можно утверждать, что «активисты» демонстрируют пример ценностно-рационального действия, которое имеет две стороны – общественную и индивидуалистическую. Общественная сторона ценностно-рационального действия подразумевает, что основанием заинтересованности выступает возможность принести пользу обществу или какой-либо социальной группе как таковой. Индивидуалистическая сторона предполагает, что мотивацией является перспектива удовлетворения своих потребностей и интересов через участие в просоциальной деятельности. В свою очередь, две другие группы, «когнитивистов» и «прагматиков», демонстрируют черты целерационального действия. Если для первых целью акта является

сам факт получения новых знаний, то для вторых – возможность их практического применения, достижение конкретных результатов и решение прикладных задач.

Отметим, что среди молодых людей доминируют именно «прагматики», которые рассматривают перспективу ознакомления с информацией о виртуальных цифровых проектах и участия в них с точки зрения практической пользы и выгоды. Смещение ценностных ориентаций в сторону прагматизма фиксируется и другими исследователями, такими как М.А. Ешев, П.Н. Марков, В.Н. Нехай, А.А. Криволапова [Ешев и др., 2023], М.В. Певная, Д.В. Минченко, А.А. Белов [Певная и др., 2023].

Феномен прагматизации молодежи имеет несколько причин. Во-первых, современная молодежь сталкивается с жесткими экономическими реалиями, которые требуют обеспечения собственной финансовой стабильности и решения бытовых проблем. В таких условиях идеалистические устремления отходят на второй план, уступая место прагматичным целям достижения материального благополучия. Во-вторых, на ценностные ориентации молодежи существенное влияние оказывают массовая культура, социальные сети и реклама, которые пропагандируют потребительские, гедонистические и индивидуалистические установки. Успех, материальный комфорт и социальный статус становятся более значимыми, чем служение идеалам или духовное развитие. В-третьих, определенную роль в прагматизации молодежи играет система образования, которая зачастую ориентирована на узкую профессиональную подготовку специалистов, а не на всестороннее развитие личности. В результате молодые люди усваивают установки на карьеризм, конкурентоспособность и прагматичность в ущерб гуманистическим ценностям.

Таким образом, можно утверждать, что феномен прагматизации молодежи обусловлен комплексом объективных социально-экономических и культурных факторов, которые формируют у молодых людей преимущественно утилитарные жизненные ориентации.

Заклучение

Современная социальная реальность, имеющая гибридную природу, предоставляет социальным субъектам новые возможности, а также порождает ряд рисков. В полной мере это относится к государственной молодежной политике, тем более что именно молодежь является не только наиболее предрасположенной к влиянию гибридной среды социально-демографической группой, но и наиболее подготовлена к использованию перспектив, открывающихся в ней. В настоящее время в систему ГМП наряду с традиционными практиками ее реализации включаются виртуальные компоненты, представляющие собой цифровые проекты и программы. Их эффективное внедрение предполагает постоянный анализ реализации государственной молодежной политики, особенно диспозиций ее основных субъектов в отношении адекватных современному состоянию общества технологий, проблематика которых в настоящее время недостаточно разработана.

Проведенное исследование позволило установить, что система государственной молодежной политики в настоящее время пока не в полной мере адаптирована к условиям гибридной среды, а ее виртуальные практики, прежде всего программирование и проектирование, реализуются недостаточно эффективно. В ходе их слабо учитывается характер современного молодежного сознания, особенностью которого является отчетливо выраженный прагматизм.

Подобное обстоятельство актуализирует важность дальнейшей научно-аналитической работы, ориентированной на диагностику диспозиций молодежи в условиях цифровизации сферы ГМП, ее гибридной трансформации.

Будущие исследования, могут быть направлены:

1) на формирование представления о диспозициях основных групп молодежи о направлениях реализации ГМП в гибридном пространстве;

2) на оценку готовности и способности работников по делам молодежи и лидеров молодежных общественных организаций к реализации ГМП в условиях гибридного социального пространства;

3) на получение экспертной оценки проблем и перспектив использования социальных технологий реализации ГМП в гибридном пространстве.

В качестве методов исследования могут быть использованы как качественные, так и количественные способы сбора информации.

Список литературы

- Асеева Т.А., Киреева О.С. 2021. Представления учащейся молодежи о государственной молодежной политике (на примере Дальневосточного федерального округа). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2(67): 66–73. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-066-073
- Бужинев Д.Ф., Путинцева Е.Н. 2022. Гражданско-патриотическое воспитание современного российского молодого поколения: проблемы, перспективы и потенциал использования интернет-технологий. *Гуманитарные научные исследования*, 11(135). URL: <https://human.snauka.ru/2022/11/55050> (дата обращения: 01.09.2024).
- Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. 2023. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? *Философия науки и техники*, 28(1): 48–65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65
- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Пер. с нем. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 445 с. (Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss d. verstehenden Soziologie*. Mohr, 303 p.).
- Гаю Т.Ф. 2019. Снижение уровня коммуникативных навыков: генезис проблемы киберзависимости подрастающего поколения. *Проблемы современного педагогического образования*, 63 (4): 53-56.
- Гурьянов Н.Ю., Коротаева Т.В. 2021. Девиации когнитивных способностей человека под воздействием информационных технологий. Современные философские исследования, *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 1: 11-118. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-111-118
- Ешев М.А., Марков П.Н., Нехай В.Н., Криволапова А.А. 2023. Ценностные ориентации студенческой молодежи: актуальное состояние и тенденции развития. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 2(319): 90-96. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-2-319-90-96
- Зубок Ю.А. 2020. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
- Иванова М.М. 2020. Проблемы и перспективы развития цифровых технологий в социальной работе с молодежью. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(4): 429–442. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.405>
- Козлова Р.М., Рудева А.В., Скорнякова В.С., Чурсина Е.А. 2021. Молодежная политика и ее реализация в Курской области. В кн.: Социально-экономическая реальность поликультурного мира: новые вызовы, угрозы и риски. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Курск, 24 декабря 2021 г., Курск, Университетская книга: 189-195.
- Кушнаренко Е.А. 2022. Использование цифровых технологий в работе с молодежью: взаимодействие в современных реалиях. В кн.: Психология личностного взаимодействия в современном обществе. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Армавир, 12 апреля 2022 г., Чебоксары, Среда: 244-246.
- Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. 2023. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3: 17-34. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412>

- Локова М.Ю., Ханова М.Н., Захохова М.Р. 2024. Социально-философский анализ проблем номофобии и интернет-зависимости. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 1: 16-22. DOI: 10.18522/2687-0770-2024-1-16-22
- Лотфуллина А.И., Солодухо Н.М. 2022. Проблемы техносферы с позиции философии техники. В кн.: Философия в системе «НТПО»: наука, технология, производство, образование. Сборник материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Казань, 10 ноября 2022 г., Казань, Издательство Редакционно-издательский центр «Школа»: 91-97.
- Луговая О.М., Черникова И.В. 2018. Компьютерно-игровая зависимость молодежи: факторы возникновения и особенности профилактики. *Проблемы современного педагогического образования*, 60(3): 440–443.
- Лунева Е.В., Фомичева К.А., Хрипунова О.Г. 2019. Использование интернет-проектов в гражданско-патриотическом воспитании молодежи. *Высшее образование сегодня*. 7: 48–55. DOI: 10.25586/RNU.NET.19.07.P.48
- Ляукина Г.А. 2019. Реализация интернет-проектов по патриотическому воспитанию студентов вузов средствами социосетевых технологий. Диссертация на соискание кандидата педагогических наук. ФГБУ ВО «Казанский государственный энергетический университет». Казань, 218 с.
- Макарова И.А. 2021. Воспитание в эпоху цифровизации. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(154): 41–46.
- Малькевич А.А. 2020. Возможности использования интернет-технологий в системе молодежной политики России. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 4: 38–49.
- Мартышенко С.Н. 2020. Влияние интернета на формирование коммуникационной среды современной молодежи. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 9 (1(3)): 185-189. DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0044
- Никитин А.А., Комарова Е.А. 2022. Интернет-технологии как инструмент реализации государственной молодежной политики. *Актуальные исследования*, 49(128): 41–43.
- Новикова И.В., Рудич С.Б., Макаева А.Р. 2018. Проблемы реализации государственной молодежной политики на региональном уровне и пути их эффективного решения. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 6(69): 126–135.
- Певная М.В., Минченко Д.В., Белов А.А. 2023. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи. *Наука. Культура. Общество*, 29(3): 53–68. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.2
- Рудакова О.В. 2020. Региональная молодежная политика в Курской области: решение проблем. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, 2(33): 10–14.
- Труфанова Е.О. 2021. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1: 14–38. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>
- Ушамирский А.Э. 2016. Презентация базисных интересов молодежи в социологических исследованиях. *Современные исследования социальных проблем*, 12: 314–331. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-314-331
- Филончик А.В. 2022. Перспективы использования Интернета для оказания социальной помощи молодежи. *Молодой ученый*, 27(422): 139–142.
- Шевченко О.М., Штофер Л.Л. 2022. Влияние цифровой парадигмы социального развития на структуры здоровья человека. *Гуманитарий Юга России*, 11(5): 145-155. DOI 10.18522/2227-8656.2022.5.12

References

- Aseeva T.A., Kireeva O.S. 2021. Students' ideas of the state youth policy (case study of the Far Eastern Federal District). *The Caspian region: Politics, Economics, Culture*, 2(67): 66–73 (in Russian). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-066-073
- Buzhinov D.F., Putinceva E.N. 2022. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie sovremennogo rossijskogo molodogo pokolenija: problemy, perspektivy i potencial ispol'zovanija internet-tehnologij [Civic-patriotic education of the modern Russian young generation: problems, prospects and potential for the use of Internet technologies]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, 11(135). URL: <https://human.snauka.ru/2022/11/55050> (date of application: 01.09.2024).

- Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. 2023. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*, 28 (1): 48–65 (in Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65
- Veber Max. 2016. Hozjajstvo i obshchestvo: ocherki ponimajushhej sociologii [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]. Translated from the German. Moscow. Publ. Izdatel'skij dom Vyshej shkoly jekonomiki, 445 p. (Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss d. verstehenden Soziologie. Mohr, 303 p.).
- Gaju T.F. 2019. Snizhenie urovnja kommunikativnyh navykov: genezis problemy kiberzavisimosti podrastajushhego pokolenija [A decrease in the level of communication skills: the genesis of the problem of cyber dependence of the younger generation]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, 63 (4): 53-56 (in Russian).
- Guryanov N.Yu., Korotaeva T.V. 2021. Deviation of Human Cognitive Abilities under the Influence of Information Technologies. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 1: 111-118 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2021-1-111-118
- Eshev M.A., Markov P.N., Nekhay V.N., Krivolapova A.A. 2023. Current state and development trends of student's system of values. *Bulletin of the Adyge State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology»*, 2(319): 90-96 (in Russian). DOI: 10.53598/2410-3691-2023-2-319-90-96
- Zubok J.A. 2020. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3: 4–12 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688.
- Ivanova M.M. 2020. Problems and prospects for the development of digital technologies in social work young people. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 13(4): 429–442 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.405>
- Kozlova R.M., Rudeva A.V., Skornjakova V.S., Chursina E.A. 2021. Molodezhnaja politika i ee realizacija v Kurskoj oblasti [Youth policy and its implementation in the Kursk region]. In: Social'no-jekonomicheskaja real'nost' polikul'turnogo mira: novye vyzovy, ugrozy i riski [Socio-economic reality of the multicultural world: new challenges, threats and risks]. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Kursk, 24 dekabrja 2021 g., Kursk, Publ. Universitetskaja kniga: 189–195.
- Kushnarenko E.A. 2022. Ispol'zovanie cifrovych tehnologij v rabote s molodezh'ju: vzaimodejstvie v sovremennyh realijah [The use of digital technologies in working with youth: interaction in modern realities]. In: Psihologija lichnostnogo vzaimodejstvija v sovremennom obshchestve [Psychology of personal interaction in modern society]. Collection of materials of the First All-Russian scientific and practical conference with international participation. Armavir, 12 aprelja 2022 g., Cheboksary, Publ. Sreda: 244–246.
- Lisenkova A.A., Trufanova E.O. 2023. Digital Escapism – From Addiction to Asceticism. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3: 17-34 (in Russian). <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i3.412>
- Lokova M.Yu., Khanova M.N., Zakhokhova M.R. 2024. Social-Philosophical Analysis of the Problems of Nomophobia and Internet Addiction. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*, 1: 16-22 (in Russian). DOI: 10.18522/2687-0770-2024-1-16-22
- Lotfullina A.I., Soloduh N.M. 2022. Problemy tehnosfery s pozicii filosofii tehniki [Problems of the technosphere from the standpoint of the philosophy of technology]. In: Filosofija v sisteme «NTPO»: nauka, tehnologija, proizvodstvo, obrazovanie [Philosophy in the «NTPO» system: science, technology, production, education]. Collection of material of the IV All-Russian scientific conference with international participation. Kazan', 10 nojabrja 2022 g., Kazan', Publ. Shkola: 91–97.
- Lugovaja O.M., Chernikova I.V. 2018. Komp'juterno-igrovaja zavisimost' molodezhi: faktory vozniknovenija i osobennosti profilaktiki [Computer-gaming addiction of young people: factors of occurrence and features of prevention]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, 60 (3): 440-443.
- Luneva E.V., Fomicheva K.A., Hripunova O.G. 2019. Ispol'zovanie internet-proektov v grazhdansko-patrioticheskom vospitanii molodezhi [The use of Internet projects in the civic-patriotic education of youth]. *Vyshee obrazovanie segodnja*. 7: 48–55. DOI: 10.25586/RNU.HET.19.07.P.48
- Ljaukina G.A. 2019. Realizacija internet-proektov po patrioticheskomu vospitaniju studentov vuzov sredstvami socisetevyh tehnologij [Implementation of internet projects for patriotic education of university students through social networking technologies]. Dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Kazan', 218 p.

- Makarova I.A. 2021. Education in the time of digitalization. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1(154): 41-46 (in Russian).
- Malkevich A.A. 2020. Possibilities of using internet in the system of youth policy in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*. 4: 38-49 (in Russian).
- Martysenko S.N. 2020. The influence of the internet on the formation of the communication environment of modern youth. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 9 (1(3)): 185-189 (in Russian). DOI: 10.26140/anip-2020-0901-0044
- Nikitin A.A., Komarova E.A. 2022. Internet-tehnologii kak instrument realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Internet technologies as a tool for implementing state youth policy]. *Aktual'nye issledovanija*, 49 (128): 41–43 (in Russian).
- Novikova I.V., Rudich S.B., Makaeva A.R. 2018. Problems of implementation of the state youth policy at the regional level and ways of their effective solutions. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 6 (69): 126–135 (in Russian).
- Pevnaya M.V., Minchenko D.V., Belov A.A. 2023. Motivation in self-regulation of youth volunteer activities. *Science. Culture. Society*, 29(3): 53-68 (in Russian). DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.2
- Rudakova O.V. 2020. Regional'naja molodezhnaja politika v Kurskoj oblasti: reshenie problem [Regional youth policy in the Kursk region: solving problems]. *Rossijskaja nauka i obrazovanie segodnja: problemy i perspektivy*, 2(33): 10–14.
- Trufanova E.O. 2021. Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1: 14–38 (in Russian).
- Ushamirskiy A.E. 2016. Presentation of the basic interests of the youth in sociological researches. *Modern Research of Social Problems*, 12: 314–331 (in Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-314-331
- Filonchik A.V. 2022. Perspektivy ispol'zovanija Interneta dlja okazanija social'noj pomoshhi molodezhi [Prospects for using the Internet to provide social assistance to youth]. *Molodoj uchenyj*, 27 (422): 139-142.
- Shevchenko O.M., Shtofer L.L. 2022. The impact of the digital paradigm of social development on the structures of human health. *Humanities of the South of Russia*, 11(5): 145-155 (in Russian). DOI 10.18522/2227-8656.2022.5.12

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.07.2024

Received July 07, 2024

Поступила после рецензирования 10.08.2024

Revised August 10, 2024

Принята к публикации 16.08.2024

Accepted August 16, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цибуля Никита Александрович, аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nikita A. Tsibulya, postgraduate student of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0009-0007-7867-7440](https://orcid.org/0009-0007-7867-7440)

 [ORCID: 0009-0007-7867-7440](https://orcid.org/0009-0007-7867-7440)

УДК 316.351

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-477-486

Представления студентов гуманитарного вуза об искусственном интеллекте

¹ Шмарион Ю.В., ² Конев И.В., ¹ Курских Е.П.

¹ Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
lspu@lspu-lipetsk.ru, konev@bsu.edu.ru

Аннотация. Современное развитие искусственного интеллекта предоставляет новые инструменты и возможности для подготовки специалистов разных профилей. При отсутствии четкой стратегии развития искусственный интеллект в гуманитарном вузе студенты осваивают самостоятельно. В этом процессе у них формируются представления о роли искусственного интеллекта в обществе, профессиональной и личной жизни, которые пока недостаточно изучены и не получили количественной социологической оценки. Цель исследования – оценка представлений студентов регионального гуманитарного вуза о возможностях искусственного интеллекта на социальном, профессиональном и индивидуальном уровнях. Научная новизна заключается в получении посредством частотного и регрессионного анализа количественных характеристик, отражающих статику и динамику процесса освоения искусственного интеллекта студентами гуманитарного вуза, которые могут быть использованы для стратегии развития искусственного интеллекта в гуманитарном вузе и разработки новых учебных курсов и программ, адаптированных под специфику искусственного интеллекта. В результате установлено, что более 70% студентов имеют представление об искусственном интеллекте. По мнению 62 % студентов искусственный интеллект сможет сделать нашу жизнь лучше, а 67 % считают, что обучение возможностям искусственного интеллекта важно для их будущей профессиональной деятельности. Готовность приступить к изучению искусственного интеллекта отметили 70,4 % респондентов. Получены регрессионные зависимости, отражающие изменение отношения студентов к ИИ в течение всего срока обучения в вузе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, студенты, образование, гуманитарный вуз

Для цитирования: Шмарион Ю.В., Конев И.В., Курских Е.П. 2024. Представления студентов гуманитарного вуза об искусственном интеллекте. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 477–486. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-477-486

Ideas of Humanities Students About Artificial Intelligence

¹ Yury V. Shmarion, ² Ivan V. Konev, ¹ Elizaveta P. Kurskikh

¹ Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenin St, Lipetsk 398020, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
lspu@lspu-lipetsk.ru, konev@bsu.edu.ru

Abstract. The modern development of artificial intelligence provides new tools and opportunities for training specialists of various profiles. In the absence of a clear strategy for the development of artificial intelligence in a humanitarian university, students master it on their own. In this process, they form ideas about the role of artificial intelligence in society, professional and personal life, which have not yet been sufficiently studied and have not received a quantitative sociological assessment. The purpose of the

study is to evaluate the ideas of students of a regional humanitarian university about the possibilities of artificial intelligence at the societal, professional and individual levels. The scientific novelty lies in obtaining quantitative characteristics reflecting the statics and dynamics of the process of humanities students' mastering AI. Frequency and regression analysis was used in the study. The characteristics obtained can be used to create AI strategy in a humanitarian university and develop new training courses and programs adapted to the specifics of artificial intelligence. As a result, it was found that more than 70% of the students have an idea about artificial intelligence. According to 62% of the students, artificial intelligence can make our lives better, and 67% believe that learning the capabilities of artificial intelligence is important for their future professional activities. As many as 70.4% of the respondents noted their willingness to start studying artificial intelligence. We obtained regression dependencies reflecting the change in the students' attitude to AI during the entire period of study at the university.

Keywords: artificial intelligence, students, education, Liberal Arts University

For citation: Shmarion Y.V., Konev I.V., Kurskikh E.P. 2024. Ideas of Humanities Students about Artificial Intelligence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 477–486 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-477-486

Введение

В соответствии с ГОСТ Р 59277–2020: «Искусственный интеллект (artificial intelligence): Комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹.

В работе «Модели и методы искусственного интеллекта» Т.Г. Пенькова и Ю.В. Вайнштейн [2019] выделяют, начиная с 1950 года, шесть основных десятилетних этапов развития искусственного интеллекта, из которых шестой этап, начинающийся с 2000-х гг. и продолжающийся по настоящее время, можно охарактеризовать как период глобальной интеллектуализации машин [Решетникова и др., 2021]. Прогресс в области искусственного интеллекта (ИИ) способствовал его активному внедрению в различные сферы жизни общества: от автоматизации производственных процессов до использования в медицине. ИИ становится все более важным в современном мире, и его влияние на различные сферы жизни постоянно растет [Павлюк, 2020].

В последние годы ИИ стал все более популярным и широко применяется в образовании и науке [Каменский, 2023]. В журнале *WallStreet Journal* представлены результаты опроса, проведенного на портале с онлайн-курсами *Study.com* 1000 студентов американских колледжей с целью оценки использования ИИ (чат-бот ChatGPT) в учебном процессе². По данным опроса, примерно 50 % студентов на регулярной основе поручают ИИ писать вместо себя эссе, а 48 % применяют ИИ для прохождения тестов в домашних заданиях. Еще 22 % признались, что даже не берутся составить план статьи без помощи ИИ. Студенты обращаются к ИИ в различных аспектах своей образовательной программы, начиная от использования умных систем поддержки обучения до автоматизации процесса оценки и адаптации учебных программ [TinaKelley, 2023]. По данным опроса, проведенного консалтинговой компанией *Ernst & Young (EY)*, большинство студентов немецких университетов рассчитывают на использование ИИ, что улучшит и облегчит им выполнение профессиональных обязанностей. Более 60% надеются при этом на улучшение баланса между работой и

¹ ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. Москва. 2021. URL: <http://files.stroyinf.ru/Data/754/75406.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

² Study.com. 2023. American students actively use artificial intelligence. *The Wall Street Journal*. 30.01.2023. URL: <https://www.techcult.ru/technology/11793-ii-dlya-domashnih-zadaniy>. (дата обращения: 13.05.2024).

личной жизнью. Более половины респондентов считают, что определённые изменения на рынке труда произойдут уже в ближайшее время. Каждый четвёртый участник опроса уверен, что необходимо изучать информационные технологии с ИИ¹.

В Китае для исследования проблем «очеловечивания» ИИ приступила к обучению виртуальная студентка Хуа Чжибин, являющаяся первым ИИ, которого пытаются учить вместе с людьми. Путём самообучения ИИ должен моделировать естественные реакции и быть как можно более человекоподобным в общении. По замыслу разработчиков, это будет способствовать снижению напряжённости в общении между людьми и ИИ. Хуа Чжибин будет не только учиться сама, но и взаимодействовать с обычными студентами для выполнения творческой работы. Программная часть ИИ – последняя версия нейросети Wudao 2.0, которая может обрабатывать 1,75 трлн параметров².

Консалтинговая компания Tractica считает, что внедрение ИИ будет основываться на шести фундаментальных технологиях: машинном обучении, глубинном обучении, компьютерном зрении, обработке естественного языка, машинной аргументации и сильном ИИ. В ближайшие 10 лет ИИ-технологии повлияют практически на каждый бизнес, основными драйверами рынка станут секторы потребительских продуктов, бизнес-услуг, рекламы и обороны. Tractica предсказывает рост рынка ИИ с 643,7 млн долл. в 2016 году до 38,8 млрд долл. к 2025 году³.

В 2019 году в Российской Федерации принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года⁴, которая определяет цели и основные задачи развития ИИ в Российской Федерации. В развитие этой Стратегии в декабре 2020 года принята Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 гг.⁵. В государственном стандарте⁶ сформулировано понятие ИИ, а также представлена классификация его систем. Принятие этих документов означает, что ИИ в РФ приобрел государственную поддержку как необходимое условие технологической независимости и конкурентоспособности страны.

Широкий фронт внедрения ИИ заставляет задуматься над тем, что у ИИ, как у любого изобретения, есть плюсы и минусы. К плюсам ИИ можно отнести: возможность выполнять задачи гораздо быстрее и эффективнее, чем человек, что обеспечивает увеличение производительности; возможность ИИ обрабатывать большие объёмы данных и анализировать их с высокой точностью, что позволяет принимать более информированные решения и предсказывать будущие события; возможность автоматизировать многие рутинные задачи, что позволяет сотрудникам сконцентрироваться на более сложных и творческих задачах; стимулирование развития новых технологий и инноваций. К минусам внедрения ИИ можно отнести: возможную потерю рабочих мест, так как многие рутинные задачи будут автоматизированы; ИИ не обладает эмоциональным интеллектом, что ограничивает его возможности; ИИ может

¹ Das Ernst & Young (EY). Die meisten Studenten an deutschen Universitäten zählen auf künstliche Intelligenz. URL: <https://rusverlag.de/category/gesellschaft> (дата обращения: 13.05.2024).

² DigitalOcean. 2023. A virtual student has started studying in China. URL: <https://digitalocean.ru/n/v-kitae-nachala-uchitsya-virtualnaya-studentka> (дата обращения: 13.05.2024).

³ Tractica predicts the rapid growth of the global artificial intelligence market. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=187838>. (дата обращения: 13.05.2024).

⁴ Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵ Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 годы. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/28a4b183b4aee34051e85ddb3da87625/20201222.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

⁶ ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. Москва. 2021. URL: <http://files.stroyinf.ru/Data/754/75406.pdf> (дата обращения: 13.05.2024).

делать ошибки, особенно если его обучение основано на неверной информации или алгоритмах; ИИ обрабатывая большие объемы информации, может создавать возможность для нарушения безопасности и приватности данных.

Как мультидисциплинарный феномен, ИИ объединяет различные области знания и дисциплины и оказывает значительное влияние на культуру, образование и развитие современной молодежи [Мухамадиева, 2021]. Необходимость в социологическом исследовании мнений, представлений и отношений студентов к данной технологии, а также в исследовании влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс и будущую профессиональную карьеру студентов в условиях информационного общества обусловлено рядом новых явлений в их социокультурной жизни [Максимович, 2021].

Студенты, как будущие специалисты и лидеры, играют ключевую роль в формировании отношения к ИИ и его применению. Взаимодействие молодежи с ИИ является сложным, многогранным и неоднозначным процессом. Этот процесс в большинстве случаев является неуправляемым и поэтому важно, чтобы молодые люди умели правильно использовать возможности ИИ и защищали себя от его негативных последствий.

Социологический подход к исследованию ИИ предполагает изучение того, как ИИ влияет на общество и социальные процессы. Этот подход позволяет анализировать, как ИИ изменяет отношения между людьми, как он влияет на работу организаций и учреждений, меняет условия жизни человека, а также выявить, какие социальные проблемы возникают при использовании ИИ и как их можно решить. В этой связи понимание отношения студентов к технологии ИИ важно для определения направлений его дальнейшего развития и внедрения.

Цель исследования – оценка представлений студентов регионального гуманитарного вуза о возможностях искусственного интеллекта на социальном, профессиональном и индивидуальном уровнях.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются студенты регионального гуманитарного вуза. Предмет исследования – отношение студентов Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского к искусственному интеллекту.

Были использованы следующие методы: работа с документами, метод анкетного опроса. Компьютерная обработка социологической информации осуществлялась при помощи пакета программ SPSS. При анализе эмпирических данных использовались метод частотного анализа, регрессионный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Эмпирические данные были получены в период с 25 ноября 2023 года по 4 апреля 2024 г. методом анкетирования в Google Forms. Выборка – направленная. Объем выборки – 199 респондентов, обучающихся на 1–4 курсах. В исследовании приняли участие 53,3 % девушек и 46,7 % юношей, в том числе 35,7 % студентов, обучающихся на первом курсе, 20,1 % второкурсников, 20,6 % третьекурсников и 23,6 % студентов четвертого курса.

Анализ эмпирических данных показал, что условия, при которых происходит знакомство современных студентов с ИИ, зависят от многих факторов. Доступность информации об ИИ в интернете и на различных популярных платформах позволяет молодежи самостоятельно знакомиться с ИИ. Мощным стимулом знакомства студентов с ИИ является образовательная деятельность, которая способствует более глубокому пониманию ИИ и активному его использованию в научно-исследовательской деятельности.

Устаноўлена, што большасць студэнтаў (72,0 %) інфарміраваны аб ІІ. Высокі ўзровень знаёмства студэнтаў 1 курса (74,6 %) з ІІ звязан з тым, што перакурснікі знаёмы з агульным паняццем ІІ со школьнага курса інфарматыкі. Больш паловіны студэнтаў 2 курса (72,5 %) і 3 курса (61,0 %) маюць агульнае прадстаўленне аб ІІ. У студэнтаў 4 курса (83,0 %) у сувязі з актывізацыяй навучна-даследавальскай работы, а таксама падрыхтоўкай выпускной кваліфікацыйнай работы, узнікае патрэбнасць выкарыстоўваць магчымасці ІІ для рашэння канкрэтных прафесійных задач (напрыклад, інтэрпрэтацыю асноўных паняццяў, факторны аналіз, сістэмны аналіз аб'екта даследавання, аперацыяналізацыю паняццяў і т.п.).

Большасць студэнтаў (62 %) упэўнены, што ІІ зможа зрабіць нашу жыццё лепш, пры гэтым 63,5 % лічаць, што ІІ можа выконваць некаторыя задачы больш эфектыўна, чым чалавек. Сярод студэнтаў, якія ў цэлым скептычна адносяцца да магчымасцяў ІІ, 48,8 % студэнтаў 3 курса. Прытрыжваюцца такога ж мненія 22,5 % студэнтаў 1 курса, 25 % – 2 курса і 29,8 % – 4 курса.

Студэнты 4 курса (29,8 %) і 3 курса (17,1 %) лічаць, што выкарыстанне ІІ ў адукацыйным працэсе дапаможа ім атрымаць якаснае адукацыю дзякуючы актуальнаму, цікаваму і інфарматыўнаму ўчебнаму матэрыялу, прапанаванаму ІІ ў форме, зручнай для выкарыстання, ў аптымальным для кожнага тэмпе і з эфектыўнай апраўнай сувяззю для кантроля усвоення. Аналіз эмпірычных даных паказаў, што 28,2 % згодны з тым, што ІІ можа оператывна прадстаўляць запрашанае інфармацыю ў зразумелым і даступным для осмыслення выглядзе. Сярод студэнтаў 2 курса, якія менш актывны ў выкарыстанні ІІ, такіх карыстальнікаў 12,5 %. На старшых курсах (3курс – 39,0 %, 4 курс – 38,3 %), дзе актывнасць выкарыстання ІІ вышэй, і, адпаведна, вышэй узровень задавальнасці ў атрыманай ад ІІ інфармацыі, стымулюючай пазнавальны інтарэс да новых абласцяў ведаў, які можа быць оператывна задавальнены з дапамогай ІІ.

Такім чынам, у актывных студэнтаў у працэсе асваення ІІ з'яўляецца большы інтарэс да магчымасцяў ІІ, забяспечваючага разуменне складанай інфармацыі, пашырэнне кругозору, а ў студэнтаў выпускных курсаў з'яўляецца магчымасць у рэалізацыі з дапамогай ІІ неперапыннага адукацыі пасля завяршэння адукацыі ў універсітэце.

Студэнты ўсё часцей апраўтаюць увагу на магчымасці ІІ ў абласці ідэнтыфікацыі эмацыянальнага стану адукаванага. Спэцыяльнасць ІІ распазнаваць эмацыянальнае стан можа быць карысна ў адукацыйнай сферы [Каганов і др., 2016]. Напрыклад, сістэмы моніторынгу эмацыяў могуць дапамагчы выкладчыкам лепш разумець патрэбнасці студэнтаў і адаптаваць адукацыйныя матэрыялы пад іх індывідуальныя запасы. Гэта таксама можа дапамагчы палепшыць якасць онлайн-адукацыі, дазваляючы сістэмам ІІ адаптаваць узровень складанасці і тэмпа адукацыі ў залежнасці ад эмацыянальнага стану студэнта.

Аднак існуюць і небяспекі па справе канфідэнцыяльнасці даных і этычных аспектаў выкарыстання тэхналогій ідэнтыфікацыі эмацыяў. Беспакойства вызывае магчымасць недарозумення і непраўднай інтэрпрэтацыі эмацыяў, а таксама рыск несанкцыянаванага выкарыстання канфідэнцыяльнай інфармацыі. Сярод студэнтаў-гуманітарнаў маладых курсаў толькі 8 % студэнтаў лічаць, што ІІ здольны распазнаваць іх эмацыі. Да трэцяга курсу працэнт павялічваецца і складае 14,6 %, а да чацвёртага курсу дасягае 31,9 %. Можна прадполагаць, што з павялічэннем вопыта і ведаў аб ІІ студэнты становяцца схільнымі больш пазітыўна ацэньваць магчымасці ІІ ў абласці распазнавання эмацыяў.

У студэнтаў-гуманітарнаў у працэсе асваення ІІ фарміруюцца прадстаўленні аб магчымасцях і абмежаваннях ІІ, яны спрабуюць ацэньваць, якія будуць змены ў грамадстве і ў іх асабістай жыццё з развіццём і шырокім унедрэннем ІІ, якімі

окажуча патаэнцыяльныя рыскі і негатыўныя наступствы і якія меры пры гэтым неабходны для мінімізацыі гэтых рыскаў. Один из способов отразить комплексное отношение студентов-гуманитариев к возможностям ИИ – представить в виде таблицы характеристик ИИ, оцениваемых по 10 бальной системе (табл.1).

Таблица 1
Table 1

Представление студентов-гуманитариев о возможностях ИИ
Introduction of humanities students about the possibilities of AI

Характеристика ИИ	Статистические характеристики				Ранговая структура				
	Среднее	Размах	Среднеквадр. отклонение	Коэффициентвариации	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	Мода
Он может облегчить выполнение рутинных интеллектуальных задач	67,7 %	11,5 %	1,1 %	1,6 %	2	2	2	1	2
Он может значительно улучшить качество жизни людей	50,9 %	33,1 %	5,5 %	10,8 %	1	3	3	2	3
Он может использоваться для разработки более эффективных систем транспорта	44,6 %	17,5 %	1,5 %	3,5 %	3	7	1	3	3
Он может предложить обучение, адаптированное к предпочтениям студента	25,1 %	21,5 %	3,1 %	12,1 %	4	1	5	5	5
Он может помочь в прогнозировании рыночных трендов	22,2 %	15,5 %	1,5 %	6,6 %	6	4	6	4	4;6
Он может быть задействован в искусстве	19,1 %	27,7 %	4,7 %	24,6 %		5	4	6	–
Он может быть использован для борьбы с преступностью	17,4 %	11,9 %	0,8 %	4,4 %	7	6	7	7	7
Он может стать угрозой для человечества	10,3 %	8,2 %	0,4 %	3,8 %	5	8	8	8	8
У меня нет определенного мнения на этот счет	6,6 %	5,6 %	0,2 %	3,0 %	11	9	9	9	9
Он может привести к ухудшению условий жизни	6,4 %	5,8 %	0,2 %	3,1 %	9	10	11	10	10
Он никак не повлияет на будущее	3,3 %	7,5 %	0,3 %	10,0 %	10	11	10	11	10;11

В табл. 1 в соответствии с ранговой структурой оценок можно выделить три блока характеристик: блок с высокими оценками, блок со средними оценками и блок с низкими оценками. В первом блоке находятся характеристики, занявшие первые три места: ИИ может облегчить выполнение рутинных интеллектуальных задач, значительно улучшить качество жизни людей, будет использоваться для разработки более эффективных систем транспорта. Во втором блоке: ИИ может предложить обучение, адаптированное к предпочтениям студента, помочь в прогнозировании рыночных трендов, может быть задействован в искусстве, использован для борьбы с преступностью. В третьем блоке находятся характеристики, занявшие три последних места, которые отмечают возможные негативные последствия использования ИИ, в том числе ИИ может стать угрозой для человечества, привести к ухудшению условий жизни и никак не повлияет на будущее.

В целом у большинства студентов-гуманитариев (70,4 %) есть желание подробно изучить возможности ИИ. Это мнение студентов подтверждается реальной практикой использования ИИ в решении своих профессиональных задач. Среди приверженцев ИИ 22,6 % пользуются ИИ каждый день, 36,2 % – один раз в неделю, 16,1 % – один раз в месяц. Пользователи ИИ критически относятся к информации, предоставляемой ИИ. Так, в частности, при обращении к ИИ в решении конкретных задач 66,2 % студентов отмечают, что ИИ допускал неточности в ответах на их вопросы (рис. 1).

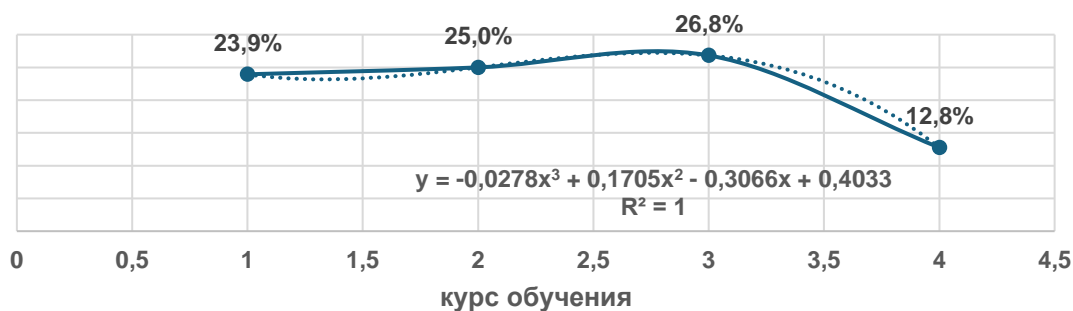

Рис. 1. Неудовлетворенность студентов-гуманитариев в ответах ИИ

Fig. 1. Dissatisfaction of Humanities students in AI responses

Анализ практики взаимодействия студента с ИИ показал, что неудовлетворенность студента ответом ИИ зависит от следующих факторов: с одной стороны, это возможность алгоритмов и актуальность баз знаний ИИ и, с другой стороны, точность формулировки студентом вопроса к ИИ. Студенты (49,7 %) отмечают также наличие технических проблем (ошибки в алгоритмах обработки информации при обращении к ИИ, отсутствие доступа к серверу и т.п.).

Половина пользователей ИИ (55,3 %) отмечают, что они доверяют ИИ. При выяснении предпочтений студентов в использовании продуктов питания, разработанных ИИ, или продуктов, приготовленных по традиционным рецептам, установлено, что для 43,2 % студентов оба варианта равнозначны, 24,6 % отдали бы предпочтение продуктам, разработанным ИИ, 15,6 % – вероятнее всего отдали бы предпочтение продуктам, разработанным ИИ. Только 5,5 % студентов, сторонники традиционной кухни, не желают пробовать продукты разработанные ИИ, к ним присоединяются те, кто скорее предпочли бы (11,1 %) продукты традиционной кухни.

У студентов есть возможность работать как с бесплатной версией ИИ, так и с платной. Отметим, что бесплатная версия ИИ имеет ограниченные возможности, менее актуальные базы знаний, ограничивает количество вопросов, которые можно задать в течение суток, и т.п. При приемлемой цене за доступ к ИИ студенты, не использующие активно ИИ, готовы купить доступ к платной версии ИИ с целью ознакомления (рис. 2).

Как следует из графика, представленного на рис. 2, наиболее активны в приобретении доступа к ИИ студенты 1 и 3 курсов. Первокурсники желают ознакомиться с расширенными возможностями ИИ, студенты 3 курса желают оценить возможность использования расширенных возможностей для выполнения НИРС и написания ВКР. Большинство студентов 2 и 4 курсов в основном удовлетворены возможностями бесплатных версий, только два студента из десяти готовы работать с платной версией ИИ.

Студенты, активно работающие с бесплатной версией и оценившие ее ограниченные возможности, при доступной цене платной версии ИИ готовы ее купить (рис. 3). На 1 курсе таких студентов – 38,0%, а на следующих курсах – это практически каждый второй студент.

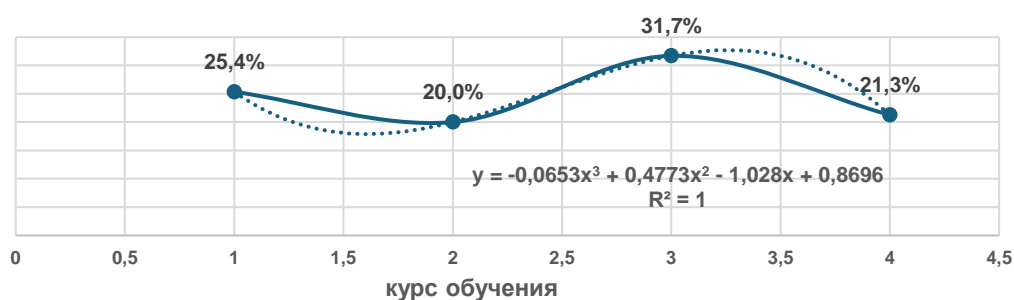

Рис. 2. Решение студентов о покупке доступа к ИИ с целью ознакомления
 Fig. 2. The decision of students to purchase access to AI in order to familiarize themselves

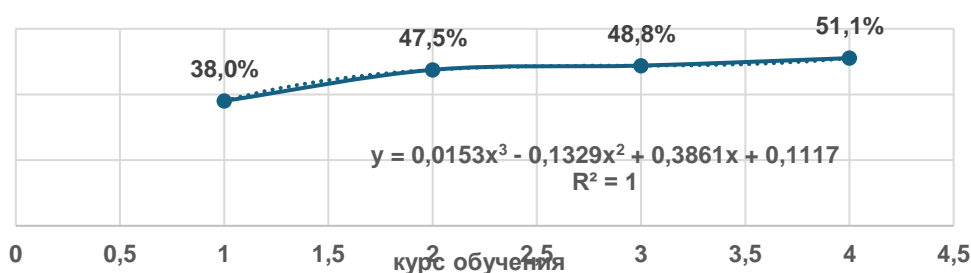

Рис. 3. Готовность студентов, работающих с ИИ, купить платную версию ИИ
 Fig. 3. Willingness of students working with AI to buy a paid version of AI

Заклучение

Исследование показало, что студенты гуманитарного вуза проявляют высокий интерес к ИИ, что связано с его активным использованием в различных сферах общества. Результаты частотного и регрессионного анализа многообразия студенческих мнений об ИИ позволили получить аналитические зависимости, отражающие уровень взаимодействия студентов с технологиями ИИ, их прогнозы о возможности использования ИИ в профессиональной деятельности, оценки функций ИИ, которые могут улучшить жизнь общества, а также тревоги и сомнения, связанные с потенциальными рисками несовершенства аппаратных и программных средств ИИ и с недостаточной разработанностью правовых, этических и социально-технологических аспектов внедрения ИИ в различные сферы жизни современного человека.

Большинство студентов имеют представление об ИИ и положительно оценивают возможности его использования в предстоящей профессиональной деятельности. Тем не менее, есть студенты, которые не заинтересованы в изучении ИИ из-за сложности его освоения. Оценивая влияние широкого внедрения ИИ, большая часть респондентов признает возможность улучшения жизни общества и считает, что ИИ может эффективно

использоваться в образовательном процессе, с учетом индивидуальных особенностей студентов.

Важными факторами в формировании мнения студентов об использовании ИИ в образовании являются его удобство и скорость обратной связи. Половина пользователей ИИ выражает доверие к нему. Доступ к ИИ может быть, как бесплатным, так и платным. Однако большинство студентов, работающих с бесплатной версией, выражают готовность купить доступ к платной версии, если цена будет доступной.

Таким образом, студенты-гуманитарии, осваивая по личной инициативе ИИ, демонстрируют интерес и положительное отношение к использованию ИИ в своей учебе и профессиональной деятельности, которые необходимо учитывать при разработке стратегии использования ИИ на регулярной основе при подготовке специалистов в современном гуманитарном вузе.

Полученные результаты исследования будут полезны для решения следующих задач организации учебного процесса, связанного с освоением технологий ИИ в гуманитарном вузе: разработки методических материалов по применению ИИ в гуманитарных науках, разработки новых учебных курсов и программ, адаптированных под специфику ИИ, разработки новых методик преподавания, учитывающих особенности работы с ИИ, координации работы различных подразделений вуза для успешного внедрения ИИ, организации повышения квалификации преподавателей в области ИИ.

Список литературы

- Каганов Ю.Т., Мокров А.М., Мокрова Н.В. 2016. Адаптация методов искусственного интеллекта для оценки эмоционального состояния человека. *Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета)*, 33(59): 101-104. DOI: 10.15217/issn1998984-9.2016.33.101
- Каменский А.А. 2023. Влияние технологий искусственного интеллекта на цифровую образовательную среду Германии. *Современное педагогическое образование*, 7: 252–255.
- Максимович В.А. 2021. Социокультурные трансформации в условиях информационного общества. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, 3: 55–70.
- Мухамадиева К.Б. 2021. Искусственный интеллект в развитии молодежи. *Образование и проблемы развития общества*, 2(15): 27-33. EDN DDJAGW.
- Павлюк Е.С. 2020. Анализ зарубежного опыта влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс в высшем учебном заведении. *Современное педагогическое образование*, 1: 65–72.
- Пенькова Т.Г., Вайнштейн Ю.В. 2019. Модели и методы искусственного интеллекта. Красноярск, Сиб. федер. ун-т, 116 с.
- Решетникова М.С., Пугачева И.А., Лукина Ю.Д. 2021. Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в КНР. *Вопросы инновационной экономики*, 1: 333-350.
- Tina Kelley. 2023. N.J. colleges are wrestling with students' use of artificial intelligence <https://www.nj.com/education/2023/05/nj-colleges-wrestling-with-students-use-of-artificial-intelligence-heres-what-theyre-doing.html> (дата обращения: 13.05.2024).

References

- Kaganov Yu.T., Mokrov A.M., Mokrova N.V. 2016. Adaptaciya metodov iskusstvennogo intellekta dlya ocenki emocional'nogo sostoyaniya cheloveka [Adaptation of artificial intelligence methods to assess a person's emotional state]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta)*, 33 (59): 101-104 (in Russian). DOI: 10.15217/issn1998984-9.2016.33.101
- Kamenskij A.A. 2023. Vliyanie tekhnologij iskusstvennogo intellekta na cifrovuyu obrazovatel'nyuyu sredu Germanii [The impact of artificial intelligence technologies on the digital educational environment in Germany]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 7: 252–255 (in Russian).

- Maksimovich V.A. 2021. Sociokul'turnye transformacii v usloviyah informacionnogo obshchestva [Socio-cultural transformations in the information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve*, 3: 55–70 (in Russian).
- Muhamadieva K.B. 2021. Iskusstvennyj intellekt v razvitii molodezhi [Artificial intelligence in youth development]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*, 2 (15): 27–33 (in Russian).
- Pavlyuk E.S. 2020. Analiz zarubezhnogo opyta vliyaniya iskusstvennogo intellekta na obrazovatel'nyj process v vysshem uchebnom zavedenii [Analysis of foreign experience of the influence of artificial intelligence on the educational process in higher education institutions]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 1: 65–72 (in Russian).
- Pen'kova T.G., Vajnshtejn Yu.V. 2019. Modeli i metody iskusstvennogo intellekta [Models and methods of artificial intelligence]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, 116 s.
- Reshetnikova M.S., Pugacheva I.A., Lukina Yu.D. 2021. Tendencii razvitiya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v KNR [Trends in the development of artificial intelligence technologies in China]. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*, 1: 333–350 (in Russian).
- Tina Kelley. 2023. N.J. colleges are wrestling with students' use of artificial intelligence <https://www.nj.com/education/2023/05/nj-colleges-wrestling-with-students-use-of-artificial-intelligence-heres-what-theyre-doing.html> (дата обращения: 13.05.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.06.2024
Поступила после рецензирования 23.07.2024
Принята к публикации 25.08.2024

Received June 03, 2024
Revised July 23, 2024
Accepted August 25, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Yuri V. Shmarion, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, P.P. Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

Конев Иван Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ivan V. Konev, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Курских Елизавета Павловна, студентка, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Elizaveta P. Kurskikh, student, Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-487-494

Эволюция научных подходов к определению понятия правового регулирования в отечественном правоведении

Богатырёв М.Р.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Россия, 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

m.boghatyriov@mail.ru

Аннотация. В юридической науке и практике термин «правовое регулирование», несмотря на широкое распространение и общеметодологическое значение для отраслевых наук, не имеет однозначного толкования. Плюрализм подходов к определению понятия правового регулирования не позволяет сформировать единую концепцию, определяющую природу и сущность данной базовой юридической категории. В условиях модернизации общественных отношений возникает необходимость ревизии, исследования и актуализации имеющихся в юридической науке подходов к данной категории, что и составляет цель настоящего исследования. В результате автор приходит к выводу о том, что в своем развитии категория «правовое регулирование» прошла несколько основных этапов, включая дореволюционный, советский и постсоветский (современный). Установлено, что советский период обусловил распространенный в настоящее время нормативно-этикатический подход, основанный на приоритете государства как источника формирования и обеспечительной силы действия юридических средств (норм права, правоотношений и правореализационных актов), лежащих в основе регулятивного воздействия права на общественные отношения и поведение субъектов.

Ключевые слова: правовое регулирование, общеметодологические основания, периодизация эволюции подходов, дореволюционный период, советский период, постсоветский период, инструментальный подход

Для цитирования: Богатырёв М.Р. 2024. Эволюция научных подходов к определению понятия правового регулирования в отечественном правоведении. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 487–494. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-487-494

The Evolution of Scientific Approaches to the Definition of the Concept of Legal Regulation in Russian Jurisprudence

Magomed R. Bogatyrev

Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
173 Chernyshevsky St, Nalchik 360004, Russian Federation

m.boghatyriov@mail.ru

Abstract. Despite its widespread and general methodological significance for branch sciences, the term "legal regulation" does not have an unambiguous interpretation in legal science and practice. The pluralism of approaches to the definition of the concept of legal regulation does not allow us to form a single concept defining the nature and essence of this basic legal category. In the context of the modernization of public relations, there is a need to revise, research, and update the approaches to this

category that are available in legal science, which is the purpose of this article. As a result, the author concludes that the category of "legal regulation" has passed through several main stages in its development, including pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet (modern) ones. It is established that the Soviet period determined the currently widespread normative-statistic approach to the definition of its concept, which is based on the priority given to the state as a source of formation and the security force of legal means (norms of law, legal relations, and legal implementation acts) underlying the regulatory impact of law on public relations and behavior of subjects.

Keywords: legal regulation, general methodological foundations, periodization of the evolution of approaches, pre-revolutionary period, Soviet period, post-Soviet period, instrumental approach

For citation: Bogatyrev M.R. 2024. The Evolution of Scientific Approaches to the Definition of the Concept of Legal Regulation in Russian Jurisprudence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 487–494 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-487-494

Введение

В современной юридической науке проблематике правового регулирования на первый взгляд посвящено немало исследований. Вместе с тем в ряде из них данное понятие используется исключительно в качестве прикладного инструмента (метода), позволяющего придать труду правовой окрас. С одной стороны, сложившееся положение может быть оправдано ценностью объекта и предмета исследования, подвергающегося правовому регулированию, как такового, но, с другой стороны, на этом фоне теряется самостоятельная ценность, научный потенциал и природа категории «правовое регулирование».

Подобная ситуация отмечается многими учеными-правоведами, особенно в области теории права и государства. Так, в частности, И.П. Кожокарь образно характеризует судьбу понятия «правовое регулирование» как нелегкую и констатирует отсутствие концепции этого правового явления [Кожокарь, 2020, с. 113]. Действительно, соглашаясь с данным ученым, следует признать, что множественное и порой необоснованное использование понятия «правовое регулирование» в научных исследованиях различного уровня способствует не столько приращению знаний о природе и сущности последнего, сколько приводит к выхолащиванию его содержания и смешению составляющих его элементов – способов, форм, средств, методов, типов и т.д. правового регулирования. Проблема усугубляется еще и тем, что разделы, посвященные правовому регулированию, отсутствуют во многих академических учебниках по теории государства и права.

Безусловно, прав и М.Ю. Осипов, когда пишет о том, что понимание правового регулирования – одна из фундаментальных и наиболее сложных проблем юридической науки, которая усугубляется отсутствием к ней однозначного подхода [Осипов, 2014, с. 114]. На этом фоне серьезной методологической ошибкой представляется тот факт, что в ряде монографических (в т. ч. диссертационных) работ последнего времени, посвященных различным аспектам правового регулирования общественных отношений, несмотря на наличие словосочетания «правовое регулирование» в заголовке, отсутствует авторская интерпретация понятия правового регулирования, составляющего предмет исследования. По мнению И.Е. Сенникова, в свете усложнения общественных отношений, подлежащих правовому урегулированию, многие традиционные подходы к его пониманию также подлежат пересмотру и актуализации [Сенников, 2011, с. 46], и с этим предложением также трудно не согласиться.

Руководствуясь вышесказанным, считаем необходимым и научно обоснованным еще раз обратиться к ревизии, систематизации и актуализации имеющихся в юридической науке подходов к определению категорий – «регулирование» и «правовое регулирование», что, несомненно, будет способствовать приращению знаний о данных фундаментальных категориях и построению в рамках общей теории права концепции правового регулирования.

Общеметодологические основания определения понятий «регулирование» и «правовое регулирование»

Обращение к этимологии слова «регулирование» и одноименному глаголу позволяет нам уяснить следующий их смысл: «1) упорядочивать, налаживать; 2) направлять развитие, движение чего-н. с целью привести в порядок, в систему; 3) приводить (механизмы и их части) в такое состояние, которое обеспечивает нормальную и правильную работу»¹. Соответственно, регулирование как процесс направлено на упорядочение чего-либо, и его конечной целью и результатом выступает достигнутый порядок, упорядоченная система, бесперебойное функционирование того, на что направлен регулирующий процесс.

При изучении справочной литературы мы столкнулись с тем, что в философских энциклопедических словарях понятие «регулирование» отсутствует вовсе или синонимизируется с категорией «управление». Полагаем, что данные понятия нельзя признать тождественными, а отсутствие в философских справочных источниках данного термина является серьезным упущением.

Наиболее детально категория «регулирование» представлена в социологических энциклопедиях. Так, например, в энциклопедии социологии А. Антинази регулирование толкуется как «приведение в порядок, упорядочение (механизма, деятельности и т.д.); руководство движением, направлением, действиями, отношениями и т. п.; совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или др. сферу жизни; форма целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей)»². Данный фрагмент существенно расширяет представление о природе регулирования, а также определяет его инструментарий – средства, с помощью которого регулирование проявляется вовне и достигает своих целей, – предписания, нормы, правила и т. д.

В рамках данного исследования мы не будем останавливаться на экономической справочной литературе, поскольку она содержит преимущественно узкоспециальное толкование регулирования применительно к финансовой сфере и антикризисному управлению. Упомянем лишь тот факт, что общее понимание регулирования не расходится с представленными выше и сводится к установлению контроля над чем-либо; упорядочивающему воздействию; стремлению к устойчивости и т. д.³

Специально-юридическая справочная литература не всегда дает нам ответ, что можно понимать под правовым регулированием. Так, в двух энциклопедических юридических словарях данное понятие по непонятной причине отсутствует⁴.

В Элементарных началах общей теории права правовое регулирование толкуется как «осуществляемое при помощи права и совокупности правовых средств упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и развитие»⁵. Полагаем, что данное определение правового регулирования имеет свои положительные стороны, ибо указывает на юридическую природу, инструментарий и цель такового, однако в силу необоснованного, с нашей точки зрения, отождествления регулирования и охраны нуждается в определенном корректировании. Общеизвестны две основные функции права – регулятивная и охранительная, поэтому включение в правовое регулирование также и охраны общественных отношений нуждается в дополнительном обосновании за пределами настоящего исследования.

¹ URL: https://slovarozhegova.ru/view_search.php (дата обращения: 10.05.2024).

² URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/3417/РЕГУЛИРОВАНИЕ?ysclid=ly4wlrngme191568639> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Финансы. Толковый словарь / под общей ред. И.М. Осадчей. М.: Инфра-М., 1998.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: Советская энциклопедия, 1984; Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1998.

⁵ URL: https://elementary_law.academic.ru/516/Правовое_регулирование (дата обращения: 10.07.2024).

Аналитический обзор основных подходов к определению понятия «регулирование» позволяет нам прийти к выводу о том, что данное явление (процесс) имеет место в различных сферах и применительно к различным объектам регулятивного воздействия – социальной, экономической, политической, правовой, технической и других. Вместе с тем регулирование проявляет себя как процесс, осуществляемый определенными субъектами применительно к объектам регулирования с помощью некоторых инструментов и направленный на упорядочение в регулируемой сфере.

На этой основе предлагаем перейти к рассмотрению подходов к определению правового регулирования в отечественной юриспруденции непосредственно и обратим внимание на эволюцию научных представлений о данной категории, вписав его в определенную периодизацию.

Становление и развитие научных подходов к определению понятия «правовое регулирование» в дореволюционный и советский периоды

Советский и современный периоды развития отечественной теории права нельзя рассматривать изолированно от дореволюционного этапа становления общей теории права, которую правильнее, с нашей точки зрения, охарактеризовать как философию права. Конечно, следует констатировать отсутствие в то время разработок, касающихся правового регулирования в прямой постановке вопроса. Однако обратим внимание на некоторые моменты, предопределившие современное представление о предмете исследования.

Представители социологического подхода в праве [Муромцев, 2004] полагали, что истинное право существует не в писаном праве и юридической практике, а в сознании общества и его членов. Н.М. Коркунов утверждал приоритет права перед государством, а правовое регулирование рассматривали посредством их взаимодействия [Коркунов, 2003]. В свою очередь, Г.Ф. Шершеневич через призму нормативизма отстаивал приоритет государства над правом, а главное назначение последнего видел в организации бытия государства, его строя и деятельности [Шершеневич, 1911, с. 183].

Таким образом, в дореволюционный период наблюдалась вариативность подходов к пониманию права и его регулятивного воздействия на жизнь государства и общественные отношения. Вместе с тем общепризнанным являлись приоритет правовых регуляторов в упорядочении общественных отношений, тесное взаимодействие государства и права в регулятивном процессе и роль государства в придании праву и правовому регулированию универсального и общеобязательного характера – так называемой юридической силы.

В раннесоветский (до середины 50-х гг. XX века) период развития общей теории права главенствовал классовый подход к пониманию государства и права; праву и правовому регулированию отдавалась роль «возведённой в закон воли господствующего класса». И только в конце 50-х гг. прошлого века понятие «правовое регулирование» было введено в научный оборот и получило самостоятельную доктринальную разработку в трудах видных ученых того времени – Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло, Б.В. Шейндлина, Л.С. Явича и других. Так, Л.С. Явич одним из первых провел общетеоретическое исследование правового регулирования, под которым он предложил понимать «все формы юридического воздействия государства на сознательную деятельность людей» [Явич, 1957, с. 35]. В этом определении мы видим попытку определить содержание правового регулирования, его субъектно-объектный состав. В свою очередь, В.М. Горшенев видел в правовом регулировании «особого рода государственную деятельность по упорядочиванию общественных отношений с помощью норм права» [Горшенев, 1963, с. 5]. И здесь также в качестве основного субъекта регулирования называется государство.

С.Н. Братусь в определении правового регулирования внимание акцентировал на установлении границ поведения и внесении порядка в регулируемые отношения [Братусь, 1954, с. 12], тем самым артикулируя такие признаки правового регулирования, как наличие установленных границ и направленность на достижение порядка в регулируемой области общественных отношений. П.Е. Недбайло полагал, что правовое регулирование состоит в «установлении соответствующего правила, в организации и согласовании поведения людей в соответствии с ним, в оценке и разрешении фактов общественной жизни с точки зрения этого правила» [Недбайло, 1960, с. 95]. В данной трактовке правового регулирования содержалась попытка определить динамику правового регулирования, указывались своеобразные стадии (этапы) правового регулирования – прообраз механизма правового регулирования.

Середина 60-х гг. XX века была ознаменована введением в научный оборот конструкции правового регулирования, предложенной С.С. Алексеевым. На основе обобщения имевшегося научного опыта ученый под правовым регулированием предложил понимать «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны и развития в соответствии с общественными потребностями» [Алексеев, 1966, с. 5]. С.С. Алексееву юридическая наука обязана разработкой и обоснованием механизма правового регулирования, благодаря которому достигается эффективное и результативное нормативно-организационное воздействие на общественные отношения.

Юридические исследования 70–80-х гг. XX века существенно расширили и углубили представления о правовом регулировании и его элементах. Так, Ф.Н. Фактуллин детализировал содержание правового регулирования, добавив в него применение права – «вынесение индивидуальных решений по поводу персональных участников отношений» [Фаткуллин, 1980, с. 62]. Н.И. Матузов в правовом регулировании подчеркивал его сознательно-организованный характер и наделение субъектов общественных отношений правами и обязанностями [Матузов, 1972, с. 63–65]. Ценность данного подхода состояла в том, что он содержал предпосылки для дальнейшей классификации правового регулирования, а именно выделения его типов – дозволительного и обязывающего.

Таким образом, научные разработки советских ученых в исследуемой нами области создали фундамент для современной общетеоретической концепции правового регулирования, однако окончательно систематизации доктринальных подходов и перехода на концептуальный уровень так и не произошло.

Современные подходы к правовому регулированию

Безусловно, в современный период (датируем его с 90-х годов XX века по настоящее время – период становления новой российской государственности и права) исследования в сфере правового регулирования продолжились. Ряд из них реципировал традицию советского периода в научном обосновании природы, сущности и содержания правового регулирования. В частности, Т.В. Кашаниной было предложено определение правового регулирования посредством «осуществляемого при помощи права и всей совокупности правовых средств воздействия на общественные отношения» [Кашанина, 1991, с. 54]. А.И. Бобылев под правовым регулированием также понимал «воздействие права на общественные отношения при помощи юридических средств» [Бобылев, 2002, с. 10] и конкретизировал в этом определении набор таких инструментов – нормы права, правовые отношения и правореализационные акты. Такое понимание правового регулирования через призму правовых средств – инструментов заложило фундамент инструментальной теории права, призванной определить право в качестве средства для решения стоящих перед субъектами права задач и удовлетворения их потребностей.

Среди тенденций последних лет следует отметить призыв отойти от традиционных (советских) «прогосударственных» взглядов на природу правового регулирования. Так называемый прогосударственный подход именуется узким, а в противовес ему предлагается выделять различные «степени» правового регулирования – нормы права, устанавливаемые и охраняемые государством; нормы права, устанавливаемые не государством, но охраняемые им; правовые нормы, не устанавливаемые государством и не охраняемые им [Кожокарь, 2020, с. 121]. Безусловно, понятие права и подходы к правопониманию меняются под воздействием развития общественных отношений, поэтому и восприятие правового регулирования также не может оставаться неизменным на протяжении десятилетий.

Вместе с тем главенствующим в современной общей теории права следует признать нормативистский подход к правовому регулированию, который некоторые авторы предлагают именовать «нормативно-этактистским» [Васильева, 2010, с. 111]. Суть его состоит в восприятии правового регулирования как целенаправленного воздействия установленных государством правовых средств на общественные отношения. В целом данный подход можно признать справедливым, однако лишенным некоторых атрибутивных признаков, позволяющих отразить природу и сущность правового регулирования во всех его проявлениях. Исправить данный недостаток может помочь выявление признаков правового регулирования и конструирование на их основе комплексного и системного понятия рассматриваемого явления, однако это уже тема самостоятельного научного исследования.

Заключение

Категория «правовое регулирование» относится к основополагающим как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках. В своем развитии данная категория прошла несколько основных этапов, включая дореволюционный, советский и постсоветский (современный). Вместе с тем самостоятельную научную разработку она получила только в 50-е гг. прошлого века.

Советский период исследования правового регулирования во многом определил нормативно-этактистский подход к определению его понятия, основанный на приоритете государства как источника формирования и обеспечительной силе действия юридических средств (норм права, правоотношений и правореализационных актов), лежащих в основе регулятивного воздействия права на общественных отношения и поведение субъектов.

Полагаем, что в современный период назрела необходимость актуализации воззрений на определение понятия, природы и сущности правового регулирования с учетом новых концепций правопонимания и переоценки роли права в регулировании общественных отношений.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1966. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва, Юридическая литература, 187 с.
- Бобылев А.И. 2002. Теоретические проблемы правового регулирования. *Право и политика*, 8: 10–16.
- Братусь С.Н. 1954. О роли советского права в развитии производственных отношений. Москва: Знание. 24 с.
- Васильева Н.В. 2010. Категория «правовое регулирование» в понимании отечественных юристов. *Вестник Томского государственного университета*, 2: 109–112.
- Горшенев В.М. 1963. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на советском этапе. *Правоведение*, 1: 3–13.
- Кашанина Т.В. 1991. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 4: 54–64.
- Кожокарь И.П. 2020. Правовое регулирование: понятие и формы. *Государство и право*, 12: 112–127. DOI: 10.31857/S102694520012739-3.

- Коркунов Н.М. 2003. Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс. 428 с.
- Матузов Н.И. 1972. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы исследования субъективного права. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та. 292 с.
- Муромцев С.А. 2004. Определение и основное разделение права. Санкт-Петербург: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та. 223 с.
- Недбайло П.Е. 1960. Применение советских правовых норм. Москва, Госюриздат. 511 с.
- Осипов М.Ю. 1914. Основные подходы к понятию и сущности правового регулирования. В кн.: Современные проблемы права и управления: 4-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 02–03 октября 2014 года. Под редакцией И.Б. Богородицкого, Ю.В. Киселевича (ответственный редактор). Тула, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации: 44–51.
- Сенников И.Е. 2011. Правовое регулирование и реализация права: проблема взаимодействия. *Проблемы в российском законодательстве*, 5: 46–50.
- Фаткуллин Ф.Н. 1980. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Том 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 247 с.
- Шершеневич Г.Ф. 1911. Общая теория права. Москва, Изд. Бр. Башмаковых. 698 с.
- Явич Л.С. 1957. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад: б/и. 164 с.

References

- Alekseev S.S. 1966. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow, Publ. Yuridicheskaya literature, 187 p.
- Bobylev A.I. 2002. Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya [Theoretical problems of legal regulation]. *Pravo i politika*, 8: 10–16.
- Bratus` S.N. 1954. O roli sovetskogo prava v razvitii proizvodstvenny`x otnoshenij [On the role of Soviet law in the development of industrial relations]. Moscow, Publ. Znanie, 24 p.
- Vasil`eva N.V. 2010. Kategoriya «pravovoe regulirovanie» v ponimanii otechestvenny`x yuristov [The category of "legal regulation" in the understanding of domestic lawyers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2: 109–112.
- Gorshenev V.M. 1963. Vozrastanie roli obshhestvenny`x organizacij i kollektivov trudyashhixsya v primeneni norm sovetskogo prava na sovetskom e`tape [The increasing role of public organizations and collectives of workers in the application of the norms of Soviet law at the Soviet stage]. *Pravovedenie*, 1: 3–13.
- Kashanina T.V. 1991. Sootnoshenie centralizovannogo i decentralizovannogo pravovogo regulirovaniya [The ratio of centralized and decentralized legal regulation]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 4: 54–64.
- Kozhokar I.P. 2020. Legal regulation: concept and forms. *Gosudarstvo i pravo*, 12: 112–127 (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520012739-3
- Korkunov N.M. 2003. Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg, Publ. Yuridicheskij centre Press, 428 p.
- Matuzov N.I. 1972. Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy issledovaniya sub"ektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of the study of subjective law]. Saratov: Publ, Saratov university, 292 p.
- Muromcev S.A., 2004. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [Definition and basic division of law]. St. Petersburg, Publ. S.-Peterb. gos. un-ta. 223 p.
- Nedbajlo P.E., 1960. Primenenie sovetskih pravovyh norm [Application of Soviet legal norms]. Moscow: Gosyurizdat. 511 p.
- Osipov M. Yu., 1914. The main approaches to the concept and essence of legal regulation. In: Modern problems of law and management: The 4th International Scientific Conference: collection of documents, Tula, October 02-03, 2014. Ed. I.B. Bogorodiczko, Yu.V. Kiselevich. Tula, Publ. Institute of Legislation and Management of the Russian Police Association: 44–51. (In Russian)
- Sennikov I.E. 2011. Legal regulation and implementation of law: problems in interfacing. *Probely` v rossijskom zakonodatel`stve*, 5: 46–50. (In Russian).

- Fatkullin F.N. 1980. Problemy obshchej teorii socialisticheskoy pravovoj nadstrojki [Problems of the general theory of the socialist legal superstructure]. V. 1. Kazan`, Publ. Kazan. University, 247 p.
- Shershenevich G.F. 1911. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, Publ. Br. Bashmakov. 698 p.
- Yavich L.S., 1957 Sovetskoe pravo – regulyator obshchestvennyh otnoshenij v SSSR [Soviet law – the regulator of public relations in the USSR]. Stalinabad, 164 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.05.2024
Поступила после рецензирования 13.06.2024
Принята к публикации 16.06.2024

Received May 10, 2024
Revised June 13, 2024
Accepted June 16, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богатырёв Магомед Резванович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Magomed R. Bogatyrev, Candidate of Law sciences, Senior Researcher at the REC of Legal Studies, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-495-501

Конституционно-правовые аспекты трансформации современного государства: особенности развития концепции суверенитета

Задорожная Е.В.

Московский международный университет
Россия, 125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17
evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Аннотация. Развитие государства на современном этапе тесно связано с необходимостью правового обеспечения трансформации государства с учетом национальных интересов страны, защиты Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, обеспечения ее независимости и территориальной целостности. Несмотря на многочисленность публикаций по проблематике различного рода трансформаций и отдельных аспектов государственного суверенитета, практически отсутствуют исследования, посвященные системному подходу к рассмотрению их взаимного влияния, в частности разновекторности воздействия цифровой трансформации на возникающие правовые отношения, в том числе с точки зрения обеспечения суверенитета Российской Федерации. Целью исследования является выявление факторов, дискуссионных аспектов, детерминирующих трансформацию как государства в целом, так и концепции государственного суверенитета. В результате исследования была определена устойчивая тенденция к актуализации известных и обоснованию новых видов суверенитета. Теоретико-методологические разработки вносят вклад в развитие концепции суверенитета современного государства.

Ключевые слова: трансформация, суверенитет, государственная граница, государство, цифровой суверенитет, конституция

Для цитирования: Задорожная Е.В. 2024. Конституционно-правовые аспекты трансформации современного государства: особенности развития концепции суверенитета. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 495–501. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-495-501

Constitutional and Legal Aspects of the Transformation of the Modern State: the Sovereignty Concept Development Features

Evgenia V. Zadorozhnaya

Moscow International University
17 Leningradskii Av., Moscow 125040, Russian Federation
evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Abstract. The development of the state at the present stage is closely linked to the need for legal support for the transformation of the state, taking into account the national interests of the country, protecting the Russian Federation from external and internal threats, ensuring its independence and territorial integrity. Despite numerous publications on the problems of various kinds of transformations and certain aspects of state sovereignty, there are practically no studies devoted to a systematic approach to considering their mutual influence, in particular the multi-vector impact of digital transformation on emerging legal relations, including those from the point of view of ensuring the sovereignty of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the factors and controversial aspects that determine the

transformation of both the state as a whole and the concept of state sovereignty. As a result of the study, a steady trend has been identified towards updating well-known and justifying new types of sovereignty. Theoretical and methodological developments contribute to the development of the concept modern state sovereignty concept.

Keywords: transformation, sovereignty, state border, state, digital sovereignty, constitution

For citation: Zadorozhnaya E.V. 2024. Constitutional and Legal Aspects of the Transformation of the Modern State: The Sovereignty Concept Development Features. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 495–501 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-495-501

Введение

Конституция как правовой акт высшей юридической силы претерпевает изменения вместе с нашей страной. Она определяет строение государства, которое эволюционирует и модернизируется. Неизменной остается модель, основанная на соблюдении и уважении Конституции, при допустимости внесения в нее поправок, влияющих на трансформацию отдельных элементов государства.

От того, как понимается сущность и содержание категорий «трансформация государства», «суверенитет государства», а также различные их виды зависит обоснование необходимости совершенствования правового регулирования в целях обеспечения трансформации государства с учетом национальных интересов страны, защиты Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, сохранения ее независимости и территориальной целостности.

Дискуссионные аспекты трансформации современного государства

В научной литературе нет единого мнения по вопросу определения понятия «конституционные трансформации». Ряд авторов считает, что это способ внедрения норм международного права в национальное. Они говорят о конвергенции конституционного и международного публичного права с учетом двух взаимосвязанных тенденций правового развития – дифференциации и глобализации [Умнова, 2023]. Отмечается, что общепризнанные принципы и нормы международного права получили отражение в том числе и в Конституции Российской Федерации.

В то же время И.Н. Барциц отмечает, что трансформация представляет собой механизм защиты национальной правовой системы от проникновения чужеродных правовых положений [Барциц, 2001]. Это подтверждается на практике поправкой, внесенной в ст. 79 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой не подлежат исполнению в Российской Федерации решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации¹. Концепция трансформации конституционных правовых норм без внесения разного рода поправок в нормативные правовые акты получила название «молчаливой» трансформации, позиционируемой как новый вид правотворчества [Мокосеева, 2018].

Нельзя обойти вниманием еще один вид трансформации, все больше затрагивающей конституционно-правовые отношения – цифровую трансформацию. Отправной точкой для ее правовой регламентации в нашей стране стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы². Среди подходов к определению понятия цифрового государства выделяют следующие:

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

инструментально-технологический¹; организационно-управленческий [Азизов, 2014]); процедурно-процессуальный [Черногор и др., 2024].

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» к 2030 г. планируется перевести все органы местного самоуправления, а также государственные и муниципальные учреждения на электронный документооборот и сделать их участниками единого информационного пространства взаимодействия². В научной литературе предлагается создать экосистему, объединяющую на основе единых стандартов все общественно значимые информационные системы. Основным требованием является обеспечение прозрачности сбора и обработки данных [Якушев, 2022], что непосредственно направлено на защиту конституционных прав граждан.

Все сказанное определяет подход, при котором потенциальный риск проведения цифровой трансформации государства рассматривается как комплексное понятие в диалектическом единстве отрицательных и положительных аспектов [Мархгейм, Новикова, 2013]. Само использование систем искусственного интеллекта в публичном управлении позволяет заявить о разновекторности воздействия на возникающие правовые отношения, в том числе с точки зрения суверенитета.

Дискуссионным в наши дни вопросом становится и отнесение суверенитета к признакам современного государства [Субочев, 2016; Залоило, 2023]. Доминирующая концепция, которой мы будем придерживаться в процессе изложения, исходит из положений, обоснованных еще Ж. Боденом, в соответствии с которыми суверенитет выступает в качестве абсолютной и постоянной власти государства над гражданами³ [Лейст, 2000].

Особенности развития концепции суверенитета

Принцип суверенного равенства государств зафиксирован в ст. 2 Устава ООН⁴, и его содержание разъясняется в единогласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о принципах международного права 1970 года⁵. Суверенитет как неотъемлемый признак государства закреплен практически во всех конституциях современных государств. Суверенитет Российской Федерации, демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, определен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (ч. 1 ст. 4). Как разъяснил Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции суверенитет предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении. Российская Федерация в силу статьи 67 Конституции обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности⁶. Конституционный принцип суверенитета государства конкретизирован в отраслевом законодательстве.

¹ Решетняк В.И., Смагина Е.С. 2017. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М., С. 10.

² СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1837.

³ Лейст Э.О. История политических и правовых учений. М., Зерцало, 2000. 688 с.

⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

⁵ Действующее международное право. В 3 т. М.: МНИМП, 1996. Том 1.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"». Российская газета. 2000, 21 июня.

На государственном суверенитете основывается пространственно-правовое устройство государства. Положения ст. 4, 15 Конституции составляют основу правового суверенитета страны. Государственная граница России – это пространственный предел действия ее государственного суверенитета. В соответствии с законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» пределы государственной территории Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации, определяются Государственной границей Российской Федерации¹. Территориальный суверенитет, как следует из распоряжения Правительства РФ от 2 августа 2023 г. № 2075-р., предполагает обеспечение территориальной целостности, неприкосновенность государственной границы, организацию системы мер, направленных на противодействие потенциально возможным недружественным действиям отдельных иностранных государств и территорий².

Прилегающая к государственной границе территория государства охватывает 41 субъект Российской Федерации³, выполняет приграничные функции и называется приграничной территорией. Природные, демографические, экономические и другие особенности территорий, на которых проживает почти половина населения страны, позволяют осуществлять внешнеполитические, экономические, гуманитарные контакты⁴ с сопредельными государствами⁵ [Нарутто, 2024].

Со второй половины XX века актуален вопрос разграничения границ между воздушным и космическим пространством [Головина, 2005]. Что касается первого, в соответствии со ст. 1 Воздушного кодекса РФ Российская Федерация обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации⁶. Между тем верхняя граница не имеет нормативного закрепления. В литературе отмечается высота в 100–110 км [Ложковой, 2017]. Правовой режим космического пространства основывается на Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принятом резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года, в соответствии с которым космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами⁷.

В ст. 5 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» раскрывает содержание суверенитета Российской Федерации в области культуры⁸.

Суверенитет может быть не только территориальным, правовым, культурным, но и цифровым, напрямую влияющим на процесс цифровой трансформации государства во всех указанных сферах. Цифровое пространство Российской Федерации является частью суверенного пространства России, в котором наша страна имеет право и возможность самостоятельно определять законы, правила, правоприменение, национальную стратегию

¹ Российская газета. 1993, 4 мая.

² СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть II). Ст. 6430.

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (принята Резолюцией 2625 (XXV) ГА ООН от 24.10.1970). Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996: 2–8.

⁴ https://www.economy.gov.ru/material/file/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения 24.04.2024 г.).

⁵ Нарутто С.В., Шугрина Е.С. 2024. Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления: учебник для магистратуры. Москва: Норма: ИНФРА-М, 400 с.

⁶ <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/04/22/1033462-putin-ukazal-na-rol> (дата обращения 24.04.2024).

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 44. Ст. 588.

⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

и безопасность¹. Его обеспечение связывается прежде всего с принципом приоритета конституционных норм и национального законодательства над международными нормами в случае их противоречия. Суверенитет Российской Федерации в виртуальном пространстве основывается на технологиях, обеспечивающих безбарьерный обмен, хранение и распространение информации с учетом тенденции «обособления национальных сегментов интернета в рамках государственных границ» [Тихомиров, 2019].

Одним из вызовов стабильности и стратегической безопасности является обеспечение технологического суверенитета страны, о котором говорится прежде всего в документах стратегического планирования. Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р утверждена «Концепция технологического развития на период до 2030 г.», в соответствии с которой «технологический суверенитет» – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы². Концепция определяет цели и условия достижения технологического суверенитета.

Заклучение

Таким образом, в рамках непрерывной трансформации государства сама концепция государственного суверенитета непрерывно изменяется под влиянием различных факторов. Сформировалась устойчивая тенденция тесного переплетения различных видов суверенитета и их взаимного влияния. Обосновывается наличие все новых видов суверенитета, а давно известные обретают актуальное содержание с учетом используемых технологий. Среди видов суверенитета можно назвать: территориальный, правовой, культурный, цифровой, технологический, воздушный, космический и др. При этом они не существуют отдельно, сами по себе, а образуют систему. То, о каком из видов суверенитета мы говорим в данный момент, зависит от того, какие факторы трансформации современного государства мы выделили первоначально.

Список литературы

- Азизов Р.Ф. 2014. Электронное правительство как элемент электронного государства. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*, 4(35): 22–27.
- Барциц И.Н. 2001. Международное право и правовая система России. *Журнал российского права*, 2: 61–70.
- Головина А.А. 2019. К проблеме границ правового суверенитета в космосе. *Вестник МГПУ. Серия Юридические науки*, 2(34): 15–22. DOI 10.25688/2076-9113.2019.34.2.02
- Залоило М.В. 2023. Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*, 2(50): 5–18. DOI 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01.
- Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды. 2021. Под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Норма, ИНФРА-М, 244 с. DOI 10.12737/1288140.
- Ложковой П.Н. 2017. Суверенитет государства и планетарный характер дистанционного зондирования Земли из космоса. *Современное право*, 5: 112–118.
- Мархгейм М.В., Новикова А.Е. 2013. Роль межотраслевой конвергенции в развитии категории «риск». *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право*, 2(145): 89–103.

¹ Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве». <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения 17.04.2024).

² СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

- Мокосеева М.А. 2018. Концепция «молчаливой» трансформации конституционных правовых норм без внесения изменений, дополнений и поправок в них посредством толкования и применения правовых позиций. *Правовое государство: теория и практика*, 2(52): 86–93.
- Правовое пространство: границы и динамика. 2019. Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., ИЗиСП; ИНФРА-М, 240 с.
- Субочев В.В. 2016. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий. *Правовая политика и правовая жизнь*, 2: 13–21.
- Умнова И.А. 2010. Тенденции, проблемы и перспективы гармонизации конституционного права и международного публичного права. В кн.: Конституционное право и международное право: Взаимодействие и развитие в современную эпоху. М., РАП, 14–40.
- Якушев М.В., Журавлёв М.С., Ибрагимов Р.С., Майоров А.В. 2022. Приоритетные направления правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации. Внедрение в нормотворчество системы оценки гуманитарного воздействия (2022–2025 годы): докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 67 с.

References

- Azizov R.F. 2014. Electronic government as element of the Electronic State. *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata*, 4(35): 22–27. (In Russian).
- Bartsits I.N. 2001. Mezhdunarodnoe pravo i pravovaja sistema Rossii [International law and the Russian legal system]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 2: 61–70.
- Golovina A.A. 2019. To the Issue of the Boundaries of Legal Sovereignty in Space. *Vestnik MGPU. Serija Juridicheskie nauki*, 2(34): 15–22. (In Russian). DOI 10.25688/2076-9113.2019.34.2.02
- Zaloilo M.V. Transformation of the role of the state in the modern world: paradigm shifts of the concept of sovereignty. *Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki*, 2(50): 5–18. (In Russian). DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.01.
- Concept of digital state and digital legal environment. 2021. Ed. by N.N. Chernogor, D.A. Pashentsev. Moscow, Publ. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Norma, INFRA-M, 244 p. (In Russian). DOI 10.12737/1288140.
- Lozhkovej P.N. 2017. Suverenitet gosudarstva i planetarnyj karakter distancionnogo zondirovanija Zemli iz kosmosa [The sovereignty of the State and the planetary nature of remote sensing of the Earth from space]. *Sovremennoe pravo*, 5: 112–118.
- Marhgeym M.V., Novikova A.E. The role of inter-sectoral convergence in the development of the category of «risk». *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2(145): 89–103. (In Russian).
- Mokoseeva M.A. The concept of «silent» transformation of constitutional legal norms without making changes, additions and amendments to them through interpreting and applying legal positions. *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika*, 2(52): 86–93. (In Russian).
- Pravovoe prostranstvo: granicy i dinamika [Legal space: boundaries and dynamics]. 2019. Ed. Ju.A. Tihomirov. M., Publ. IZiSP; INFRA-M, 240 p.
- Subochev V.V. Dissolution of Sovereignty: theoretical approach to political and legal environment. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'*, 2: 13–21. (In Russian).
- Umnova I.A. 2010. Tendencii, problemy i perspektivy garmonizacii konstitucionnogo prava i mezhdunarodnogo publicnogo prava [Trends, problems and prospects of harmonization of constitutional law and international public law. Constitutional law and international law: Interaction and development in the modern era]. In: Конституционное право и международное право: Взаимодействие и развитие в современную эпоху [Constitutional law and international law: Interaction and development in the modern era]. М., Publ. RAP. S. 14–40. (In Russian).
- ZHuravlyov M.V., Ibragimov R.S., Majorov A.V. 2022. Prioritetnye napravleniya pravovogo regulirovaniya cifrovoj transformacii v Rossijskoj Federacii. Vnedrenie v normotvorchestvo sistemy ocenki gumanitarnogo vozdejstviya (2022–2025 gody) [Priority areas of legal regulation of digital transformation in the Russian Federation. Implementation of the humanitarian impact assessment system in standard-setting (2022–2025)]: Report to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. Moscow, М., Publ. Vysshej shkoly ekonomiki, 67 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.05.2024

Received May 2, 2024

Поступила после рецензирования 10.06.2024

Revised June 10, 2024

Принята к публикации 20.06.2024

Accepted June 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Задорожная Евгения Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории, государства и права и международного права, Московский международный университет, г. Москва, Россия.

Evgenia V. Zadorozhnaya, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History, State and Law and International Law, Moscow International University, Moscow, Russia.

УДК 34.023

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма

Хмелевская И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
khmelevskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. На протяжении последних десятилетий вокруг молодежного парламентаризма формировалась репутация перспективного направления государственного строительства, как следствие, молодежные парламентские структуры стали устойчивым атрибутом национальных правопорядков, выполняющим функцию представительства интересов молодежи в диалоге с государством. Однако детальное рассмотрение сущностных параметров молодежных парламентов детерминирует фундаментальную дискуссию о природе указанных автономных элементов. Целью исследования является определение места молодежного парламентаризма в современной общественно-политической инфраструктуре через призму соотношения категорий «государство» и «гражданское общество». Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, среди которых особое значение имеет сравнительно-правовой метод. Учитывая поливариантность концепции молодежного парламентаризма, выраженной в национальных самобытных характеристиках молодежных парламентских структур в различных государствах, а также конкретных способах их организационно-правового оформления, декларируется дихотомический характер рассматриваемого феномена. Сделаны выводы об адаптивной природе молодежного парламентаризма и возможности его интеграции как в разветвленную систему институтов гражданского общества, так и в государственный сектор в качестве совещательного и консультативного компонента при официальных органах.

Ключевые слова: молодежные парламенты, молодежные правительства, совещательные органы, государство, молодежь, государственная молодежная политика

Для цитирования: Хмелевская И.Г. 2024. Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 502–512. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Youth Parliamentarism and Civil Society: The Comparative Dilemma

Irina G. Khmelevskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
khmelevskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The formation of a reputation for youth parliamentarism as a promising avenue for state-building is a current trend. However, an in-depth examination of the fundamental parameters of youth parliaments leads to a fundamental discussion about the nature of these independent bodies. The aim of the study is to establish the position of youth parliamentary institutions in the contemporary socio-political framework through the lens of the relationship between the concepts of "state" and "civil society". The research methodology encompasses a combination of general scientific, specialized scientific, and specific legal methods, with the comparative legal approach being particularly significant.

We declare a dichotomous nature of the concept of youth parliamentarianism, taking into account its multiplicity which is expressed in the national peculiarities of youth parliamentary structures in different countries, as well as specific ways to organize them and obtain a legal registration. Youth parliaments demonstrate an adaptive nature, with the potential to be integrated into a wide range of civil society institutions and the public sector as a consultative and advisory component of official bodies.

Keywords: youth parliaments, youth governments, consultative bodies, state, youth, state youth policy

For citation: Khmelevskaya I.G. 2024. Youth Parliamentarism and Civil Society: The Comparative Dilemma. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 502–512 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Введение

Участие молодежи в жизни государства и ее влияние на принятие государственных решений так или иначе фигурировало в качестве предмета рассмотрения в политико-правовой мысли с античных времен. Постепенно теоретические постулаты, обоснованные в научной литературе, трансформировались в реальные коммуникации молодежи с административным сектором. Кульминацией подобных паритетных взаимодействий стало формирование своеобразных международных и национальных «трибун» подрастающего поколения, нередко именуемых молодежными парламентами.

Оформление обозначенных конструкций отличалось самобытными особенностями, присущими культурному коду различных стран. Более того, практика интеграции молодежи в государственные процессы, а также наделение ее реальными управленческими полномочиями в сфере представления собственных интересов опосредовали и поливариантность организационно-правовых форм молодежного парламентаризма.

В текущих реалиях фундаментально важной дискуссией является идентификация места молодежных парламентских структур в общественно-политической конъюнктуре. В контексте научного анализа молодежного парламентаризма центральный вопрос заключается в том, куда в конечном итоге входит рассматриваемый феномен – в сферу регулирования гражданского общества или самого государства. От разграничения данных позиций непосредственно зависит оптимальное построение так называемой молодежной экосистемы, где молодежные парламента во всем их многообразии – один из направляющих элементов.

Современная научная литература в сфере молодёжного парламентаризма отличается отсутствием единого представления о природе молодежных парламентских структур. Многогранность молодежного парламентаризма, его «пограничное состояние», выраженное в нахождении на стыке права, политологии и социологии, определяют наличие разнообразных подходов к изучению его сущности. Его рассматривают как одну из вариаций коммуникации органов государственной власти и молодежи [Бочкаев, 2024], часть молодежной политики Российской Федерации в контексте внеучебной деятельности социально-активной студенческой молодежи [Ивлева, 2023] политический инструмент для обеспечения легитимации принимаемых решений и формирования повестки в молодежной среде [Федотов, 2021], инструмент общественного контроля [Тепляшин, 2020], способ вовлечения молодежи в политический процесс [Барышная, Самохвалов, 2020], особую форму народного представительства [Шелудякова, 2018]. В качестве особой концепции признается двойственная политико-правовая сущность молодежных парламентов как институтов привлечения молодежи к государственной деятельности, выраженная в легальной связи с государственными структурами, но фактическими минимальными представительными и нормотворческими функциями [Москаленко, 2023].

Предметом отечественных научных изысканий зачастую является оценка эффективности молодежных совещательных органов [Семочкина, 2021]. Исследователями

подчеркиваются различные проблемы, сопровождающие деятельность молодежных парламентов, среди которых отсутствие у последних статуса юридических лиц, неспособность демонстрации интересов всех молодежных групп и сообществ, а также дефицит нормативно-правового регулирования [Заслонкина, 2021].

Ряд работ посвящен региональной специфике молодежных парламентских структур и содержит обзорную характеристику их функционирования в конкретных субъектах Российской Федерации [Алиханова, 2018; Сергеев и др., 2018; Аслаев и др., 2023] или мониторинг отдельных, в том числе технологических, аспектов участия в молодежных представительных организациях при органах государственной власти и местного самоуправления с учетом того же «локального» опыта [Головин, 2022].

При этом, несмотря на детальный профиль исследований и их значительный вклад в позиционирование молодежного парламентаризма как уникального феномена, проблема диагностики его места в общей совокупности политико-правовых явлений затрагивается в них фрагментарно. Артикуляция множеством конструкций, описывающих значение молодежного парламентаризма, не дает однозначного ответа о его положении в общественной конъюнктуре. Однако сама идея представительства интересов молодежного сообщества определенным коллективом граждан в совокупности с очевидной связью с государственным сегментом транслирует необходимость определения векторов дальнейшего развития молодежного парламентаризма в свете его приверженности двум отчасти противопоставляемым сферам.

Целью исследования является определение позиции молодежных парламентских структур в сложившейся общественно-политической обстановке в контексте концептуальной «оппозиции» гражданского общества и государства с учетом их нормативных характеристик в отдельных странах.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является комплекс общественных отношений, связанных с функционированием молодежного парламентаризма в рамках взаимодействия государственного сектора и субъектов гражданского общества.

Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. Использование междисциплинарного подхода, охватывающего юридический, исторический и политологический опыт, стимулирует конструирование рациональных выводов и результатов о соотношении категорий «государство» и «гражданское общество», а также о статусе и природе молодежного парламентаризма как уникального явления современности.

Важное значение среди применяемых способов научного познания имеет сравнительно-правовой метод, создающий фундамент для определения и сопоставления правового положения молодежных парламентов в России и за рубежом в целях решения исследовательского «конфликта» об их месте в системе регулярно контактирующих государственных и автономных институтов.

Государство и гражданское общество: ретроспектива научных взглядов

Соотношение категорий «государство – гражданское общество» – тематика довольно разработанная, корнями уходящая в древность.

Концептуальные начала гражданского общества можно обнаружить еще в трудах Аристотеля, который рассуждал об общности, стремящейся к общему благу и справедливости [Аристотель, 1983, с. 376]. По мнению американских политологов Дж. Л. Козна и Э. Арато, его "politike koinonia" – политическое сообщество – представляло собой особую «публичную этико-политическую общность свободных и

равных граждан, существующую в условиях основанной на законе системы правления» [Козн, Арато, 2003, с. 132]. Право позиционировалось как отражение воли народа и демонстрировало единую систему ценностей и норм, присущих каждому члену социума и в ракурсе общепринятых добродетелей, определяющих как политические механизмы, так и бытовые принципы Козн, Арато, 2003, с. 132]. При этом предложенная античным философом идейная материя гражданского общества отличалась определенным диссонансом – фактическое отождествление гражданского общества и государства сочеталось с «ограниченностью» древнегреческой демократии, которая распространяла свое влияние исключительно на граждан и подчинялась аксиоме – «государство – есть общение свободных людей» [Аристотель, 1983, с. 456]. Тем не менее декларирование положений о справедливости, верховенстве права, доминанте частной собственности и высоком уровне нравственности населения позволяло проектировать устойчивые политические, социально-экономические, а также духовные предпосылки возникновения гражданского общества на практике.

Древнеримский мыслитель Марк Туллий Цицерон предлагал собственный подход к организации взаимодействий граждан и государства в рамках категории *societas civilis*. Определяя государство как достояние народа, он указывал на имманентную потребность последнего в правовой солидарности и единстве интересов [Цицерон, 1994]. Исключительность гражданской общины, выступающей каркасом народности, заключалась во взаимном согласии социальных единиц. Аналогично Аристотелю, атрибутика гражданского общества у Цицерона включала в себя верховенство права как фундаментальный критерий моделирования партикулярных компонентов. Унификация прав граждан, их единство для всего общества, обеспечиваемое государством, являлось основой как общего правопорядка, так и гражданственности. *Societas civilis* Цицерона эквивалентно множеству людей, связанных согласием [Цицерон, 1994]. В его трактовке «нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ, согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же» [Цицерон, 1994, с. 23]. Обозначенный социальный консенсус предполагал гарантию формирования не только оптимальных государственных, но и «индивидуальных» механизмов, обслуживающих потребности конкретных групп.

В сущности, обобщенный трек политико-правовой мысли античного периода транслировал генерацию базовых индикаторов, позволяющих в будущем сконструировать автономный от государства сегмент, балансирующий «общее и частное». Идея гражданского общества в зародыше была выражена формулой: закон – его связующее звено. Установление качественных опор соблюдения прав и свобод человека определялось как важнейший фактор организации паритетных взаимодействий между членами социума, а также в рамках их контакта с властными структурами.

Помимо создания прочной правовой платформы, представленной в формате юридической свободы и равенства граждан, целостности интересов государства и народа, к предпосылкам становления гражданского общества относилась и возможность владения частной собственностью, выступающая залогом формирования независимых от публичного сектора начал. В то же время само гражданское общество в обозначенный период фактически уподоблялось государству – они идентифицировались друг с другом, представлялись как единое целое без значительных параллелей в содержательном аспекте.

Вопрос об их разграничении не обладал принципиальной ценностью – мыслители, находясь в поиске наиболее эффективной формы правления, рассуждали о ее возможных реквизитах, которые коррелировались с саморегулируемыми процессами в обществе. Соответственно, выделение первичных признаков гражданского общества происходило «спонтанно» в пределах иных исследовательских миссий. Но даже подобное стихийное оформление сущностных показателей

обозначенного феномена создавало важнейший каркас для его последующего становления в качестве одной из центральных политико-правовых категорий.

Средние века создавали собственную проекцию гражданского общества, отвечающую преимущественно декларируемым религиозным постулатам. Миропорядок объяснялся Божьим промыслом и подчинялся церковным канонам, ортодоксальное зачастую сливалось со светским и предопределяло взаимозависимые формулировки. Выявление гражданской самостоятельности не фигурировало в формате отдельной идеи, однако в сквозном режиме присутствовало в общих размышлениях о государственном устройстве.

Фома Аквинский, синтезируя идеи Аристотеля и вкладывая в них клерикальный смысл, соглашался с позиционированием человека как существа общественного и видел ключевой целью государственной власти сохранение мира и справедливости, достижение общего блага посредством воспитания добродетелей [Аквинский, 2016]. Спустя несколько столетий размышления о соотношении государства и общества прогрессировали в новую плоскость. Николо Макиавелли, продвигая тезис о сильной государственной власти, проводил отчетливые параллели между публичным и частным. Идентифицируя государство в качестве высшего проявления человеческого духа, он предлагал концепцию, где государь «должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами» [Макиавелли, 2014, с. 114]. Подобный подход иллюстрировал начало важнейших модификационных процессов внутри диалогии «государство – гражданское общество» – с учетом развития товарно-денежных отношений, изменений общественной и идеологической конъюнктуры указанные явления сепарировались друг от друга, обновляя свои сущностные характеристики.

Проблематикой гражданского общества занимались многие философы Нового времени. Как правило, наиболее активную позицию в этом аспекте занимали сторонники теории общественного договора – Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и прочие. Общая концепция гражданского общества представлялась в формате его определения как вспомогательного по отношению к государству элемента. По мнению исследователей, «в трудах мыслителей, различавших периоды естественного состояния и гражданского состояния, возникшего как результат общественного договора, гражданское общество рассматривается как политически организованное общество, противопоставляемое догосударственному состоянию» [Авакьян и др., 2015, с. 18]. Например, Т. Гоббс, объясняя возникновение гражданского общества переходом от естественного состояния «всеобщей вражды» к организованной в рамках государства общности индивидов, писал о том, что «...гражданские сообщества не есть простые объединения людей, но объединения, основанные на договоре, для создания которых необходимы взаимные верность и согласие» [Гоббс, 1989, с. 289].

Государство и гражданское общество в эпоху Нового времени раскрывались через оптимальный баланс категорий «свобода» и «повиновение», при этом только первое в силах обеспечить господство разума, мира и безопасности, что предопределяет его ведущее положение. Государство с помощью правовых средств направляет и охраняет гражданское общество, устанавливает пределы его функционирования, тем самым закрепляя за ним зависимую роль. Относительное признание автономного характера гражданского общества, безусловно, являлось новаторским и фундаментальным шагом на пути к его становлению в качестве самостоятельного политико-правового феномена. Однако данное открытие существовало преимущественно в границах размышлений об общественном договоре, что не позволяло ему привлечь к себе колоссальное внимание.

На этом фоне довольно оригинально выглядело учение о гражданском обществе Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, представленное в рамках его общеполитической философии.

модели, подчиненной комплексным правилам исторической и рациональной необходимости. По Гегелю, «гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [Гегель, 1990, с. 228]. Своеобразная уникальность гегелевского концепта гражданского общества заключается в его противопоставлении государству по ряду показателей – прежде всего по происхождению и социальному наполнению с одновременным сохранением подчиненного статуса. Обозначенные синхронные «оппозиция» и «привязка» государства и гражданского общества создавали важнейшие гарантии для закрепления последнего как постоянного функционального элемента в политическом сегменте. Осознавая себя частью государства, гражданское общество все же служило частным интересам, формируя каркас качественной работы властных структур посредством установления эффективной системы контроля не только сверху, но и снизу [Гегель, 1990, с. 334–335].

Дальнейшая разработка идеи гражданского общества проходила под обширным влиянием социально-исторических причин. Усложнение общественной архитектуры, борьба классов за собственные общие и индивидуальные права, усиление позиций политических партий и возникновение множества разнообразных общественных объединений стали катализаторами для генерации устойчивых перспектив активной деятельности свободной и прогрессивной личности. В Новейшее время гражданское общество стало определяющим фактором эволюции политической и правовой культуры, выраженной в многопрофильной демонстрации гражданами персональных прав и интересов, в частности путем объединения в специальные коллективы. Гражданское общество трансформировалось в совокупность автономных от государства институтов и отношений, создающих благоприятные условия для персональной и коллективной самореализации.

Актуальные вариации соотношения гражданского общества и государства

Современная трактовка гражданского общества как конкретно-исторического состояния социума и самоуправляемой отделенной от государства общественной силы предполагает определенную атрибутику. Признание прав и свобод человека высшей ценностью, их соблюдение и защита, совместная работа государства и граждан в рамках развития экономики, демократических ценностей и справедливости, существование независимых от государства организаций, выражающих собственные интересы, являются ключевыми признаками фактического становления гражданского общества. При этом длящаяся на протяжении нескольких столетий модернизация взглядов на саму сущность гражданского общества привела к становлению нескольких современных версий соотношения фигур «государство» и «гражданское общество», адаптированных с учетом прошлого опыта и раскрывающихся через призму традиционного определения взаимных ролей.

Первая – либерально-демократическая – интерпретация предполагает антитезу двух обозначенных выше явлений. В этой плоскости гражданское общество признает высшей ценностью свободу личности и при необходимости защищает ее от государства, формируя систему независимых от государства общественных институтов и отношений, призванных обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, претворения в жизнь частных интересов и потребностей [Гаджиев, 1991; Кравченко, 1991].

Вторая – социал-демократическая – формально интегрирует государство в гражданское общество, наделяя последнее ведущим статусом. Гражданское общество в рамках данной концепции – система отношений между людьми, обеспечивающая удовлетворение их неотъемлемых прав на основе самоуправления и свободы, выбора форм и направлений деятельности, а государство – лишь один из стабильно функционирующих его институтов [Сморгунов, Семенов, 1996].

Третья – интегративно-демократическая – теория идет по пути компромисса и выстраивает взаимодействия государства и гражданского общества на паритетных

началах. Гражданское общество в границах данного подхода представляет собой определенное состояние общества, которое базируется на развитых формах общественной самоорганизации и саморегуляции, оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод [Агибалов и др., 2002, с. 8].

На наш взгляд, наиболее оптимальным форматом соотношения государства и гражданского общества является их позиционирование в качестве двух автономных элементов социальной жизни, которые взаимодействуют друг с другом на регулярной основе. В таком случае государство обеспечивает удовлетворение базового набора потребностей населения, а общество через саморегулируемые институты координирует его действия с учетом собственных запросов. На этом фоне согласимся с исследователями, лоббирующими идею кооперации и включения институтов гражданского общества в административно-управленческую деятельность [Петров, 2011].

Однако, осознавая важность направленного друг к другу движения государства и гражданского общества, необходимо проводить между ними отчетливую параллель. Институты гражданского общества – это прежде всего юридически обособленные от государства некоммерческие организации, деятельность которых направлена на защиту интересов различных групп населения, участие в реализации социальных проектов и программ. Они не интегрированы в государственный механизм, поэтому и обеспечивают объективный контроль за реализацией прав и свобод человека и гражданина.

Молодежный парламентаризм в политико-правовой конфигурации (на примере Российской Федерации и Великобритании)

Существенная роль гражданского общества во всем многообразии его институтов в построении качественных основ государственности, социальной и политической сфер предопределяет размышления об интеграции молодежных парламентов в указанный сегмент. По мнению Л.С. Пастуховой, «молодежный парламентаризм должен находиться в структуре гражданского общества» [Пастухова, 2007, с. 16, 38]. Причисление молодежных парламентов к субъектам гражданского общества основано на их фактическом назначении – обеспечить участие молодежи в решении ключевых социально-политических решений. Однако, определяя место молодежного парламентаризма в обозначенной парадигме с учетом особенностей взаимодействия гражданского общества и государства, нельзя игнорировать его национальные характеристики. Молодежные парламенты в европейских государствах и в России – отчасти диаметрально противоположные структуры, сохранившие единство лишь в наименовании. На примере опыта конструирования молодежных парламентов в Великобритании и Российской Федерации можно продемонстрировать существенные различия в аспектах функционирования и общей организации названных компонентов.

Молодежный Парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – это «программа, которая предоставляет возможность подросткам в возрасте от 11 до 18 лет использовать свой голос на выборах для осуществления социальных изменений посредством значимого представительства и проведения кампаний»¹ [UK Youth Parliament, 2024]. Специфика оформления Молодежного парламента Великобритании заключается в его дискретной связи с государством – с одной стороны, данная структура вовлекает молодежь в парламентский процесс, предоставляя прямой доступ к лицам, принимающим решения, с другой, – для «управления» самим Молодежным парламентом привлекается определенная благотворительная организация, деятельность которой в рамках обеспечения функционала указанного объединения

¹ UK Youth Parliament. Official website of The National Youth Agency. URL: <https://nya.org.uk/ukyp/> (дата обращения: 15 мая 2024).

молодых людей финансируется за счет средств гранта Министерства культуры, СМИ и спорта Соединенного Королевства [UK Youth Parliament, 2024]. Иными словами, государство, создавая легальную площадку для выражения молодежью собственной позиции, «уходит в тень» и делегирует непосредственное руководство молодыми парламентариями некоммерческому образованию, оказывая преимущественно материальную поддержку. При таком формате контакт молодежи с государственным сектором носит фрагментарный характер – периодически взаимодействуя, они не рассматриваются как единое целое, оставаясь самостоятельными, отчасти противопоставляемыми элементами.

Концепция молодежного парламентаризма в отечественном государстве отличается значительной самобытностью. В России молодежные парламенты организационно являются совещательными и консультативными органами при государственных структурах. То есть формально они являются составной частью внутреннего устройства конкретного государственного органа и действуют под его началом, что закреплено нормативно. Так, Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации – это «совещательный и консультативный орган, созданный для оказания содействия законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи»¹. Отметим, что региональные молодежные структуры парламентского типа сохраняют подобный организационный подход и также действуют в качестве отдельного звена законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Не акцентируя внимания на тех или иных количественных и возрастных показателях молодежных парламентов в России и Великобритании, обратимся к их базовым содержательным характеристикам. Ключевым сравнительным ориентиром здесь выступает сама сущность молодежной структуры – если в Великобритании речь ведется об особой социальной программе, в рамках которой и существует объединение молодых людей, то в Российской Федерации молодежные парламенты – это функциональные единицы государственных органов, дублирующие их работу в целях представительства интересов молодежи в диалоге с властью. Оба варианта сочетают в себе определенные достоинства и отвечают социальным вызовам и запросам конкретного государства, учитывая его персональный исторический опыт, но в русле затронутой проблематики к институтам гражданского общества можно причислить только британский формат.

Очевидно, что молодежные парламенты и в России, и в Великобритании преследуют общую цель – создать устойчивые гарантии для выражения молодежью как особой социальной стратой коллективных интересов, что коррелируется с фундаментальными принципами гражданского общества. Однако нормативные характеристики конкретных национальных молодежных структур все же разводят их по разным углам. Если Молодежный Парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии действует как социальная программа и юридически находится под управлением благотворительной организации, то отечественная версия данного объединения молодых граждан напрямую зафиксирована в государственном механизме.

Заключение

В Великобритании и большинстве других европейских государств молодежный парламентаризм успешно существует в рамках гражданского общества как отдельный его институт. Российские же политико-правовые реалии с учетом оригинальной концепции молодежного парламентаризма не позволяют причислить его к названной выше

¹ Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16.03.2023 № 3315-8 ГД. СЗ РФ. 2023. № 12. Ст. 2007.

категории, предопределяя уникальное положение отечественных молодежных парламентских структур. Полагаем, что избранная в России вариация организационного оформления молодежного парламентаризма в значительной степени корреспондирует его сущности и способствует эффективным взаимодействиям молодежи и властно-управленческого сегмента. Непосредственная связь с государством и нахождение в его «плоскости» гарантируют обширную демонстрацию интересов молодежи, создают устойчивую платформу для выражения молодежной позиции по различным вопросам, предоставляют больше легальных возможностей воздействия на ту или иную ситуацию, а также в перспективе позволяют сформировать кадровый резерв для законодательных или исполнительных органов. При этом статус консультативного и совещательного органа не лишает молодежь «общественной самоидентичности», а наоборот, открывает доступ к новым возможностям в сфере представления персональных запросов.

Дилемма о месте молодежного парламентаризма в отечественной парадигме институтов и ценностей решена на легальном уровне – молодежные парламенты, выступая «трибуной» для молодых граждан, находятся в постоянном контакте с органами государства, синтезированы с ними. Оптимальность данного подхода обусловлена не только нормативными предписаниями, но и зарекомендовавшими себя с положительной стороны фактическими взаимодействиями государства и молодежи.

Теоретическое отнесение российских молодежных парламентов к субъектам гражданского общества потребует не только реформирования сложившейся за несколько десятков лет системы организации обозначенных компонентов, но и отразится на «уникальности» самой концепции молодежного парламентаризма, который, теряясь в иных институтах гражданского общества, сохранит лишь статус параметра, посвященного молодежи. Эффективность взаимоотношений молодежного сообщества и государственного сектора находится в прямой зависимости от грамотно выстроенной иерархии, где молодежные парламенты, находясь на высшей ступени и непосредственно контактируя с государственными органами, активно сотрудничают с различными институтами гражданского общества.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2015. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Москва, Юстицинформ, 652 с.
- Агибалов Ю.В. Становление гражданского общества: личность, самоуправление, власть. Воронеж, Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 364 с.
- Алиханова С.А. 2018. Особенности молодежного парламентаризма в Республике Дагестан. *Власть*, 15: 58-61.
- Аристотель. 1983. Сочинения. В 4-х т. Москва, Мысль, 830 с.
- Аслаев Т.С., Буранбаев Р.А., Гайнуллин А.З., Сайфутдинов В.В. Состояние молодежного парламентаризма в Республике Башкортостан в 2022 году. *Образование и право*, 7: 200-203.
- Барышная Н.А., Самохвалов Н.А. 2020. Молодежный парламентаризм в России на современном этапе: концептуальный анализ. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 26(4): 42-47. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-42-47
- Бочкаев А.Р. 2024. Технологии взаимодействия государства с молодёжью в 2000–2020-е. *Общество: политика, экономика, право*, 1: 43-47. DOI: 10.24158/per.2024.1.5
- Гаджиев К.С. 1991. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования. *Вопросы философии*, 7: 19-35.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Москва, Мысль, 524 с.
- Гоббс Т. 1989. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Москва, Мысль, 621 с.
- Головин Д. А. 2022. Анализ технологий политической активности молодежи г. Москвы. *Социально-политические исследования*, 3(16): 80-93.
- Заслонкина О.В. 2021. Молодежный парламентаризм в современной России: трансформация политико-правовой природы. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 11(3): 145-153.

- Ивлева М.И. 2023. Формирование ценностей студенческой молодежи в образовательном пространстве вуза. *Право и практика*, 4: 241-248. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-241-248
- Коэн Дж., Арато Э. 2003. Гражданское общество и политическая теория. Москва, Весь мир, 784 с.
- Кравченко И.И. 1991. Концепция гражданского общества в философском развитии. *Полис. Политические исследования*, 5: 128-139.
- Макиавелли Н. 2014. Государь. Москва, ЭКСМО, 672 с.
- Москаленко В.А. 2023. Институты привлечения молодежи к государственной деятельности в субъектах ПФО: практическая работа и функциональные трансформации. *Общество: политика, экономика, право*, 8(121): 66-73.
- Орлова А.Н. 2024. Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь. *Вестник Костромского государственного университета*, 30(1): 243–250. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250
- Пастухова Л.С. 2007. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества. Диссертация ... кандидата политических наук. Москва, 216 с.
- Петров М.П. 2011. Теоретические проблемы совершенствования правовой основы взаимодействия исполнительной власти и гражданского общества. *Конституционное и муниципальное право*, 9: 6-19.
- Семочкина Е.В. 2021. Экспертная оценка взаимодействия органов государственной власти с молодежными совещательными органами. *Вопросы политологии*, 12 (76): 3570-3575. DOI: 10.35775/PSI.2021.76.12.019.
- Сергеев А.К., Гнатюк М.А., Гнатюк К.Ю. 2018. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 2: 23-28.
- Тепляшин И.В. 2020. Молодежные общественные структуры: потенциал публичного управления и общественного контроля. *Гражданское общество в России и за рубежом*, 3: 20-23.
- Федотов Д.А. 2021. Генезис и предпосылки возникновения молодёжного парламентаризма в России. *Право и политика*, 9: 87-101. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
- Фома Аквинский. Пер. с латинского: Александр Марей. 2016. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей. *Социологическое обозрение*, 15 (2): 96–128.
- Цицерон Марк Туллий. 1994. Диалоги. Москва, Ладомир, Наука, 222 с.
- Шелудякова Т.В. 2018. Молодежный парламент как орган народного представительства. *Конституционализм и государственное устройство*, 2 (12): 22-26.

References

- Avakyan S.A. 2015. Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeistviya ekstremizmu: klyuchevye konstitutsionno-pravovye problem [Civil Society as a Means to Ensure Political Dialog and Opposition to Extremism: Key Constitutional Law Problems]. Moscow, Publ. Justicinform, 652 p.
- Agibalov Yu. V. 2002. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva: lichnost', samoupravlenie, vlast'. [The formation of civil society: personality, self-government, power]. Voronezh, Publ. Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 364 p.
- Alikhanova S.A. 2018. Political design: some aspects of the problem of designing civil identity in modern Russia. *Vlast'*, 15: 58-61 (in Russian).
- Aristotel'. 1983. Sochineniya [Essays]. In 4 volumes. Moscow, Publ. Mysl', 830 p.
- Aslaev T.S., Buranbaev R.A., Gainullin A.Z., Saifutdinov V.V. The state of youth parliamentarism in the Republic of Bashkortostan in 2022. *Education and Law*, 7: 200-203 (in Russian).
- Baryshnaya N.A., Samokhvalov N.A. 2020. Youth parliamentarism in Russia at the present stage: conceptual analysis. *Transbaikal State University Journal*, 26(4): 42-47 (in Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-42-47.
- Bochkaev A.R. 2024. Technologies of Interaction between the State and Youth in the 2000s and 2020s. *Society: Politics, Economics, Law*, 1: 43-47 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2024.1.5
- Gadzhiev K.S. 1991. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva: ideinye istoki i osnovnye vekhi formirovaniya. [The concept of civil society: ideological origins and main milestones of formation]. *Problems of Philosophy*, 7: 19-35.
- Gegel' G.V.F. 1990. Filosofiya prava [The philosophy of law]. Moscow, Publ. Mysl', 524 p.
- Gobbs T. 1989. Sochineniya [Essays]. In 2 volumes. V.1. Moscow, Publ. Mysl', 621 p.

- Golovin D. A. 2022. Analysis of technologies of youth's political participation in Moscow. *Social and political researches*, 3(16): 80-93 203 (in Russian). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-80-93.
- Zaslonskaya O.V. 2021. Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 11(3): 145-153 (in Russian).
- Ivleva M.I. 2023. Formation of student youth values in the educational space of the university. *The law and practice*, 4: 241-248 (in Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-241-248.
- Cohen J., Arato A. 2003. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Ves' mir, 784 p.
- Kravchenko I.I. 1991. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v filosofskom razvitii [The concept of civil society in philosophical development]. *POLIS. Political Studies*, 5: 128-139.
- Machiavelli N. 2014. Gosudar' [The Prince]. Moscow, Publ.EKSMO, 672 p.
- Moskalenko V.A. 2023. Youth Engagement Institutions to State Activities in the Subjects of the Volga Federal District: Practical Work and Functional Transformations. *Society: Politics, Economics, Law*, 8(121): 66-73 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2023.8.8.
- Orlova A.N. 2024. State and civil society: cooperation and interconnection. *Vestnik of Kostroma State University*, 30(1): 243–250 (in Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250.
- Pastuhova L.S. 2007. Molodezhnyj parlamentarizm kak faktor razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Youth parliamentarism as a factor in the development of civil society]. Abstract. dis. ... cand. political sciences. Moscow, 216 p.
- Petrov M.P. 2011. Teoreticheskie problemy sovershenstvovaniya pravovoi osnovy vzaimodeistviya ispolnitel'noi vlasti i grazhdanskogo obshchestva [Theoretical problems of improving the legal framework for interaction between the executive and civil society]. *Constitutional and Municipal Law*, 9: 6-19.
- Semochkina E.V. 2021. Expert assessment of the interaction of public authorities with youth advisory bodies. *Political Science Issues*, 12 (76): 3570-3575 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2021.76.12.019.
- Sergeev A.K., Gnatyuk M.A., Gnatyuk K.Yu. 2018. Youth parliament as a form of implementation of regional youth policy: the experience of the Samara region. *State and municipal management. Scholar notes*, 2: 23-28 (in Russian).
- Teplyashin I.V. 2020. Youth Social Structures: The Potential of Public Administration and Public Control. *Civil Society in Russia and Abroad*, 3: 20-23 (in Russian).
- Fedotov D.A. 2021. Genesis and prerequisites for the emergence of youth parliamentarism in the Russian Federation. *Law and politics*, 9: 87-101 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
- Thomas Aquinas (Per. s latinskogo: Aleksandr Marej). 2016. O korolevskoi vlasti k korolyu Kipra, ili O pravlenii knyazei [On Kingship to the King of Cyprus; or, On the Government of Princes]. *Russian Sociological Review*, 15(2): 96–128.
- Cicero. 1994. Dialogi [Speeches]. Moscow, Publ. Lodomir, Nauka, 222 p.
- Sheludyakova T.V. 2018. The youth parliament as the body of the people's representative office. *Constitutionalism and political science*, 2 (12): 22-26 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.11.2023

Поступила после рецензирования 25.12.2023

Принята к публикации 15.01.2024

Received November 10, 2023

Revised December 25, 2023

Accepted January 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хмелевская Ирина Геннадиевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Khmelevskaya, postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти

Гуторова А.Н.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, 50-лет Октября, д. 94

allagutorova@mail.ru

Аннотация. Конституционный законодатель правомерно противопоставляет организацию публичных мероприятий вне надлежащей организации и мероприятия организованные. Народное доверие к федеральной публичной власти не может быть основано исключительно на бесконфликтном взаимодействии и сотрудничестве. Митинги, демонстрации и иные публичные акции одновременно подтверждают и опровергают народное доверие. В этой связи актуализируется рассмотрение порядка проведения публичных акций, возможностей запрета их проведения и влияния на ограничение прав и свобод человека. Целью настоящей работы состоит в исследовании на основе анализа правовых и доктринальных источников содержания субъективного права на публичные акции и свободу слова в качестве фактора обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти. Заявленная цель опосредовала применение как общенаучных методов (диалектический, логический), так и специальных методов (аксиологический и формально-юридический). Сделаны выводы о необходимости изменить механизм проведения публичных акций для легальных политических партий в силу того, что они пользуются поддержкой населения; ввести в чрезвычайных и экстраординарных условиях ряд временных ограничений политических прав и свобод граждан, что не исключает полностью возможность выражения доверия общества к государству, но сокращает формат и полноту их политико-правового взаимодействия.

Ключевые слова: мандат народного доверия, публичная власть, митинг, демонстрация, протесты, оппозиция, права и свободы человека, выборные органы, конституционный суд, судебная защита

Финансирование: публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Для цитирования: Гуторова А.Н. 2024. Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 513–524. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Public Actions and Freedom of Speech in the Mechanism of Ensuring Public Trust

Alla N. Gutorova

Southwest State University
94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation

allagutorova@mail.ru

Abstract. The constitutional legislator legitimately opposes the organisation of public events outside the proper arrangement to those organised properly. People's trust in the federal public authority cannot be based solely on conflict-free interaction and cooperation. Rallies, demonstrations and other public actions

confirm and refute the people's trust at the same time. In this regard, consideration of the procedure for holding public actions, the possibility of banning them and the impact on the restriction of human rights and freedoms is being updated. The purpose of this work is to study the content of the subjective right to public action and freedom of speech as a factor of ensuring the mandate of public confidence in the federal government. For this purpose, legal and doctrinal sources were analysed. The stated goal mediated the use of both general scientific methods (dialectical and logical ones) and special methods (axiological and formal legal ones). As a result, conclusions were drawn about the need to change the mechanism of holding public actions for legal political parties due to the fact that they enjoy the support of the population; to introduce a number of temporary restrictions on the political rights and freedoms of citizens in extraordinary and temporary conditions, which does not completely exclude the possibility of expressing public confidence in the state, but reduces the format and completeness of their political and legal interaction.

Keywords: mandate of the people's trust, public authority, rally, demonstration, protests, opposition, human rights and freedoms, elected bodies, constitutional court, judicial protection

Funding: The study was carried out within the framework of the state task “Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state” (No. 085102020 – 0033).

For citation: Gutorova A.N. 2024. Public Actions and Freedom of Speech in the Mechanism of Ensuring Public Trust. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 513–524 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Введение

Демократический мандат народного доверия на федеральном уровне публичной власти нуждается в адекватных процессуальных и организационно-обеспечительных механизмах. Актуальность в связи с этим приобретает конституционно-правовое и административно-правовое регулирование организации и проведения митингов и демонстраций, шествий и пикетирования¹. Данные публичные акции могут иметь весьма локальный характер, однако при определенных обстоятельствах приобретать общероссийский масштаб. Здесь имеют значение как минимум два ключевых фактора: во-первых, одобряющая либо протестная активность в крупных городах (главным образом в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге), во-вторых, степень массовости в других субъектах России.

Полагаем, что конституционный законодатель при регулировании порядка организации публичных акций должен исходить из необходимости поиска разумного баланса между с одной стороны, недопустимостью хаотичных и неконтролируемых властями массовых действий с другой, – конституционными гарантиями недопустимости полного запрета на митинги, демонстрации, шествия и пикетирование. Соответствующую правовую позицию неоднократно формулировал² Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике.

Исходя из приведенных практических аргументов, актуализируется рассмотрение порядка проведения публичных акций, возможностей запрета их проведения и влияния на ограничение прав и свобод человека. В этой связи целью настоящей работы является исследование на основе анализа правовых и доктринальных источников содержания субъективного права на публичные акции и свободу слова в качестве фактора обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти.

¹ Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.11.2019 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми "О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми" в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 6.

Легальные политические партии

В юридической литературе верно отмечено, что митинги, демонстрации, шествия и пикетирование в течение последних лет приобрели признаки одновременно конституционно-правового и административно-правового институтов [Астафичев, 2019]. Публичные акции запрещено проводить совершенно свободно, без предварительного уведомления уполномоченных органов публичной власти в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Однако если организатор публичного мероприятия выполняет все установленные административным законом требования, такая публичная акция не может рассматриваться как нарушающая закон.

Если вопрос о доверии к конкретным действиям или бездействию федеральных властей актуализируется в промежутке между очередными избирательными циклами, пожалуй, наиболее эффективной формой для массового выражения общественного мнения являются публичные акции [Сивопляс, 1993, с. 7]. При этом конституционному законодателю, на наш взгляд, следует более активно и последовательно различать легальные и нелегальные формы политической оппозиции [Крусс, 2021, с. 37]. Политическая оппозиция в современной России легализована как минимум в отношении парламентских политических партий, которые имеют представительство и соответствующие фракции в Государственной Думе. Партийно-фракционная система по результатам последних выборов в нижнюю палату Федерального Собрания представляет весьма разветвленную структуру, включающую пять альтернативных политических направлений. Кроме того, в России зарегистрированы и действуют федеральные политические партии, которые не проявили в своей деятельности каких-либо противоправных деяний, однако в силу недостаточной электоральной поддержки не реализовали свое право на представительство в Государственной Думе. Данные политические организации имеют право на легальную, конституционно поддерживаемую и гарантируемую оппозицию политической партии, которая считается правящей ввиду наличия соответствующих замещенных мандатов в нижней палате парламента [Панов, Сулимов, 2021, с. 516].

Полагаем, что при прочих равных условиях легальные политические партии (правящая при большинстве мандатов и оппозиционные при меньшинстве или их отсутствии, но при зарегистрированном статусе политической партии) обладают достаточным правом на организацию публичных митингов, демонстраций, шествий и пикетирования. На основании вышеизложенного предлагаем согласование с публичными властями субъектов РФ и муниципальных образований в таких случаях сделать строго уведомительным, а не разрешительным. Публичные акции такого рода являются одновременно поддерживающими доверие и опровергающими его, поскольку каждая легальная политическая партия рационально стремится к обеспечению доверия именно ее политической платформы, которая не всегда и не во всем совпадает с платформами других законных политических организаций [Сергеев, Кузьмина, 2020].

Конституционный законодатель правомерно противопоставляет организацию публичных мероприятий вне надлежащей организации (хаотичные митинги, демонстрации, шествия и пикетирование) и мероприятия организованные, но субъектами политических отношений, которые не подпадают под категорию «легальных» с конституционно-правовой точки зрения. В их числе – запрещенные в России экстремистские, террористические и другие противоправные организации. Полагаем, что соответствующие конституционные запреты в целом являются допустимыми в демократическом обществе и правовом государстве. Вполне возможна постановка на законодательном уровне вопроса о том, чтобы установить исключительное право политических партий на организацию общероссийских и массовых митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, что, однако, не должно затрагивать право субъектов РФ и местных сообществ муниципальных образований на соответствующие

публичные акции, цели которых являются локальными и не затрагивают проблем общенациональной политики [Горюшина, Поцелуев, 2019, с. 81].

Высказанное нами законодательное предположение затрагивает важный, на наш взгляд, вопрос о «лояльных» к действующей власти публичных мероприятиях. Подобные акции проводятся сравнительно часто с целью продемонстрировать доверие граждан к текущим действиям государства, их одобрение проводимой политики, поддержку имеющегося политического курса. Если организатором данного публичного мероприятия выступает правящая партия, которая обладает численным большинством мандатов в Государственной Думе, – наблюдается надлежащее отделение партий от государства и его аппарата, при котором органы публичной власти (состоящие из представителей разных партий и фракций) напрямую не вмешиваются в публично-агитационный процесс. Если же официальным организатором публичного мероприятия был бы государственный орган или орган местного самоуправления, – налицо не только формальное, но и сущностное отступление от требований действующего законодательства. Это служит дополнительным аргументом в обоснование предложенной нами модели правового регулирования, при которой право организации всероссийских массовых акций принадлежит исключительно политическим партиям, которые являются легальными, зарегистрированы министерством юстиции и не осуществляют противоправной деятельности, в том числе террористического или экстремистского характера.

Доверие граждан к институтам и персоналиям федеральной публичной власти не может быть основано исключительно на бесконфликтном взаимодействии и сотрудничестве. Массовые манифестации действительно представляют определенную угрозу безопасности граждан, однако угрозы национальной и государственной безопасности в данном случае, по нашему мнению, не следует преувеличивать. Нужно учитывать, что государство не может быть создано и не может быть разрушено ни одним из поколений людей. Государственная форма политического взаимодействия настолько прочно вошла в жизнь современного общества, что исключить ее попросту невозможно. Онтологической основой современного государства является народный суверенитет, который нуждается в адекватных формах выражения и реализации. В свою очередь, государственный аппарат в лице уполномоченных государственных органов свойством суверенитета не обладает. Государство и государственный аппарат – не одно и то же. Если в функционировании государства наблюдаются болезненные процессы, – они должны находить выражение в соответствующих конституционно-правовых формах прямой и представительной, императивной и консультативной демократии.

Временные ограничения политических прав и свобод граждан

Данные рассуждения касаются главным образом мирной жизни и предполагают обычный ход развития и совершенствования общественных отношений. Несколько иначе выглядит проблема обеспечения доверия народа к федеральной власти при чрезвычайных и военных обстоятельствах. В Конституции РФ указывается на два возможных правовых режима, при которых допускается законное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина – чрезвычайное¹ и военное² положения. В отношении этих правовых режимов имеется подробная и методологически выверенная нормативно-правовая база, однако на практике государственные органы предпочитают ее не применять. Во всяком случае, в период обострения пандемии covid-19 федеральная государственная власть воздержалась от введения чрезвычайного положения,

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» с послед. изм. СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» с послед. изм. СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

не вводилось военное положение и в современных политико-правовых обстоятельствах вплоть до октября 2022 года¹. Однако экстраординарность условий и обстоятельств *объективно требуют ряда временных ограничений политических прав и свобод граждан*, что не исключает полностью возможность выражения доверия общества к государству, но сокращает формат и полноту их политико-правового взаимодействия.

При чрезвычайных и экстраординарных обстоятельствах федеральная власть «как бы берет кредит народного доверия» [Сизиков, 2016, с. 182], который обращен к будущему, когда чрезвычайные и экстраординарные обстоятельства с неизбежностью отпадут вследствие нормализации обстановки и общественных отношений. Это не означает, что конституционные политические права и свободы полностью прекращают свое действие. Однако даже незначительные на первый взгляд ограничения в свободе выражения политического мнения в СМИ дают существенный синергетический эффект [Лойт, Бялт, 2020, с. 45]. Свободное общество, которое сформировало длительную традицию возможности и юридической допустимости политической дискуссии в СМИ, вследствие чрезвычайности обстоятельств вынуждается к государственной монополизации потока политико-информационных ресурсов. Данное состояние возможно и даже необходимо в чрезвычайных условиях, но оно выглядит социально вредным в ситуации обычной, не стесненной особыми обстоятельствами жизнедеятельности общества.

При чрезвычайных обстоятельствах (например, при аварийно-спасательных работах) от федеральной власти требуются быстрота и эффективность. Именно этим фактором главным образом обеспечивается доверие граждан. Граждане при чрезвычайных обстоятельствах быстро утрачивают доверие к власти, если последняя проявляет медлительность, излишнюю осторожность, ищет социальные компромиссы и т. п. Здесь требуется минимизация конфликтов, их максимальное отсечение от сферы публичного управления. Наиболее точный термин для выражения этого – «мобилизация ресурсов» [Климов, 2000, с. 74], если данное понятие толковать в широком (не только в военном)² смысле. Доверие граждан к федеральной власти при чрезвычайных обстоятельствах гарантируется способностью к мобилизации ресурсов и эффективной деятельности, основная цель которых – максимально быстрым и наиболее полным образом ликвидировать чрезвычайный фактор и вернуть политико-правовую жизнь в нормальное русло, где основой народного доверия служат обычные конституционно-правовые механизмы выборов, референдумов, публичных манифестаций, петиций и плюралистической дискуссии в СМИ.

Современное государство и общество являются весьма конфликтогенными вследствие сложности их организации и структуры. Конфликт – это состояние, которое наступает вследствие взаимоисключающего поведения. Сами по себе социальные конфликты являются естественным спутником регулируемых правом общественных отношений. Чтобы обеспечить демократический мандат народного доверия, законодатель стремится к рационализации социальных конфликтов, выработке приемлемых механизмов их разрешения. В их числе – предвыборные заявления кандидатов на выборах, встречи депутатов с избирателями, мониторинг общественного мнения, постоянная корректировка публичной политики, судебное разбирательство споров независимым и беспристрастным судом. Граждане доверяют публичной власти не потому, что она способна исключить социальные конфликты, но вследствие ее потенциальных возможностей для эффективного разрешения данных конфликтов [Данкин, 2017, с. 49]. Если социальные конфликты не

¹ Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Российская газета. 2022, 20 октября.

² Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6590.

перерастают в массовые, стихийные и неконтролируемые властью процессы, – общество доверяет власти, поскольку она выполняет одну из своих *основных функций*, направленных на *гарантии безопасности общества* [Лашкевич, 2010, с. 70].

Однако демократический мандат народного доверия в условиях конституционного государства и общества не ограничивается целью обеспечения одной лишь государственной безопасности. Это – необходимое, но не достаточное правовое требование. Если государство позиционирует себя в качестве конституционного и правового, необходимы особые гарантии достоинства личности, гуманизма и человечности, что предполагает признание, уважение и эффективную защиту индивидуальных прав и свобод человека и гражданина, которые закреплены в главе 2 Конституции РФ [Тонков, Пожарова, Захаров, 2018, с. 545]. Общество полноценно доверяет федеральной власти тогда, когда права и законные интересы каждого из индивидов эффективно защищены от произвола и несанкционированного вмешательства других лиц, включая само государство. Права и свободы человека и гражданина – естественные, непосредственно действующие и неотчуждаемые, они объясняют и раскрывают основной смысл деятельности федеральных государственных органов. Это не ведет к «атомизации» общества; напротив, данный конституционный институт объединяет общество и в известной степени создает общество и поддерживает его демократическое существование.

Здесь в определенной мере проявляются социальные опасения перед несходством мнений и конфликтом интересов. Права и свободы человека и гражданина в современной России пока еще не воспринимаются как институт, который поддерживает потребности и интересы именно граждан, которые нередко отличаются от позиции властей и интересов тех или иных государственных органов. Конституционный институт прав человека – это не проявление анархии, но в то же время – это и средство сдерживания властей, ограничения их полномочий, связанности публичной власти законом и правом [Червонюк, Забавка, 2021, с. 40].

Сакрализация деятельности государственного аппарата [Баиров, 2020, с. 108], на наш взгляд, не вполне совместима с конституционной концепцией прав человека. Иерархическую структуру государственных органов конституционализм уравнивает признанием равенства всех граждан в их достоинстве и правах. Таким образом институт доверия граждан к публичной власти из общественно-коллективной плоскости трансформируется в область персонального и индивидуального. Если каждый гражданин ощущает, что лично его права и свободы гарантированы и эффективно защищены, то он доверяет публичной власти. Общее доверие гражданского общества складывается из частных показателей доверия каждого гражданина. Кроме того, безусловно, существуют и факторы коллективного доверия [Абумуслимов, Арсланбекова, 2021, с. 6]: это доверие общественных объединений, профессиональных союзов, политических партий, бизнеса, труда, капитала, предпринимателей, пенсионеров, женщин, детей, молодежи и т. д. Нельзя исключать и доверие коллективного электората, которое в наиболее справедливой степени выражается благодаря использованию пропорциональной избирательной системы (право на представительство в парламенте получают не только крупные, но и небольшие партии, которые имеют возможность блокирования в парламенте для формирования конструктивной, легальной и законной оппозиции).

Конституционный институт прав и свобод человека и гражданина в отношении механизма обеспечения демократического мандата народного доверия имеет ряд неблагоприятных побочных эффектов. В их числе – внешне видимый рост социальной неудовлетворенности. В монолитном, тоталитарном или авторитарном обществе такого рода социальные конфликты «спрятаны» за ширмой внешнего социально-политического благополучия. Многие поколения россиян могли это наблюдать в брежневском СССР,

когда проводились периодические съезды КПСС, на которых никто никогда не спорил, не голосовал за альтернативные точки зрения, не предлагал альтернативные проекты. Основным смыслом съездов КПСС заключался в сугубо *внешней демонстрации* наличия *полного народного доверия* [Волгин, 2019].

Превентивное конституционное правосудие

В современной России ситуация иная – депутаты Государственной Думы и сенаторы Российской Федерации рассуждают, дискутируют, предлагают альтернативные законопроекты, вносят поправки, отклоняют или одобряют предложения субъектов права законодательной инициативы [Худобко, 2006]. Граждане все чаще обращаются в целях защиты своих прав и законных интересов в судебные инстанции. Сам по себе факт весьма частого обращения граждан в Конституционный Суд РФ с конституционными жалобами с точки зрения проблемы доверия общества к федеральной власти можно истолковать двояким образом.

С одной стороны, сравнительно частое обращение граждан в Конституционный Суд РФ и соразмерное этому удовлетворение ходатайств заявителей свидетельствует об эффективности правозащитного механизма современной России, поскольку конституционное правосудие главным образом удовлетворяет заявленные конституционные жалобы граждан¹. Тем самым повышается доверие людей к государственно-правовой системе и действиям государства. С другой стороны, этот же факт можно истолковать как препятствующий позитивной оценке деятельности полиции, следствия, прокуратуры и судов общей и арбитражной юрисдикции, чьи действия фактически граждане и обжалуют в Конституционном Суде РФ. Данное обстоятельство свидетельствует о снижении доверия гражданского общества к федеральной правоохранительной системе [Мордвинов, 2021, с. 134].

В силу особенностей компетенции российского конституционного правосудия речь может идти также о снижении доверия граждан к парламенту, потому что именно Государственная Дума и Совет Федерации принимают законодательные акты, которые противоречат Конституции РФ или в силу своей правовой неопределенности порождают неконституционную правоприменительную практику. Нет сомнений в том, что деятельность Конституционного Суда РФ в современных условиях способствует повышению доверия граждан к федеральной власти (в этом Суде «можно найти правду», благодаря данному Суду «есть средство обеспечения справедливости» и т.п.). Но по каким причинам другие звенья государственного аппарата не обеспечивают заблаговременно это доверие?

Полагаем, что задача осуществления *превентивного конституционного правосудия* возлагается на парламент и правоохранительную систему в не меньшей степени, чем на Конституционный Суд РФ, являющийся здесь лишь окончательной (но не единственной) инстанцией. Суд общей юрисдикции или арбитражный суд в случае сомнения в конституционности применяемого закона обязан приостановить производство по делу и направить соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ. Парламент несет публично-правовую обязанность законодательного регулирования общественных отношений в строгом соответствии с принципами и нормами Конституции РФ. Заведомая неконституционность правового регулирования – это противоправная деятельность,

¹ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова». СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692; от 05.07.2022 № 28-П «По делу о проверке конституционности части 3.1 статьи 147 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Руденко». СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5199; от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева». СЗ РФ. 2022. № 26. Ст. 4584.

которая должна быть по возможности полностью исключена [Калиш, 2021, с. 125]. Полагаем, что учет данного фактора мог бы способствовать дальнейшему совершенствованию механизма обеспечения народного доверия на федеральном уровне публичной власти.

Структура федерального государственного аппарата весьма неоднородна и довольно сложна. Вслед за этим дифференцируются и механизмы обеспечения доверия граждан. В частности, можно выделить административно-военную подсистему, где главенствующую роль играют приказы и беспрекословное повиновение, а также политическую и юридическую сферы, в которых преобладают методы убеждения и соразмерная этому публично-правовая риторика. Способность федеральных органов публичной власти убеждать общество в необходимости тех или иных конституционно-правовых мер, вне сомнения, является важным показателем обеспечения надлежащего доверия власти и общества. Политические деятели и юристы гарантируют доверие общества своими речами, высказываниями, выводами, мыслями и их аргументацией. Данная сфера в наименьшей степени подвержена правовому регулированию и составляет область главным образом нравственности и политической культуры. Однако конституционное право и здесь имеет определенный инструментарий, который может использоваться для эффективного воздействия на соответствующие процессы и явления.

Основной метод здесь – конституционное признание свободы мысли и слова при одновременном введении правоограничительных мер на конституционном и законодательном уровнях. Конституционный Суд РФ в своих решениях многократно заявлял и подтверждал правовую позицию о том, что абсолютных прав и свобод человека и гражданина, как правило, не существует; большинство из них, могут подвергаться правоограничительному воздействию. Поэтому смысл того или иного субъективного конституционного права заключается не в том, чтобы полностью исключить какие-либо правоограничения, но добиться того, чтобы ограничения были соразмерными и не ставили под сомнение саму суть данного субъективного конституционного права.

Применительно к содержанию конституционной свободы мысли и слова подчеркнем, что это – едва ли не самое «ограничиваемое» конституционное право. Об этом свидетельствуют нормы ст. 29 Конституции РФ: в ее части 2 мы уже обнаруживаем правоограничения (запрещена пропаганда и агитация, которая возбуждает ненависть и вражду; не является допустимой также пропаганда превосходства). В качестве критериев «возбуждения ненависти и вражды» Конституция РФ устанавливает «социальный», «расовый», «национальный» и «религиозный» факторы; применительно к «превосходству» – обстоятельства «социального», «расового», «национального», «религиозного» и «языкового» характера.

Исходя из буквального смысла толкуемой нормы, можно сделать предположение, что Конституция РФ не запрещает (хотя и не разрешает) «возбуждение ненависти и вражды» по языковому признаку, но исключает пропаганду превосходства какого-либо одного языка над другим. Однако в действительности, на наш взгляд, конституционный законодатель не имел это в виду. Пропагандистско-агитационная риторика в стиле возбуждения ненависти, вражды и превосходства по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым признакам – это конституционно-противоправное деяние, которое может служить средством обеспечения лишь *ложного* «доверия» власти и общества [Тогузаева, 2013, с. 112]. Такое «квазидоверие», на наш взгляд, не подлежит позитивному истолкованию в конституционно-правовом смысле [Власов, 2011, с. 79].

Свобода мысли и слова в современной России дополнительно к конституционному регулированию ограничивается рядом законодательных актов, принятых в развитие

положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В их числе: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»¹ (включает в понятие экстремизма запреты, установленные в ст. 29 Конституции РФ, расширяя при этом данную категорию путем установления многих других квалифицирующих признаков – насильственное изменение основ конституционного строя, террористическая деятельность, использование нацистской атрибутики или символики и др.); Федеральный закон «О противодействии терроризму»² (ст. 11 устанавливает правовой режим контртеррористической операции с адекватным ограничением прав и свобод граждан, включая ограничение тайны корреспонденции); Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (ст. 10 запрещает пропаганду войны); Закон РФ «О средствах массовой информации»⁴ (в ст. 4 указывает на недопустимость злоупотребления свободой массовой информации) и др. Данные методы ограничения свободы мысли и слова способствуют повышению доверия гражданского общества к публичной власти, исключая из публичной риторики методы и приемы противоправного свойства.

Заключение

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы. Конституционно-правовое регулирование и обеспечение доверия граждан к деятельности федеральных органов публичной власти имеет определенную специфику, что обусловлено государственным суверенитетом России, наличием общенациональных интересов, необходимостью эффективного гарантирования безопасности всего общества и государства. Не только утрата, но и существенное снижение доверия населения в этой области публично-правовых отношений чревато неблагоприятными государственно-правовыми последствиями, включая риски насильственного изменения основ конституционного строя, появления бунтов и беспорядков, развязывания гражданских войн, вооруженных столкновений. В связи с этим важной задачей конституционного права становится обеспечение необходимого баланса конституционных принципов и норм, которые, с одной стороны, должны гарантировать эффективное действие институтов конституционной демократии, с другой, – защищать общество от соответствующих угроз его стабильности, безопасности и развития.

Список литературы

- Абумуслимов Д.А., Арсланбекова С.М. 2021. Некоторые аспекты повышения эффективности институтов гражданского общества. В кн.: Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Махачкала, 22–23 сентября 2021 года. Махачкала, Дагестанский государственный технический университет: 6–9.
- Астафичев П.А. 2019. Сочетание конституционно-правового и административно-правового регулирования собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3: 10–19.
- Баиров А.С. 2020. Сакрализация власти и философия государства Гегеля. *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*, 1: 108–112.
- Власов В.И. 2011. Экстремизм как форма пропаганды и проявления национально-религиозной ненависти и вражды. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 1(15): 77–89.

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁴ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». ВВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

- Волгин Е.И. 2019. Последний съезд КПСС. *Вестник Московского университета. Серия: Управление (государство и общество)*, 1: 79–97.
- Горюшина Е.М., Поцелуев С.П. 2019. Социальный протест – показатель политической нестабильности или инструмент снижения напряженности? *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*, 5(71), 1: 81–93.
- Данкин Д.М. 2017. Симметричное доверие – ресурс стратегии развития. *Безопасность Евразии*, 1(53): 49–60.
- Калиш Д.Б. 2021. Специфика трактовки конституционности в Пятой республике во Франции. *Сравнительное конституционное обозрение*, 3: 125–140. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-3-125-140.
- Климов И.А. 2000. Национальные интересы – мобилизация ресурса инициативы и ресурса солидарности. *Полис. Политические исследования*, 1: 74–77.
- Крусс В.И. 2021. Конституционный правопорядок и право на протест: «мыльная драма» процессуальной оппозиции. *Конституционное и муниципальное право*, 9: 37–45. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-37-45.
- Лашкевич В.Л. 2010. Обеспечение безопасности как основная функция государства. *Сибирский международный*, 10: 70–75.
- Лойт Х.Х., Бялт В.С. 2020. Ограничение прав и свобод человека в периоды действия чрезвычайного положения, военного положения и при проведении контртеррористической операции. *Закон. Право. Государство*, 1(25): 45–52.
- Мордвинов К.В. 2021. Повышение доверия общества к правоохранительной системе как актуальная проблема общественной безопасности и правопорядка. В кн.: Петербургские пенитенциарные конференции: материалы конференций в 4 томах, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. Том 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ФСИН России, Т. 3: 134–136.
- Панов П.В., Сулимов К.А. 2021. Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13(4): 516–535. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Сергеев С.А., Кузьмина С.В. 2020. Новый левый радикализм и популизм в Западной Европе: что нового? *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 5: 49–53. DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-49-53.
- Сивопляс А.В. 1993. Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирований и других публичных акций): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 21 с.
- Сизиков В.А. 2016. Повышение уровня открытости органов государственной власти – способ оперативно нарастить кредит народного доверия. В кн.: Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 12 октября 2016 года. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»: 182–187.
- Тогузаева Е.Н. 2013. Международный опыт закрепления запрета пропаганды и агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*, 3(31): 112–116.
- Тонков Е.Е., Пожарова Л.А., Захаров С.С. 2018. Конституционно-правовые гарантии достоинства личности в создающем государстве. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(3): 545–552. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-545-552.
- Худобко Е.В. 2006. Компьютерный анализ дебатов Государственной Думы: альтернативы государственного бюджета России в 1996–1999 гг. *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*, 34: 83–84.
- Червонюк В.И., Забавка В.И. 2021. Принцип связанности публичной власти правами человека. *Аграрное и земельное право*, 7(199): 40–44. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_7_40.

References

- Abumuslimov D.A., Arslanbekova S.M. 2021. Nekotorye aspekty povysheniya effektivnosti institutov grazhdanskogo obshchestva [Some aspects of improving the effectiveness of civil society institutions]. In: Mekhanizm realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva: sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Makhachkala, 22–23 sentyabrya 2021 goda [The mechanism of implementation of the strategy of socio-economic development of the state: collection of materials of the XIII International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, September 22–23, 2021]. Makhachkala: Dagestanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet: 6–9.
- Astafichev P.A. 2019. Sochetanie konstitutsionno-pravovogo i administrativno-pravovogo regulirovaniya sobraniy, mitingov i demonstratsiy, shestviy i piketirovaniya [A combination of constitutional and administrative legal regulation of meetings, rallies and demonstrations, marches and picketing]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, 3: 10–19.
- Bairov A.S. 2020. The sacralization of the rule and philosophy of the state of G. W. F. Hegel. *Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation*, 1: 108–112 (in Russian).
- Vlasov V.I. 2011. Extremism as a form of propaganda and display of national and religious hatred and enmity. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnosheniy*, 1(15): 77–89 (in Russian).
- Volgin E.I. 2019. Last congress of the CPSU. *Moscow university bulletin. Series 21. Public administration*, 1: 79–97 (in Russian).
- Goryushina E.M., Potseiev S.P. 2019. Social protest – an indicator of political instability or a tool to reduce tension? *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*, 5(71), 1: 81–93 (in Russian).
- Dankin D.M. 2017. Simmetrichnoe doverie – resurs strategii razvitiya [Symmetrical trust is a development strategy resource]. *Bezopasnost' Evrazii*, 1(53): 49–60.
- Kalish D.B. 2021. Spetsifika traktovki konstitutsionnosti v Pyatoy respublike vo Frantsii [The specifics of the interpretation of constitutionality in the Fifth Republic in France]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 3: 125–140. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-3-125-140.
- Klimov I.A. 2000. Natsional'nye interesy – mobilizatsiya resursa initsiativy i resursa solidarnosti [National interests – mobilization of an initiative resource and a solidarity resource]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1: 74–77.
- Kruss V.I. 2021. The constitutional law and order and the right to protest: «soap opera» of the procedural opposition. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 9: 37–45 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-37-45.
- Lashkevich V. L. 2010. Obespechenie bezopasnosti kak osnovnaya funktsiya gosudarstva [Ensuring security as the main function of the State]. *Sibirskiy mezhdunarodnyy*, 10: 70–75.
- Loit H.H., Bialt V.S. 2020. Restriction of human and civil rights and freedoms during periods of state of emergency, martial law, and counter-terrorism operations. *Lex. Jus. Civitas*, 1(25): 45–52 (in Russian).
- Mordvinov K.V. 2021. Povyshenie doveriya obshchestva k pravookhranitel'noy sisteme kak aktual'naya problema obshchestvennoy bezopasnosti i pravoporyadka [Increasing public confidence in the law enforcement system as an urgent problem of public safety and law and order]. In: Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: materialy konferentsiy v 4 tomakh, Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda. Tom 3 [St. Petersburg Penitentiary Conferences: conference proceedings in 4 volumes, St. Petersburg, May 17–18, 2021. Vol. 3]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet FSIN Rossii, T. 3: 134–136.
- Panov P.V., Sulimov K.A. 2021. Party of power and systemic opposition in the state дума: toward convergence of public rhetoric. *Ars Administrandi*, 13(4): 516–535 (in Russian). DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Sergeev S.A., Kuz'mina S.V. 2020. New left radicalism and populism in western europe: what's new? *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*, 5: 49–53 (In Russian). DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-49-53.
- Sivoplyas A.V. 1993. Yuridicheskaya priroda i mekhanizm realizatsii svobody manifestatsiy (sobraniy, mitingov, ulichnykh shestviy, demonstratsiy, piketirovaniy i drugikh publichnykh aktsiy) [The legal nature and mechanism of the realization of freedom of manifestation (assemblies, rallies,

- street processions, demonstrations, picketing and other public actions]): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Ekaterinburg, 21 p.
- Sizikov V.A. 2016. Povyschenie urovnya otkrytosti organov gosudarstvennoy vlasti – sposob operativno narastit' kredit narodnogo doveriya [Increasing the level of openness of public authorities is a way to quickly increase the credit of people's trust]. In: Transformatsiya sotsial'nykh otnosheniy v regional'nom sotsiume. VI Sukharevskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Saransk, 12 oktyabrya 2016 goda [Transformation of social relations in regional society. VI Sukharev readings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Saransk, October 12, 2016]. Saransk: Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya «Nauchnyy tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa»: 182–187.
- Toguzaeva E.N. 2013. Mezhdunarodnyy opyt zakrepleniya zapreta propagandy i agitatsii, vzbuzhdayushchikh sotsial'nuyu, rasovuyu, natsional'nuyu ili religioznuyu nenavist' i vrazhdu [International experience in consolidating the prohibition of propaganda and agitation that incite social, racial, national or religious hatred and enmity]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*, 3(31): 112–116.
- Tonkov E.E., Pozharova L.A., Zakharov S.S. 2018. Constitutional-legal guarantees of the dignity of the individual in the creative state. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 43(3): 545–552 (In Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-545-552.
- Khudobko E.V. 2006. Komp'yuternyy analiz debatov Gosudarstvennoy Dumy: al'ternativy gosudarstvennogo byudzheta Rossii v 1996–1999 gg. [Computer analysis of the State Duma debates: Alternatives to the Russian State Budget in 1996-1999gg]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*, 34: 83–84.
- Chervonyuk V.I., Zabavka V.I. 2021. The principle of the binding of public power by human rights. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 7(199): 40–44 (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_7_40.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.04.2024

Поступила после рецензирования 25.05.2024

Принята к публикации 15.06.2024

Received April 19, 2024

Revised May 25, 2024

Accepted June 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гуторова Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

Alla N. Gutorova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Контроль как форма соотношения субъектов конституционного права

Васильев С.А.

Севастопольский государственный университет
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33;
Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, улица Володарского, д. 6.
mnogoslov@mail.ru

Аннотация. Контроль – это форма деятельности компетентных органов, присущая любому государственному органу; выражается в анализе соответствия того, что происходит на самом деле или что происходило в прошлом нормам действующего законодательства. Осуществление контроля регулируется большим количеством нормативных правовых актов, но данная процедура не всегда эффективна на практике, что имеет юридические и правоприменительные причины. Целью исследования является выявление сущностных характеристик осуществления контроля в правоприменительной практике России с позиций теории взаимоотношений субъектов конституционного права для модернизации конституционно-правового регулирования. Используются общеправовой, общенаучный и специально-правовой методы научного исследования. Для выявления многообразия применения рассматриваемой формы взаимоотношений между субъектами конституционного права активно использовался метод экспертных оценок. В целях повышения качества контроля автором предлагается рассмотреть сущность взаимоотношений между субъектами, влияющими друг на друга, для модернизации нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: контроль, теория соотношения, субъекты конституционного права, государственный контроль, муниципальный контроль, общественный контроль, надзор, государственно-общественное формирование

Для цитирования: Васильев С.А. 2024. Контроль как форма соотношения субъектов конституционного права. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 525–534. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Control As a Form of Correlation of Subjects of Constitutional Law

Stanislav A. Vasiliev

Sevastopol State University
33 Universitetskaya St, Sevastopol 299053, Russian Federation;
Tyumen State University
6 Volodarsky St, Tyumen 625003, Russian Federation
mnogoslov@mail.ru

Abstract. Control is a form of activity of competent authorities inherent in any state body; it is expressed in the analysis of compliance of what is actually happening or what happened in the past with the norms of current legislation. The implementation of control is regulated by a large number of regulatory legal acts, but this procedure is not always effective in practice, for some legal and law enforcement reasons. The purpose of the study is to identify the essential characteristics of the exercise of control in the law enforcement practice of Russia from the standpoint of the theory of relations between subjects of constitutional law for the modernization of constitutional regulation. General philosophical, general

scientific and special legal methods of scientific research were used. To identify the variety of applications of the considered form of relations between subjects of constitutional law, the method of expert assessments was actively used. For the purpose of improving the quality of control, the author proposes to consider the essence of the relationship between subjects influencing each other, in order to modernize statutory regulation.

Keywords: control, theory of relationship, subjects of constitutional law, state control, municipal control, public control, supervision, state-public body

For citation: Vasiliev S.A. 2024. Control As a Form of Correlation of Subjects of Constitutional Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 525–534 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-525-534

Введение. Теория контроля

Теория соотношения субъектов конституционного права является авторской разработкой, основное содержание которой представляет собой исследование связей между акторами, но не только в рамках правоотношений, но и в виду правового статуса каждого из них. Так, на основании ст. 91 Конституции Российской Федерации Президент обладает неприкосновенностью, однако реализация данной нормы в новейшей отечественной истории зафиксирована не была. Тем не менее данное обстоятельство учитывается самыми разными субъектами и влияет на их поведение, хотя в правоотношения они не вступают.

В самом общем виде контроль как социальное явление представляет собой определенную реакцию на возникающие девиации, но в процессе планомерно осуществляемой деятельности, направленной на выявление отклонений от стандартов [Парсонс, 2001, с. 361], включая правовые. В этом и заключается его основное отличие от надзора, который реакцией на нарушения не характеризуется в качестве первоочередной своей задачи. Кроме того, контроль не выступает в качестве первичной деятельности, он по своей сущности вторичен [Старосьцяк, 1965, с. 197], т. к. без изначально совершенного или произошедшего реализован быть не может.

Для эффективного осуществления контроля [Годованик, Путренко, 2024] необходимо, чтобы личность сама была готова к этому. То есть изначально контроль должен быть над самим собой. Чувство справедливости, возмущения, вера и прочие составляющие позволяют этого достичь. Однако важны и внешние факторы, такие как признанные правила, общественное мнение и иные соотношения, которые поддерживают осуществление социально признанного контроля [Ross, 1965, с. 95].

Как правило, данная форма соотношения субъектов конституционного права воспринимается негативным образом, опять же, исходя из психологии человека [Wibbeke, Lachmann, 2020]. В этой связи позитивный эффект имеют более лояльные методы осуществления контроля. Так, А.А. Кирилловых констатирует переход Рособнадзора России с сугубо контрольных мероприятий на мониторинговые, что, по мнению ученого, представляет собой стимулирование в большей степени и поступательное движение к более конструктивному взаимодействию общества и государства [Кирилловых, 2022]. Хотя на практике постоянный мониторинг с моментальным представлением замечаний сохраняет определенное моральное напряжение проверяемых в отличии от периодической контрольной проверки в строго определенный период.

Обозначенное обстоятельство обуславливает многообразие соотношений субъектов конституционного права в данной форме. И.А. Грошева предлагает классификацию форм реализуемого в России контроля в самом широком смысле, которые можно подразделить на следующие:

1. Институциональные – связаны с функционированием публичной власти, обусловлены социальным стандартом, в основном используют принуждение и также разделяются на *политические, судебные, административные*.

2. Неинституциональные базируются на жизненном стандарте, чаще используют убеждение или групповое давление и подразделяются на *общественные, гражданские, самоконтроль* [Грошева, 2011, с. 70].

Каждый из выделенных видов обладает своей спецификой, инструментами осуществления, а также искомым результатом. Безусловно, нельзя указанный перечень считать исчерпывающим, поскольку в первом пункте невозможно четко отразить прокурорскую деятельность, а во втором должна явно просматриваться роль политических партий и профсоюзов.

В юриспруденции контроль понимается как комплекс мероприятий, осуществляемый компетентными субъектами по установлению соответствия фактических действий проверяемыми субъектами нормам действующего права. В случае выявления нарушений, происходит деятельное вмешательство, нацеленное на восстановление режима законности. Таким образом, все контролирующие акторы заинтересованы в обеспечении правопорядка. Отталкиваясь от такой парадигмы, А.А. Спиридонов предлагает основывать контрольно-надзорную деятельность на принципе системного единства государственного, муниципального и общественного контроля [Спиридонов, 2023, с. 58]. Это же обстоятельство можно воспринимать как многообразие публичной власти, включающей в себя власть общественную [Чеботарев, 2020]. На такой основе далее будет рассмотрена специфика государственного и общественного контроля.

Государственный контроль

Рассматривая государственный контроль, Е.Е. Тонков [Тонков, 2011] выделяет следующие его признаки:

- обязательная подчиненность или подведомственность подконтрольного субъекта в отношении контролирующего;
- объектом данного рода соотношения выступает установление законности и правопорядка в деятельности проверяемых акторов;
- наличие полномочия отмены незаконно принятого решения, выявленного в ходе проверки;
- формулирование рекомендаций по итогам контрольных мероприятий.

Также данный автор отмечает необходимость ограничения данной формы соотношения субъектов конституционного права от взаимодействия, которое возможно между проверяющим и проверяемым, но достигнуть этого крайне сложно, т. к. все участники должны быть одинаково заинтересованы в итоговом результате. В основном же на практике контроль сводится к установлению стандарта поведения проверяемого согласно положениям действующего законодательства [Тонков, 2011, с. 204]. Тем не менее в современной литературе встречаются позиции, идентифицирующие контроль в качестве взаимодействия [Салий, 2021; Омран, 2023; Ханахмедова, 2023], что также воспринимается законодателем и приводит к дефектам правового регулирования и правоприменения.

В условиях федеративного государства и федеральные, и региональные органы государственной власти несут ответственность перед многонациональным народом. В этой связи становится актуальным взаимный контроль данных уровней власти друг за другом. Безусловно, он не может быть равным [Эбзеев, 2005, с. 307], тем не менее его наличие обеспечивает конституционализм и конституционность, дополнительно гарантирует правовой статус личности. Однако свидетельствовать о фактической реализации контроля субъектов Российской Федерации за федеральным центром вряд ли приходится, если не рассматривать деятельность Совета Федерации или Государственного

Совета в качестве такой специфической формы контрольно-надзорной деятельности. С точки зрения теории соотношения субъектов конституционного права, указанные государственные структуры следует воспринимать в качестве самостоятельных акторов. В этой связи отсутствие взаимного контроля высших органов государственной власти Российской Федерации дает основание Д.А. Авдееву утверждать о тенденции формирования «монархического» публичного управления под общим управлением главы государства¹.

В этом контексте, а также в развитие идеи о сильной исполнительной власти в России², которой в большей степени и свойственно осуществление контрольной деятельности [Хугаева, 2023], Р.М. Мусаева отмечает недостаточность контрольных полномочий у законодательной ветви власти, что обуславливает необходимость расширения полномочий соответствующего органа и усиления отчетности представителей исполнительной ветви власти [Мусаева, 2011].

Таким образом, несмотря на кажущуюся фундаментальность практики государственного контроля в данной сфере сохраняются проблемы правоприменения. Кроме того, реализация данной формы соотношения субъектов конституционного права предопределяет дополнительные характеристики современного государства. Обозначенные обстоятельства требуют своего учета в последующей модернизации нормативного правового регулирования.

Общественный контроль

Контрольные функции со стороны публичной власти представляется большинству правоведов чем-то привычным, стандартным, осуществляемым по устоявшимся правилам [Felício et al., 2021; Lawson, Zarakol, 2022]. Например, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия [Maddah et al., 2023] вряд ли возможно без императивного государственного воздействия [Голобородько, 2023, с. 737] с учетом того, что представители бизнеса в целях экономии и увеличения собственной прибыли могут пренебрегать публичными интересами [Росенко, 2023].

В то же время широкое распространение, сначала теоретически [Ansell, Lindvall, 2020], а теперь и законодательно на основании Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³, получил аналогичный функционал со стороны общественности в отношении деятельности государственных структур. В.Е. Чиркин считал, что такое обновленное устройство современного соотношения субъектов конституционного права за несколько десятилетий привело к тому, что общество само активно воздействует на государство, которое в указанных условиях из бескомпромиссного управленца превращается в субъекта, ищущего консенсус, стремящегося обеспечить благополучие своих граждан [Чиркин, 2005]. Такое воздействие на государство из благих побуждений в своей сущности сводится к общественному контролю. Еще В.В. Ивановский справедливо предлагал формулу благополучного и развивающегося государства: контроль над деятельностью администрации является правомочием общественных формирований, представляющих интересы народа, а суды функционируют самостоятельно и независимо⁴.

¹ Авдеев Д.А., Николаев А.С., Саленко А.В. и др. 2023. Проблематика организации публичной власти в России. Тюмень, ТюмГУ-Press, С. 43.

² Пожарский Д.В., Андреева И.А., Гончаров И.В. и др. 2023. Организация публичной власти: учебник, под общ. ред. Д.В. Пожарского. М., Академия управления МВД России, 293 с.

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

⁴ Ивановский В.В. 1913. Учебник государственного права. Казань, Типолитограф. Императорского университета, 500 с.

В. Остром характеризовал общественный контроль как раз в качестве некоего механизма, при помощи которого «совершенное и произошедшее» граждане «замыкают» на себя. Делается это с целью минимизации негативных эффектов, а также с целью последующей модернизации [Остром, 1993, с. 170].

И.А. Грошева отмечает, что для демократического режима свойственно преобладание общественного контроля, а для авторитарного – государственного. В России же сложилась ситуация, при которой под видом общественного контроля политические элиты отстаивают свои интересы и не позволяют подлинно нуждающимся в его осуществлении удовлетворить свои потребности [Грошева, 2011, с. 43]. Возможно, сформулировано довольно категорично, но в сущности ситуация примерно похожая, когда с использованием государственно-общественных формирований происходит реализация прежде всего государственных интересов, а лидеры такого рода формирований, зарекомендовавшие себя, занимают высокие государственные должности, далеко не сразу избираясь на прямых выборах. Также необходимо оговориться, что при всем этом совсем не решаются общественные вопросы и проблемы простых людей.

Также данный автор считает, что в настоящее время общественный контроль не возымел своей полной эффективности в виду того, что до конца не выработаны методологические подходы к осуществлению социального контроля в принципе [Грошева, 2011, с. 3]. Несмотря на то, что указанный тезис сформулирован более 10 лет назад, проблема сохраняет свою актуальность [Чеботарев, Петелин, 2024], т. к. говорить в полной мере о высокой эффективности данного вида соотношения субъектов конституционного права в настоящее время не приходится [Гончаров, 2024].

Е.В. Бердникова справедливо замечает, что общественный контроль направлен на ограничение государственной власти силами институтов гражданского общества. Это осуществляется путем применения активных действий со стороны общественности, которые выражаются в наблюдении, анализе деятельности органов публичной власти, что позволяет выявлять нарушения нормативного правового регулирования в их деятельности. Кроме того, по мнению цитируемого автора, общественный контроль – это форма участия граждан в управлении делами публичной власти [Бердникова, 2016, с. 37]. С этой позицией соглашается И.М. Япрынецев, считая, что, участвуя в общественном контроле, граждане вовлекаются в осуществление публичной власти в полном системном понимании данного явления [Япрынецев, 2018, с. 13].

Как видно, общественный контроль представляет собой совокупность активных действий только одного субъекта без взаимного или ответного согласия со стороны конкретного проверяемого. Общее позволение для осуществления указанной деятельности в отношении в том числе муниципальных структур уже сделало государство, приняв соответствующие нормативные правовые акты¹. Тем не менее общественный контроль имеет существенные резервы для своего совершенствования и развития, свидетельством чему могут служить п. 4 и п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, в которой он позиционируется в качестве значимого условия обеспечения защищенности страны от внешних и внутренних угроз².

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007; Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 (ред. от 18 июля 2024 года) // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715 и др.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Это косвенным образом указывает на то, что публичная власть будет создавать необходимые условия для его реализации.

Основной проактивной целью осуществления общественного контроля является обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, общественных объединений и иных негосударственных формирований [Спиридонов, 2023, с. 58].

В то же время, рассматривая осуществление общественного контроля в системе МВД России общественными советами при нем и при его подразделениях, И.А. Грошева критически отмечает, что отсутствие закрепленных в Федеральном законе от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»¹ конкретных механизмов осуществления общественного контроля нивелирует его, сохранив систему органов внутренних дел закрытой для осуществления такой деятельности. Оценивая функционирование общественных советов при данном правоохранительном органе, автор отмечает их низкую эффективность по ряду причин. Во-первых, инициатива исходит от государства, что изначально позиционирует его главенствующую роль при соотношении соответствующих субъектов. Во-вторых, отсутствуют препятствия для включения в состав таких советов непрофессионалов, не разбирающихся в специфике деятельности поднадзорных органов и должностных лиц.

В-третьих, отсутствует система мотивации осуществления общественного контроля, за исключением моральных качеств участников, которые могут быть нивелированы обстоятельствами, указанными выше. В-четвертых, имеет место ограничение распространения определенной информации, ставшей известной членам общественного совета, распространять которую нельзя, а это сводит на нет саму идею деятельности государственно-общественного формирования и общественного контроля в принципе. В-пятых, нормативное правовое регулирование устроено таким образом, что у общественных контролеров отсутствует возможность действительного влияния на поднадзорные структуры, а результаты работы так или иначе согласовываются с руководителем соответствующего подразделения. Наконец, имеет место угроза переложения неэффективной работы полиции на общество, которое слабо заинтересовано в конструктивном сотрудничестве с органами внутренних дел [Грошева, 2011, с. 115-116].

Для преодоления перечисленных проблем предлагается провести ряд мероприятий, среди которых создание и запуск специализированных формирований, которые могли бы собирать, анализировать и интерпретировать информацию о состоянии общественных отношений, связанных с объектами общественного контроля, включая системный учет общественного мнения; придание большей независимости анализу государственных программ, связанных с развитием общества; формулирование запроса к компетентным органам публичной власти с конкретными предложениями; снижение бюрократии за счет сокращения государственного аппарата, объективно ненужных процедур, а также интеграции механизмов управления, реализуемых в сфере бизнеса, если таковые могут быть применены в публично-правовой области общественных отношений; постоянная модернизация описанного выше процесса [Грошева, 2011, с. 195].

Заключение

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Контроль представляет собой специфическую форму соотношения субъектов конституционного права, представляющую собой воздействие уполномоченного актора в отношении другого/других на основе совершенных или несовершенных действий на предмет соответствия действующему праву с возможностью применения мер принудительного воздействия с целью восстановления законности и правопорядка.

¹ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 года) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Многообразие юридических механизмов осуществления контроля требует их максимального учета в конституционно-правовом регулировании для повышения эффективности практики реализации соответствующих мероприятий.

3. Общественный контроль видится перспективным направлением совершенствования публично-правовых отношений, но существующие механизмы реализации не позволяют раскрыть его полный потенциал. В этой связи видится перспективным усиление демократических начал реализации общественного контроля, использование государственного стимулирования с параллельным выходом из этого процесса государственных структур. Так, функционирование общественных палат, советов и других государственно-общественных формирований фактически позволяет публичной власти осуществлять в большей степени государственное управление или контроль, позиционируемый в качестве инструмента функционирования гражданского общества. Подмена понятий в этой части дополнительно негативно отражается на соотношении субъектов конституционного права.

Любые контрольные мероприятия не должны быть ориентированы на привлечение к ответственности или поддержания напряженного морального состояния проверяемых. Основной задачей в концептуальном смысле должно быть выявление и учет совершенных ошибок и стремление к постоянному совершенствованию. Исходя из этих позиций должны развиваться законодательство и правоприменительная практика.

Список литературы

- Бердникова Е.В. 2016. Правовые подходы к определению общественного контроля. *Современное право*, 3: 30–38.
- Годованик Е.В., Путренко А.Н. 2024. Концептуальные подходы к определению уровня эффективности конституционно-правовых норм. *Конституционное и муниципальное право*, 8: 2–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-8-2-6.
- Голобородько Ю.С. 2023. Развитие административно-правовых методов регулирования санитарно-эпидемиологических отношений: правовая диагностика (региональный аспект). *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(4): 735–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744.
- Гончаров В.В. 2024. О пределах взаимодействия субъектов общественного контроля и органов судебной власти в Российской Федерации. *Администратор суда*, 2: 12–16. DOI: 10.18572/2072-3636-2024-2-12-16.
- Грошева И.А. 2011. Социальный контроль в архитектонике институционального пространства. Тюмень, Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 244 с.
- Кирилловых А.А. 2022. Механизм «регуляторной гильотины» в образовании: проблемы и перспективы практической реализации в деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. *Актуальные проблемы российского права*, 4: 37–45. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.037-045.
- Мусаева Р.М. 2011. Некоторые вопросы взаимодействия законодательной (представительной) и исполнительной власти на региональном уровне. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 2: 93–95.
- Омран Б. 2023. Государственный контроль как форма взаимодействия органов центральной и местной администрации в Сирийской Арабской Республике. В кн.: *Муниципальная власть в современном мире. Сборник материалов научно-практического форума*. М., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы: 63–66.
- Остром В. 1993. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. Пер. с англ., предисл. А. Оболонского. М., Арена, 320 с.
- Ostrom V. 1993. Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoye samoupravlyayushcheyesya obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]. М., Publ. Arena, 320 p.

- Парсонс Т. 2001. О социальных системах. М., Академический проспект, 830 с.
- Росенко М.И. 2023. Взаимодействие органов исполнительной власти и бизнес-сообществ при реализации программ комплексного развития Севастополя. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 765–779. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779.
- Салий А.Р. 2021. Гражданский контроль в современной России как механизм взаимодействия власти и общества. *Крымский Академический вестник*, 18: 149–152.
- Спиридонов А.А. 2023. Парламентский контроль в единстве с системой государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля: современное понимание и перспективы развития. *Lex russica*, 76(3): 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.052-062.
- Старосьбяк Е. 1965. Элементы науки управления. М., Прогресс, 423 с.
- Тонков Е.Е. 2011. Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография. М., Юрлитинформ, 256 с.
- Ханахмедова Л.В. 2023. Институт общественного контроля как элемент системы взаимодействия государства и гражданского общества: отдельные аспекты. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*, 3(101): 17–24.
- Хугаева Р.Г. 2023. Конституционная ответственность высших органов государственной власти Российской Федерации. Петрозаводск, Новая наука, 171 с.
- Чеботарев Г.Н. 2020. Как укрепить единую систему публичной власти? *Конституционное и муниципальное право*, 3: 19–23.
- Чеботарев Г.Н., Петелин А.Л. 2024. Участие граждан в осуществлении общественного контроля государственных и муниципальных закупок. *Конституционное и муниципальное право*, 2: 23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-2-23-26.
- Чиркин В.Е. 2005. Государство социального капитализма (перспектива для России?). *Государство и право*, 5: 54–60.
- Эбзеев Б.С. 2005. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). М., Экономика, 375 с.
- Япрынцева И.М. 2018. Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.02. М., Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 26 с.
- Ansell B. W., Lindvall J. 2020. Inward conquest: The political origins of modern public services. Cambridge University Press, 311 p.
- Felício T., Samagaio A., Rodrigues R. 2021. Adoption of management control systems and performance in public sector organizations. *Journal of Business Research*, 124: 593–602. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.069.
- Lawson G., Zarakol A. 2022. The State. *The Interwar World*. Routledge: 153–167.
- Maddah N., Verma A., Almashmoum M. 2023. Ainsworth Effectiveness of Public Health Digital Surveillance Systems for Infectious Disease Prevention and Control at Mass Gatherings. *Systematic Review J Med Internet Res*, 25: p. e44649. DOI: 10.2196/44649.
- Ross E.A. 1965. Social control. A survey of the foundations order. Cleveland – London, 416 p.
- Wibbeke L.M., Lachmann M. 2020. Psychology in management accounting and control research: an overview of the recent literature. *Journal of Management Control*, 31(3): 275–328.

References

- Berdnikova Ye.V. 2016. Legal approaches to the Defining of Public Control. *Sovremennoye pravo*, 3: 30–38 (in Russian).
- Godovanik Ye.V., Putrenko A.N. 2024. Kontseptual'nyye podkhody k opredeleniyu urovnya effektivnosti konstitutsionno-pravovykh norm [Conceptual approaches to determining the level of effectiveness of constitutional and legal norms]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 8: 2–6. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-8-2-6.
- Goloborod'ko YU.S. 2023. Development of Administrative and Legal Methods for Regulating Sanitary and Epidemiological Relations: Legal Diagnostics (Regional Aspect). *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 48(4): 735–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-735-744.

- Goncharov V.V. 2024. O predelakh vzaimodeystviya sub'yektov obshchestvennogo kontrolya i organov sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii [On the Limits of Interaction between Public Control Subjects and Judicial Authorities in the Russian Federation]. *Administrator suda*, 2: 12–16. DOI: 10.18572/2072-3636-2024-2-12-16.
- Grosheva I.A. 2011. Sotsial'nyy kontrol' v arkhitektonike institutsional'nogo prostranstva [Social Control in the Architectonics of Institutional Space]. Tyumen', Publ. Tyumenskaya gosudarstvennaya akademiya mirovoy ekonomiki, upravleniya i prava, 244 p.
- Kirillovykh A.A. 2022. The “Regulatory Guillotine” Mechanism in Education: Problems and Prospects of Practical Implementation in the Work of the Federal Service for Supervision in the Field of Education and Science. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 4: 37–45 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.037-045.
- Musayeva R.M. 2011. Nekotoryye voprosy vzaimodeystviya zakonodatel'noy (predstavitel'noy) i ispolnitel'noy vlasti na regional'nom urovne [Some issues of interaction between legislative (representative) and executive authorities at the regional level]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*, 2: 93–95.
- Omran B. 2023. Gosudarstvennyy kontrol' kak forma vzaimodeystviya organov tsentral'noy i mestnoy administratsii v Siriyskoy Arabskoy Respublike [State control as a form of interaction between central and local administration bodies in the Syrian Arab Republic]. In: *Munitsipal'naya vlast' v sovremennom mire. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo foruma*. M., Publ. Rossiyskiy universitet druzhby narodov im. Patrisa Lumumbi: 63–66.
- Ostrom V. 1993. Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoye samoupravlyayushcheyesya obshchestvo [The meaning of American federalism. What is a self-governing society]. M., Publ. Arena, 320 p.
- Parsons T. 2001. O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. M., Publ. Akademicheskiy prospekt, 830 p.
- Rosenko M.I. 2023. Interaction of Executive Authorities and Business Communities in the Implementation of Integrated Development Programs of Sevastopol. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 48(4): 765–779 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-765-779.
- Saliy A.R. 2021. Civil Control in Modern Russia as a Mechanism of Interaction Between Government and Society. *Krymskiy Akademicheskiy vestnik*, 18: 149–152 (in Russian).
- Spiridonov A.A. 2023. Parliamentary Control in Unity with the System of State Control (Supervision), Municipal Control and Public Control: Modern Understanding and Prospects for Development. *Lex russica*, 76 (3): 52–62 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.052-062.
- Staros'tsyak Ye. 1965. Elementy nauki upravleniya [Elements of Management Science]. M., Publ. Progress, 423 p.
- Tonkov Ye.Ye. 2011. Modernizatsiya yuridicheskikh form gosudarstvennoy deyatel'nosti [Modernization of Legal Forms of State Activity]. M., Publ. Yurlitinform, 256 p.
- Khanakhmedova L.V. 2023. The institute of Public Control as an Element of the System of Interaction Between the State and Civil Society: Selected Aspects. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 3(101): 17–24 (in Russian).
- Khugayeva R.G. 2023. Konstitutsionnaya otvetstvennost' vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Responsibility of the Supreme Bodies of State Authority of the Russian Federation]. Petrozavodsk, Publ. Novaya nauka, 171 p. (in Russian)
- Chebotarev G.N. 2020. How to Strengthen the Unified Public Government System? *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 3: 19–23.
- Chebotarev G.N., Petelin A.L. 2024 Uchastiye grazhdan v osushchestvlenii obshchestvennogo kontrolya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [Citizen Participation in the Implementation of Public Control over State and Municipal Procurement]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2: 23–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-2-23-26.
- Chirkin V.Ye. 2005. Gosudarstvo sotsial'nogo kapitalizma (perspektiva dlya Rossii?) [The State of Social Capitalism (A Prospect for Russia?)]. *Gosudarstvo i pravo*, 5: 54–60.
- Ebzeyev B.S. 2005. Gosudarstvennoye yedinstvo i tselostnost' Rossiyskoy Federatsii (konstitutsionno-pravovyye problemy) [State Unity and Integrity of the Russian Federation (Constitutional and Legal Problems)]. M., Publ. Ekonomika, 375 p.
- Yapryntsev I.M. 2018. Obshchestvennyy kontrol' v sisteme grazhdanskikh initsiativ v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoye issledovaniye [Public control in the system of civil initiatives

- in the Russian Federation: constitutional and legal research]. M., Publ. Mosk. gos. yurid. akad. im. O.Ye. Kutafina, 26 p.
- Ansell B. W., Lindvall J. 2020. Inward conquest: The political origins of modern public services. Cambridge University Press, 311 p.
- Felício T., Samagaio A., Rodrigues R. 2021. Adoption of management control systems and performance in public sector organizations. *Journal of Business Research*, 124: 593–602. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.069.
- Lawson G., Zarakol A. 2022. The State. *The Interwar World*. Routledge: 153–167.
- Maddah N., Verma A., Almashmoum M. 2023. Ainsworth Effectiveness of Public Health Digital Surveillance Systems for Infectious Disease Prevention and Control at Mass Gatherings. *Systematic Review J Med Internet Res*, 25: p. e44649. DOI: 10.2196/44649.
- Ross E.A. 1965. Social control. A survey of the foundations order. Cleveland – London, 416 p.
- Wibbeke L.M., Lachmann M. 2020. Psychology in management accounting and control research: an overview of the recent literature. *Journal of Management Control*, 31(3): 275–328.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 06.05.2024

Поступила после рецензирования 10.06.2024

Принята к публикации 20.06.2024

Received May 6, 2024

Revised June 10, 2024

Accepted June 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Станислав Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; старший научный сотрудник Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav A. Vasiliev, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Senior Researcher at the Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

УДК 342.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

Подфункция наблюдения функции общественного контроля: понятийно-содержательные аспекты

Киреев К.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

1187014@bsu.edu.ru

Аннотация. В рамках современных конституционно-правовых отношений, как вытекает из их базового значения в правовой системе, объективно присуще функциональное многообразие. В числе одного из распространенных направлений деятельности субъектов различной правовой природы является наблюдение. Несмотря на его повсеместность в практической плоскости, в юридической науке до настоящего времени отсутствуют систематизированные знания о понятии, правовой сущности, сопоставлении со смежными правовыми явлениями, ретроспективном развитии, зарубежном опыте и субъектах реализации. В этой связи цель данной работы состоит в содержательной корреляции наблюдения с известными и общепризнанными функциями институтов гражданского общества (в частности, с общественным контролем). Результатом исследования явилась авторская дефиниция подфункции наблюдения как составной части функции общественного контроля; предложения, направленные на законодательное совершенствование функционала наблюдения в России (в частности, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

Ключевые слова: гражданское общество, наблюдатели, народный контроль, правовой механизм, гражданский контроль

Для цитирования: Киреев К.П. 2024. Подфункция наблюдения функции общественного контроля: понятийно-содержательные аспекты. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 535–543. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

The Subfunction of Observation of the Public Control Function: Conceptual and Substantive Aspects

Kirill P. Kireev

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

1187014@bsu.edu.ru

Abstract. Functional diversity is objectively inherent in contemporary constitutional and legal relations, which stems from their basic meaning in the legal system. One of the most common areas of activity for subjects of various legal nature is surveillance. Despite its ubiquity in the practical plane, legal science still lacks systematic knowledge about the concept, legal essence, comparison with related legal phenomena, retrospective development, foreign experience and subjects of implementation. In this regard, the purpose of this work is to meaningfully correlate surveillance with well-known and generally recognized functions of civil society institutions (in particular, with public control). The result of the study was the author's definition of the surveillance subfunction as an integral part of the public control function, and proposals aimed at legislative improvement of the surveillance functionality in Russia (Federal Law No. 212-FZ dated July 21, 2014 “On the Basics of Public Control in the Russian Federation”).

© Киреев К.П., 2024

Keywords: civil society, observers, people's control, legal mechanism, civil control

For citation: Kireev K.P. 2024. The Subfunction of Observation of the Public Control Function: Conceptual and Substantive Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 535–543 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-535-543

Введение

В настоящее время общественный контроль, полагаем объективно, расценивают как «важнейшую форму взаимодействия общества и государства» [Ушаков, 2023, с. 212-219]; позволяющую «совершенствовать существующую структуру государственного управления, выстраивать систему обратной связи между государством и обществом; соблюдать прав и свобод граждан, защищать общественные интересы и способствовать формированию активного гражданского сознания» [Лапшина, 20143, с. 137-142].

В этой связи государство должно минимально влиять на общественный контроль, так как «именно государство является объектом общественного контроля, и такое положение может привести существенную долю субъективизма в построение данного института» [Зубарев, 2011, с. 7-13].

Общественный контроль относится к тем понятиям, по поводу которых не прекращается дискуссия в науке при имеющемся легальном определении.

Конституционно-правовые основы общественного контроля непосредственно не формализованы в качестве таковых, но интерпретационно выводимы из совокупности положений. В частности, из «принципов демократии и народовластия, что включают в содержание [общественного контроля] субъективное право народа как носителя государственного суверенитета и единственного источника власти» [Ушаков, 2023, с. 212-219]. Кроме того, в числе конституционно-правовых норм, составляющих основу общественного контроля, называют ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ст. 33 и ч. 2 ст. 45 [Ушаков, 2023, с. 212-219], конкретизированные специальным законодательством.

Разрабатывая авторскую теорию наблюдения в конституционно-правовых отношениях, уточним, что в числе заявленного функционала его реализации выступают субъекты различной правовой природы. Целью данной работы является содержательное сопоставление действий в рамках наблюдения с известными и общепризнанными функциями институтов гражданского общества, в частности общественным контролем.

Общественный контроль: легализованный и доктринальные подходы

Заметим, что в советский период наличествовал опыт непосредственной формализации народного контроля. Так, «Советы народных депутатов образовывали органы народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях» (ст. 92)¹. В Конституции РСФСР 1978 г. с внесенными изменениями подобного рода норма уже отсутствовала, но термин еще употреблялся в ст. 9. В частности, «основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление *народного контроля*, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения»². Как видим, по

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России принята ВС РСФСР 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

содержанию это специальная норма, которая была посвящена взаимодействию общества и государства, в том числе с позиции контроля за последним.

В настоящее время законодательно установленным является следующее определение общественного контроля: «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹).

Что касается доктринальных изысканий – они многообразны и условно могут быть разделены на несколько подходов. Самый широкий комплексный подход отождествляет общественный контроль с механизмом / механизмами. Как считают, В.В. Гончаров и Л.И. Ковалева под общественным контролем понимают «механизм осуществления обществом в целом или его отдельными индивидами учета и оценки формирования и функционирования общественных институтов, включая государственную власть, с целью оптимизации их деятельности, выступающий в роли индикатора определения эффективности и результативности данного воздействия» [Гончаров, Ковалева, 2023, с. 72]. На наш взгляд, представляется неоднозначной формулировка «включая государственную власть». Это включение государственной власти в общественные институты или же перечисление государственной власти в качестве объекта контроля наряду с общественными институтами? По этой причине критически оцениваем содержание приведенного определения.

Здесь приведем мнение Г.Н. Комковой и Е.В. Бердниковой об общественном контроле как «системе процедур и механизмов, предполагающих наблюдение и анализ деятельности объектов со стороны институтов гражданского общества и осуществляемых с целью выявления нормативных отклонений в процессе функционирования властных органов и поддержания либо восстановления нарушенных правовых установлений» [Комкова, Бердникова, 2019, с. 11].

С.М. Зубарев соотносит общественный контроль с деятельностью только в отношении государственных институтов, не называя муниципальную власть (объектно-усеченный подход). С позиции ученого общественный контроль – это «системная деятельность уполномоченных институтов гражданского общества и отдельных граждан по установлению соответствия функционирования государственных органов нормативно-правовым стандартам и корректированию выявленных отклонений посредством обращения в уполномоченные государственные органы либо к общественному мнению» [Зубарев, Бердникова, 2011, с. 7]. Интересно, что, по мнению ученого, в состав контроля входят конкретные действия по корректированию выявленных отклонений. Полагаем, корректирование выявленных отклонений – это всегда наиболее предпочтительный благоприятный вариант реализации контрольной функции. На этом же делает акцент и О.С. Забралова, представляя «общественный контроль деятельностью гражданского общества и его отдельных граждан, цель которой направлена на установление соответствия законодательным требованиям и общественным интересам действий и решений органов публичной власти, а также на последующую коррекцию выявленных отклонений» [Забралова, 2012, с. 13]. На наш взгляд, высказанные мнения можно систематизировать в рамках коррекционного подхода, который по содержанию выходит за пределы контроля.

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

В сопоставимом содержательном ключе определение, данное А.Е. Мануйловым с дополнением обязательного критерия реализации общественного контроля, – «широкий доступ к информационным ресурсам». Таким образом, общественный контроль определен как «осуществляемая в условиях широкого доступа к информационным ресурсам деятельность субъектов гражданского общества по наблюдению за деятельностью органов государственной власти, органов государства, организаций, ее анализу и последующему реагированию на выявленные нарушения с целью обеспечения законности и правопорядка в обществе» [Мануйлов, 2016, с. 19-23]. В качестве положительно аспекта дефиниции отметим заявленную телеологию.

Нами в юридической литературе установлено определение общественного контроля с позиции субъектно-усеченного подхода: «наблюдение и проверка со стороны граждан в отношении деятельности органов власти с целью соблюдения и реализации конституционных принципов» [Старчикова, 2014, с. 8]. В этой формулировке отсутствует указание на институты гражданского общества или же гражданское общество.

Как видим, в приведенном многообразии доктринальные определения содержательно разнятся с легализованным определением общественного контроля. На наш взгляд, самым главным недостатком закрепленного в законодательстве определения является упущение/исключение индивидуального субъекта – гражданина. Хотя правовой доктриной этот субъект называется. В частности, кроме классического коллективного общественного контроля, представленного в виде взаимодействия институтов гражданского общества и органов власти, выделяют индивидуальный общественный контроль, главным субъектом которого является гражданин [Казаков, Евсиков, Беляткина, 2019, с. 11-19].

В самой ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ) упомянуты субъекты общественного контроля без видовой конкретизации. Но в ст. 9 рассматриваемого нормативного акта в числе таких субъектов перечислены общественные палаты различных уровней, общественные советы при органах власти, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля. Таким образом, гражданин как индивидуальный субъект в законодательной норме не назван. Однако, если содержится определение общественного инспектора, как «гражданина, привлеченного на общественных началах для проведения общественной проверки»¹ (ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ), то в ст. 9 указанного федерального закона необоснованно не указан гражданин как субъект общественного контроля. В этой связи, полагаем целесообразны восстановительно-законодательные корректировки. А именно, ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ изложить в следующей формулировке: «1. Под общественным контролем в настоящем Федеральном законе понимается деятельность *коллективных* и *индивидуальных* субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений».

Несмотря на сохраняющийся законодательный пробел, в свое время В.В. Гриб, справедливо заметил, что «нормативное закрепление является большим достижением в

¹ СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

развитии института общественного контроля, поскольку отражает желание законодателя придать... институту полноценную правовую форму. С другой стороны, это определение все же не охватывает всей специфики исследуемого понятия и, как следствие, нуждается в существенной доработке»¹.

В связи с изложенным представляется, что дополнения требует ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ в следующей формулировке: «5) граждане Российской Федерации и иностранные граждане в установленных законом случаях». В последующей части работы нами будут даны пояснения предложенной формулировки.

Общественный контроль и сопоставимые правовые феномены

Полагаем, предложенное законодательное изменение внесет ясность и содержательную однозначность в доктринальный спор о соотношении понятий «общественный контроль» и «гражданский контроль». Ряд ученых считает, что эти «категории по своему содержанию являются тождественными» [Гончаров, 2010, с. 13]. На наш взгляд, категорию общественного контроля можно воспринимать содержательно более широкой, если к гражданскому контролю относить только индивидуальную контрольную деятельность граждан. Хотя в научной литературе настаивают на том, что «осуществление контроля непосредственно гражданином ввиду сугубо индивидуального характера такой деятельности должно носить название не гражданского, а личного контроля гражданина» [Лапшина, 2014].

В научной литературе излагается позиция, согласно которой «институты гражданского общества такие, как общественные объединения, негосударственные организации, отдельные граждане, являются основными субъектами, осуществляющими гражданский контроль» [Лапшина, 2014]. На наш взгляд, при таком подходе происходит подмена понятий: заменяют общественный контроль на гражданский, фактически с точки зрения субъектного состава, отождествляя их.

При этом отмечается, что «сам термин "гражданское общество" указывает на его связь с понятием "гражданин"» [Лапшина, 2014, с. 137], поскольку... «существование гражданского общества возможно только в условиях активного участия граждан в решении общих дел, их личностного и профессионально-производственного общения, единства экономических, политических и социально-культурных целей общества, наличия самостоятельных механизмов самоуправления, уважения к личности и оптимальных возможностей для ее самореализации» [Авакьян, 2005, с. 441].

Конечно, с приведенных позиций «восприятие общественного и гражданского контроля как равнозначных категорий является логически оправданным» [Лапшина, 2014, с. 137-142]. Подобное научное мнение подтверждается и тем, что гражданское общество определяют как «тип общественного устройства, отличительным признаком которого является реальная многосубъектность общественной, экономической, социальной, культурной и политической жизни» [Комарова, 2011]. В современном понимании «гражданское общество представляет собой комплекс общественных институтов, обеспечивающих возможности гражданам и их объединениям осуществлять свои интересы и инициативы в отношении деятельности органов государственной и муниципальной власти. Институты гражданского общества возникают во всех сферах общественной жизни, в связи с конкретными проблемами государства, региона, муниципального образования» [Кузнецова, 2015, с. 80-88].

Институты гражданского общества также дефинируют в качестве «действующих независимо от государства или при поддержке последнего общественные структуры (объединившиеся по социальному, профессиональному и другим признакам),

¹ Гриб В.В. Общественный контроль: учебник. М.: Юрист, 2017. С. 22.

деятельность которых, во-первых, порождает правоотношения, направленные на реализацию и защиту индивидами своих прав и свобод, решение общих задач в сфере экономики, культуры и других областях общественной жизни, во-вторых, способна влиять на государственные институты и ограждать людей от необоснованного вмешательства данных институтов в общественную жизнь» [Кирсанов, 2013, с. 78].

С учетом особенностей истории формирования в России гражданского общества независимость его институтов от государства все-таки ограничивается в некотором роде урегулированием со стороны последнего их статуса или его элементов. В частности, мы подразумеваем многочисленные универсальные и специальные законы. Значимой в рассматриваемом аспекте явилась конституционная норма п. «е. 1» ч. 1 ст. 114, которая в 2020 г. легализовала формулировку «институты гражданского общества».

В рамках нашей работы для исключения спорного аспекта юридической природы института общественных палат, представим критерий степени зависимости от государства (в части формирования субъектов общественного контроля или в части их финансирования), согласно которому выделяют автономные и зависимые субъекты [Михеева, 2017]. В числе последних специальные субъекты общественного контроля, формируемые основными субъектами и осуществляющие свои полномочия на общественных началах. Зависимые субъекты общественного контроля создаются полностью или частично и поддерживаются государством [Михеева, 2017]. В числе таких субъектов институции общественных палат различного уровня. Таким образом, общественные палаты в Российской Федерации относим к институтам гражданского общества зависимой разновидности.

Исходя из сказанного, считаем гражданское общество категорией, организационно характеризующей общество через граждан и институты гражданского общества, наличие которых не вызывает сомнения на доктринальном и прикладном уровнях.

В числе функций гражданского общества в России в юридической доктрине указывают контроль институтов гражданского общества над государственной властью [Кирсанов, 2013]. Уже приведенные нами положения Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ не дают в этом усомниться.

Проводя аналогию функций общественного контроля и государственного контроля, видим неизменную их реализацию через наблюдение. Однако законодательно цели определены именно для общественного контроля (цель, как параметр отграничения функции от подфункции). В их числе:

«1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций;

2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций»¹ (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ).

¹ СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; 2024. № 1 (часть I). Ст. 64.

Наряду с положительной оценкой легализованной телеологии общественного контроля в юридической доктрине высказаны по этому аспекту и критические замечания. В частности, с позиции В.В. Гриба, «приведенные... цели являются промежуточными, а правовой смысл общественного контроля заключается не только в проверке фактического состояния объекта общественного контроля или фактического выполнения нормативных правовых актов, но и в практическом устранении нарушений, содержащихся в принятых решениях, устранении недостатков, выявленных в процессе контроля»¹. Полагаем, данное теоретическое дополнение существенным. Однако следует справедливо заметить, что институты гражданского общества не располагают собственными полномочиями для разрешения вопросов по существу. Именно исходя из этого представляются достаточными телеологические нормы Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

Заключение

В концептуально-теоретическом ключе, исходя из анализа приведенных легализованных и доктринальных положений, считаем наблюдение выступает подфункцией функции общественного контроля, которую, на наш взгляд, надлежит дефинировать как неотъемлемое направление деятельности граждан и институтов гражданского общества по наблюдению за субъектами единой системы публичной власти с целью установления в их решениях и действиях отклонений от законодательно определенных предписаний в различных сферах.

Полагаем, упорядочению многообразия теоретических подходов к интерпретации общественного контроля в юридической науке будет служить предложенное нами ранжирование выявленных подходов, поименованных нами в качестве комплексного, объектно-усеченного, субъектно-усеченного и коррекционного.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2005. Конституционное право России. Т. 1. М., 863 с.
- Гончаров А.А. 2010. Гражданский контроль над органами власти. М., 221 с.
- Гончаров В.В., Ковалева Л.И. 2009. Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации. *Власть*, 1: 72-75.
- Забралова О.С. 2012. Развитие общественного контроля в сфере деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 26 с.
- Зубарев С.М. 2011. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов. *Административное право и процесс*, 5: 7-13.
- Казаков В.Н., Евсиков К.С., Беляткина К.А. 2017. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*, 3-2: 22-30.
- Кирсанов А.Ю. 2013. Становление и историческое развитие гражданского общества. *Вестник Московского университета МВД России*, 2: 78-82.
- Комарова В.В. 2011. Формы непосредственной демократии в России. М.: Проспект, 142 с.
- Комкова Г.Н., Бердникова Е.В. 2019. Содержание объекта и предмета общественного контроля в Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы. *Российское право: образование, практика, наука*, 4(112): 11-19. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-4-11-19
- Кузнецова П.Ю. 2015. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (российский опыт). *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*, 4: 80-88.
- Лапшина А.И. 2014. Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государственной власти. *Правовое государство: теория и практика*, 2(36): 137-142.

¹ Гриб В.В. Общественный контроль: учебник. М. : Юрист, 2017. С. 30-31.

- Мануйлов А.Е. 2016. Общественный контроль: некоторые доктринальные и нормативные аспекты. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*, 6: 19-23.
- Михеева Т.Н. 2017. К вопросу о понимании общественного контроля. *Вестник Марийского государственного университета. серия: исторические науки. юридические науки*, 4(12): 77-84.
- Старчикова В.В. 2014. Общественный контроль в правовом государстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 27 с.
- Ушаков А.В. 2023. Теоретические и нормативно-правовые основы понятия и сущности общественного контроля в Российской Федерации. *Актуальные проблемы государства и права*, 2. Т. 7: 212-219. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

References

- Avak'yan S.A. 2005. Constitutional law of Russia. Vol. 1. M., 863 p. (In Russian).
- Goncharov A.A. 2010. Civil control over the authorities. M., 221 p. (In Russian).
- Goncharov V.V., Kovaleva L.I. 2009. Ob institutah obshchestvennogo kontrolya ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii [About the institutions of public control of the executive power in the Russian Federation]. *Vlast'*, 1: 72-75.
- Zabralova O.S. 2012. Razvitie obshchestvennogo kontrolya v sfere deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii [Development of public control in the sphere of activity of executive authorities of the Russian Federation]: abstract of the dissertation ... cand. jurid. Sciences. M., 26 p.
- Zubarev S.M. 2011. Ponyatie i sushchnost' obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu gosudarstvennyh organov [The concept and essence of public control over the activities of state bodies]. *Administrativnoe pravo i process*, 5: 7-13.
- Kazakov V.N., Evsikov K.S., Belyatkina K.A. 2017. Institute of public control as a component of russian civil society. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 3-2: 22-30. (In Russian)
- Kirsanov A.YU. 2013. Formation and historical development of civil society. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2: 78-82.
- Komarova V.V. 2011. Formy neposredstvennoj demokratii v Rossii [Forms of direct democracy in Russia]. M., Publ. Prospekt, 142 p.
- Komkova G.N., Berdnikova E.V. 2019. The object and subject of public control in the russian federation: theoretical and legal issues. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 4(112): 11-19. (In Russian). DOI: 10.34076/2410-2709-2019-4-11-19
- Kuznetsova P.J. 2015. The participation of civil society institutions in public anti-corruption control (russian experience). *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo*, 4: 80-88. (In Russian)
- Lapshina A.I. 2014. Public control and other institutions of society control over the state bodies activities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2(36): 137-142. (In Russian)
- Manuilov A.E. 2016. Public control: a number of doctrinal and normative aspects. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 6: 19-23. (In Russian)
- Miheeva T.N. 2017. K voprosu o ponimanii obshchestvennogo kontrolya [On the issue of understanding public control]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki. yuridicheskie nauki*, 4(12): 77-84.
- Starchikova V.V. 2014. Obshchestvennyj kontrol' v pravovom gosudarstve: teoretiko-pravovoe issledovanie [Public control in a State governed by the rule of law: a theoretical and legal study]: abstract of the dissertation ... cand. jurid. Sciences. M., 27 p.
- Ushakov A.V. 2023. Theoretical and regulatory foundations of the concept and essence of public control in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, 2(7): 212-219. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-212-219>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.05.2024

Поступила после рецензирования 16.06.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Received May 02, 2024

Revised June 16, 2024

Accepted June 25, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Киреев Кирилл Петрович, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill P. Kireev, postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Концептуальная и институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации

Позднышов А.Н., Москаленко С.Г.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая ул., д. 69
diana.rasulova-d@yandex.ru; moscalenko1963@mail.ru

Аннотация. Правозащитная деятельность в Российской Федерации как функция публичных органов Российской Федерации и как особый тип активности институтов гражданского общества трансформировалась в приоритетный фактор обеспечения стабильности и эффективности развития страны. Основной проблемой, требующей исследования, является корреляция концептуального и организационно-институционального аспектов правозащитной деятельности. В современном мире в целом и в России в частности со всей очевидностью обнаруживается пробел адекватной новым реалиям концептуальной модификации как доктрины прав и свобод человека, так и адекватных ей институциональных форм кооперации граждан и институтов гражданского общества друг с другом и с государством. В исследовании определена специфика современного состояния концепции прав человека в России и ее институционального контекста, выявлены характерные для России сочетание универсализма и регионализма, соотношение иерархии и баланса типов суверенитетов, определены причины доминирования публичного элемента в процессе институционального обеспечения правозащитной деятельности. В результате исследования авторы приходят к выводу, что кризисные процессы в современном мире требуют не отказа от концепции универсальных прав человека, являющейся одним из важнейших достижений цивилизационного развития человечества, а корректировки их концептуальной рецепции в России, определенной модификации их каталога с учетом культурно-исторической самобытности эволюции российской государственности, многовекового государственного строительства, отразившихся и на структурно-институциональной специфике правозащитной деятельности.

Ключевые слова: права и свободы человека, суверенитет, государство, обязанность, защита, правоприменение, гражданское общество, правовой механизм

Для цитирования: Позднышов А.Н., Москаленко С.Г. 2024. Концептуальная и институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 544–552. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Conceptual and Institutional Specifics of Human Rights Activities in the Russian Federation

Alexey N. Pozdnyshov, Sergey G. Moskalenko

Rostov State University of Economics
69 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344002, Russian Federation
diana.rasulova-d@yandex.ru; moscalenko1963@mail.ru

Abstract. Human rights activities in the Russian Federation as a function of public bodies of the Russian Federation and as a special type of activity of civil society institutions have transformed into a priority factor in ensuring stability and effective development of the country. The main problem requiring research is the correlation of conceptual and organizational and institutional aspects of human rights

activities. In the modern world as a whole and in Russia in particular, there is clearly a gap in the conceptual modification of both the doctrine of human rights and freedoms and the institutional forms of cooperation between citizens and civil society institutions with each other and with the state that are adequate to the new realities. The article defines the specifics of the current state of the human rights concept in Russia and its institutional context, identifies the combination of universalism and regionalism characteristic of Russia, the ratio of hierarchy and balance of types of sovereignty, determines the reasons for the dominance of the public element in the process of institutional support of human rights activities. As a result of the study, the authors conclude that the crisis processes in the modern world do not require abandoning the concept of universal human rights which is one of the most important achievements of the civilizational development of mankind, but reveal the need to correct their conceptual reception in Russia, a certain modification of their catalog, taking into account the cultural and historical identity of the evolution of Russian statehood, and centuries-long formation of the state, that have also reflected on the structural and institutional specifics of human rights activities.

Keywords: human rights and freedoms, sovereignty, states, duty, protection, law enforcement, civil society, legal mechanism

For citation: Pozdnyshov A.N., Moskalenko S.G. 2024. Conceptual and Institutional Specifics of Human Rights Activities in the Russian Federation. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 544–552 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-544-552

Введение

Основы конституционного строя современных государств, нормативно-правовое обоснование легитимности власти, взаимодействия государственных институтов и граждан оказались генетически связаны с идеей и конструктивным функционалом концепции прав и свобод человека главным образом первой (XVIII–XIX вв.) и второй («красной») волн по периодизации развития доктрины прав человека, предложенной Карелом Васаком [Олейник Н.Н., Олейник А.Н., 2015].

Каталог прав и свобод человека в достаточно стандартном формате имплементирован практически во все конституции государств мира и воспринимается до сих пор как незыблемая аксиоматическая и презумпционно-принципиальная основа современного правопорядка. Тем не менее проблематика концептуализации прав человека, формирование ее архитектуры, характер институционализации правозащитной деятельности остаются дискуссионными по всем своим основополагающим элементам.

Отечественное правоведение внесло значительный вклад в исследования специфики концептуализации и институционализации прав человека в России [Карташкин, 1999; Мархгейм, 2006; Голованев, 2007; Витрук, 2008; Гриб, 2018; Москалькова, 2021]. Ученые, систематизирующие различные аспекты проблематики прав человека, форм и субъектов правоотношений по их защите, установили специфику концептуальной рецепции прав человека: необходимость региональной коррекции универсализма, выяснение степени «жесткости» нормативно-регулятивного статуса прав человека в международном и внутреннем праве [Мурзова, 2010; Шумилова, 2010; Олейник, 2015; Аксеноф, 2018], потребность в разработке надежных оснований для адекватной классификации при формировании каталога [Стремоухов, 2014а].

Все многообразие позиций в современном правопонимании в данной области так или иначе сводится либо к признанию наличия константных, унифицированных, универсальных («естественных»), «прирожденных» [Стремоухов, 2006, с. 201–213; Стремоухов, 2014, с. 88] прав человека, являющихся верховными началами права, доминирующими над суверенитетом государства и позитивным правом, либо к имплицитному ситуационному нормативно-регулятивному прагматизму при радикально-нормативистском понимании права, редукции его к сумме действующих на данный момент времени нормативно-правовых актов. В фундаменте легализованной в конституционном праве России концепции, как и в конституционном праве стандартных современных демократий, закреплено иерархическое соотношение принципов

суверенитета человека с его неотъемлемыми правами и свободами и суверенитета государства. Такое иерархическое соотношение прав человека и государства, прав человека и позитивного права было закреплено во Всеобщей Декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций¹. Конституция Российской Федерации устанавливает безусловное приоритетное аксиологическое преимущество достоинства человека с присущими ему от природы естественными правами и свободами над интересами государства, над позитивным правом, а в качестве главной конституционной обязанности государства постулируются задачи признания, обеспечения и защиты этих прав².

В конце XX века обозначился явный и в целом избыточный приоритет универалистского понимания прав человека в идейно-теоретическом и прагматически-функциональном аспектах над государственными интересами России, что стимулировало усиленное изучение соотношения проблематики верховенства прав человека в исходной и получившей глобальное распространение англо-саксонской интерпретации с задачей сохранения и укрепления суверенного развития российского государства.

Основные концептуальные проблемы, прямо связанные с состоянием современной доктрины прав человека, следующие: во-первых, это проблема интерпретации универсализма прав человека; во-вторых, это проблема гораздо более высокой степени политизации и идеологизации этой доктрины в современном мире, чем предполагалось во время принятия Всеобщей Декларации 1948 г.; в-третьих, это проблема расширения каталога прав человека в рамках изменений доктрины и номенклатуры ее элементов в духе «третьей волны» в развитии прав человека.

Корректное по академическим критериям исследование проблематики правозащитной деятельности и его концептуальной основы – доктрины прав человека – предполагает широкое использование компаративистского инструментария, позволяющего посредством использования аналогий концептуального и институционального обеспечения прав человека и правозащитной деятельности в мировом опыте добиться максимально адекватных современным требованиям представлений о положении дел в этой области в современной России, о специфических чертах задач, стоящих перед государством и обществом на текущем этапе развития страны.

Специфика концептуализации прав человека в современной России

Правозащитные организации, являясь третьим типом элементов гражданского общества, исходят из сакрализованного универсализма прав человека и натуралистического правопонимания. Такое правопонимание, базирующееся на вере в «естественный приоритет» универсальных прав человека, по которым может унифицировано жить весь мир, над позитивным правом, во многом аналогично религиозной вере. Оппонирующие натуралистам юридические позитивисты или «реалисты» исходят из интересов и приоритета государства в формировании и функционировании всей системы права. Эти концептуальные подходы трудно совместимы и в России, и в мире, что проявляется практически ежедневно как в международных отношениях, так и во внутреннем праве, где наблюдается и апеллирование к универсальным принципам прав человека, и следование исключительно государственным интересам.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998, 10 декабря.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

Специфической чертой современной концептуализации прав и свобод человека в России является попытка решения трех сложнейших задач: совмещение позитивного потенциала концептуализации прав человека в западном правовом развитии, опыта СССР по утверждению социально-экономического блока в каталоге прав человека, сохранение приоритета государственного суверенитета с установкой на более выверенный баланс между суверенитетом человека и суверенитетом государства в современной России. Сейчас наблюдаются явное смещение акцента концептуализации: если четырнадцать лет назад появление региональных хартий по правам человека (Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 4 ноября 1950 г., Американской конвенция о правах человека 22 ноября 1969 г., Африканской хартии прав человека и народов (26 июня 1981 г.), Исламской декларация прав человека (1990 г.); Арабской хартии прав человека и народа в арабском мире (1994 г.)) трактовалось в отечественном правоведении как рост признания универсального их каталога во всем мире, что «еще раз подчеркнуло органическую включенность прав человека в культуру, религию, традиции, образ жизни стран различных регионов мира» [Мурзова, Шумилова, 2010, с. 91], то со временем, с приближением к современным условиям этот же факт интерпретируется скорее как реакция на негативные аспекты чрезмерной универсализации и унификации этой проблематики [Аксенов, 2018, с. 59].

Концепция прав человека и институты, сформированные для обеспечения прав и свобод человека в современном мире после второй мировой войны, нередко стали использоваться ведущими государствами как средства разрушительных по потенциалу внешних инспираций, инструменты опасного конфликтогенного влияния на внутренние дела других, по каким-то причинам воспринимаемых некомплиментарными, государств. Концепция прав человека во Всеобщей Декларации 1948 года, как и ряд детализирующих ее содержание пактов и протоколов к ним после Второй мировой войны, утверждались на принципе взаимного уважения государств, невмешательства во внутренние дела друг друга, на пафосе борьбы с тиранией и угнетением, но ни закрепление ее контента в архитектуре институтов прав человека, ни попытки распространения практики подведения под унифицированный каталог прав человека и универсальные доктринальные критерии характеристик многих государств планеты, не смогли защитить права жителей Донбасса, не смогли противодействовать нацификации Украины.

Теперь требуются уже не просто корректировки, а точная диагностика и известное переосмысление классических юридических концептуальных конструкций, в число которых доктрина прав человека входит всем своим объемом. Весь мир втягивается в новый виток своеобразной концептуальной революции в связи с актуализацией третьей («зеленой») волны доктринализации прав и свобод человека, волны так называемой солидарности с попытками ее расширения за счет, местами весьма небесспорных, элементов формирующегося нового стандарта каталога прав человека (чайлд-фри, феминизм, эвтаназия, гендерная проблематика и т.п.).

Основной специфической чертой современного прочтения проблематики прав человека и теснейшим образом связанной с ней правоприменительной деятельностью в России является попытка синтеза метаправового пафоса доктрины прав человека, конвенционально признанной в международном праве (то есть в универсалистском типе ее понимания) с практикой ее реализации на основе прагматической корректировки доктрины в сторону приоритетного обеспечения суверенитета государства как более адекватного потребностям и интересам России на основе учета специфики ее длительной государственной и правовой эволюции. В Послании к Федеральному Собранию Президента Российской Федерации В.В. Путина главными и основополагающими задачами развития страны названы «безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы»¹.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.02.2023 // Российская газета, 2023, 22 февраля.

Если на заре существования доктрины прав человека ее историческая роль заключалась в преодолении феодального партикуляризма и произвола, то в современных условиях при политизированном использовании права человека превращаются в декорацию или просто отбрасываются при решении империалистических задач государствами, претендующими на мировую гегемонию.

Российская Федерация инициировала акцентирование внимания на проблематике приоритета суверенитета, юридическом «реализме», праве сопротивления государства как публично-правовой организации граждан внешнему вмешательству и порабощению, для которого требуется детализированная концептуализация суверенитета как части проблематики прав человека. Прекращение использования идеологии прав человека как средства осуществления и оправдания любых форм внешней экспансии трансформировалось в актуальную прагматическую политико-правовую задачу. На концептуальном уровне обострилась необходимость разработки и утверждения, помимо права государства на суверенитет, также и права человека на традиционный уклад жизни. Это очень актуально не только для современной России, но и для арабского, африканского, азиатского регионов мира. Необходимо отказаться от деления прав человека на относящиеся к прогрессивному каталогу и к архаичному, «реакционному» перечню, так как это легко превращается в реестры претензий к государствам и в ультимативные предложения для вмешательства во внутренние дела.

Институциональная специфика правозащитной деятельности в современной России

Правозащитная деятельность понимается конвенционально во всем мире как неразрывно связанная с проблематикой защиты прав человека. В процессе правозащитной деятельности пропагандируются или отстаиваются права человека мирными легальными средствами (индивидуально или в кооперации граждан), – здесь наблюдается достаточно унифицированное единодушие.

Если в концептуальном отношении правозащитная деятельность органически связана с доктриной прав и свобод человека, то в институциональном аспекте она акцентированно коррелирует с гражданским обществом. Поэтому правозащитная деятельность воспринимается как институционализированная в рамках гражданского общества активность по обеспечению соблюдения прав человека, как деятельность по практической реализации современной доктрины естественности прав человека, исходящую из признания их приоритета.

Институциональная специфика правозащитной деятельности в России выражена гораздо более отчетливо, чем концептуальная. Концептуально российские правозащитники ничего не добавляют от себя, а лишь воспроизводят универсалистскую доктрину прав человека. В области практической проекции этой доктрины на реалии конкретной правовой и социально-политической ситуации в России специфика проявляется с более отчетливой прорисовкой, с гораздо большей степенью влияния культурно-исторической инерции.

Понятие «гражданское общество» трактуется в современной России при всей его многозначности более или менее аналогично западной традиции. И там, и у нас остается в силе традиция включать в гражданское общество разнообразные негосударственные объединения граждан, сводящиеся к трем типам (объединения для реализации частных некоммерческих интересов; объединения, отстаивающие социальные интересы более широкого охвата; объединения для правозащитной деятельности). Со временем в западной практике из номенклатуры институтов гражданского общества исключались коммерческие сообщества и явления, относящиеся к государственности. В России, напротив, к трем традиционным элементам гражданского общества, признаваемым в западной традиции, добавился специфический четвертый институциональный

(инфраструктурный) элемент, характерный для истории и актуального состояния современной России и представляющий из себя государственные органы, созданные для развития гражданского общества и внедрения соответствующих механизмов в практику государства [Голованцев, 2007, с. 12–19; Карташкин, 1999, с. 4–9; Мархгейм, 2006, с. 28].

Эмпирическое разнообразие институтов гражданского общества и после такого сужения охвата в современном социуме огромно и включает в себя организации и массовые движения, созданные как для устойчивой долговременной деятельности, так и для единичных кратковременных акций. Институциональные формы гражданского общества чрезвычайно разнообразны, организации, группы, объединения гражданского общества добиваются улучшения условий труда, каких-то аспектов повседневной жизни широких масс населения, реагируют на разрушение экологической среды, стараются изменить отношение публичной сферы к гражданским институциям, борются за соблюдение прав и свобод человека в заявленном каталоге. Со временем наиболее конвенциональным стало понимание гражданского общества как всей совокупности негосударственных и некоммерческих объединений граждан для обеспечения и защиты своих частных интересов и той части публичных интересов, которые в той или иной степени игнорируются государственными или экономическими институтами. Архитектура отношений государства с личностью и гражданским обществом конвенционально определена и институционально закреплена в Конституции Российской Федерации. Институты гражданского общества включены в основы конституционного строя, а эффективность и аксиологический статус современного российского государства его основным законом прочно увязаны с реальной функциональностью гражданского общества. Концептуально-теоретически важность кооперации гражданского общества с государством непрерывно подчеркивается в важнейших нормативно-правовых актах, политических документах. В России основная масса объединений гражданского общества создается для реализации частных потребностей и обеспечения частных интересов в тех областях жизни, куда «не дотягивается» государство. Гораздо меньше объединений гражданского общества отстаивают внешние интересы, выходящие за рамки частных (экологические, связанные с культурным наследием, благотворительные). Непосредственно правозащитной деятельностью занимаются специально для этого создаваемые такие институты гражданского общества, как неправительственные правозащитные организации (защита частных интересов от чрезмерной власти самого государства, оказание юридической помощи отдельным гражданам, группам граждан и содействия в восстановлении и реализации их прав).

Специфическую роль и особое значение в России приобрели так называемые инфраструктурные организации для обеспечения самой возможности реального функционирования гражданского общества, развития его институтов и внедрения определенных механизмов защиты гражданского общества в практику государства (государственные институты федеральных и региональных уполномоченных по правам человека (омбудсменов) [Москалькова, 2021]; уполномоченных по правам ребенка (детских омбудсменов); уполномоченных по защите прав предпринимателей (бизнесомбудсменов); Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека; Общественная палата Российской Федерации; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации; общественные наблюдательные комиссии; общественная экспертиза проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, проектов иных нормативных правовых актов)¹.

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011; федеральные законы от 19.05.1995

Понятие «неправительственные правозащитные организации» при широчайшем использовании в публично-правовой и политической сферах современной России не имеет легального нормативного закрепления. По своей правовой природе неправительственные правозащитные организации являются разновидностью общественных объединений, создаваемых по индивидуальной или групповой инициативе граждан «снизу». Их деятельность по достижению своей основной стратегической цели – защиты прав и свобод человека не имеет коммерческого характера, а имущество формируется за счет вступительных и членских взносов, разнообразных пожертвований от физических и юридических лиц и иных источников (грантов, получаемых внутри страны и от международных структур). Правозащитные организации подчеркнута дистанцированы от политической деятельности, кооперации с политическими партиями или политическими движениями, внешних недружественных политических инспираций; они могут в области защиты прав человека выбирать как сотрудничество с государственными органами, так и свободу от такого влияния для решения уставных задач.

Таким образом, институциональная специфика правозащитной деятельности в Российской Федерации, связана в первую очередь с выраженной активностью государства в создании и инфраструктурном организационно-нормативном обеспечении функционирования институтов гражданского общества. Если западный мир формировал эти институты снизу как средства воздействия частной инициативы на публичную власть и как формы защиты этой инициативы от государственной власти, то в условиях России государство вынуждено формировать институциональную оболочку гражданского общества сверху вниз. То есть в наших условиях государство само создает для граждан возможность защиты от государственных же органов власти в конфликтных ситуациях с помощью легальных институтов и в легальном поле. Государство обеспечивает подлинно цивилизованные формы правозащитной деятельности, блокирует негативные тенденции криминализации неправительственных правозащитных организаций, трансформации их в коммерческие группы, подменяющие интересы защиты прав человека борьбой с конкурентами за коммерческие цели, выгодные гранты и т.п. Четвертый тип организаций для правозащитной деятельности, являющийся российским специфическим вкладом в процесс формирования гражданского общества¹, обеспечивает весь кейс задач для деятельной защиты прав человека – от мониторинга их соблюдения до организации адекватного правового просвещения граждан через систему образования и средства массовой информации. В этом заключается важнейшая специфическая черта формирования и функционирования институтов гражданского общества в России. В силу интерференции множества исторических факторов роль государства в России в этом процессе стала заключаться не только в обеспечении инфраструктурной оболочки, но и в прямом осуществлении функций гражданского общества для компенсации его эмбриональности и формирования необходимых институциональных предпосылок для его подлинно цивилизованного развития.

№ 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145; от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277; от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789; от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305; от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213; от 23.06.2016 № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3852; от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8427; от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640 и др.

¹ Сунгуров А.Ю. 2007. Гражданское общество и его развитие в России. Учебное пособие. СПб, ЮТАС, СПб филиал ГУ-ВШЭ. С. 11–16.

Заключение

В результате исследования установлено, что модификации концептуализации прав человека как теоретической основы правозащитной деятельности могут и должны быть осуществлены с учетом особенностей развития России политико-правового и культурно-исторического характера. Помимо этого, в интересах сохранения суверенитета государства России требуется отстаивание на всех уровнях и всеми средствами подлинного универсализма прав человека, их настоящей унификации, означающие появление реального единого стандарта для всех субъектов международных отношений.

Это огромная по сложности и важности задача: трансформация как доктрины прав человека, так и практики ее реализации применительно к уникальным условиям современной России. Это фактически важнейший вид международного сотрудничества, и от его результата зависит в первую очередь, будет ли найден конвенциональный консенсус, будет ли будущее всего человечества гармоничным и мирным, будет ли доминировать сила права или в мире станет преобладать право силы.

В области институционализации правозащитной деятельности общественных организаций, государственных органов, специализированных на правозащитных функциях, России необходимо последовательное использование собственного опыта государственного строительства и общественной жизни.

Список литературы

- Аксенов А.Б. 2018. Всеобщая Декларация прав человека и проблема универсализации прав человека. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 59–62.
- Витрук Н.В. 2008. Общая теория правового положения личности. М., Норма. 448 с.
- Гриб В.В. 2018. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД*, 1(41): 48–57. DOI 10.24411/2078-5356-2018-00006.
- Голованцев И.В. 2007. Административно-правовые средства формирования правового порядка при реализации конституционных прав и свобод. *Административное право и процесс*, 4: 6–9.
- Карташкин В.А. 1999. Механизм защиты прав человека. *Журнал российского права*, 3-4: 6–11.
- Мархгейм М.В. 2006. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 111 с.
- Москалькова Т.Н. 2021. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, 10: 23–44. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.023-044.
- Олейник Н.Н., Олейник А.Н. 2015. Историческое развитие поколений «прав человека». *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 14(211): 120–128.
- Стремоухов А.В. 2006. Правовая защита человека. М., Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина. 324 с.
- Стремоухов А.В. 2014. Спорные аспекты классификации прав человека. *Ленинградский юридический журнал*, 1(35): 87–97.
- Стремоухов А.В. 2014а. Международные стандарты прав человека: определение и классификация. *Международное публичное и частное право*, 5 (80): 3–5.
- Шумилова Т.А., Мурзова М.А. 2010. Принцип всеобщности прав человека в условиях глобализации. *Вестник Поволжского института управления*, 1(22): 90–93.

References

- Aksyonov A.B. 2018. The Universal Declaration of Human Rights and the Problem of Universalization of Human Rights. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, 1: 59–62 (in Russian).
- Vitruk N.V. 2008. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [The general theory of the legal status of the individual]. M., Publ. Norma. 448 p.
- Grib V.V. 2018. Legal basis for human rights activities at the international and federal level. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(41): 48–57 (in Russian). DOI: 10.24411/2078-5356-2018-00006.

- Golovantsev I.V. 2007. Administrativno-pravovye sredstva formirovaniya pravovogo poryadka pri realizacii konstitucionnyh prav i svobod [Administrative and legal means of forming a legal order in the implementation of constitutional rights and freedoms]. *Administrative Law and Process*, 4: 6–9.
- Kartashkin V.A. 1999. Mekhanizm zashchity prav cheloveka [Human rights protection mechanism]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 3-4: 6–11.
- Markheim M.V. 2006. Pravezashchitnaya deyatel'nost' publicnyh struktur v Rossijskoj Federacii [Human rights activities of public structures in the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Publ. Rostizdat, 111 p.
- Moskalkova T.N. 2021. Institute of human rights commissioners: yesterday, today, tomorrow. *Courier of the Kutafin moscow state law university (MSAL)*, 10: 23–44 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.023-044.
- Oleinik N.N., Oleinik A.N. 2015. Historical development of generations of «human rights». *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 14(211): 120–128 (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2006. Pravovaya zashchita cheloveka [Legal protection of a person]. M., Publ. Izd-vo LGU im. A.S. Pushkina. 324 p. (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2014. Disputable aspects of classification of human rights. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*, 1 (35): 87–97 (in Russian).
- Stremoukhov A.V. 2014. International standards of human rights: definition and classification. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 5(80): 3–5 (in Russian).
- Shumilova T.A., Murzova M.A. 2010. Human Rights Universality Principle in Conditions of Globalization. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 1(22): 90–93 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.04.2024

Поступила после рецензирования 26.05.2024

Принята к публикации 26.06.2024

Received April 21, 2024

Revised May 26, 2024

Accepted June 26, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Alexey N. Pozdnyshov, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

Москаленко Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Sergey G. Moskalenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-553-562

Релевантность как инструмент управления запросом в условиях трансформации сетевого медиатекста Web 2.0–3.0

Баранова С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
Baranova_SV@bsu.edu.ru

Аннотация. Технологические преобразования сетевой среды постоянно открывают новые окна возможностей. Процесс их реализации порождает ряд ожиданий, так или иначе связанных с миссией информационного общества. Многосложная структура Сети предоставляет ответ на пользовательский запрос, который со временем приобрел статус продукта и стал объектом манипуляции. Целью исследования является выявление противоречий естественного запроса и поискового алгоритма, которые в конечном итоге влияют на право более значимого для аудитории контента быть в приоритете благодаря своим имманентным свойствам, а не искусственно смоделированным параметрам. В процессе исследования прослеживается эволюция медиатекста, в частности его трансформация от парадигмы Web 1.0 к Web 3.0. В результате установлена более четкая причинно-следственная связь между смысловым, идеологическим контекстом и технологическим базисом современной информационной среды через такие понятия, как алгоритм, релевантность, хайп, а так же через определение ролевой функции так называемых бенефициаров, заинтересованных в извлечении собственной выгоды из процесса управления информацией.

Ключевые слова: информационное общество, медиатекст, искусственный интеллект, Web 2.0, Web 3.0, интернет, нейросеть, релевантность, алгоритм, поисковый запрос

Для цитирования: Баранова С.В. 2024. Релевантность как инструмент управления запросом в условиях трансформации сетевого медиатекста Web 2.0–3.0. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(3): 553–562. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-553-562

Relevance As a Request Management Tool in the Context of the Network Media Text Transformation Web 2.0–3.0

Svetlana V. Baranova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
Baranova_SV@bsu.edu.ru

Abstract. Technological transformations of the network environment are constantly opening up new windows of opportunity. The process of their implementation generates a number of expectations, one way or another related to the mission of the information society. The multi-complex Network structure provides an answer to a user request, which eventually acquired the status of a product and became the object of manipulation. Most obviously, this trend can be traced in the transformation of the media text. The value of a media text may vary depending on the ranking tool applied. One of these tools is the

relevance category. The purpose of the study to reveal the contradictions between a natural query and a search algorithm, which ultimately affect the right of the content that is more significant to the audience to be prioritized due to its immanent properties, rather than artificially modeled parameters. The article traces the evolution of the media text, in particular, its transformation from the Web 1.0 paradigm to Web 3.0. The study of the problem allowed us to establish a clearer causal relationship between the semantic, ideological context and the technological foundation of the modern information environment through concepts such as algorithm, relevance, hype, as well as through the definition of the role function of the so-called beneficiaries interested in extracting their own benefits from the information management process.

Keywords: information society, media text, artificial intelligence, Web 2.0, Web 3.0, Internet, neural network, relevance, algorithm, search query

For citation: Baranova S.V. 2024. Relevance As a Request Management Tool in the Context of the Network Media Text Transformation Web 2.0–3.0. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 553–562 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-553-562

Введение

Интернет как безальтернативный инструмент веб-коммуникации с самого начала своего господства предоставлял уникальную возможность передачи цифрового текста. Впоследствии всё, что с таким текстом связано в области массовых коммуникаций, независимо от трансформации, которую он претерпел, стало носить обобщенное название «медiateкст».

В нашем случае мы говорим о медiateксте в Сети, оценивая этот феномен не только как медиапродукт, связанный со средствами массовой информации. Мы опираемся на его осмысление учеными как форму цифровой реальности. В этой ипостаси медiateкст соответствует концепции Маклюэна, утверждающего, что «средство есть сообщение» [Маклюэн, 2003].

Технологический прорыв обеспечил его удивительную пластичность, выраженную в неовергилиевской формуле: интерактивность, поликодовость, открытость. Эти качества безусловно дополняются другими, не менее важными, но польза/прочность/красота в версии Web 2.0 выглядит именно так.

Ожидания и стереотипы информационного общества и их влияние на развитие медiateкста

Изначально логика возможностей настраивала пользователей на новое знание: умение передать информацию посредством высоких технологий. Но сама информация еще оставалась текстом, его особенность скорее состояла в скорости и емкости передачи, которые существенно отличались от традиционных способов донесения.

Промежуток от первых сообщений, отправленных посредством World Wide Web до настоящего времени, составляет порядка 30 лет. Еще рано говорить о каких-либо окончательных результатах в отношении прогнозов, звучавших в начале эпохи глобальной информатизации (рубеж 20 и 21 веков). Тем не менее технологические преобразования ускорили многие процессы, и теперь их истинный смысл становится более очевидным.

Мы понимаем, что, как любое новшество, интернет в свое время стал почвой для множества теорий, в том числе основанных на некоей идеальной модели и ее прогрессивном воздействии на современное общество. Но напомним, что изначально прототипы World Wide Web и сама глобальная сеть использовались как инструмент для общения и передачи данных между учеными [Рутфилд, 1998, с 3-4]. В то время (определим его как Web 1.0) текст обладал цифровой генетикой, и еще не был в нынешнем понимании открытым. Медiateкст сохранял статичность и в случае, когда

был размещен на веб-странице, и во время диалога (переписки) в формате бесед – по электронной почте, на форумах. Доступность прочтения, расширение аудитории и скорость реакции являются первыми признаками, удаляющими медиатекст в Сети от обычного вербального/невербального сообщения.

Одновременно с этим на интернет уже возлагались особые надежды именно потому, что в нем виделся неограниченный ресурс социализации. Медиатекст здесь должен был выполнять роль коммуникации, сходной с традиционным текстом, но на принципиально новой технологической платформе. Здесь скорее решались вопросы архивирования и передачи данных, чем трансформации традиционного способа вербальной коммуникации. Запрос на информацию, изложенную в виде текста, оставался более высоким, чем запрос на любые другие форматы — музыку, видео, изображения. Кроме того, и технически эти форматы стали доступны к передаче посредством интернета не сразу.

Гипертекстуальность привнесла в этот процесс существенные изменения и позволила задуматься о возможности не просто развивать текст через систему гиперссылок, но и обогащать его невербальным знаковым содержанием [Лутовинова, 2009]. Проще говоря, к ссылке с текстом можно было добавить ссылку на источник с изображением или любым другим мультимедийным продуктом, дополняющим смысл передаваемой информации. С тех пор как появилась такая возможность, эволюция медиатекста получила беспрецедентное ускорение как на уровне внутренней мотивации участника коммуникации, у которого открылись широчайшие возможности для самовыражения, так и на техническом.

Ожидания прогрессивного эффекта пока сбывались. Интернет, став самой плюралистичной платформой для передачи информации, вовлек в себя человека как актора, генерирующего медиатекст на любых удобных ему условиях. Немаловажным для первых пользователей, наполнивших своим присутствием интерактивные площадки, была анонимность как форма свободы самовыражения. Никогда ни до, ни позже не было такого количества платформ, поддерживающих анонимного пользователя. Важен был не тот, кто создавал или предлагал информацию, а сама информация, выраженная в том или ином виде и восполняющая дефицит знаний. Авторство поддерживалось в одностороннем порядке и только добровольно [Полонский, 2015, с. 2].

Стереотип о том, что в интернете можно свободно высказываться, долгое время поддерживался платформами, лояльно относившимися к подобной непрозрачности со стороны своих пользователей. Именно тогда, на рубеже веков и в начале двухтысячных, медиатекст стал прирастать свойствами, которые технически поддерживали свободу автора. Онлайн комментарии, дискуссии, мемы заполнили информационное пространство. Медиатекст в этом процессе не являлся пассивным производным, а становился интерактивным инструментом вовлечения аудитории, без которой интернет не мог бы развиваться полнокровно и последовательно. Технологическое совершенствование интернет-платформ строилось по тому же принципу наращивания больших данных, как это сейчас мы видим в отношении нейросетей. Именно поэтому эволюция медиатекста была предопределена как базовая потребность глобальной сети, обучающейся на том массиве информации, который закладывал в нее каждый пользователь [Калмыков, 2021].

Путь гипертекста со временем стал настолько сложным, что даже если авторством обладает его часть, то всю картину «соавторства» восстановить практически невозможно. Поликодовость медиатекста позволяет трансформировать и дополнять его бесконечное количество раз, создавая безграничную ризому, а также производить сложные преобразования межформатного пути – например, перевести в текст аудиофайл. Поэтому само понятие «автор» здесь несет в себе условный смысл. Мы можем говорить только о том, что имеет адресную принадлежность, но не можем, к примеру, установить ее в поликодовом медиатексте от начала до конца его движения по Сети. В качестве примера

приведем пост Илона Маска в приобретенной им социальной сети как конечный вариант авторского медиатекста и посмотрим на этот же пост с «хлебными крошками» репостов, эмоций, комментариев, мемов, обзоров в других публичных коммуникативных каналах, цитированием в традиционных СМИ. В совокупности это остается медиатекстом, стихийно разросшимся, обезличенным и по своей природе открытости – бесконечным. Семантика этого медиатекста меняется в прямой зависимости от информационного канала, где он получил свое продолжение, – в сатирическом телеграм-канале, блоге политического обозревателя, в качестве иллюстрации в телепрограмме или мема в соцсети. История этой цифровой ризомы транслирует смыслы, также не фиксируя имени соавтора медиатекста [Казак, 2011, с. 24].

Заглядывая вперед, отметим, что с появлением нейросети это преобразование перестало быть линейным: множественные полимедийные элементы становятся большими данными, выдающими тот или иной результат по индивидуальному запросу [Ильичева, 2019, с. 1].

Появление социальных сетей перенесло развитие цифровой среды на новый виток, который теперь обозначают как Web 2.0, а местом произрастания сетевого медиатекста стали новые медиа (2010-е гг.) [Быков, 2011, с. 2]. Здесь, с одной стороны, сохраняется та же тенденция к мультипликационному эффекту – чем интереснее контент, тем сложнее, дольше и разнообразнее его жизнь в Сети. Это качество успешно усвоено массмедиа – хайп теперь один из технически обоснованных приемов продвижения информации. Одновременно с этим нельзя не заметить, что безадресность медиатекста постепенно сменяется на тенденцию привязки того или иного месседжа к актору, и, кроме того, новые площадки для цифровой социализации с каждым годом ужесточают политику регистрации своих пользователей, буквально принуждая их выходить онлайн с максимальным соответствием своей реальной личности. История Web 2.0 последовательно выводит интернет из парадигмы свободного информационного пространства. Эпистема Сети начинает работать таким образом, чтобы создатель контента не столько подтвердил свое авторство, сколько сам стал частью медиатекста. И в этом видится принципиальное отличие от тех ожиданий, что порождали возможности Сети на этапе становления.

Управление статусом медиатекста: бенефициары информационного поля

С изменением сетевой парадигмы интернет с Web 2.0 на Web 3.0 роль медиатекста становится более весомой, а разнообразие его внешних форм практически безгранично. Несмотря на это, инструменты продвижения медиапродукта остаются прежними и сохраняют базовые принципы, основанные на массовости потребления. Одним из важнейших остается принцип релевантности контента.

В глобальной сети термин «релевантность» имеет вполне конкретный смысловой контур. В широком понимании это адекватность и полнота ответа на запрос. Поисковые системы настроены таким образом, что по ряду признаков «видят» информацию, размещенную на той или иной цифровой платформе, и сравнивают ее с формулировкой, внесенной пользователем в строку поиска. Чем тоньше настройки алгоритма в поиске, тем больше вероятность сформировать максимально релевантный ответ.

Подчеркнем, что здесь мы говорим о релевантности применительно к медиатексту как одному из элементов цифровой лингвистики, а не программному продукту в целом, поскольку во втором случае это затрагивает более обширное понятие SEO, лишь в некоторой своей части соотносимое с нашей проблематикой.

С другой стороны, оценивая качество контента, а главное, перспективы его распространения в Сети, невозможно обойтись без учета соответствия «ткани» текста поисковому алгоритму. Таким образом запрос и ответ существуют в тесной взаимосвязи

друг с другом. Знание законов, по которым оценивается релевантность той или иной информации, определяет ее статус и вес в медийном пространстве Сети. Можно сказать, что релевантность – важнейший инструмент цифровой среды, дающий пропуск медиатексту в сложной иерархии поисковых систем.

Очевидно, что возможность управления запросом в информационном поле вышла за пределы исключительно технической категории в разряд когнитивного, финансового, политического инструмента, при верном применении которого можно извлекать выгоду. У этого процесса в глобальной сети есть три основных бенефициара, каждый из которых заинтересован в конкретном результате и обладает определенной ролевой функцией. Рассмотрим каждого из них:

1. Пользователь – объект, заинтересованный в контенте, соответствующем собственным ожиданиям.

2. Автор/владелец контента – объект, создающий контент и заинтересованный в его востребованности.

3. Владелец платформы – объект, обладающий тем или иным техническим и административным ресурсом для размещения, предоставления доступа, хранения и прочих операций с контентом.

Синтез интересов этих трех объектов не только определяет жизнеспособность того или иного вида информации, но и в современных условиях прогрессирующих возможностей цифрового мира оказывает влияние на формирование его новых эпистем.

Пользовательская парадигма поддерживается потребительской мотивацией. Для пользователя глобальная сеть – неограниченный ресурс с информацией, где среди прочего может быть нечто полезное для индивида. Спрос разнороден: общение (New Media), знания (энциклопедии, библиотеки, базы данных и проч), товары и услуги (маркетплейсы, интернет-сервисы). Как правило, потребитель равнодушен к прогрессу цифровой среды. С появлением глобальной сети пользователь находит способ получить искомое независимо от степени удобства, безусловно, интуитивно выбирая более качественные на его взгляд ресурсы. Главное преимущество пользователей – их многочисленность. Без опоры на множественность пользователей глобальная сеть утрачивает свою актуальность как явление.

Автор/владелец контента насыщает цифровое пространство содержанием, которое востребовано как пользователем, так и владельцем платформ. Мотивация может быть разной: от обеспечения максимально широкого доступа к нарративу до его монетизации. Родовой признак создателя контента – уникальность. Здесь же формируется этико-эстетический бэкграунд сетевой среды, поскольку напрямую связан с творческой природой авторства.

Владелец платформы обеспечивает технологический функционал глобальной сети. Big Data требует непрерывного аппаратного и программного развития цифровых систем. Платформой для размещения контента может быть сайт, framework, социальная сеть, поисковая система, облачный сервис и еще масса других цифровых программных продуктов, физически размещаемых в дата-центрах самого разного уровня и масштаба. Признак третьего бенефициара – технологичность и затратность. Законы функционирования именно этой составляющей цифрового мира исследуются не так активно, как первые две, поэтому с ней связано наибольшее число мифологем, примиряющих общество с агрессивным распространением «цифры».

Если экстраполировать модель взаимоотношений бенефициаров на медиатекст, то мы увидим не только его путь в Сети, но и раскроем механизмы манипуляции, скрытые в целеполагании того или иного интересанта. Главной ошибкой здесь может стать неверное определение вектора движения медиатекста.

Рассмотрим два способа. Первый из них – от пользователя к владельцу платформы. Второй – обратный первому. Роль создателя контента пассивна и self-centered, поэтому мы не рассматриваем третий вариант.

Пользователь формирует запрос на тот или иной вид информации, который отправляет в поисковую систему для получения наиболее релевантного ответа. Частота однотипных запросов по принципу множественности обеспечивает подъем в поисковой выдаче наиболее релевантных запросу ресурсов. В понятие релевантности включены сложнейшие алгоритмы, распознающие текст по целому ряду характеристик, в том числе и его уникальности. Таким образом пользователь через частоту запроса может влиять на продвижение медиатекста, за который, по сути, «голосует кликом». Этот процесс воспринимается как органичный, и в интернет-аналитике даже существует термин «органика», то есть естественный прирост аудитории, естественный интерес, естественное распространение контента. Насколько «органика» является реальным фактором продвижения контента установить практически невозможно, несмотря на счетчики просмотров и так называемые реакции. Интернет-аналитика строится на мониторинге и снятии просчитываемых показателей, но платформы вправе скрыть часть своих параметров.

В SEO как методике продвижения программного продукта постоянно отслеживаются изменения алгоритмов поисковых систем. И смена алгоритма – прерогатива владельца платформы. К примеру, одни поисковые системы больший вес дают крупным ресурсам, а другие – авторитетным. Яндекс, обладающий экосистемой собственных сервисов, отдает им приоритет, а Google таких сервисов не имеет, поэтому его система оценки более объективна.

Такой же принцип работает в продвижении контента. Анализ медиатекста, показывающего параметры высокого спроса, уникальности или актуальности информационной повестки, может не попасть в число релевантных, и более того, будет пессимизирован в выдаче, если в систему ранжирования включен соответствующий алгоритм. Это значит, что бенефициар – владелец платформы – определяет приоритет медиапродукта в поисковой выдаче и соответственно контролирует его движение к массовой аудитории.

Помимо технических инструментов, воздействующих на выбор, возникла масса рукотворных приемов, связанных с информационным противостоянием игроков медиaprостранства. К примеру, группы ангажированных модераторов, блокирующих тот или иной «нежелательный» контент в социальной сети (признание материала ложным, носящим деструктивное содержание, запрещенную законодательством тематику и прочее), к этой же модели можно причислить работу так называемых отзовиков, где платформа, предлагающая возможность открыто оставить отзыв, становится ресурсом, монетизирующим право на комментарий или формирующим необъективный вывод из-за перевеса однотипных мнений. С учетом вышеуказанных механизмов роль уникального пользователя, сделавшего непредвзятый выбор ценного/полезного/качественного контента, оказывается менее влиятельной, чем могло показаться на первый взгляд.

Мы не говорим о ситуациях, когда регламент ограничения касается информации, запрещенной к распространению. Во всех остальных случаях плюрализм, декларируемый системой, находится под контролем владельца платформы, и в случае несоответствия целеполаганий, реальным инструментом влияния на массы обладает именно он.

В итоге мы можем предположить, что жизнеспособность медиатекста в первую очередь зависит от алгоритмов, определяющих тот или иной контент в приоритетной выдаче на запрос и придающих ему статус релевантного. Мы понимаем, что медиатекст – не книга на полке под каталожным номером. Этот образ применим здесь только частично, поскольку текст будет виден только в том случае, если алгоритм четко привяжет его к конкретной «полке».

Цифровая природа хайпа – технология управления запросом

Алгоритмы оказывают непосредственное влияние на структуру медиатекста. Со временем пользователи и создатели контента научились подстраиваться под алгоритмы и читать метрики – показатели интернет-аналитики. Самым наглядным примером можно считать использование кликбейтов и фейков в цифровых массмедиа. Алгоритм настроен на поддержку хайпа – и создатели массового информационного продукта охотно подменяют традиционные приемы изложения на те, которые искусственно ранжируют его как более релевантный.

Хайп технологически обоснован и является порождением цифровой информационной среды. Его природу лишь в определенном контексте можно сравнить с ложной или недостоверной информацией традиционных медиа. Самые известные образы из классики мирового кино – герои Ф. Феллини из «Сладкой жизни» (1960 г.) – журналист Марчелло и фотограф Папарацци, чье имя стало нарицательным. Как мы помним, рефреном памфлета Феллини стало беспринципное следование запросу аудитории на то, что сейчас мы называем хайпом, — горячую, сиюминутную, циничную по подаче информацию из замочной скважины, которая обеспечивала тиражи газетам и приличный достаток авторам. Позже этот феномен неоднократно подвергался творческому осмыслению и рассматривался с этической стороны, например, в еще одном итальянском киношедевре «Дикий глаз» (1967 г.) Кавара с главным героем – журналистом, режиссером-документалистом Паоло. На эволюции продукта, производимого этими персонажами (тем более что по предположениям, у Марчелло и Паоло один и тот же прототип, итальянский режиссер Якопетти), прослеживается трансформация медиаконтента, его искажение в угоду коммерческой или когнитивной задаче: «За этот товар платят дороже, и я поставлю этот товар», – откровенно признается герой Кавара. Напомним, что главный герой – режиссер-документалист, вместо того чтобы следовать правде в объективе, откровенно подтасовывал факты под запрос своих спонсоров.

Хайп – похожее явление, но в отличие от того, что сейчас принято называть «желтыми» медиа, его жизнеспособность не в даровитости или интересах индивида, и даже не в событии как таковом, а в алгоритме, поддерживающем спрос на тот или иной вид информации. Благодаря техногенному происхождению эффект хайпа мультиплицирован, управляем, его появление чаще всего искусственно смоделировано и не имеет прочной связи с содержанием – хайповыми могут быть заголовки (кликбейт), вырванная из контекста цитата, запись с камеры видеонаблюдения, персона. Задача хайпа не в осведомлении аудитории, а в преобразовании клика в монетизируемый продукт или инструмент когнитивного воздействия. Нарочитое искажение сути в хайпе полностью лишено этической нагрузки и персональной ответственности, потому что, как мы уже указали ранее, хайп не станет таковым, если его распространение не будет поддержано алгоритмом.

Доминанта алгоритма в парадигме перехода от Web 2.0 к Web 3.0

Доминанта алгоритма работает не только в области массмедиа. Приведем в качестве примера ситуацию с Википедией (признана РКН нарушающей законодательство РФ). База энциклопедических данных в интернете уникальна и превышает по объему фонды ведущих мировых библиотек. При желании в интернете можно найти самые специфические, труднодоступные сведения, авторитетность которых не подвергается сомнению по целому ряду причин, главная из которых – верификация первоисточника. Несмотря на это, с момента появления Википедии в России (2001 г.), любой энциклопедический запрос в Рунете в первой строке выдавал статью из Википедии. Достоверность информации, публикуемой в Википедии, всегда являлась субъективной, поскольку сам формат Wiki предполагает коллективный и открытый способ создания или

редактирования контента. Более того, по данным, приведенным Игорем Ашмановым в книге «Цифровая гигиена», «все "верхние" авторы Википедии, создавшие наибольшее количество статей, роботы, боты». В русской Википедии каждая десятая статья добавлена ботом [Ашманов, Касперская, 2022, с. 191]. Несмотря на это, тематический запрос энциклопедического характера никогда не получает в качестве максимально релевантного ответа ссылку на энциклопедию по теме.

Разнонаправленные цели бенефициаров, безусловно, сходятся в том, каким в итоге станет медиатекст по своим когнитивным и техническим характеристикам. Но, в отличие от пользователей и создателей медиатекста, владельцы платформ обладают возможностью трансформировать не только его видимую оболочку, но и программный код. Это стало очевидным с приходом технологий парадигмы Web 3.0. Полотно современного, сложносоставного и мультимедийного текста лишь в визуализируемой своей части является продуктом опубликовавшего его в Сети автора. Далее происходит его прирастание элементами своеобразной дополненной реальности и ризомная интеграция с алгоритмами интернет-платформ, манипулирующих контентом согласно собственной мотивации.

Этот механизм поддерживается поисковыми платформами, что мы можем наблюдать, сделав любой запрос. В поисковой выдаче мы получим не только ссылочную массу по теме, но и мультимедийный продукт, – поисковик предложит родственные изображения, видео, музыку, а также «запомнит» запрос и в последствии вернется к нему через тизерные или социальные сети. Причем, чем дороже стоимость клика по запросу, тем назойливее и разнообразнее будет предложение. Работу этого принципа в чистом виде можно наблюдать как раз там, где интерес площадок минимален или естественным образом ограничен. Это касается специализированных проектов, таких как, например, агрегаторы научных публикаций (Киберленинка, eLIBRARY и другие). Контент, имеющий ограниченную целевую аудиторию, прирастает «органикой», соответственно использовать такие площадки возможно только опосредовано, мультиплицирование трафика с использованием хайпа здесь просто неэффективно. Алгоритмы почему-то совершенно иначе ведут себя там, где спрос на сиюминутную информацию максимально востребован. New Media имплицитно поддерживают и поднимают в выдаче контент, поддержанный кликом, экстенсивно распространяемый различными источниками, а в последнее время и активно комментируемый. Здесь круг замыкается — алгоритм «видит» зарождающийся спрос, включает механизм поддержки, в результате которого инфоповод генерирует трафик и монетизируется, система поддерживает сама себя. Это скорее напоминает принцип продвижения товара на маркетплейсе. Применительно к продающим сервисам алгоритм действует открыто, – тот, кто хотя бы однажды размещал объявление на Avito, знает, что за приоритетное размещение необходимо платить, а при совершении покупки покупателю будет предложена масса товаров, которых он не искал. В итоге становится очевидным, что медиатекст рассматривается системой как ценностный продукт, и, согласно этой логике, обретает в сети свою «прописку».

Заключение

Сейчас мы являемся свидетелями перехода к философии Web 3.0, главный принцип которого – атомизация пользовательского контента и возникновение так называемых эхо-камер, внутри которых и происходит обмен информацией. Индивидуальные, защищенные каналы передачи информации и сервисы, работающие на уникального пользователя, будут направлены не столько на сбор, хранение и передачу данных, сколько на их коммерциализацию, будь это дипфейк для рекламного ролика или сгенерированное нейросетью изображение для СМИ.

Позитивистский взгляд на преобразование действительности через глобальную сеть натолкнулся на детерминирование последней как среды, безусловно воздействующей на

реальность, но никоим образом не берущей на себя миссию улучшения чего бы то ни было. На данном этапе развития цифровое общество и медиатекст как важнейший элемент его репрезентации скорее проявляют в себе все законы бытия, включая и прямо противоположные тем, что декларируют свободу человеческой коммуникации на новых технологических платформах. В частности, осуществляют сбор всех видов персональных сведений, взятых из новых медиа, для обучения ИИ. В связи с этим можно предположить, что будущее медиатекста в сети – это его генерация за счет возможностей искусственного интеллекта и трансформация в продукты нейросети, что требует дальнейшего научного осмысления.

Переходный период снова ознаменован ожиданиями открытий, на этот раз связанных с возможностями искусственного интеллекта. Мы уже видим, как условная Сеть напитывается реальными медиаобразами так же, как в свое время текстами, и видимо в этой области еще предстоит понять, что мы будем готовы принять как достоверный месседж – созданное реальным автором сообщение или абстрактный виртуальный продукт.

Список литературы

- Ашманов И., Касперская Н. 2022. Цифровая гигиена. СПб, Питер, 400 с.
- Быков И.А., Филатова О.Г. 2011. Технологии Веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 2: 226–236.
- Ильичева И.Л., Карпиевич М.Н. 2019. Модусная мультимодальность медиатекста. *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*, 1: 19–26.
- Казак М.Ю., Махова А.А. 2011. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 24(119): 175–182.
- Калмыков А.А. 2021. Медиалогия Интернета. Москва, Ленанд, 272 с.
- Лутвинова О.В. 2009. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу. *Известия ВГПУ*, 5: 5–7.
- Маклюэн М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., КАНОН-пресс-Ц, 464 с.
- Полонский А.В. 2015. Массмедийность как качество текста современных массмедиа. *Медиалингвистика*, 2(8): 7–16.
- Скотт Рутфилд. 1998. История и развитие интернет от инструмента холодной войны до Fish-Cam1. КИО. 3-4.

Referenses

- Ashmanov I., Kaspersky N. 2022. Digital hygiene. St. Petersburg, St. Petersburg, 400 p.
- Bykov Il'ja Anatol'evich, Filatova Ol'ga Georgievna. 2011. Tehnologii Veb 2. 0 i svjazi s obshhestvennost'ju: smena paradigmy ili dopolnitel'nye vozmozhnosti? [Web 2.0 technologies and public relations: paradigm shift or additional features]. *Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura*, 2: 226–236.
- Ilyichova I.L., Karpievich M.N. 2019. Multimodality of mediatext. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija obshhestvennyh i gumanitarnyh nauk*, 1: 19–26.
- Kazak M.J., Makhova A.A. 2011. Media texts in terms of the theory of intertextuality and precedent texts. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija*, 24(119): 175–182.
- Kalmykov A. A. 2021. The mediology of the Internet. M., Publ. Lenand, 272 p.
- Lutovinova Ol'ga Vasil'evna 2009. Gipertekst: ponjatie, osnovnye harakteristiki, vozmozhnye podhody k lingvisticheskomu analizu. [Hypertext: concept, main characteristics, possible approaches to linguistic analysis]. *Izvestija VGPU*, 5: 5–7.
- Makljujen M. 2003. Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka. [Understanding Media: External Human Extensions]. M., Publ. KANON-press-C, 464 p.
- Polonskij A.V. 2015. Massmedijnost' kak kachestvo teksta sovremennyh massmedia. [Mass media as the quality of the text of modern mass media]. *Medialingvistika*, 2(8): 7–16.
- Skott Rutfild. 1998. Istoriya i razvitie internet ot instrumenta holodnoj vojny do Fish-Cam1. [The story and development of the Internet from the Cold War tool to FishCam 1]. КИО. 3-4.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.04.2024
Поступила после рецензирования 26.05.2024
Принята к публикации 26.06.2024

Received April 21, 2024
Revised May 26, 2024
Accepted June 26, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Баранова Светлана Вячеславовна,
заместитель директора института общественных
наук и массовых коммуникаций, Белгородский
государственный национальный исследо-
вательский университет, г. Белгород, Россия.

Svetlana V. Baranova, Deputy Director of the
Institute of Social Sciences and Mass
Communications, Belgorod State National Research
University, Belgorod, Russia.

УДК 316.79

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-563-573

Зарубежные исследования идентичности человека в эпоху культуры постмодерна

Растворов А.И., Емельянова О.Б.

Донской государственный аграрный университет,
Россия, 346493, п. Персиановский, Ростовская обл., ул. Дачная, д. 22
rastworov.a@yandex.ru, emely79@bk.ru

Аннотация. Проблема персональной идентичности в современной культуре является многогранным явлением, требующим тщательного теоретико-методологического анализа. В мире, где культура постоянно меняется и развивается, идентичность уже не является просто отражением национальной или этнической принадлежности. Она становится мозаикой, состоящей из различных фрагментов: социального статуса, религии, языка, культурной принадлежности. Эти фрагменты взаимодействуют между собой, создавая уникальные комбинации идентичности, которые так же уникальны, как и отпечатки пальцев. В исследовании рассмотрены психологические аспекты кризиса идентичности в подростковый период Э. Эриксона; свобода и ответственность в концепции Э. Фромма; самопрезентация другим в работах И. Хоффмана; идея внутреннего диалога в концепции Лифтона; изменение парадигмы роли женщины в обществе Б. Фридан; теория воображаемых ландшафтов А. Аппадуря, сформированных через культурные представления людей; концепция «текучей современности» З. Баумана о гибкости идентичности и культуры; концепции «третьей волны» и «шока будущего» Э. Тоффлера; теория «глобальной деревни» М. Кастельса.

Ключевые слова: идентичность, постмодерн, информационное общество, кризис идентичности, глобализация, потребление

Для цитирования: Растворов А.И., Емельянова О.Б. 2024. Зарубежные исследования идентичности человека в эпоху культуры постмодерна. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 563–573. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-563-573

Foreign Studies of Human Identity in the Era of Postmodern Culture

Rastvorov A.I., Yemelyanova O.B.

Don State Agrarian University,
22 Dachnaya St, vil. Persianovsky, Rostov region 346493, Russian Federation
rastworov.a@yandex.ru, emely79@bk.ru

Abstract. Identity in modern culture is a multifaceted phenomenon that requires careful theoretical and methodological analysis. In a world where culture is constantly changing and evolving, personal identity becomes like a kaleidoscope, each revolution of which reveals new patterns and shapes. Identity is no longer just a reflection of national or ethnic identity. It becomes a mosaic consisting of various fragments – social status, religion, language, cultural affiliation. These fragments interact with each other, creating unique combinations of identity that are as unique as fingerprints. Let's look at some of the most important concepts of identity researchers. The article examines the psychological aspects of the identity crisis in the teenage period of E. Erickson; freedom and responsibility in the concept of E. Fromm; self-presentation to others in the works of I. Hoffman; the idea of internal dialogue in the concept of G. Hermans; the concept of a metamorphosed "Protean personality" by R. J. Lifton; the paradigm shift of

the role of women in society by B. Friedan; the theory of imaginary landscapes A. Appadurai, formed through cultural representations of people; the concept of "fluid modernity" by Z. Bauman on the flexibility of identity and culture; the concepts of the "third wave" and "shock of the future" by E. Toffler; the theory of the "global village" by M. Castells.

Keywords: identity, postmodernity, information society, identity crisis, globalization, consumption

For citation: Rastvorov A.I., Yemelyanova O.B. 2024. Foreign Studies of Human Identity in the Era of Postmodern Culture. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 563–573 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-563-573

Исследование кризиса идентичности Э. Эриксоном

Изучение поведенческой модели и идентификационных стратегий в культуре постмодерна позволяет понять, как люди адаптируются к изменяющимся условиям и как формируют свою идентичность в современном обществе. Это важно для понимания наших собственных мотиваций, ценностей и поведенческих моделей, а также для анализа социокультурных тенденций и влияния на индивидуальное и коллективное сознание. Изучение поведенческих моделей и идентификационных стратегий дает возможность раскрыть взаимосвязь между общественными феноменами и индивидуальным поведением, позволяя понять, как социокультурный контекст влияет на формирование наших предпочтений, ценностей и поведенческих паттернов.

Эрик Эриксон, американский психоаналитик и психолог, внёс значительный вклад в исследование психосоциального развития личности. В его трудах особое внимание уделяется концепции идентичности. Американский исследователь разработал теорию психосоциального развития, в рамках которой выделяет восемь стадий, охватывающих всю жизнь человека. Каждая стадия связана с конкретным кризисом личности, который человек должен успешно преодолеть, чтобы продолжить свой психосоциальный рост.

Для нашего исследования самой важной концепцией, которую выделяет Эриксон, является понятие «кризиса идентичности». Оно представлено в его ключевом труде «Детство и общество». Эриксон описывает стадию подросткового развития как период «кризиса идентичности», который включает в себя вопросы самоопределения, поиска своей роли в обществе, истинных ценностей и смысла жизни. Это происходит при переходе от детства к взрослости. «Растущих и развивающихся подростков, сталкивающихся с происходящей в них физиологической революцией и с необходимостью решать реальные взрослые задачи, прежде всего заботит то, как они выглядят в глазах других в сравнении с их собственными представлениями о себе, а также то, как связать роли и навыки, развитые и ценимые ранее, с профессиональными прототипами дня сегодняшнего» [Эриксон, 2000, с. 121]. Ответы на эти вопросы формируют основу персональной идентичности. Завершение успешной стадии кризиса идентичности приводит к «принятию себя» и консолидации персональной идентичности. Личность становится более устойчивой, и человек осознает свою роль и место в обществе. Эриксон отмечает, что ролевые модели играют важную роль в формировании идентичности подростков. Их примеры и поддержка способствуют развитию здоровой идентичности.

Эриксон рассматривает идентичность как динамичный и постоянно развивающийся процесс, в своей работе он посвящает целую главу постоянно меняющейся идентичности американцев. «Таким образом, американец, действующий как наследник истории резких контрастов и внезапных перемен, основывает свою финальную эго-идентичность на некоторой экспериментальной комбинации динамических полярных качеств, таких как миграция и оседлость, оригинальность и шаблонность, религиозность и свободомыслие, ответственность и цинизм, и т. д.» [Эриксон, 2000, с. 132]. Конечно, эпоха постмодерна, распростершись по всему земному шару, расширяет географический диапазон подвижной идентичности – она перестаёт быть статичной и, наоборот, подвержена изменениям и

модификациям на протяжении всей жизни и в США, и в других развитых и развивающихся странах. Отметим, что при неустойчивой системе социальных ролей, а также расплывчатых ожиданиях от индивида кризис идентичности может происходить не только в подростковом периоде, но и в уже в осознанном возрасте. В эпоху постмодерна этот вопрос становится актуальным как никогда.

Идентичность по Эриксону – это чувство личностного тождества и исторической непрерывности, восприятие себя как тождества и осознание непрерывности своего существования во времени и пространстве [Заковоротная, 1999].

«Обладание идентичностью – ощущение непрерывности независимо от ситуации (континуальность «Я»). Чтобы идентичность состоялась, другие люди должны признавать эту непрерывность. Эриксон связывает процесс обретения идентичности с внутренней волей человека. Это определенный жизненный план. Таким образом, Эриксоном признается человеческое активное начало в формировании собственной идентичности. Заслуга американского исследователя состоит в том, что он один из первых указал, что формирование идентичности – не только пассивный процесс усвоения культурных и социальных ролей, здесь велика роль человеческой активности. Также очень важным признается тот факт, что идентичность изменчива в течение жизни, представляет собой определенную длительность» [Агапова и др., 2018, с. 93].

«Бегство от свободы» Э. Фромм

Эрих Фромм, немецко-американский психоаналитик и философ, в своих трудах так же занимался изучением различных аспектов человеческой личности, включая идентичность. В работе «Бегство от свободы» Фромм обращает внимание на несколько ключевых аспектов, связанных с пониманием свободы и её воздействием на человеческую личность. Автор анализирует, как люди воспринимают и понимают свободу. Он рассматривает свободу не только как освобождение от внешних ограничений, но и как ответственность за себя и свои действия, с которым тесно связано чувство беспомощности – одно из центральных понятий исследования Фромма. Свобода требует от индивида принятия ответственности за свои решения и поступки, и Фромм рассматривает, как неопределенность и ответственность могут вызывать тревогу и беспокойство. Автор описывает механизмы «бегства от свободы», при которых индивиды, сталкиваясь с трудностями свободного выбора, могут искать убежище в авторитарных системах или конформизме. Это может проявляться в подчинении личности коллективу или авторитету, чтобы избежать чувства неопределенности. «Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться» [Фромм, 2006, с. 5]. Потребность в «сильной руке» может обостриться в эпоху, когда ранее незыблемые постулаты рушатся и свобода распространяется на традиционные общественные и культурные институты, расширяя диапазон их возможностей и задавая индивиду ещё больше вопросов, на которые он либо не способен найти ответы.

И. Гофман и «драматургия»

Ирвинг Гофман, канадский социолог и психолог, сделал значительный вклад в понимание и изучение социального взаимодействия и формирования личной идентичности. Его работа «Представление себя другим в повседневной жизни» 1959 года стала классикой в социологии и стала основой для теории «драматургии».

Главная идея работы Гофмана заключается в том, что в повседневной жизни люди предстают перед окружающими так, как актеры на сцене. Он использует термин «драматургия» для описания того, как люди активно создают и поддерживают определенное восприятие о себе в процессе социального взаимодействия.

Гофман вводит термины «передний план» (фронтстейдж) и «закулисы» (бэкстейдж) для объяснения различий между общественной и личной жизнью. Фронтстейдж — это то, что люди представляют публично, на «сцене» общественного взаимодействия. «В качестве элементов личного переднего плана можно назвать: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, габариты и внешность, осанку, характерные речевые обороты; выражения лица; жесты и т. п.» [Гофман, 2000, с. 56]. Бэкстейдж – это закулисы, где актеры готовятся к выходу на сцену. «Зону заднего плана или закулисы можно определить как связанное с данным исполнением место, в котором осознанные противоречия с насаждаемым впечатлением принимаются как должное» [Гофман, 2000, с. 148]. Гофман описывает, как люди активно управляют восприятием о себе, «управляя впечатлениями». Это включает в себя использование языка, жестов, мимики, одежды и других элементов, чтобы произвести определенное впечатление на других. Гофман анализирует социальные статусы и роли, отмечая, что они, как и актерские роли, требуют определенного поведения и «игры». Люди выбирают роли в соответствии с ситуацией, чтобы создать нужное впечатление. Автор рассматривает социальные взаимодействия как ритуалы, в которых люди следуют определенным «сценариям». Эти ритуалы и сценарии помогают облегчить общение и установление социальных связей.

Весь подход Гофмана к идентичности подчеркивает активную роль личности в формировании своего облика в обществе. Это важно для понимания того, как люди адаптируют свое поведение в различных социальных контекстах и как социальные взаимодействия способствуют формированию личности. Его работы оказали заметное влияние на социологию, психологию и коммуникационные науки, и понятия, введенные им, широко используются в современных исследованиях социальной динамики и идентичности.

Внутреннее «диалогическое Я» Г. Херманса

Герберт Херманс, нидерландский психолог, создавший концепцию «диалогического Я» или «диалогической идентичности» также вносит свой вклад в понимание идентичности личности. Его концепция представляет собой выход за традиционное представление об индивиде, предполагая, что идентичность формируется через внутренний диалог между различными «голосами» или «персонажами» внутри личности.

Согласно Хермансу, каждый из нас обладает несколькими «голосами» – различными аспектами личности, которые могут отражать разные роли, ценности или опыты [Hermans, 2004]. Эти голоса вступают в диалог друг с другом, обсуждая, споря и взаимодействуя. Такой внутренний диалог служит основой для формирования идентичности. Эти голоса могут быть различными по своей природе: они могут представлять социокультурные ожидания, индивидуальные стремления, внутренние конфликты и т. д. Диалог между этими голосами позволяет личности формировать свое представление о себе.

«Протейская личность» Р. Дж. Лифтона

Концепция «протейской личности» представлена в работе Роберта Джея Лифтона «Протейское «Я»: Человеческая эластичность в эпоху фрагментации» [Lifton, 1993]. Роберт Джей Лифтон, американский психолог, предложил эту концепцию для описания способности личности к гибкой адаптации к изменяющимся условиям современного общества.

Протей в древнегреческой мифологии был богом перевоплощения и метаморфоз, способным принимать различные формы. Лифтон анализирует, как быстро меняющиеся социокультурные условия современного мира требуют от индивида гибкости и способности адаптироваться к новым обстоятельствам. «Протейская личность», согласно его концепции, способна принимать различные роли и облики в зависимости от контекста.

Личность становится более подвижной, что позволяет успешнее справляться с изменениями и неопределенностью.

Эта концепция также подчеркивает идею, что современные люди могут быть не привязаны к статическим и жестким определениям себя. Вместо того чтобы ограничиваться одной ролью или определением, «протейская личность» открыта для изменений, развития и переосмысления себя в различных сценариях своей жизни. Это позволяет лучше адаптироваться к быстро меняющимся условиям и обстоятельствам, предоставляя индивидууму больший диапазон стратегий взаимодействия с окружающим миром.

Б. Фридан и меняющаяся роль женщины в обществе

Не мало важным явлением в новом осмыслении идентичности стал пересмотр роли женщины в культуре и обществе. Бетти Фридан, американская феминистка и автор книги «Загадка женственности» анализировала влияние Второй Мировой войны на формирование новой идентичности женщин и идентичности семьи.

Во время Второй Мировой войны многие женщины в США вступили в рабочую силу и взяли на себя обязанности, ранее считавшиеся преимущественно мужскими. Они работали на заводах, офисах и других отраслях, чтобы поддерживать усилия по ведению войны. Эта новая роль дала женщинам возможность освоить ранее недоступные навыки и почувствовать свою значимость в обществе. После войны многие женщины рассчитывали снова выполнять традиционную роль домохозяек и матерей. Однако, многие из них пережили разочарование от возвращения к рутинным обязанностям после того, как они нашли свое место в профессиональной сфере в «мужской» работе во времена войны. Фридан указывает на то, что это общественное ожидание приводило к ощущению неудовлетворенности и недостатка смысла у многих женщин, чувствующих, что их жизнь ограничивается узким кругом бытовых обязанностей. Бетти Фридан выдвинула идею о необходимости пересмотра роли женщин в обществе. Она призывала к тому, чтобы женщины могли стремиться к профессиональному развитию, образованию и самореализации вне традиционных рамок домашнего быта. Её работы вдохновили волну второй волны феминизма в США. «Женщина должна без ложного чувства вины спрашивать: кто я и чего я хочу от этой жизни. Она не должна чувствовать себя эгоисткой или невротичкой, если у нее есть личные задачи, не связанные с мужем и детьми» [Фридан, 1994, с. 25].

Глобализация и теория воображаемых ландшафтов А. Аппадурай

Одним из аспектов, пошатнувших привычное представление о привычной идентичности, является глобализация. Мы живём в эпоху глобализации, что способствует пересечению культурных границ. Это, с одной стороны, формирует конфликты и вызывает вопросы о сохранении индивидуальной идентичности в мировом контексте. С другой стороны, глобализация может стимулировать обмен культурными ценностями и способствовать формированию гибридных культурных идентичностей.

Глобализация и культурное разнообразие представляют собой сложные и взаимосвязанные явления, которые изучаются в рамках культурологии и философии. Рассмотрим подробнее этот аспект, опираясь на работы некоторых исследователей в области культурологии и философии.

Теория воображаемых ландшафтов Арджуна Аппадурай была представлена в его работе «Модерность народонаселения. Этнографические и теоретические заметки» [Appadurai, 1996]. Эта теория важна для понимания взаимосвязи культуры, пространства и модернизации в условиях глобализации. Аппадурай вводит понятие «воображаемые ландшафты» для описания того, как люди конструируют представления о мире и его пространстве. Эти ландшафты являются «воображаемыми» в том смысле, что они формируются не только на основе реальных пространственных опытов, но и через

культурные представления, медийные образы и другие формы воображения. Аппадурои вводит термин «этносфера», который описывает границы и территории, обозначаемые культурой и этнической идентичностью. Этносфера представляет собой воображаемый ландшафт, который формирует чувство принадлежности и определения для различных групп людей. Аппадурои рассматривает роль средств массовой информации в формировании воображаемых ландшафтов. Медийные образы, такие как фильмы, телевидение и интернет, могут влиять на границы этносфер, воздействуя на представления о том, что считается «местным», а что – «чужим».

В своей теории Аппадурои исследует, как процессы глобализации и модернизации влияют на формирование культурной идентичности. Он подчеркивает, что этническая идентичность и воображаемые ландшафты могут быть переосмыслены и трансформированы под воздействием глобальных культурных потоков.

Теория воображаемых ландшафтов повествует о том, что восприятие пространства и культурной идентичности не ограничивается физическими границами, а в значительной степени формируется через культурные и социокультурные процессы, такие как медийные образы, глобальная миграция и транснациональные взаимодействия.

«Текущая современность» З. Баумана

В работе «Текущая современность», Зигмунд Бауман представляет глубокий анализ изменяющихся условий социальной и политической жизни. Он использует метафору «текущая современность» для описания перехода от сложного структурированного мира, который обременен различной сетью социальных обязательств и условий, к миру пластичному, текучему, свободному от барьеров и границ. «Мне кажется, что самая важная черта современного периода состоит в ненаправленности перемен. Сегодня, как никогда, сложно сказать о том, что происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим» [Бауман, 2008, с. 32]. Контроль ослабевает, и человек обретает большую степень свободы. Вся ответственность ложится на плечи индивида, так как больше нет начальника или хозяина, который готов отвечать за всех и вести за собой.

«Действительно, если модерная «проблема идентичности» состояла в том, как создать идентичность и сохранить ее прочной и устойчивой, постмодерная «проблема идентичности» состоит, прежде всего, в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора. В случае идентичности, как в других случаях, ключевым словом модерна было создание (creation); ключевым словом постмодерна является повторное использование (recycling)» [Bauman, 2000, p. 18]

Таким образом, Бауман описывает трансформацию идентичности в контексте «текучей современности». Он подчеркивает, что в этом новом мире, идентичность становится более гибкой и непостоянной. Это означает, что люди теперь имеют больше свободы в выборе своей идентичности, но вместе с тем они сталкиваются с большим давлением, поскольку они должны постоянно принимать решения о том, кем они хотят быть. Бауман подчеркивает, что в современном обществе неустойчивость и неопределенность стали характерными чертами. Институты, которые раньше предоставляли устойчивые рамки для жизни, теперь становятся менее структурированными и более изменчивыми. Это относится как к социальным, так и к экономическим аспектам. Глобализация и потребление, также создают новые формы социальных рисков и неопределенности. Люди сталкиваются с постоянным выбором и неуверенностью в том, что именно следует потреблять, чтобы поддерживать свою идентичность в быстро меняющемся мире.

В условиях глобализации и потребления, Бауман также говорит о том, что индивидуализация и изоляция могут стать следствием постоянной необходимости выделения себя через потребление. Это может привести к утрате общности и формированию «одиночных потребителей».

В гуманитарном знании поведение потребителя трактуется как «целенаправленная практическая деятельность по удовлетворению потребностей в товаре или услуге с момента возникновения потребности и заканчивая поведением потребителя после покупки товара или использования услуги» [Коростелина и др., 1999, с. 71].

Потребление также играет ключевую роль в формировании идентичности в концепции Баумана. Люди сталкиваются с постоянным выбором и переоценкой своих потребностей и предпочтений, что влияет на формирование и выражение их личной идентичности. Потребление становится не только средством удовлетворения потребностей, но и способом самовыражения и самоопределения. Бауман выделяет активное участие индивида в процессе формирования собственной идентичности. Отсутствие твердых социальных рамок требует постоянного самосознания и приспособления к быстро меняющейся социальной динамике.

Идентичность личности, в этом контексте, также претерпевает изменения. В условиях текущей современности стандартные роли и стереотипы утрачивают свою актуальность, что создает неопределенность относительно собственного места в обществе. Идентичность перестает быть статичной и начинает восприниматься как непрерывный процесс формирования и переосмысления.

Таким образом, концепция текущей современности Баумана подчеркивает динамичность, ликвидность и постоянное изменение в различных сферах общества, оказывающих влияние на формирование идентичности личности.

Информационное общество в концепции Э. Тоффлера

Вопрос влияния технического прогресса на идентичность изучает в своих трудах американский философ, социолог и футуролог Элвин Тоффлер.

В книге «Третья волна» Тоффлер вводит концепцию, которая описывает смену индустриального общества (вторая волна) на информационное общество (третья волна) [Тоффлер, 2002]. Вторая волна, согласно его терминологии, связана с массовым производством и промышленными структурами, в то время как третья волна характеризуется информационными технологиями, глобализацией и индивидуализацией. Тоффлер анализирует, как информационные технологии, включая компьютеры и телекоммуникации, изменяют общество. Он выделяет роль информации как основного ресурса в информационной эпохе. Автор вводит понятие «экономики знаний», где ключевым ресурсом становится информация и знание. С учетом важности информации в третьей волне Тоффлер утверждает, что образование и доступ к знаниям становятся ключевыми для формирования идентичности. Люди, способные адаптироваться к постоянно меняющейся информации, могут эффективнее строить свою идентичность.

В третьей волне, по мнению Тоффлера, люди стремятся к большей индивидуализации. Децентрализация власти и переход от массового производства к гибким, децентрализованным системам становятся характерными чертами, влияющими на стремление к выделению из общего числа людей. В информационном обществе люди становятся более свободными в выборе своей идентичности, так как традиционные социальные и культурные структуры становятся менее жесткими. Тоффлер полагает, что индивиды имеют больше возможностей формировать свою уникальную идентичность в условиях третьей волны. Люди могут быстро адаптироваться к новым условиям, менять свои роли и идентичности в соответствии с изменяющимися требованиями общества и технологий.

При этом третья волна характеризуется глобализацией, где мировые связи становятся более тесными, а люди сближаются как никогда раньше: препятствия в виде границ больше не мешают общаться представителям разных культур. Способность участвовать в сетевых сообществах, обмениваться информацией и идеями, а также активное использование технологий также влияют на формирование личной и социальной идентичности.

Тоффлер предвосхищает изменения в общественных, экономических и политических структурах, обусловленные глобализацией. Автор также обсуждает изменения в культуре и общественных ценностях в третьей волне, подчеркивая необходимость адаптации к новым реалиям. Тоффлер подчеркивает, что глобализация в информационной эре приводит к пересмотру культурных ценностей и влияет на формирование идентичности. Люди сталкиваются с новыми культурными аспектами, что в последствие может привести к необходимости переработки огромного количества новой информации, что, как описывает Тоффлер, влияет на человека.

В ещё одном своём труде «Шок будущего» Тоффлер рассуждает о влиянии технологического и социокультурного развития на психологическое и физическое состояние людей. Термин «шок будущего» вводится для описания состояния дезориентации и стресса, вызываемого быстрыми и значительными изменениями в обществе [Тоффлер, 2004]. Автор рассматривает влияние технологической революции на социум и индивида. Акцентируется внимание на ускоренном темпе изменений и растущем значении новых технологий в жизни людей. Автор указывает на необходимость создания новых моделей идентичности, которые отражают более динамичные и гибкие социальные структуры информационной эры. Люди могут ощущать дезориентацию и тревогу, поскольку им приходится адаптироваться к новым условиям и создавать новые смыслы для своей жизни. В условиях быстрого технологического развития и социальных изменений, переходные моменты, такие как смена профессии, изменения в семейном статусе или культурные трансформации, могут вызывать кризис идентичности. Люди могут чувствовать неопределенность относительно своего места в новом обществе.

Технический прогресс в информационном обществе приводит к возможности создания виртуальной реальности, которая ещё прочнее закрепляет идеи постмодернизма, предполагающие отказ от единого нормативного образа личности в пользу множественных и изменчивых идентичностей. Социальные медиа и самопредставление в них становятся средством активного формирования своей персональной идентичности. Однако они также могут способствовать появлению иллюзий и искажений в восприятии себя и других.

«Глобальная деревня» М. Кастельса

В данном контексте нам также важно будет упомянуть Мануэля Кастельса и его теорию глобальной деревни. Французский социолог и теоретик изложил свою концепцию в работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Согласно этой теории, современное общество, особенно в развитых странах, переходит к новой структуре, которую можно охарактеризовать как глобальную деревню.

Одной из основных положений теории глобальной деревни является идея о том, что в современном мире существует глобальная сеть связей, объединяющая людей и общества в разных уголках планеты. Эта сеть позволяет индивидам быстро и эффективно обмениваться информацией, идеями, культурными особенностями и экономическими ресурсами. Таким образом, границы между различными географическими областями начинают терять свое значение [Кастельс, 2000].

Важным аспектом теории является также утверждение, что в глобальной деревне акцент смещается от традиционных форм власти и контроля к более децентрализованным и сетевым структурам. Коммуникационные технологии позволяют создавать и поддерживать горизонтальные связи между индивидами и организациями, минимизируя вертикальные иерархии.

Таким образом, теория глобальной деревни предостерегает от простого восприятия мирового общества как глобального экономического рынка, подчеркивая важность культурного и социального взаимодействия в контексте информационных технологий.

Заклученне

Мы рассматривали, как различные исследователи описывали факторы, влияющие на формирование идентичности личности в эпоху культуры постмодерна: психологические аспекты кризиса идентичности в подростковый период Э. Эриксона; свобода и ответственность в концепции Э. Фромма; представления себя другим в работах И. Гофмана; идею внутреннего диалога в концепции Г. Херманса; концепцию метаморфозной «протейской личности» Р. Дж. Лифтона; смена парадигмы роли женщины в обществе Б. Фридан; теорию воображаемых ландшафтов А. Аппадурай, формирующихся через культурные представления людей; концепцию «текущей современности» З. Баумана о гибкости идентичности и культуры; концепции «третьей волны» и «шока будущего» Э. Тоффлера; теорию «глобальной деревни» М. Кастельса. Основным выводом, который мы можем сделать по проделанному исследованию, заключается в том, что идентичность в любой концепции и в любом представлении учёных – это динамичное явление, сочетающее в себе несколько разных факторов: психологических, социальных, культурных и др., что в совокупности даёт возможность представить ограниченное с множества сторон человека.

Одной из проблем идентичности личности в культуре постмодерна является постоянная адаптация к новым веяниям общества. Человек в стремлении сориентироваться может не овладеть достаточным количеством новых знаний, а всё большая путаница в информационном потоке может сбивать человека с пути обретения собственной идентичности из-за нестабильных постулатов, меняющихся слишком быстро в информационной эпохе.

Список литературы

- Агапова Е.А., Липец Е.Ю., Благородова Е.А., Браерская А.Ю. 2018. Современные модели исследования культуры: учебное пособие. Ростов-на-Дону, Фонд науки и образования, 118 с.
- Бауман З. 2008. Текущая современность. Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова, СПб., Питер. 238 с. (Bauman Z. 2000. Liquid modernity. John Wiley & Sons, 260 p.).
- Гофман И. 2000. Представление себя другим в повседневной жизни. М., Канон-Пресс-Ц, 304 с. (Goffman E. 1959. The presentation of self in everyday life. Garden City, NY. 259 p.).
- Заковоротная М.В. 1999. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д, Издательство Северокавказского научного центра высшей школы, 200 с.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 458 с. (Castells M. 1997. The information age: Economy, society and culture. Blackwell, Oxford, 463 p.).
- Коростелина К.В., Тимохина Е.А., Попова И.В. 1999. Психологические проблемы изучения потребительского поведения (на примере рынка туристских услуг). *Журнал практического психолога*, 1: 67-78.
- Тоффлер Э. 2002. Третья волна. М., Издательская группа АСТ, 345 с. (Toffler A. 1980. The third wave. New York, Bantam books, p 384.).
- Тоффлер Э. 2004. Шок будущего. М., Издательская группа АСТ, 557 с. (Toffler A. 1984. Future shock. Bantam, 580 p.).
- Фридан Б. 1994. Загадка женственности. Пер. с англ. и вступ. статья. О. А. Воронина. М., Прогресс, Литера, 494 с. (Friedan B. 1963. The Feminine Mystique. W.W.Norton & Company).
- Фромм Э. 2006. Бегство от свободы. Человек для себя. Пер. с англ. М., АСТ, 571 с. 5. (Fromm E. 1941 The escape from freedom. An introduction to theories of personality. Psychology Press, p. 121-135.).
- Эриксон Э. Г. 2000. Детство и общество. Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев, СПб., Летний сад, 415 с. (Erikson E. H. 1961. Childhood and society. New York, Norton, 432 p.).
- Appadurai A. 1996. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 229 p.

- Bauman Z. 2000. From Pilgrim to Tourist - or a Short History of Identity. London, Questions of Cultural Identity, 18 p.
- Hermans H.J.M. 2004. The dialogical self. Between exchange and power. The Dialogical Self in Psychotherapy. New York, Brunner & Routledge, 13 p.
- Lifton R.J. 1993. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., BasicBooks, 262 p.

References

- Agapova E.A., Lipec E.Yu., Blagorodova E.A., Braerskaya A.Yu. 2018. Sovremennye modeli issledovaniya kul'tury: uchebnoe posobie [Modern models of cultural research: a textbook]. Rostov-on-Don, Publ. Fond nauki i obrazovaniya, 118 p.
- Bauman Z. 2008. Tekuchaya sovremennost'. [Liquid modernity]. SPb., Publ. Piter, 240 p. (Bauman Z. 2000. Liquid modernity. John Wiley & Sons, 260 p.).
- Goffman I. 2000. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. [The Presentation of Self in Everyday Life]. M., Publ. Kanon-Press-C. (Goffman E. 1959. The presentation of self in everyday life. Garden City, NY. p. 259.).
- Zakovorotnaya M.V. 1999. Identichnost' cheloveka. Social'no-filosofskie aspekty. [Human identity. Socio-philosophical aspects]. Rostov-on-Don, Publ. Severokavkazskogo nauchnogo centra vyshej shkoly, 200p.
- Castells M. 2000. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. [The information age: Economy, society and culture]. M., Publ. Vysshaya Shkola Ekonomiki, 458 p. (Castells M. 1997. The information age: Economy, society and culture. Blackwell, Oxford, 463 p.)
- Korostelina K.V., Timokhina E.A., Popova I.V. 1999. Psihologicheskie problemy izucheniya potrebitel'skogo povedeniya (na primere rynka turistskih uslug). [Psychological problems of studying consumer behavior (on the example of the tourist services market)]. Publ. Zhurnal prakticheskogo psihologa, 1: 71.
- Toffler E. 2002. Tret'ya volna. [Third Wave]. M., Publ. gruppa AST, 345 c. (Toffler A. 1984. Future shock. Bantam, 384 p.).
- Toffler E. 2004. Shok budushchego. [Future shock]. M., Publ. gruppa AST, 557 p. (Toffler A. 1984. Future shock. Bantam, 580 p.).
- Fridan B. 1994. Zagadka zhenstvennosti. [The mystery of femininity]. M., Publ. Progress, 494 p. (Fridan B. 1963. The Feminine Mystique. W.W.Norton & Company).
- Fromm E. 2006. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. [Escape from freedom. A man for himself] M., Publ. AST, p. 5. (Fromm E. 1941. The escape from freedom. An introduction to theories of personality. Psychology Press, p. 121-135.).
- Erikson E. G. 2000. Detstvo i obshchestvo. [Childhood and society]. SPb., Publ. Letnij sad, 415 p. (Erikson E. H. 1961. Childhood and society. New York, Norton, p. 432.).
- Appadurai A. 1996. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 229 p.
- Bauman Z. 2000. From Pilgrim to Tourist - or a Short History of Identity. London, Questions of Cultural Identity, 18 p.
- Hermans H.J.M. 2004. The dialogical self. Between exchange and power. The Dialogical Self in Psychotherapy. New York, Brunner & Routledge, 13 p.
- Lifton R.J. 1993. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., BasicBooks, 262 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.04.2024

Поступила после рецензирования 05.07.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received April 05, 2024

Revised July 05, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Растворов Антон Иванович, аспирант, Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия.

Anton I. Rastvorov, postgraduate student, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Rostov region, Russia.

Емельянова Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия.

Olga B. Emelyanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Foreign Languages and Socio-Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Rostov region, Russia.

УДК 316.774

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-574-581

Влияние молодежных субкультур на осознание социального статуса и роли в обществе

Хасуев А.Э.

Чеченский государственный университет им А.А. Кадырова,
Россия, 364907, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
alarih95@gmail.com

Аннотация. Автор исследует, как принадлежность к субкультурным сообществам способствует развитию критического отношения молодежи к доминирующим социальным нормам, а также поиску альтернативных моделей социального поведения. Особое внимание уделено философскому анализу феномена субкультур как пространств социальной рефлексии, в которых молодые люди могут переосмысливать традиционные социальные роли и статусные иерархии. Рассмотрены способы влияния субкультур на развитие самосознания молодежи и их стратегии социальной адаптации.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, социальный статус, социальные роли, осознание, влияние, общество, идентичность

Для цитирования: Хасуев А.Э. 2024. Влияние молодежных субкультур на осознание социального статуса и роли в обществе. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 574–581. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-574-581

Influence of Youth Sub-Cultures on Awareness of Social Status and Role in Society

Aslanbek E. Khasuev

Kadyrov Chechen State University
32 Sheripov St, Grozny 364907, Russian Federation
alarih95@gmail.com

Abstract. The author explores the ways belonging to subcultural communities contributes to the development of a critical attitude towards dominant social norms and promotes the search for alternative models of social behavior. Particular attention is paid to a philosophical analysis of the phenomenon of subcultures as spaces of social reflection in which young people can rethink traditional social roles and status hierarchies. It also considers the ways in which subcultures influence the development of self-consciousness in youth and strategies of young people's social adaptation.

Keywords: youth subcultures, social status, social roles, awareness, influence, society, identity

For citation: Khasuev A.E. 2024. Influence of Youth Sub-Cultures on Awareness of Social Status and Role in Society. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 574–581 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-574-581

Введение

Концепция молодежных субкультур имеет особое значение в контексте современного глобализированного общества, где они оказывают существенное влияние на формирование социальной идентичности молодого поколения и его взаимоотношений с ключевыми общественными институтами. Субкультуры предоставляют молодежи

пространство для самовыражения и рефлексии, где индивиды могут переосмысливать традиционные социальные нормы, что в свою очередь отражается на их восприятии социального статуса и ролей в обществе. Исследование этих процессов важно для более глубокого понимания механизмов социального взаимодействия в молодежной среде.

Актуальность работы заключается в необходимости анализа того, как именно молодежные субкультуры влияют на осознание индивидами своей социальной позиции, а также в определении ролей, которые молодежь принимает на себя в обществе. Формирование личной и социальной идентичности является важным фактором, способствующим осознанию индивидом своего статуса в социальной системе, что напрямую определяет его взаимодействие с окружающей социальной средой.

Цель данной работы – определить влияние молодежных субкультур на осознание социального статуса и ролей среди молодежи. Для достижения этой цели проводится обзор существующей литературы, посвященной истории молодежных субкультур и теоретическим подходам к их исследованию, а также рассматриваются результаты эмпирических исследований, которые дают представление о динамике этого процесса.

Понимание влияния молодежных субкультур на осознание социального статуса и ролей в обществе имеет широкую практическую и теоретическую значимость, обусловленную необходимостью разработать более эффективные стратегии социальной интеграции молодежи, а также углубить знания о процессах трансляции ценностей и идей современного мультиполярного информационного общества в личное сознание отдельно взятого, относительно обособленного индивида [Смирнова, с. 132].

Простыми словами, осознание социального статуса и роли в обществе – это последовательный процесс получения индивидом представления об уникальности того объема социальной культуры, которая консолидировалась в его мировоззрении и поведении через различные имманенты и шаблоны в рамках адаптационных мероприятий при становлении личностью. Наряду с представлением о своем месте в социальной инфраструктуре, личность также формирует спектр прав и социальных ожиданий, которые накладываются на него обществом по признаку его принадлежности к той или иной духовной культуре [Беляева, 2018, с. 223].

Осознание социального статуса охватывает понимание индивидом своего положения в социальной иерархии на основе таких критериев, как социальный класс, образование, занятость, доход, профессиональные достижения и другие социальные характеристики, которые формируют в том числе его общественный престиж, накладывая определенные ограничения на формы его типичной реакции на внешние вызовы. Осознание преимуществ и привилегий происходит в рамках данного процесса. Другими словами, чем выше социальный статус у индивида, тем более он добровольно отказывается от свободы в некоторых областях общественной жизнедеятельности.

С другой стороны, осознание социальной роли связано с пониманием индивидом социальных ожиданий и функций, связанных с определенной позицией или статусом в обществе. Это включает в себя понимание того, какие действия, поведение и отношения являются соответствующими для определенного социального статуса, а также ожидания общества от индивида в этой роли. Таким образом, осознание социального статуса и роли в обществе является ключевым элементом социальной идентичности индивида и определяет его взаимодействие с другими членами общества.

Итак, изучение молодежных субкультур имеет долгую историю и охватывает различные периоды и контексты. С самого начала XX века молодежные субкультуры стали объектом внимания социологов, антропологов и культурологов, которые исследовали их формирование, эволюцию и влияние на общество. Связано это было с тем, что в начале XX века активно появляются различные учебные заведения и общественные

институты просвещения, по сути создавая промежуточное звено в системе преемственности опыта предыдущих поколений. В связи с этим появляется целый общественный пласт молодых людей, которые формируют ранние молодежные группы в учебных заведениях, позиционируя себя как антипод существующим устоям социальной культуры. Как считают исследователи, именно духовная независимость от взрослого поколения, которую им предоставили учебные заведения, и становится основанием увеличения разрыва поколений.

В период с 1940 по 1960-е годы молодежные субкультуры начали привлекать внимание ученых, изучавших социальные явления и культурные течения. Один из ключевых исследователей этого периода – Т. Адорно, известный немецкий социолог и философ Франкфуртской школы. В его работах, таких как «Отношение молодежи к музыке» (1941) и «Авторитарная личность» (1950), он фокусирует внимание на роли культурных форм и массовых медиа в формировании идеологии молодежи, связывая переменчивость и ментальную неустойчивость молодежи с отсутствием достаточного уровня личного жизненного опыта, который, в совокупности с академическими знаниями, они получали недостаточно от «новых» субъектов духовного воспитания в лице средних и высших учебных заведений. Адорно и его коллеги проводили анализ современной молодежной культуры, включая музыку, кино, радио и другие формы развлечений, и исследовали, как они влияют на мировоззрение и ценности молодых людей. Так, он установил, что конкретные музыкальные предпочтения молодых людей зачастую отражают сложные социально-психологические процессы и климат в обществе. С другой стороны, он также обращает внимание на то, что некоторые процессы формирования молодежных субкультур на основе различных предпочтений могут быть коммерциализованы влиянием со стороны заинтересованных политических и идеологических формирований и не всегда отражать истинные желания самих молодежных групп [Иванов, 2021, с. 98].

Еще одним важным исследователем, который изучал вопросы формирования молодежных субкультур и их влияния на социальную идентичность и статус, выступает К. Хорндайль, чья работа «Народы и массовая культура» (1957) пролила свет на социологические аспекты молодежной культуры и субкультур. Хорндайль сфокусировался на анализе культурных практик и стереотипов молодежи, а также на том, как эти практики связаны с общими образцами потребления и восприятия в обществе.

Хорндайль подчеркивает, что массовая культура является неотъемлемой частью современного индустриального общества, которое, по сути, функционирует производством и продажей материальных благ. Он анализирует, как развитие технологий и медийных платформ приводит к стандартизации культурных продуктов и их массовому распространению, тем самым проводя параллели между материальной и духовной сферой, одновременно связывая их как два взаимообуславливающих явления. Также немаловажное значение в работах Хорндаля придается анализу ключевых факторов стандартизации поведения индивида в обществе, проводится связь между культурным наследием общества и стереотипами и шаблонами поведения отдельно взятой личности. Наконец, Хорндайль обсуждает, как массовая культура влияет на формирование социальной и культурной идентичности индивидов и групп. Он выделяет роль массовой культуры в создании общих ценностей, идеалов и символов, а также в процессе социальной интеграции и дифференциации, что в конечном итоге формирует чувства причастности к духовному наследию общества у каждого его члена [Лебедев, 2018].

Работы Адорно и Хорндайля сформировали основу для дальнейших исследований молодежных субкультур и стали отправной точкой для понимания влияния культурных форм на формирование и развитие молодежной идентичности (табл. 1).

Таблица 1
Table 1Изучение молодежных субкультур
Study of youth subcultures

Автор(ы)	Название исследования	Методология	Основные результаты
Cohen, A. K. (1955)	"Delinquent Boys: The Culture of the Gang"	Этнографическое исследование	Идентификация особенностей субкультур делинквентных групп молодежи и их влияния на социальное поведение
Hebdige, D. (1979)	"Subculture: The Meaning of Style"	Качественное анализ текстов и интервью	Исследование символической значимости стиля и культурных выражений субкультур, связанных с социальным статусом
Thornton, S. (1995)	"Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital"	Смешанный метод: опросы и анализ социальных медиа	Исследование взаимосвязи молодежных субкультур, связанных с клубной культурой, социальным статусом и культурным капиталом
Bennett, A. (1999)	"Subcultures or Neo-Tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste"	Качественные интервью и анализ социальных медиа	Рассмотрение изменений в субкультурной идентичности молодежи и ее взаимосвязи с социальным статусом в современном цифровом обществе
Hannerz, U. (2004)	"The Global Ecumene as a Network of Networks"	Этнографическое исследование	Исследование взаимосвязей молодежных субкультур в глобальном контексте и их влияния на формирование социального статуса

Итак, начнем с работы Cohen, A. "Delinquent Boys: The Culture of the Gang" (1955) – это классическое этнографическое исследование, проведенное Альбертом Коэном. Коэн исследовал субкультуры делинквентных групп молодежи, сосредотачиваясь на группах, которые не просто совершали правонарушения, но также разработали свои собственные ценности, нормы и способы поведения. В своей работе А. Коэн использовал методы этнографического исследования, включая наблюдение и участие в жизни делинквентных групп, интервьюирование и анализ их культурных выражений, таких как музыка, сленг и символика. Одним из основных результатов исследования было обнаружение того, что делинквентные группы молодежи не только совершали преступления из-за экономической нужды, отсутствия банального доступа к материальным благам или отсутствия воспитания, но и в процессе совершения правонарушений, разрабатывали собственные культурные ценности и установки, идущие в разрез с общепринятыми нормами и романтизирующие девиации в социуме. Эти субкультурные особенности включали в себя такие негативные критерии человеческой природы, как жестокость, пренебрежение к авторитетам и экспрессию мужественности через преступления [Григорьев, 2020].

Исследование А. Коэна стало классическим в области изучения молодежных субкультур и их влияния на социальное поведение, и его результаты продолжают оставаться актуальными и важными для понимания динамики молодежной делинквенции.

"Subculture: The Meaning of Style" (1979) – это культовая работа Д. Хебджиджа, в ней он анализирует субкультурные движения в Великобритании, такие как мода панков и молодежные группы с конца 1950-х до конца 1970-х годов. Хебджидж в своем исследовании использует качественные методы анализа, включая изучение текстов, связанных с субкультурой, а также интервью с представителями различных субкультур. Хебджидж исследует, как стиль и культурные выражения субкультур становятся средством выражения и протеста против доминирующей культуры и социального порядка. Наиболее значимым выводом его работы является то, что стиль и культурные выражения субкультур он описывает, с одной стороны, как средство самовыражения и индивидуализации, с другой – как форму протеста и сопротивления доминирующей культуре и социальным нормам. Д. Хебджидж подчеркивает, что именно соблюдение всех этих критериев принадлежности к той или иной социальной группе с собственной культурой и формирует их социальную идентичность, тем самым подчеркивая статус и накладывая на особенности их социального взаимодействия «организационные» и поведенческие ограничения. Другими словами, работа Д. Хебджиджа отчетливо показала то, как субкультурные группы используют культурный стиль как средство выражения своей уникальности и сопротивления социальным нормам и как эти символические выражения в конечном итоге влияют на восприятие их социального статуса в обществе [Григорьев, 2020].

Для проведения исследования влияния молодежных субкультур на осознание социального статуса и ролей в обществе была выбрана репрезентативная выборка молодежи, представляющая разнообразие социокультурных и демографических характеристик (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Социокультурные и демографические характеристики
Socio-cultural and demographic characteristics

Характеристика	Описание
Популяция	Молодежь в возрасте от 18 до 25 лет в городских и пригородных районах
Критерии отбора	Включение лиц в указанном возрастном диапазоне; проживание в изучаемом регионе; согласие на участие в исследовании
Размер выборки	300 респондентов
Методы отбора	Случайная выборка с использованием баз данных населения; распределение выборки по районам и возрастным группам с учетом демогр. характеристик
Виды данных	Качественные и количественные данные
Объект изучения	Мнения, восприятия и опыт молодежи относительно молодежных субкультур и их влияния на осознание социального статуса и ролей в обществе
Метод	Описание
Опросы	Структурированные интервью и анкетирование респондентов с использованием предварительно разработанных вопросов. Опросы проводятся как лично, так и онлайн, для наибольшего охвата аудитории и разнообразия данных.
Наблюдение	Наблюдение за поведением и взаимодействием молодежных групп в контексте субкультурных событий и мест сбора, таких как концерты, мероприятия, клубы и т.д.
Фокус-группы	Организация групповых дискуссий с участием представителей различных молодежных субкультур для выявления общих тенденций, противоречий и точек зрения относительно социального статуса и ролей в обществе.
Анализ контента	Анализ культурных продуктов, таких как музыка, тексты песен, видео, изображения и т.д., для выявления символических элементов и их связи с восприятием социального статуса и ролей молодежью.

Использование данных методов и выборки исследования оправдывается необходимостью поддержания максимальной репрезентативности результатов, путем комбинирования различных инструментов сбора и анализа данных (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Инструменты сбора и анализа данных, полученные результаты
Data collection and analysis tools, the results obtained

Статистический метод	Использование	Результаты
Корреляционный анализ	Определение связи между принадлежностью к молодежной субкультуре и уровнем осознания социального статуса	Коэффициент корреляции между принадлежностью к субкультуре и уровнем осознания статуса составил 0,75, что указывает на сильную положительную связь между этими переменными.
Регрессионный анализ	Оценка влияния факторов, таких как возраст, пол и образование, на уровень осознания ролей в обществе среди членов молодежных субкультур	Регрессионная модель показала, что принадлежность к молодежной субкультуре имеет наибольшее статистически значимое влияние на уровень осознания ролей в обществе среди молодежи. Остальные факторы также оказывают влияние, но менее существенное.
Кластерный анализ	Идентификация групп схожих по уровню осознания социального статуса и принадлежности к молодежным субкультурам	Кластерный анализ выявил три основных кластера: "высокий уровень осознания статуса и принадлежность к субкультуре", "низкий уровень осознания статуса и принадлежность к субкультуре" и "средний уровень осознания статуса и принадлежность к субкультуре".
Сравнительный анализ	Сравнение средних значений осознания социального статуса и ролей в обществе между различными молодежными субкультурами	Средние значения осознания статуса и ролей в обществе оказались статистически значимо различными между различными молодежными субкультурами ($p < 0.05$), причем некоторые субкультуры демонстрировали более высокий уровень осознания, чем другие.

Таким образом, молодежные субкультуры выступают значимым фактором формирования социальной идентичности у молодых людей путем предоставления им среды для самовыражения и самоидентификации. Вступление в субкультурную группу обычно сопровождается принятием определенных кодов поведения, стиля речи и других культурных аспектов, которые помогают молодежи выразить свои уникальные черты и ощущение принадлежности к определенной социальной группе. Получается, участие в молодежных субкультурах становится важным фактором в некотором роде, снятия с себя ограничений на свободу слова и самовыражения, которое накладывается в закрытых патриархальных сообществах мейнстримной культурой старших поколений [Шевцова, 2016].

Также нельзя забывать, что молодежные субкультуры становятся нередко площадкой для выражения недовольства или протеста по отношению к существующим социальным нормам и стереотипам. В рамках субкультур молодежь активно выражает

свои убеждения, стремления и желания, которые могут не найти отражения в общественном мнении или стандартных каналах коммуникации. Например, движение хиппи в США в 1960-х годах. Движение хиппи было своеобразным протестом против консервативных социальных норм, военной политики и материализма того времени. Хиппи выступали за мир, любовь, свободу самовыражения и протест против войны во Вьетнаме. Они стремились к гармонии с природой, отвергали потребительский образ жизни и вместо этого предпочитали простые и экологически чистые способы существования. Через музыку, искусство, философию и альтернативные образовательные и коммунальные структуры, хиппи формировали свою субкультурную идентичность. Они создали свой уникальный стиль, включая яркую одежду, фестивали, где музыкальные выступления, свет и психоделические наркотики играли ключевую роль. Движение хиппи явно демонстрировало несогласие с традиционными социальными ролями и статусом, которые формировали прагматизм во взаимоотношениях между людьми в обществе, предпочитая их ценностям гуманизма, которые отстаивались яркими сторонниками движения Хиппи. Данный исторический пример демонстрирует то, как молодежные субкультуры становятся транслятором идеи и ценностей, не получающих должной поддержки в традиционной поп-культуре.

Наконец, участие в молодежных субкультурах формирует принципиально новый для индивида характер взаимоотношений между членами данного сообщества. В вопросах долгосрочного пребывания в группе отчетливо прослеживается динамика укрепления социальных связей солидарности между индивидами, составляющими группу, поскольку формирование групповой идентичности и отделение от других социальных групп неизбежно объективирует ментальное единообразие относительно остальных социокультурных групп.

Заклучение

В ходе проведения исследования было изучено влияние молодежных субкультур на осознание социального статуса и ролей в обществе. С опорой на обзор литературы, анализ данных и использование статистических методов были выявлены следующие ключевые результаты:

- 1) молодежные субкультуры играют важную роль в формировании социальной идентичности молодежи, предоставляя им возможность выражать свои ценности, интересы и образ жизни;
- 2) участие в молодежных субкультурах служит стратегией адаптации к социальной среде;
- 3) молодежные субкультуры оказывают влияние на социальные отношения и формируют новые социальные сети.

Таким образом, изучение влияния молодежных субкультур на осознание социального статуса и ролей в обществе является актуальным для определения социальных процессов и динамик молодежной культуры. Понимание этих взаимосвязей способствует разработке эффективных стратегий социальной интеграции молодежи и способствует их успешному адаптивному поведению в современном обществе.

Список литературы

- Беляева Н.Н. 2018. Молодежные субкультуры в современной России: социально-педагогический аспект. Москва, Проспект, 256 с.
- Григорьев А.В. Роль молодежных субкультур в формировании социальной идентичности. Вестник Московского университета. Серия 12: Психология, 2020. 332 с.
- Доброхотова Е.Н. 2016. Влияние молодежных субкультур на социальные процессы в современной России. Современные проблемы науки и образования, 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25390>

- Зайцев С.А. 2019. Структура и особенности молодежных субкультур в российском обществе. Молодежь и современное общество, 290 с.
- Иванов П.С. 2021. Интернет и молодежные субкультуры: взаимосвязь и влияние на социальное статусное положение молодежи в России. Социологические исследования, 340 с.
- Козлова О.В. 2019. Молодежные субкультуры как ресурс социальной адаптации: опыт России. М., Проспект, 50 с.
- Лебедев В.В. 2018. Культурные особенности молодежных субкультур в России. Молодежь и общество. СПб., Роза мира, 426 с.
- Морозов Д.П. 2014. Молодежные субкультуры в современной российской культуре: история и современность. Сборник научных трудов Вятского государственного университета. КГТУ, 146 с.
- Смирнова О.И. Формирование молодежных субкультур в современной России. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. С. 132.
- Шевцова И.А. 2016. Современные молодежные субкультуры в России: динамика и особенности развития. Российский социологический журнал. М., Академия, 232 с.

References

- Belyaeva N.N. 2018. Youth subcultures in modern Russia: the socio-pedagogical aspect. Moscow, Prospect, 256 p.
- Grigoriev A.V. 2020. The role of youth subcultures in the formation of social identity. Bulletin of the Moscow University. Series 12: Psychology, 332 p.
- Dobrokhotova E.N. 2016. The influence of youth subcultures on social processes in modern Russia. Modern problems of science and education, 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25390>
- Zaitsev S.A. 2019. Structure and features of youth subcultures in Russian society. Youth and Modern society, 290 p.
- Ivanov P.S. 2021. Internet and youth subcultures: interrelation and influence on the social status of youth in Russia. Sociological research, 340 p.
- Kozlova O.V. 2019. Youth subcultures as a resource of social adaptation: the experience of Russia. M., Prospect, 250 p.
- Lebedev V.V. 2018. Cultural features of youth subcultures in Russia. Youth and society. St. Petersburg, Rose of the World, 426 p.
- Morozov D.P. 2014. Youth subcultures in modern Russian culture: history and modernity. Collection of scientific papers of Vyatka State University. KSTU, 146 p
- Smirnova O.I. Formation of youth subcultures in modern Russia. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 132 p.
- Shevtsova I.A. 2016. Modern youth subcultures in Russia: dynamics and features of development. Russian Journal of Sociology. M., Academy, 232 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.04.2024

Received April 05, 2024

Поступила после рецензирования 05.07.2024

Revised July 05, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хасуев Асланбек Эйляевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

Aslanbek E. Khasuev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261.5

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
Россия, 308024 г. Белгород, ул. Горького, д. 71;

Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью)
Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской
Православной Церкви Московского Патриархата
308009, Россия, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Важную роль в результативном развитии современной теологии играет нахождение и понимание границ подлинности теологического истолкования мира, тех параметров, которые становятся ключевыми в верном раскрытии теологического призвания. Проблема присутствия теологии в современном гносеологическом контексте включает в себя определение того, чем является теология как особый способ познания и чем теология не является, не может быть по своим сущностным признакам. Несмотря на очевидную значимость такой постановки вопроса, системных исследований в этом направлении еще недостаточно для выявления всего проблемного горизонта, связанного с видением поля подлинности теологии. Целью данного исследования является выявление контуров подлинного и неподлинного понимания теологического призвания, осмысление гносеологической задачи теологии на примере богословской системы западного теолога К. Барта. В результате исследования были выявлены такие параметры подлинности теологического призвания, как гносеологическая смиренность, принятие опыта неочевидности, формирующего познавательную мобильность теологии между пониманием и мистерией; сакральное отношение к вербальному познанию на основе теологической диалогичности, навык теологического вслушивания в трансцендентальные обертоны Откровения. Полученные результаты вносят вклад в развитие концептуального понимания подлинности теологического исследования, выстроенного на принципах принятия благодати.

Ключевые слова: К. Барт, теологическое призвание, теология и современность, теология и познание

Для цитирования: Колесников С.А. 2024. Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(3): 582–591. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Theology and Non-Theology: The Authenticity of the Theological Vocation in Karl Barth's Concept

Sergey A. Kolesnikov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation;
Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary component)
of "Belgorod and Stary Oskol Diocese" Orthodox religious organization,
Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
75 Belgorod Av., Belgorod 308009, Russian Federation
skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. For an effective development of modern theology, it is important to find and understand the boundaries of the authenticity of the theological interpretation of the world, the parameters that become key to the correct disclosure of the theological vocation. The problem of the presence of theology in the modern epistemological context includes the definition of what theology is as a special way of knowing, and what theology is not, what it cannot be in its essence. Despite the obvious importance of such presentation of the problem, systematic research in this direction is still insufficient to identify the entire problematic horizon associated with the vision of the field of theology authenticity. The purpose of this study is to identify the contours of a genuine and inauthentic understanding of the theological vocation, and to comprehend the epistemological task of theology on the example of K. Barth's theological system. The methods of comparison, analysis, deduction, induction, and the axiomatic method are used as methodological tools in the article. As a result of the research, such parameters of the authenticity of the theological vocation were revealed as epistemological humility, acceptance of the experience of non-obviousness, which forms the cognitive mobility of theology between understanding and mystery; a sacred attitude to verbal cognition based on theological dialogicality, and the skill of theological listening to the transcendental overtones of Revelation. The results obtained contribute to the development of a conceptual understanding of theological research authenticity based on the principles of acceptance of grace.

Keywords: K. Barth, theological vocation, theology and modernity, theology and cognition

For citation: Kolesnikov S.A. 2024. Theology and Non-Theology: The Authenticity of the Theological Vocation in Karl Barth's Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 582–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Введение

Ключевым вопросом современной теологической ситуации является вопрошание, что считать подлинной теологией. И не менее важным – что теологией не является. Генезис этого «последнего вопроса» (А. Азимов) тесно связан с герменевтическим аспектом: каков характер понимания и не-понимания в теологии, насколько горизонты теологического текста и теологического профессионального выбора сливаются с герменевтическим горизонтом интерпретации/проживания.

Интуиции герменевтических оснований как параметров подлинной теологии вспыхивают очень рано, уже в XIII столетии формируются контуры проблематики соотносительности теологии и понимания. «Сумма о благе» (*De summo bono*) Ульриха Страсбургского (ок. 1220–1277 гг.) фиксирует, очевидно, один из самых первых этапов осмысления подлинности/неподлинности теологии, напрямую связанного с проблемой понимания: «Ульрих Страсбургский считает, что теология – это наука о вере, то есть наука, благодаря которой предмет веры становится предметом понимания... Как таковой веры достаточно, но так не может обстоять дело с самой теологией, если, по меньшей мере, желают, чтобы она была наукой. По-своему воспринимая идеи Алана Лилльского и

Боэция, Ульрих констатирует, что всякая наука предполагает правила («*regulae veritatis*»), то есть принципы, на которые можно сослаться, чтобы завершить дискуссию» [Жильсон, 2004, с. 390]. Показательно, что вопрос о сущности теологии сразу выходит на проблему понимания фундаментальных принципов, которые и определяют подлинность/неподлинность теологии. Тот кульминационный момент, когда самому теологу становится понятным рассматриваемый теологический вопрос, есть вспышка – по Ульриху Страсбургскому, «чистый, формальный и интеллектуальный свет» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 612]), – высвечивающая концептуальный результат теологического выбора.

Сумма настоящей теологии

Сложность понимания, где и чем должен заканчиваться теологический выбор, как раз и определяет сложность параметрии подлинности и неподлинности «теологического существования» [Кюнг, 2000, с. 336]. Когда Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» провокативно замечал, «что до богословов, то не лучше ли не прикасаться к этому ядовитому растению, хотя они и в великом долгу у Глупости» [Эразм Роттердамский, 1991, с. 42], когда С. Кьеркегор определял теолога как «профессора в том, что другого распяли» [Барт, 2006, с. 137], а И.Ф. Овербек безапелляционно утверждал, что «богословы – глупцы человеческого общества», то на этом фоне мужественно-финальным выбором проступают слова Карла Барта из его знаменитого второго издания «Послания к Римлянам»: «...Я сам – богослов! Я никогда не предполагал заниматься чем-то иным, кроме богословия. Вопрос заключается в том, что это за богословие!» [Барт, 2005, с. XXXI]. В этом четком определении финальности и завершенности выбора – «я – богослов!» – видится один из принципиальных признаков принадлежности Карла Барта к подлинной теологичности. Понимание того, что он является богословом, и то, что выбор богословского призвания окончателен, позволяют причислить К. Барта к теологам, определяющим «майнстрим» теологического потока.

Специфика теологической герменевтики – и в отношении текстов, и в отношении экзистенциального выбора – состоит в онтологической значимости этого понимания. Понимающее и понимаемое бытие в «теологическом существовании» являют неразрывное единство. Подлинный теолог прежде всего стремится понять окружающий мир в его религиозных основаниях, прожить в этом мире посредством понимания/истолкования своих теологических текстов-смыслов. Понимание как профессия и характеризует теологию в уникальном герменевтическом формате. При этом теологическое понимание обретает онто-оптический характер: прозрачность своей личной позиции в совершении теологического выбора хромографирует с непрозрачностью Божественного решения, и в этом стробоскопическом эффекте сполохов понимания/непонимания рождается подлинный теолог.

Высвеченность понимания настоящего теолога – не метафорическое выражение, а четкий критерий профессиональной компетентности. В. Хулап, переводчик К. Барта, отмечает: «Книга Барта – не просто библейский комментарий, точнее, она вообще не комментарий в общепринятом смысле слова. Это манифест, основанный на Послании к Римлянам апостола Павла, громко звучащий пророческий голос пламенного проповедника, неустанно критикующего человеческие усилия оправдаться перед Богом с помощью дел» [Барт, 2005, с. IX]. В данном фрагменте необходимо выделить параметр оптической пламенности, озаренной и озаряющей, который становится знаком теологической статусности.

Пламенная манифестационность как способ миропонимания сегодня присущ, пожалуй, только теологии; и только теология – все остальные гуманитарные сферы пронизаны сомнением и относительностью! – берет на себя право манифестировать проблему понимания и смысла экзистенции. Современная «гуманитарная»

гуманитаристика в целом носит комментирующий характер – о чем-то, но не что-то – подойдя к пределу своего объекта познания/понимания, а потому столь редким явлением является манифестационность сегодняшней «науки о человеке». Уникальность и одновременно подлинность теологической позиции Карла Барта раскрывается как раз в том, что его манифестационность выходит за рамки «гуманитарной» рефлексии и предлагает увидеть фундаментальные основания «предыстолкованности» мира в Божественном волеизъявлении. Понимание прозрачности координат своего теологического «места» (М. Хайдеггер) и наблюдательно-обсерваторских возможностей этого «места» определяет степень подлинности теологического существования.

Местоположение и хроно-топология теологического выбора К. Барта четко обозначена в характеристике Ву Куо-Эна: «Человек существует только в том, в чем его или ее история разворачивается, если историю строго понимать как серию встреч с новыми факторами, которые отличаются от бытия; для человека это означает то, что весь жизненный период его истории проходит как встреча Бога и человечества (в его теологической антропологии)» [Куо-Ан, 2011, р. 253]. Освещенность пониманием места встречи Божественного и человеческого, четкость тео-антропологической скульптурки и, как следствие этой освещенности, возникновение светоизлучающей манифестационности понимания – все это, в случае Карла Барта, формирует параметрию подлинности теологического существования.

Динамичная сущность теологии

Сложность параметрии подлинности теологии порождает подчас сомнение в принципиальной достижимости этой подлинности: кто может быть (или стать?) таким теологом? Эти сомнения – воплощенные, в частности, в горькой констатации Игнатия Брянчанинова: «С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности знаменосные мужи умялись. Наконец, они иссякли окончательно» [Брянчанинов, 1905, с. 323], – словно подталкивают к признанию невозможности теологического выбора, неосуществимости теологического существования. Но для понимания того, что представляет из себя подлинная теология, необходимо понять, что есть сама теология. И здесь опыт теологической экзистенции Карла Барта оказывается опять максимально востребованным.

Еще один фактор, маркирующий подлинную теологию, согласно Барту, – принципиальная неочевидность результатов теологических исследований. В своем познании Божественного теология совершает скачок к человеческому, и прежде всего к проблеме греховного, и здесь неочевидность обнаруживает себя в максимальной степени: «Тот факт, что моя витальность грешна, что мои страстные желания должны быть уничтожены, в действительности не очевиден сам по себе» [Барт, 2010, с. 223]. Опыт неочевидности – уникальный опыт теологии, «работающей» с мистериальностью как предметом исследования и переводящей мистериальность в пространство познания.

Вместе с тем теология не может утопать в предмете исследования, закрыться в абсолютной мистико-мистериальной герметичности, и К. Барт дает пример транспортирования неочевидности в просвет созидательного понимания. Р. Дженсон фиксирует сверх-неочевидность методологии Барта: «Тайна Бога не может быть сведена к бытию мира как таковому. Однако нужно тут же добавить, что Бог также не находится в простой оппозиции к миру бытия, устанавливая диа-статическую такую разрыва. Когда Барт говорил о Боге в “Послании Римлянам”, то он не говорит о Боге как “совершенно Ином”, в смысле пространственного разделения мира и человечности. Такая концепция необоснованно отделяла бы Бога от созидательной реальности» [Jenson, 1969, р. 20]. Тем самым, теология выступает связующим звеном абсолютной неопределенностью и принципиальной познаваемостью, показывает возможность сопряжения этих несопоставимых областей.

П. Тиллих, в контексте рассуждений о богословии К. Барта, отмечал пограничную специфику теологической задачи: «Несомненно, в этом и состояла бы высшая цель богословской работы: найти такую точку, где действительность сама говорит о себе без всяких символов и одновременно говорит о безусловном, такую точку, где действительность сама без всяких символов становится символом, где устраняется противопоставление действительности и символа» [Барт, 2007, с. 27]. Тем самым теологии предлагается выступить в роли уникального научно-познавательного сегмента, в котором символическая амбивалентность, неопределенность гносеологии получали право на существование. Теология как пример гносеологической мобильности – то выступающей на свет понимания, то уходящей в закулисы неочевидного – должна обрести свое место в научном регистре, при этом, конечно, с учетом теологического опыта «общения» с мистериальностью.

Для Барта рубежность теологии проявлялась, например, в столкновении проповедничества и таинства: «Проповедь резко отличается от таинства тем, что она не составляет конститутивного элемента понятия католического священства» [Барт, 2007, с. 33]. Проповедующая теология и мистериальная теология – два лика, точнее, два методологических подхода в богословском исследовании. В этом аспекте, согласно Барту, четко проявляется пограничность подлинной теологии: проповедь как максимально – сцениграфично! – явленное герменевтическое бого-слово и таинство как мистериальность богословия-действия. Слияние слова и действия, признание за словом динамизма выводит теологический метод к особому типу филологичности, где фиксируется пограничная значимость слова как преодоления статичности во всех ее формах – эмоциональных, духовных, мировоззренческих.

«Все есть *litera*» [Барт, 2005, с. XLIII], – настаивал К. Барт в третьем предисловии к «Посланию Римлянам». И здесь динамичная филологичность должна рассматриваться как один из факторов подлинности теологии. Еще Петрарка в письмах «О делах семейных» настаивал на том, что «теология – это поэзия, объектом которой является Бог» [Жильсон, с. 588]. Но Барт в своем динамично-текучем понимании слова придает филологичности особую апофатическую тональность: для него теологическая филология, прежде всего филология Божественного «Нет», филология сакрального отрицания.

В пределе этого «нет» формируется специфическая результативность пограничности теологической экзистенции: прозревание в присутствии с сакральным «нет» подлинных оснований теологического поиска становится возможным только в случае принятия всей напряженности и ответственности теологического выбора. Для К. Барта ситуация сакрального отрицания обретает именно предельно-напряженный и одновременно результативно-созидательный характер: «"Нет", с которым мы встречаемся, – это "нет" Бога. То, чего нам не хватает, – это одновременно и то, что нам помогает. То, что нас ограничивает, – это новая земля. То, что прекращает всю мирскую истину, – это одновременно и ее основание. Именно потому, что "нет" Бога – абсолютно, оно есть и Его "да"» [Барт, 2005, с. 12]. Теология предлагает уникальный опыт принятия отрицания как духовно-эпистемологического инструментария: через «нет» познается «да», и этот опыт знания-понимания вряд ли можно встретить в иной научной области.

В формате пограничной ситуации сакрального отрицания возникает динамично-статическая герменевтика веры, что и фиксирует Барт в «Послании Римлянам»: «Вера – это уважение божественного инкогнито, любовь к Богу в осознании качественной разницы между Богом и человеком, Богом и миром, принятие воскресения как *изменения* мира, то есть принятие божественного "нет" во Христе, изумленная остановка перед Богом» [Барт, 2005, с. 13]. Динамика в статике – парадоксально-уникальный опыт познания, явленный в теологическом поиске, опыт, где, согласно Барту, преобладает «благоговение по отношению к этому "нет", желание пустоты, беспокойное пребывание в отрицании» [Барт, 2005, с. 15].

Показательным для Барта является трактовка подлинной теологии как со-присутствия сакрального «да/нет» в едином герменевтическом блоке. Причем это не только эксклюзивное мнение Барта, его поддерживал и П. Тиллих: «В итоге мы можем сказать, что невозможно возвещать или воспринимать Божественное отрицание, Божественное “нет”, без Божественного утверждения» [Тиллих, 1925, с. 153]. То, что Барт дефиницировал как теологический «перелом от “нет” Бога к “да” Бога» [Барт, 2010, с. 221], должно методологически определять профессиональную компетентность теологии.

Из такого понимания сущности теологии рождается специфическая концептуальность богословских построений Барта. Р. Дженсон писал, обозначая особенности концепции Барта: «Концептуальный режим богословия Барта может быть описан в противоположном направлении от традиционных принципов построения концепции. Это больше похоже на Конституцию, чем на закон. Подобно Конституции, богословие Барта открыто, создает условия для дальнейших интерпретаций» [Jenson, p. 190]. Конституционность, а не «чистая» концептуальность – так можно охарактеризовать представления Барта о подлинной теологии. Опыт взаимодействия с отрицанием, переходящим в гармонию, придает теологии особое конституционное оформление, где концептуальная ограниченность соединена с мистериальной всепронизанностью. И все же теология для Барта выстраивается в специфически упорядоченную систему, при которой «*бытие* теперь также есть *порядок*, в котором мы пребываем и, соблюдая который, мы единственно можем существовать» [Барт, 2010, с. 63]. Сложная архитектура теологической системы не должна превращаться в гносеологический хаос и вербально-дискретное прерывание. Представляется верной фиксация системности взглядов позднего Барта, представленная В.Н. Васечко: «1-ю часть “Церковной догматики” Барт посвящает обоснованию возможности богословия как такового. Оно может существовать только как следствие Откровения Бога о Самом Себе в Слове Божиим, Которое выступает в 2 ипостасях: как Слово, реченное Отцом Сыну в тайне троического бытия, и как Слово Откровения, обращенное Богом к человеку во Христе. Слово, обращенное к человеку, выступает в отражающем тайну Божественной Троицы триединстве Слова Откровения, Слова письменного и Слова провозглашаемого. Последнее существует как открывающее себя действие Бога к человеку; знание о Боге достигает человека не благодаря врожденной способности его разума, но только через признание Бога в вере» [Православная энциклопедия, с. 362]. В системном «диалоге» троического бытия и бытия Откровения как раз и обретает теология право на существование – право быть!

Таким образом, сущностные характеристики теологии проверяются Бартом на соответствие антиномичности как уникально-теологическому способу познания; смиренности, выступающей в качестве экзистенциальной установки теолога-исследователя; разработкам опыта неочевидности, формирующего эпистемологическую мобильность теологии между пониманием и мистериальностью; сакральной филологосности, рассматривающей теологическую диалогичность отрицания/утверждения в качестве импульса к динамике/статике богословского исследования; и, наконец, особому навыку теологического вслушивания в трансцендентальные обертоны Откровения.

Не-теология: замирающая неподвижность

Логичным продолжением вопрошания «что есть подлинная теология» становится вопрос о том, что, согласно Карлу Барту, не может быть отнесено к теологии, какие параметры препятствуют богословской маркировке исследования, претендующего на статус теологического.

Особенностью теологического исследования становится возможность оказаться во вне-теологическом регистре. Никакая иная научная сфера не подвержена столь резкому развороту

исследовательского вектора, который может выбросить – даже не догадывающегося подчас – теолога из пространства теологии. Оставленность благодатью, лишение принадлежности к подлинно теологическому изысканию – неотъемлемая составляющая риска теолога. «Человек, – пишет Барт в «Толковании Посланий...», – предоставляется Богом самому себе, оказывается брошен на произвол своей собственной судьбы, а отсюда уже непосредственно следует все остальное: вся та аморальность, для развития которой не просто нужна всемирная столица, но которая в той же (а возможно, и в еще большей) степени есть аморальность маленького города, деревни, простодушной провинции» [Барт, 2010, с. 26]. Выбрасывание на обочину богословского mainstream-а, в «провинциальность» теологического поиска – для теолога ситуация, в которую можно попасть с достаточно высокой долей вероятности. Это и есть риск впадения в не-теологию.

Теология, по Барту, представляет собой напоминание о возможности – непредсказуемой, непрогнозируемой и вместе с тем промыслительной – оставления, забвения и забывания. Право путешествовать по пространствам духовности неразрывно связано с опасностью заблудиться, и теология есть постоянное напоминание об этой опасности потери верного и выверенного пути. Теология научает навыку постоянной памяти об оставленности, о принципиальной возможности оказаться не-теологом в своих богословских поисках. Траектория теологического маршрута проходит и через места, где присутствует Божественное, и через места, лишённые сакральности, лишённые Божественного именованного, и через места, ещё не знающие этого поименования, никогда не проговаривавшие имени Божественного. На этом пути и возникает опыт оставленности – или выброшенности! – из теологического формата. Для каждого из этих «мест» требуется особая теологическая сенсорика, и если теолог не найдет в себе способы прислушивания к акустике новых мест, то может перестать быть настоящим теологом.

Проблема теологической маршрутизации в пространствах духовности и, как следствие, проблема параметрии ложных ориентиров, способных выманить теолога из этих пространств, являлись одними из важнейших тем для К. Барта. Его теологический опыт неоднократно сталкивался с ситуациями, когда, по его мнению, вектор тех или иных исследований оказывался во вне-теологическом спектре. Так, например, случилось в 1930-х гг., когда произошел разрыв между К. Бартом и Г.Э. Бруннером, предложившим в книге "Natur und Gnade: Zum Gespräch mit K. Barth", «Природа и благодать: к разговору с К. Бартом» (1934) в качестве оснований теологического поиска «естественное» слияние натуралистического и благодатного. Категоричность неприятия Бартом этой «не-теологии» отразилась в эмоциональном названии статьи, направленной против позиции Бруннера "Nein! Antwort an E. Brunner" («Нет! Ответ Э. Бруннеру»): «Я вынужден сказать "Нет!" Бруннеру...» [Brunner, 1946, p. 72]. Теологический либерализм, смешение несоединимого, в котором человеческое истолкование Бога будет определять, формировать и, следовательно, искажать Божественное откровение, было абсолютно неприемлемо для Барта. Показательным является применение ресурса «Нет!» – отзвука опыта взаимодействия с Божественным «Нет» – и это также сигнал Барта, маркирующий не-теологию, теологию, вызывающую восклицание «нет!».

Негативные оценки у Барта вызывало принятие в теологический контур такого научно-богословского «контента», который являлся не сопоставимым с его представлениями о «чистой» теологии. Так было с либеральной «естественностью» Бруннера; подобная отрицательная реакция возникла у Барта и в случае чрезмерной политизации теологии: в отношении Ф. Гогартена, принявшего идеи «немецких христиан» с их национал-социалистическим радикализмом, и в отношении О. Вебера, соединившего теологический формат с участием в национал-социалистическом немецком Союзе преподавателей в Геттингене.

Хаос теологического и не-теологического получает у Барта терминологическое определение *mixophilosophicotheologia* (смещение философо-теологии) [Барт, 2006, с. 7],

восходящее к теологу Абрахаму Калову. Вопрос допустимости смешения, степени спутанности теологического и не-теологического выводит Барта к проблеме принципиальной обособленности теологического концептуального построения. «Дешевый синтез», настаивал Барт, не допустим в подлинно теологической концепции: «Реалистичным здесь может быть (несмотря на перспективу единства всех наук в Боге, а также в первоисточке и цели их человеческого осуществления) только отказ от подобных дешевых... относительно легко осуществимых синтезов. <...> Можно жаловаться на обозначенные ими ограничения, можно в страстной надежде заглядывать за них в совершенное, но следует остерегаться попыток достичь этого совершенного. Скорее, следует признать, что... богословское познание, мышление и речь никак не могут быть всеобщими, а всеобщее не может быть богословским. И значит, что, как бы это ни было неприятно, с такой обособленностью и относительным одиночеством теологии по отношению к другим наукам подделать ничего нельзя» [Барт, 2006, с. 101]. Барт постулирует концептуально теологическое «одиночество», при этом презентуя развернутую типологию теологических концепций, которые, по его мнению, не могут органично входить в пространство подлинной теологии: «theologia archetypa (теология изначальная)», «theologia ektypa» (следующая образцу), «theologia paradisiacal» (райская)», «theologia comprehensorum (последних времен)», «theologia viatorum (теология странников)». Все эти теологические направления есть, по Барту, компромисс синтеза, допускающий принятие в теологическую сферу того, что допущено быть не может.

Но тезис об эпистемологической автономности теологической концепции выводит на вопрос о принципиальной возможности построения теологической концепции, которая бы соответствовала таким серьезным требованиям. Перед Бартом неотвратимо вставала проблема определения принципа создания теологической концепции и условий включения/невключения в такую концепцию тех или иных теологических компонентов. Р. Дженсон обозначает так контур данной проблематики: «Ключом к загадочным поворотам догматики Барта, которую он разрабатывал в течение ряда лет в Геттингене, Бонне и Базеле и записанной в двенадцати огромных томах "Церковной Догматики", в качестве абсолютного теологического приоритета становится существование Иисуса... Если отбросить приоритет Христа в рассмотрении любой доктрины Барта, то мы неминуемо включаем его концепцию в прямую противоположность, вид изоляции Божественного, так называемый "бартианизм"» [Jenson, 1969, p. 72]. Тем самым, концептуальность Барта основана на выводах, которые теолог должен сделать из непосредственно евангельского опыта земной жизни Христа. Опасность для теологической концептуальности, по Барту, состоит в возможности включения в христианский образ жизни формальных и псевдонаучных элементов, «папства книжников» (А. Шлаттер), заражающих теологию «слишком легко осуществимым синтезом». Еще в «Послании Римлянам» Барт отмечает опасность для теологии «общедоступности» и «определенности»: «Я считаю совершенно истеричной и безрассудной точку зрения, согласно которой сегодня необходимо прежде всего отделаться от богословия, а рассуждать и прежде всего говорить и писать о чем-то общедоступном... мы, богословы, наиболее отвечаем интересам "мирян" тогда, когда мы обращаемся к ним наименее определенно и непосредственно, но просто живем своим делом» [Барт, 2005, с. XXXI]. Вопрос горизонтов теологического понимания и взаимопонимания, некоторая приверженность к «теологии-в-себе», конечно, свойственна К. Барту, но основан такой подход на стремлении четко разграничить теологическое и не-теологическое.

Главным признаком не-теологического, по Барту, становится недостаточная настойчивость в продвижении тезиса об обособленном положении теологии как метода миропознания через образ Христа. Барт – причем поздний Барт, времен создания «Церковной догматики», а следовательно, теолог с грандиозным опытом теологического

существования – настаивал на предельной – запредельной? – серьезности принятия тезиса об обособленном положении теологии и доведения этого тезиса до поистине апокалиптических финалов. «Только темнота и вялость движения мысли, – писал он, – ...помешали наступлению этого всеобщего конца. Если бы кто-то вдруг принял всерьез то, с чем, в сущности, всего лишь играли, если бы кто-то после этого стал думать и говорить о Боге, что Бог есть реальная, говорящая и действующая Личность, если бы кто-то стал делать это (а иначе, наверное, и быть не могло) не на основе спекулятивных рассуждений, а на основе того, что Бог фактически изображен такой Личностью в Его откровении, – тогда в 80–90-е годы XIX века принципиально нарушилось бы, во всяком случае, богословское, а тем самым косвенным образом философское и, опять-таки косвенным образом, всеобщее мышление, и в результате развитие того, что имело место в XVIII веке, столь естественно перенятое XIX веком и продолжавшееся в нем, утратило бы, во всяком случае, эту свою естественность» [Барт, 2007, с. 260]. Апокалиптические обертоны как признак подлинности богословской концепции – такими рисовались перспективы развития теологии для Барта.

Причем не только апокалиптические финалы должны были быть представлены в подлинно теологическом исследовании, но и первоначала должны стать объектом богословского осмысления. Фрагмент «Церковной догматики» фиксирует этот тезис Барта: «Представим себе, что первые страницы Ветхого Завета либо пусты, либо заполнены какой-нибудь якобы данной в откровении космофией, имеющей больше метафизическую, или больше естественнонаучную, или же смешанную направленность, и только за нею следовал бы рассказ о начале общения и завете между Богом и человеком... В таком случае каждая эпоха, а в конечном итоге и каждый человек должны были бы тогда отвечать на этот вопрос в соответствии с устройством и силой своего собственного духа. Соответственно непременно должно было оказаться различным понимание начала и всего протекания общения и союза между Богом и человеком. Ясно, что происходит с познанием всех дел Божьих там, где к первым страницам Библии относятся так, как будто они действительно пусты» [Барт, 2007, с. 485]. Теолог, создавая свою концепцию на основании «первоначальной пустоты», неминуемо выпадал, согласно Барту, за рамки подлинно теологического, лишался оснований для рассмотрения теологических проблем, для самой возможности теологического вопрошания.

Заклучение

Вывод, который напрашивается из рассуждений Барта о «началах и концах» теологии, парадоксально неоднозначен. Критическим вопросом становится сама принципиальная возможность построения такой теологической концепции, которая бы соответствовала заявленным высочайшим требованиям. Но Барт настаивает на выполнимости этих требований, аргументируя тезис о соразмерности человеческих возможностей с заповедями: «Бог, который противостоял бы человеку только как бесконечно возвышенный, далекий и чуждый в своей бесчеловечной Божественности, если бы и обнаруживал как-то свое присутствие для человека, мог бы стать для него только Богом "дисангелия", дурной вести» [Барт, 2006, с. 15].

Подлинная теология – теология доброй вести, и эту функцию призван выполнять настоящий теолог.

Список литературы

- Барт К. 2005. Послание к Римлянам. М., ББИ, 580 с.
Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М., Центр Нарния, 192 с.
Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М., ББИ, 560 с.
Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М., ББИ, 306 с.
Брянчанинов И., свят. Творения. Т. 4. СПб. 1905, 422 с.
Жильсон Э. 2004. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века. М., Республика, 678 с.

- Кюнг Г. 2000. Великие христианские мыслители. СПб., Алетейя, 442 с.
Новая философская энциклопедия в 4-х т. 2010. Т. 4. М., Мысль, 736 с.
Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. М., АО Московские учебники и картолитография, 751 с.
Тиллих П. 1925. Диалектическая теология. *Путь*, 1: 148–154.
Эразм Роттердамский. 1991. Похвала глупости. М., Советская Россия, 464 с.
Brunner Emil. 1946. Natural theology, comprising "Nature and Grace" and the reply "No!" by Dr. Karl Barth. London, Geoffrey Bles, The Centenary Press.
Jenson R. W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill, 218 p.
Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh.

References

- Bart K. 2005. Poslanie k Rimlyanam [Epistle to the Romans]. Moscow, Publ. BBI, 580 p.
Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical Theology]. Moscow, Publ. Narnia Center, 192 p.
Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogmatics]. Vol. I. M., BBI, 560 p.
Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to the Romans and Philippians]. Moscow, Publ. BBI, 306 p.
Ignatius Bryanchaninov, saint. 1905. Tvoreniya [Creations]. V. 4. St. Petersburg, 422 p.
Zhilson E. 2004. Filosofiya v srednie veka: ot istokov patristiki do konca XIV veka [Philosophy in the Middle Ages: from the origins of patristics to the end of the XIV century]. Moscow, Publ. Republic, 678 p.
Kyung G. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St. Petersburg, Publ. Aleteya, 442 p.
Novaya filosofskaya enciklopediya v 4-h tt. 2010. [The New Philosophical Encyclopedia in 4 volumes]. V. 4. Moscow, Publ. Mysl, 736 p.
Pravoslavnaya enciklopediya. 2002. [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 4: Moscow, Publ. JSC Moscow textbooks and cartolithography, 751 p.
Tillih P. 1925. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology]. *Put*, 1: 148–154.
Erazm Rotterdamskij. 1991. Pohvala gluposti [Praise of stupidity]. Moscow, Publ. Soviet Russia, 464 p.
Brunner Emil. 1946. Natural theology, comprising "Nature and Grace" and the reply "No!" by Dr. Karl Barth. London, Publ. Geoffrey Bles, The Centenary Press.
Jenson R. W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind. Bobbs-Merrill, 218 p.
Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.04.2024

Received April 05, 2024

Поступила после рецензирования 05.07.2024

Revised July 05, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина; проректор по научной работе, Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью) Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Белгород, Россия.

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Vice-Rector for Research, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary component) of "Belgorod and Stary Oskol Diocese" Orthodox religious organization, Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 304

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

Искушение насилием

Финогентов В.Н.

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
Российская Федерация, 302019, г. Орёл, ул. Генерала Родина, д. 69

v_fin@mail.ru

Аннотация. В данной работе обсуждается один аспект феномена насилия: тенденция к проникновению насилия во все сферы жизни человека и общества. При этом насилие понимается в качестве одного из основных социальных регуляторов. Роль других основных социальных регуляторов играют традиции, рынок и нравственно-правовой разум. Анализ взаимоотношения насилия и других социальных регуляторов показал, что абсолютизация и универсализация роли насилия происходит тогда, когда по тем или иным причинам имеет место ослабление или даже разрушение иных основных социальных регуляторов. Видимость легкости и эффективности универсальной применимости насилия являются основаниями явления, которое мы называем «искушение насилием». Доказано, что абсолютизация и универсализация роли насилия в общественной жизни неминуемо ведет к установлению тоталитарного контроля над обществом, огрублению и примитивизации жизни соответствующего сообщества. Выдвинуто и обосновано предположение, согласно которому такого рода процессы имели место в нашей стране в период Гражданской войны и политики военного коммунизма.

Ключевые слова: насилие, социальный регулятор, традиции, рынок, нравственно-правовой разум, экспансия насилия

Для цитирования: Финогентов В.Н. 2024. Искушение насилием. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(3): 592–599. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

The Temptation of Violence

Valery N. Finogentov

N.V. Parakhin Orel State Agrarian University,
69 Generala Rodina St, Orel 302019, Russian Federation

v_fin@mail.ru

Abstract. This study discusses only one, but very significant, aspect of the phenomenon of violence: the desire of violence to expand, to penetrate into all spheres of human life and society. In this context, violence is considered as one of the main social regulators. It is argued that other main social regulators are traditions, the market and moral and legal reason. A distinctive feature of violence, considered as a social regulator, is the coercion of some social subjects by other subjects. At the same time, this coercion is necessarily based on the actual use of force or the threat of its use. Next, the relationship between violence and other social regulators is discussed. It is shown that the absolutization and universalization of the role of violence occurs when, for one reason or another, other basic social regulators are weakened or even destroyed. The appearance of ease and the seeming effectiveness of the universal applicability of violence are the foundations of the phenomenon that we call "the temptation of violence." It is argued that the absolutization and universalization of the role of violence in public life inevitably leads to the establishment of totalitarian control of power over society, to the coarsening and primitivization of the life of the relevant community. The assumption is put forward and justified, according to which such tragic processes took place in our country during the Civil War and the policy of war communism.

Keywords: violence, social regulator, traditions, market, moral and legal reason, expansion of violence.

For citation: Finogentov V.N. 2024. The Temptation of Violence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 592–599 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-592-599

Введение

Вопросы о природе насилия, о роли насилия в социальной жизни на различных этапах развития общества вполне обоснованно продолжают привлекать пристальное внимание многих исследователей (см. об этом в частности [Назаретян, 2007; Жижек, 2010; Арендт, 2014; Римский, 2019]). В данной статье я обсуждаю только один из аспектов сложного и противоречивого феномена насилия. Этот аспект можно охарактеризовать как своего рода стремление насилия к экспансии, к проникновению во все сферы жизни человека и общества. Я имею в виду отчетливо и многообразно заявляющее о себе в самых разных сообществах стремление насилия превратиться в универсальное средство решения политических, экономических, социальных и т.д. проблем. В связи с этим я считаю правомерным говорить о том, что насилие имеет свойство искушать, соблазнять соответствующих социальных субъектов. А именно: во многих социокультурных ситуациях насилие как бы говорит субъектам такого рода: «Меня так удобно и просто использовать, с моей помощью вы легко справитесь со всеми социально-политическими, социально-экономическими и любыми другими проблемами!» Как показывает история, некоторым социальным субъектам перед таким искушением во многих случаях не так-то просто устоять.

По моему убеждению, углубленный анализ указанного аспекта феномена насилия может помочь в осмыслении природы насилия и его роли в жизни общества. Немаловажно также и то, что такой подход может помочь в осмыслении поистине трагического периода в истории российского общества. Я имею в виду первые годы существования Советской России (время Гражданской войны и политики военного коммунизма), когда именно насилие очень быстро стало главным и по сути универсальным инструментом власти большевиков (см. об этом в частности [Павлюченков, 1997; Борисова, 2001; Крашенинников, 2024]). Печать этой трагедии лежит, как мне представляется, на всей последующей истории нашей страны.

1. Насилие как социальный регулятор

Начиная обсуждение указанного аспекта феномена насилия, подчеркну прежде всего, что насилие здесь будет пониматься как один из основных социальных регуляторов. Иными словами, насилие – это один из важнейших способов регулирования социальной жизни на всех известных нам этапах ее эволюции. С помощью насилия в самых разных его формах осуществлялось и осуществляется регулирование многообразных социальных процессов и не менее многообразных социальных отношений. Определяющей чертой насилия, которая отличает его от других социальных регуляторов, является принуждение одних социальных субъектов другими субъектами. При этом указанное принуждение непременно фундировано актуальным применением силы или угрозой ее применения.

Отмечу в общей форме также важность только что упомянутого понятия «социальный регулятор» для осмысления функционирования и развития человеческого общества. Дело в том, что без наличия соответствующих социальных регуляторов возникновение и существование человеческого общества вообще невозможно. Без наличия регуляторов такого рода человеческое общество неизбежно разрушилось бы. А именно: оно либо превратилось бы вновь в сугубо биологическое сообщество, у которого, естественно, имеются свои – биологические – регуляторы; либо такое общество полностью хаотизировалось бы и просто погибло. Иначе говоря, наличие

социальных регуляторов является атрибутивной и конституирующей характеристикой человеческого общества. В таком случае становление человеческого общества следует связывать со становлением именно специфически социальных, то есть надбиологических, регуляторов. И, соответственно, развитие некоторого человеческого сообщества в рамках такого подхода можно представить как последовательность этапов, на каждом из которых доминирует свой набор социальных регуляторов.

По всей видимости, кроме насилия, к числу основных социальных регуляторов следует отнести традиции и рынок. В своих предшествующих работах я попытался обосновать предположение, согласно которому к числу социальных регуляторов такого рода относится также нравственно-правовой разум.

В соответствии с только что сказанным общество, в котором в качестве социального регулятора доминируют традиции, логично назвать традиционным обществом. Аналогично общество, в котором в качестве социального регулятора доминирует рынок, следует называть рыночным обществом. Общество, в котором роль главного, всепроникающего социального регулятора играет интересующее нас насилие, правомерно называть тоталитарным обществом. Наконец, общество, в котором роль главного социального регулятора будет принадлежать нравственно-правовому разуму, конечно, если такое общество когда-нибудь осуществится, можно назвать ноосферным обществом. Именно с доминированием нравственно-правового разума можно, как представляется, связывать, как уже сказано, маловероятные надежды на долговременное и более или менее благополучное будущее человечества. Понятно, что указанные типы общества (традиционное, рыночное, тоталитарное, ноосферное) представляют собой теоретические конструкты, идеальные типы. И в реальной истории человечества в чистом виде они не встречаются. Однако эти конструкты, на мой взгляд, могут быть весьма полезны в различного рода социально-философских исследованиях (см. об этом подробнее в моей статье [Финогентов, 1994]).

Вернемся, однако, к обсуждению насилия, понимаемого нами в качестве одного из основных социальных регуляторов.

Фундаментальной особенностью этого регулятора является своеобразная простота и кажущаяся эффективность его употребления. Вспомним в связи с этим знаменитое высказывание Мао Цзэдуна: «Винтовка рождает власть». Понятно, что винтовка в этом высказывании – это символ актуального или возможного насилия одного социального субъекта над другим социальным субъектом. А власть в данном контексте можно понимать как способность некоторого (властвующего) субъекта навязывать свою волю другому субъекту, то есть способность этого властвующего субъекта управлять другим субъектом, способность регулировать деятельность этого «другого» субъекта. Таким образом, если некоторый социальный субъект обладает способностью осуществить насильственные действия по отношению к другому социальному субъекту, то он обладает по крайней мере возможностью управлять этим другим субъектом, возможностью регулировать его деятельность. Эта простота применения и кажущаяся эффективность обсуждаемого социального регулятора является одной из причин того, что насилие способно искушать, соблазнять соответствующих социальных субъектов. Действительно, многим и многим социальным субъектам, находящимся в самых различных социокультурных ситуациях, кажется, что все или почти все проблемы общественной и частной жизни можно решить с помощью насилия или с помощью угрозы насилия.

Так сказать, «изнаночной» стороной только что указанной простоты обсуждаемого социального регулятора является его грубость, жестокость. Действительно, история человечества знает множество примеров применения жесточайшего насилия для регулирования социальной жизни тех или иных сообществ: войны, террор, репрессии и т.п. Количество жертв этих и других форм насилия поистине неисчислимо.

Обязательно необходимо отметить также, что указанная выше эффективность насилия в качестве социального регулятора является в большинстве случаев его применения именно кажущейся. Так, например, очевидно, что насилие или угроза насилия отнюдь не эффективны в качестве стимулов творческой деятельности человека, будь то поэзия, музыка, наука, изобретательство. Как показывает история, насилие в общем случае является гораздо менее эффективным орудием регулирования экономики, чем рынок. Насилие зачастую идет рука об руку с некомпетентностью, произволом, субъективизмом...

Еще одной атрибутивной характеристикой насилия является упомянутое в начале статьи его всегдашнее, иногда скрытое, иногда явное, стремление стать универсальным регулятором социальной жизни, вытеснить все другие социальные регуляторы на обочину общественной жизни. Как будет показано ниже, такого рода «универсализация» насилия ведет, обобщенно говоря, к тоталитарному контролю над обществом, к огрублению и примитивизации как общественной, так и частной жизни человека (см. об этом в частности [Хайек, 2010, с. 170-173 и др.]).

2. Насилие и традиции, насилие и рынок

Другими основными социальными регуляторами, отчетливо заявляющими о себе в самых разных человеческих сообществах, являются, как уже сказано, традиции и рынок. Именно они чаще всего ограничивают сферу применения и определяют допустимые формы насилия, имеющие место в данном сообществе.

Так, на стадии традиционного общества, когда главным социальным регулятором были традиции, именно они и регламентировали применение насилия в таком обществе. Причем и это обстоятельство является очень существенным, сами традиции здесь – это не просто привычные, устоявшиеся формы жизни соответствующего сообщества. Традиции здесь священны, ими задаются сообществу архетипические образцы, мифические прототипы (см. об этом [Элиаде, 1987, с. 33 и др.]). «Покушение» на них, внесение в них каких-либо поправок в таких сообществах недопустимо, ибо на страже традиций стоят «высшие» силы. Нарушение традиций, с точки зрения членов традиционных сообществ, может привести не просто к гибели этих сообществ, но и к буквально вселенской катастрофе. Таким образом, можно сказать, что на этой стадии развития общества, то есть на стадии традиционного общества, самые разные формы насилия были вплетены в ткань многообразных традиций, определявших тогда все стороны жизни человеческих сообществ. Соответственно, роль насилия в таких сообществах, хотя и была значительна, была ограничена и находилась под жестким контролем традиций. Только когда традиции, господствовавшие в данном сообществе, по тем или иным – очень значимым для этого сообщества – причинам ослабевали, насилие в качестве регулятора социальной жизни выходило на передний план и начинало доминировать в этом сообществе. Подчеркну, что речь здесь идет о поистине судьбоносных для данного сообщества причинах. Это, в частности, могли быть масштабные природные катастрофы, сильные эпидемии, судьбоносные военные конфликты данного сообщества с другими сообществами. Как видим, роль насилия в жизни традиционного сообщества качественно возростала именно тогда, когда прежний доминирующий социальный регулятор, традиции, уже не справлялись с драматическими вызовами, с которыми сталкивалось такое сообщество.

Таким образом, уже здесь можно констатировать, что насилие осуществляет экспансию во все сферы жизни общества именно тогда, когда другие социальные регуляторы (в данном случае – традиции) «дают сбой», по тем или иным причинам не справляются со своей регулирующей, упорядочивающей ролью. Иначе говоря, насилие осуществляет указанную экспансию, когда общественная жизнь хаотизируется, когда общество приближается к состоянию аномии или впадает в это состояние. Очевидно, что состояние аномии понимается здесь как состояние общества, в котором по тем или иным

причинам катастрофически слабеют или совсем разрушаются до той поры достаточно эффективно действовавшие в нем основные социальные регуляторы. Аномийное состояние общества – это по сути социальный хаос. И, следовательно, в этом контексте экспансия насилия во все сферы жизни сообщества, превращение его в своего рода универсальный регулятор социальной жизни является необходимым и закономерным способом предотвращения наступления в данном обществе социального хаоса. Другими словами, такая экспансия насилия в рассматриваемом контексте не есть результат чьего-то злого умысла, а есть, конечно, не единственно возможный, но вполне закономерный способ выживания данного сообщества, его способ избежать аномийного состояния, его способ преодолеть хаотизацию социальной жизни.

Еще более наглядно только что указанное обстоятельство проявляется во взаимоотношениях таких мощных социальных регуляторов, какими являются насилие и рынок. Действительно, эти регуляторы склонны к соперничеству друг с другом даже и тогда, когда общество находится в обычном, то есть не кризисном (не аномийном) состоянии. Вспомним в связи с этим замечательное стихотворение А.С. Пушкина «Золото и булат».

В этом стихотворении говорится:

«Всё мое», – сказала злато;

«Всё мое», – сказал булат.

«Всё куплю», – сказала злато;

«Всё возьму», – сказал булат [Пушкин, 1980, с. 283].

Понятно, что булат (вид стали, из которого изготавливается холодное оружие) здесь символизирует насилие, а золото – рынок. Так что великий поэт фиксирует в этих строчках именно своеобразное противостояние насилия и рынка. В самом деле «всё» (разнообразные жизненные блага) можно, с одной стороны, получить рыночным способом, то есть купить, заплатив за них «злато». С другой стороны, эти же блага можно обрести насильственным способом, угрожая собственникам этих благ «булатом» или действительно применяя его. История человечества дает множество примеров такого рода соперничества рынка и насилия. И опять-таки история человечества показывает, что насилие осуществляет масштабную экспансию на территорию действия рыночного регулятора, именно когда в обществе по определенным причинам ограничивается действие этого (рыночного) регулятора. История многократно демонстрирует также то, что иногда насилие может вообще вытеснить рыночный регулятор на, так сказать, обочину общественной жизни. Как правило, такое вытеснение сопровождается драматическими и даже трагическими для данного общества последствиями, в частности деградацией и примитивизацией экономики.

Ярчайшим примером экспансии насилия такого рода являются процессы, происходившие в советскую эпоху, особенно в самом ее начале. Хорошо известно, что рынок и рыночные отношения целенаправленно разрушались молодой советской властью, так сказать, по идеологическим соображениям. Ведь действие в обществе рыночного регулятора, так или иначе, предполагает существование в этом обществе частной собственности. А отмена частной собственности на средства производства была фундаментальным программным требованием большевиков. Соответственно, у этой власти, сознательно отказавшейся от рыночного регулятора и систематически его разрушавшего, по сути не осталось выбора. И ей в этих условиях закономерно пришлось широчайшим образом применять насилие. Я имею в виду в частности трагический период Гражданской войны и «военного коммунизма».

Показательно, что молодая советская власть также по идеологическим соображениям систематически разрушала в то время и другие социальные регуляторы: глубоко укоренившиеся в жизни российского сообщества национальные и религиозные традиции. Хорошо известны намерения вождя большевиков В.И. Ленина (и не только его,

конечно) разрушить прежние, «эксплуаторские» право и государство, высказанные им в работе «Государство и революция», написанной в преддверии Октябрьской революции. В этой работе В.И. Ленин неоднократно и очень настойчиво провозглашал, что пролетариат в ходе социалистической революции непременно должен разрушить, уничтожить старую государственную машину [Ленин, 1969, с. 8, 27, 31, 37 и др.]. И эта теоретическая установка последовательно и в некотором смысле успешно воплощалась большевиками в жизнь в ходе Октябрьской революции и после нее. Разумеется, планомерное разрушение традиций, а также прежней правовой системы и «старой государственной машины» еще более способствовало экспансии насилия на все стороны советского общества.

Иначе говоря, дело обстояло в то время в нашей стране уже знакомым нам образом: разрушение и подавление важнейших социальных регуляторов (рынка, национальных и религиозных традиций, системы права, государства) закономерно вело к драматическому усилению и универсализации роли насилия.

Впрочем, и это существенно, здесь следует непременно иметь в виду одно фундаментальное обстоятельство. Я уже отмечал, что значительное ослабление и даже разрушение основных социальных регуляторов в данном сообществе может произойти в результате действия независимых от социальных субъектов причин: чудовищных природных катастроф (извержения вулканов, землетрясений и т.п.) и сильнейших эпидемий, в частности. И в таком случае усиление и универсализация роли насилия в общественной жизни являются, хотя и драматичным, но во многом вынужденным шагом этого сообщества. Но следует также обязательно иметь в виду, что разрушение важнейших социальных регуляторов данного сообщества может произойти и в результате более или менее сознательной деятельности соответствующих социальных субъектов. Именно так произошло, как известно, в ходе большевистской революции в нашей стране. Большевики сознательно планировали, а затем и последовательно осуществили свой план по слому устаревших, по их убеждению, национальных и религиозных традиций, а также прежнего (феодално-буржуазного, эксплуататорского) государства и рыночных отношений. Точно также слому подлежали, в соответствии с большевистской идеологией, прежняя правовая система и «старая» мораль. В связи со сказанным можно констатировать, что превращение насилия в годы Гражданской войны и военного коммунизма в главный и универсальный регулятор явилось следствием сознательной политики большевиков. И, следовательно, ужасная катастрофа, постигшая нашу страну в те годы, была по сути рукотворной (см. об этом подробнее в частности [Крашенинников, 2024]).

Здесь уместно также вспомнить, что руководство партии большевиков во главе с В.И. Лениным, убедившись в губительности политики военного коммунизма, начиная с 1921 года, вынуждено было приступить к осуществлению НЭП (новой экономической политики), допускавшей в том числе использование существенных элементов рыночного регулятора. Как известно, осуществление НЭП достаточно быстро привело к восстановлению и даже существенному росту экономики Советской России (а позже – СССР). С другой стороны, руководители партии большевиков отчетливо понимали, что дальнейшее развертывание НЭП и соответствующее расширение применения рыночного регулятора в экономике, по сути, было несовместимо с советской политической системой, в значительной мере построенной именно на насилии. И поэтому уже в 1928 году началось быстрое сворачивание НЭП и возвращение к методам административно-командной системы, ко все более масштабному применению насилия в самых разных сферах жизни советского общества (см. об этом [Валентинов, 1991; Жуков, 2014]). Такого рода социальная катастрофа, исток которой – в абсолютизации роли насилия в качестве социального регулятора, имела место не только в России на заре советской власти. Нечто подобное происходило также во Франции на стадии якобинской диктатуры Великой французской

революции [Генифе, 2000], а также в годы «большого скачка» в Китае [Непомнин, 2011], в Кампучии времен диктатуры красных кхмеров [Мосяков, 2010] и т. д.

Все эти социальные катастрофы, как известно, отмечены невиданными в истории масштабами насилия: массовыми репрессиями и казнями. Все они являются результатом «искушения насилием», перед которым не устояли соответственно большевики, яacobинцы, китайские коммунисты и красные кхмеры.

Заключение

Таким образом, проведенное обсуждение показало, что в социальной жизни, рассматриваемой сквозь призму понятия «социальный регулятор», имеет место своеобразный «закон сохранения». Этот «закон» может быть сформулирован следующим образом: чем более ограничивается в некотором сообществе роль таких социальных регуляторов, как традиции и рынок (а также традиций, права и морали), тем более усиливается в этом сообществе роль насилия.

Понятно, что безмерное возрастание, абсолютизация роли насилия в социальной жизни сообщества ведет к своего рода социокультурной катастрофе: к стремительной дегуманизации, деморализации и примитивизации жизни соответствующего сообщества, а также ко многим долговременным негативным последствиям для него.

Такая универсализация и абсолютизация роли насилия в общественной жизни и порождаемая ими социокультурная катастрофа нередко встречается в истории различных человеческих сообществ. Ярким примером катастрофы такого рода является ситуация, сложившаяся в нашей стране в период гражданской войны и политики военного коммунизма. Причем, как это было показано выше, эта катастрофа является преимущественно «рукотворной»: она явилась следствием сознательного разрушения большевиками важнейших социальных регуляторов: традиций, рынка, «прежней» нравственности и дореволюционной системы права.

Список литературы

- Арендт Х. 2014. О насилии. М., Новое издательство, 148 с.
- Борисова Л.В. 2001. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., Московский научный фонд, 235 с.
- Валентинов Н. 1991. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., Современник, 367 с.
- Генифе П. 2000. Французская революция и Террор. Вкн.: Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М., Эдиториал УРСС: 68-87.
- Жижек С. 2010. О насилии. М., Издательство «Европа», 184 с.
- Жуков Ю.Н. 2014. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923-1925 годы. М., Издательский Центр «Аква-Терм», 448 с.
- Крашенинников П.В. 2024. Всадники Апокалипсиса. Государство и право Советской России 1917-1922 гг. М., Эксмо, 368 с.
- Ленин В.И. 1969. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. М., Гос. изд-во полит. лит., 433 с.
- Мосяков Д.В. 2010. История Камбоджи. XX век. М., Институт востоковедения РАН, 743 с.
- Назаретян А.П. 2007. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., Издательство ЛКИ, 256 с.
- Непомнин О.Е. 2011. История Китая. XX век. М., Институт востоковедения РАН, Крафт +, 736 с.
- Павлюченков С.А. 1997. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., Русское книгоиздательское товарищество – История, 272 с.
- Пушкин А.С. 1980. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. М., Художественная литература, 814 с.
- Философия войны и мира, насилия и ненасилия: Монография. 2019. Под ред. В.П. Римского. М., Академический проект, 462 с.
- Финогентов В.Н. 1994. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений. В кн.: Духовность и культура. Алгоритмы культуры. Екатеринбург: 54-65.

Хайек Ф. 2010. Дорога к рабству. М., АСТ, Астрель, 317 с.

Элиаде М. 1987. Космос и история. Избранные работы. М., «Прогресс», 312 с.

References

- Arendt H. 2014. O nasilii [About violence]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 148 p.
- Borisova L.V. 2001. Voennyj kommunizm: nasilie kak element hozyajstvennogo mekhanizma [War Communism: violence as an element of the economic mechanism]. Moscow, Publ. Moskovskij nauchnyj fond, 235 p.
- Valentinov N. 1991. Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina [The new Economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death]. Moscow, Publ. Sovremennik, 367 p.
- Genife P. 2000. Francuzskaya revolyuciya i Terror [The new Economic policy and the crisis of the Party after Lenin's death]. In: Francuzskij ezhegodnik 2000: 200 let Francuzskoj revolyucii 1789-1799 gg.: Itogi yubileya. Moscow, Publ. Editorial URSS: 68-87.
- Zhizhek S. 2010. O nasilii [About violence]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo «Evropa», 184 p.
- Zhukov Yu.N. 2014. Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923-1925 gody [The flip side of the NEP. Economy and political struggle in the USSR. 1923-1925]. Moscow, Publ. Centr «Akva-Term», 448 p.
- Krashenninikov P.V. 2024. Vsadniki Apokalipsisa. Gosudarstvo i pravo Sovetskoj Rossii 1917-1922 gg. [Horsemen of the Apocalypse. The State and Law of Soviet Russia 1917-1922.]. Moscow, Publ. Eksmo, 368 p.
- Lenin V.I. 1969. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 33. [The complete works: in 55 vol. t. 33]. Moscow, Publ. Gos. izd-vo polit. lit., 433 p.
- Mosyakov D.V. 2010. Istoriya Kambodzhi. XX vek [The history of Cambodia. The twentieth century]. Moscow, Publ. Institut vostokovedeniya RAN, 743 p.
- Nazaretyan A.P. 2007. Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizacii: Oчерki po evolyucionno-istoricheskoi psihologii [The Anthropology of Violence and the Culture of Self-organization: Essays on Evolutionary and Historical Psychology]. Moscow, Publ. LKI, 256 p.
- Nepomnin O.E. 2011. Istoriya Kitaya. XX vek [The history of China. The twentieth century]. Moscow, Publ. Institut vostokovedeniya RAN, Kraft +, 736 p.
- Pavlyuchenkov S.A. 1997. Voennyj kommunizm v Rossii: vlast' i massy [War Communism in Russia: power and the masses]. Moscow, Publ. Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo – Istoriya, 272 p.
- Pushkin A.S. 1980. Izbrannye proizvedeniya. V 2-h t. T. 1. [Selected works. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Publ. Hudozhestvennaya literatura, 814 p.
- Filosofiya vojny i mira, nasiliya i nenasiliya: Monografiya [Philosophy of war and peace, violence and nonviolence: Monograph]. 2019. (Pod red. V.P. Rimskogo). M., Publ. Akademicheskij proekt, 462 p.
- Finogentov V.N. 1994. Social'no-istoricheskie regulatory chelovecheskih otnoshenij [Socio-historical regulators of human relations]. In: «Duhovnost' i kul'tura. Algoritmy kul'tury». Ekaterinburg: 54-65.
- Hajek F. 2010. Doroga k rabstvu [The Road to Slavery]. Moscow, Publ. AST, Astrel', 317 p.
- Eliade M. 1987. Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty [Space and history. Selected works]. Moscow, Publ. «Progress», 312 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.01.2024

Received January 20, 2024

Поступила после рецензирования 20.04.2024

Revised April 20, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и русского языка, Орловский государственный аграрный университет, Орел, Россия.

Valery N. Finogentov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Russian, Orel State Agrarian University, Orel, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-600-606

Евразийское осмысление роли Украины и украинской культуры в истории России

Волков М.В.

Южный Федеральный Университет
Россия, 344000, Ростов-на-Дону, Днепроvский пер., д. 116
maxim.volkov@bk.ru, mvolkov@sfedu.ru

Аннотация. Автором исследуется учение евразийцев, которое предложило новый вариант рассмотрения русской истории и место России в мире. Уникальность России выражается в особенности её географического «евразийского» расположения. Сердце Евразии – это пояс степей, протянувшихся от Дуная до Манчжурии и главной задачей России, по мнению евразийцев, является обеспечение контроля всего этого пространства. Особое значение евразийцы придавали Украине, которая, по их мнению, была неотъемлемой частью Евразии. В работе рассмотрено представление евразийцев о роли Украины в истории России. Показана роль украинской культуры и влияние её на церковную реформу патриарха Никона и Петровские реформы. Дан анализ дискуссии об «украинской проблеме» между одним из основателей евразийства князем Н.С. Трубецким и историком, политиком Д.И. Дорошенко.

Ключевые слова: культура, русская культура, Украина, Евразия, евразийство, евразийское мировоззрение, месторазвитие, географический детерминизм

Для цитирования: Волков М.В. 2024. Евразийское осмысление роли Украины и украинской культуры в истории России. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 600–606. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-600-606

Eurasian Understanding of the Role of Ukraine and Ukrainian Culture in the History of Russia

Maxim V. Volkov

Southern Federal University
116 Dneprovskiy all., Rostov-on-Don 344000, Russian Federation
maxim.volkov@bk.ru, mvolkov@sfedu.ru

Abstract. The article examines the teachings of the Eurasians, which proposed a new way of viewing Russian history and Russia's place in the world. The uniqueness of Russia is expressed in the particularity of its geographical "Eurasia" location. The heart of Eurasia is a belt of steppes stretching from the Danube to Manchuria, and Russia's main task, according to Eurasians, is to ensure control of this entire space. Eurasians attached particular importance to Ukraine, which, in their opinion, was an integral part of Eurasia. The article examines the idea of Eurasians about the role of Ukraine in the history of Russia. The role of Ukrainian culture in the church reform of Patriarch Nikon and Peter's reforms is shown. The author provides an analysis of the discussion about the "Ukrainian problem" between one of the founders of Eurasianism, Prince N.S. Trubetskoy, and D.I. Doroshenko, historian and politician. According to Eurasians, in the 17th century, during the reign of Tsar Alexei Mikhailovich, there was a great influence

of Ukrainian culture on Russian culture. This point of view about the role of Ukrainian culture in Russian history was criticized by the Ukrainian historian D.I. Doroshenko, who rejected this influence and any connection between the two cultures and peoples.

Keywords: culture, russian culture, ukraine, eurasia, eurasionism, eurasion worldview, place development, geographical determinism

For citation: Volkov M.V. 2024. Eurasian Understanding of the Role of Ukraine and Ukrainian Culture in the History of Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 600–606 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-600-606

Введение

Евразийство – социально-философское учение, появившееся среди русской эмиграции в 20-х годах XX века. Евразийцами были: филолог Н.С. Трубецкой, географ П.Н. Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский, историк Г.В. Вернадский, богослов Г.В. Флоровский, историк и философ Л.П. Карсавин и т.д. Оказавшись в эмиграции, евразийцы попытались дать свой ответ о роли и месте России в мире. Главным аспектом внимания евразийцев была новая, сформулированная ими цивилизационно-географическая общность «Евразия», из-за которой данное течение мысли и получило своё название. Отказавшись от старого деления Евразийского материка на Европу и Азию, евразийцы предложили добавить к ним третий континент, а именно Евразию. «Евразия» евразийцев – это срединный материк, третий континент, расположенный между Европой и Азией. П.Н. Савицкий географические границы Евразии проводил на западе по линии «черноморско-балтийской перемычки, т. е. в области, где материк суживается (между Балтийским и Черным морями)» [Савицкий, 1997а, с. 299]. В коллективной монографии *Евразийство (опыт систематического изложения)*, граница Евразии с Европой проходит по линии рек: «Неман – Западный Буг – Сан (приток Вислы) – Устье Дуная» [Евразийство. 1997, с. 41]. Фактически это рубеж западной границы бывшего СССР, исключая Прибалтику, которую евразийцы относили к Европе. Сердце Евразии – это пояс степей, протянувшихся от Дуная до Манчжурии. Сплошная полоса степи включает в себя причерноморские степи нынешней Украины и Российской Федерации, степи Казахстана и России за Уралом. Эта степная зона тянется на 8 тысяч километров, ограничиваясь на севере лесами и тайгой, а на юге морями, пустынями и горами. Эту степь евразийцы чаще всего именуют Великой или Евразийской степью. Открытость территории Евразии породила объединительные попытки, в результате которых появлялись великие кочевые империи скифов, гуннов, тюрков, монголов. Тот, кто владел степью, тот владел всей Евразией. Особое значение евразийцы придавали причерноморским степям, расположенным на юге России и Украины. В связи с этим вопрос о статусе Украины, которую евразийцы часто называли по старой традиции Малороссией, является определяющим в геополитике и в философии евразийства.

Тем не менее сами евразийцы не акцентировали внимание на украинской проблематике, и единственной работой, в которой напрямую рассматривается Украина и украинская культура, была статья Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме», опубликованная в 1927 году в *Евразийском временнике*.

Место Украины в исторической концепции евразийства

Примечательно, что многие евразийцы были родом с Украины. К примеру, один из основателей евразийства П.И. Савицкий был сыном черниговского помещика предводителя дворянства. Помимо него, стоит упомянуть П.П. Сувчинского, ведшего свою родословную из польской знатной фамилии, имевшей родовое имение под Полтавой, и протоиерея, богослова, философа Г.В. Флоровского, который родился

в Елисаветграде (ныне Кропивницкий, Украина), а молодость и учебу в университете провел в Одессе, откуда и ушел в эмиграцию.

Рассмотрим подробнее, как евразийцы относились к идее независимого украинского государства и их мнение об украинской культуре и её истории.

Для евразийцев Украина была неотъемлемой частью Евразии, и в своих программных документах они постоянно указывают на необходимость единства всего евразийского месторазвития – географического, политического, культурного, экономического. Евразийцы принимали общеупотребительную до революции в Российской империи концепцию триединого русского народа, согласно которой в него входят великороссы (русские), малороссы (украинцы) и белорусы. Причина такого разделения объяснялась евразийцами особенностями исторического развития Руси-России. Монголы, подчинив себе восточные и южные земли Древнерусского государства, разделили его территорию с Литвой, которой достались западные княжества, а впоследствии и южные земли, включая Киев. Великое княжество Литовское в силу ряда причин объединилась в 1569 году с королевством Польским в Речь Посполитую. Москва сумела получить независимость и создать русское государство, а на территориях, оказавшихся под польско-литовским контролем, сформировались белорусы и украинцы. Московская Русь основала империю и собрала все земли бывшей Киевской Руси. П.Н. Савицкий напишет об этом так: «Москва оказалась годным объединительным центром в евразийской государственной системе. Литва-Польша таким центром не оказалась» [Савицкий, 1997b, с. 307].

Евразийцы отрицали право на государственность украинцев и белорусов, поэтому не признавали законными требования политической независимости для этих народов. Известный историк и евразиец Г.В. Вернадский писал, что намерения делить единую русскую народность на три различных народа «вызывается не причинами этнически-историческими, а лишь причинами партийно-политического характера» [Вернадский, 2008, с. 286]. Такая независимость противоречила главному тезису евразийцев, а именно постулату о неделимости России-Евразии. По мнению евразийцев, Литва, а затем Речь Посполитая были европейскими государствами и, следовательно, частью западной цивилизации. Захватив силой западные земли Древнерусского государства, поляки проводили политику ассимиляции местного населения, что выразилось в католической экспансии и церковной унии, а также культурной ассимиляции, иезуиты открывали католические школы и университеты. Под влиянием польского языка во многом формировались украинский и белорусский языки. Естественным противником Польско-Литовского государства была Москва, преемница Золотой Орды. Черта, отделяющая Москву от Литвы, писал П.Н. Савицкий, была «границей двух исторических миров: одного – определяемого сложным сочетанием византийских и монгольских традиций, все глубже перерабатываемых и все полнее перекрываемых новым, из-под спуда бьющим началом русскости; другого – определяемого началом латинства» [Савицкий, 1997b, с. 307]. Для евразийцев Россия родилась в границах Золотой Орды и была законным преемником последней. Объединение Восточной Руси являлось результатом целенаправленной политики монгольских ханов, а русские цари и императоры Российской империи продолжили этот процесс, подчиняя себе западнорусские земли, освобождая их от польской власти.

Статья Н.С. Трубецкого «К украинской проблеме» и его полемика с Д.И. Дорошенко

Такой взгляд на историю привёл к полемике в эмигрантских кругах. Во второй половине 20-х годов XX века произошла дискуссия об «украинской проблеме» между одним из основателей евразийства князем Н.С. Трубецким и историком, украинским политиком Д.И. Дорошенко. Начало полемики положила статья Н.С. Трубецкого

«Ж украинской проблеме» (1927 г.), в которой Трубецкой попытался дать ответ на вопрос, как украинская культура повлияла на русскую. Как уже писалось выше, евразийцы исходили из того тезиса, что русская, белорусская и украинская культуры оказались разделены историческим прошлым, но до XIV века они были единой восточнославянской древнерусской культурой. В XVII веке в правлении царя Алексея Михайловича проблема культурной раздельности России Московской и Руси Польско-Литовской вышла в сферу практического разрешения. В 1654 году в городе Переяславе запорожские казаки во главе с гетманом Богданом Хмельницким приняли решение проситься в подданство царя Московского. Земский собор вместе с царем принял решение о принятии Гетманщины в подданство России и начал войну с Речью Посполитой, которая закончилась перемирием в 1667 году. По итогу к Москве отошли земли Левобережной Украины вместе с Киевом. И здесь, по мнению Н.С. Трубецкого, встал вопрос о том, по какому принципу «соединить две редакции одной и той же общерусской культуры воедино» [Трубецкой, 1995а, с. 362].

Первым и самым актуальным вопросом, стоявшем перед московским правительством, был вопрос о том, как объединить две части когда-то единой Русской Православной церкви. В обрядах, богослужебных книгах были значительные различия между Киевом и Москвой. К примеру, на Украине крестное знамение налагали на себя тремя перстами следуя новой греческой моде, а в Москве было двоеперстие. Большие реформы в церкви провел Киевский митрополит Петр Могила в пер. пол. XVII в. Он изменил многие обряды и богослужебные книги по новым греческим образцам. Внедрялась западная схоластика и вводилось изучение латыни. В киевских семинариях учили догматику по латинским учебникам. Украинская церковь указывала русским на ошибки в их богослужебных книгах и обрядах. В свою очередь, духовенство и миряне русской церкви московского патриархата полагали, что именно они исповедают и хранят истинное Православие, так как, по их мнению, вера греков пала из-за ереси после Ферраро-Флорентийской унии 1439 года, а Москва была объявлена третьим Римом старцем Филофеем.

Вопрос об объединении двух церквей, русской и украинской, был решен самым трагичным для Москвы образом. По решению царя Алексея Михайловича и патриарха Московского Никона православную церковь Русского государства в обрядах, богослужении и книгах было решено согласовать с церковью в Киеве. Всё это привело к церковному расколу, появлению старообрядчества. Сам патриарх Никон получил титул «Патриарх всея Великия и Малыя и Белья Руси», вместо «всея Руси», который носили его предшественники. Интересно, что данный титул был у киевских митрополитов. Н.С. Трубецкой подводит итоги: «...произошла *украинизация великорусской духовной культуры*. Различие между западнорусской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала едина» [Трубецкой, 1995а, с. 367]. Таким образом, по мнению евразийцев, русская культура послепетровского периода была западнорусской – украинской по своей природе, в результате став *общерусской*. Это касалось не только духовно-религиозной жизни России, но и остальных аспектов духовного бытия общества. Н.С. Трубецкой перечисляет следующие изменения: литература, «киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую», проникновение традиции схоластической риторики, большое количество ученых и образованных украинцев в Москве (Симеон Полоцкий, Стефан Яворский и Феофан Прокопович и другие), украинское влияние было в живописи, архитектуре (Нарышкинское барокко), театре и т. д.

Евразийцы, как и славянофилы, крайне негативно относились к Петру I и его эпохе, так как именно Петр I совершил коренной поворот России в сторону Запада, но начало этого процесса положил отец Петра I – царь Алексей Михайлович (1645–1676 гг.). Н.С. Трубецкой, пишет: «С первого взгляда кажется, что при Петре произошел полный разрыв традиции и что культура послепетровской России не имеет ничего общего

с допетровской, ничем с ней не связана. Но такие впечатления обычно бывают ошибочны» [Трубецкой, 1995а, с. 362]. Предтеча Петра I, по мнению евразийских мыслителей, царь Алексей Михайлович, первым начал массово заимствовать культуру Запада, но не протестантского голландско-немецкого образца, как Петр, а католического польско-литовского. Цели, которые перед собой ставил Алексей Михайлович, диктовались необходимостью интеграции новообретенных территорий Украины, а также преодоления научно-технической отсталости России от передовых стран Европы. Совершив это, он первым нарушил органическое единство, которое Н.С. Трубецкой называл «бытовым исповедничеством», то есть моделью мироустройства государства, основанного на идее царя – наместника Бога на земле, и Православия. XVII век – это время, когда Россия начала заражаться западным «европейским духом», что полнее всего обозначилось уже в правлении Петра I. Тем не менее та коренная ломка русской культуры при Петре I, по мнению Н.С. Трубецкого, была бы мало вероятна без слома старорусской культуры и насаждению на её место «западнорусской украинской редакции русской культуры», поскольку последняя уже была под большим влиянием Запада. «Таким образом, – продолжает Н.С. Трубецкой, – старая великорусская, московская культура при Петре умерла; та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а *киевской, украинской культуры*» [Трубецкой, 1995а, с. 365].

Такой синтез позволил органично присоединить к Российской империи земли нынешней Белоруссии и Украины при Алексее Михайловиче и Екатерине II. В XX веке, после победы большевиков и образования УССР, началось насаждение на территории Украины «новосозданной, специально украинской культуры» [Трубецкой, 1995а, с. 372]. Такая политика, по его мнению, привела к трагическим последствиям для украинского народа. В 1927 году Н.С. Трубецкой так описывал будущее украинского национализма: «Узкие и фанатичные краевые шовинисты... сделаются главными адептами и руководителями этой новой культуры (украинской)... постараются всячески стеснить или вовсе упразднить саму возможность свободного выбора между общерусской и украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется ещё внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попирания собственных национальных святынь» [Трубецкой, 1995а, с.372]. Н.С. Трубецкой не отрицал существование украинской культуры, но, по его мнению, она является областной и призвана не заменить или вытеснить общерусскую культуру, а дополнить её.

Главным критиком Н. Трубецкого был Д. Дорошенко, в свою очередь доказывающий, что в Московской Руси не было проникновения украинской культуры во всей ее целостности, признавая только частичные заимствования, которые ни на что не влияли. Для него русская культура осталась русской, а реформы Петра только усилили восточный деспотизм, которому он противопоставляет вольный дух запорожского казачества: «Там, в Московии, мы видим господство пытки и кнута, "правеж" – тяжелое наследие татарщины, ставшую классической судебную волокиту... как это не похоже на Украину...» [Дорошенко, 1995, с. 383]. Прочитав критику Н. Дорошенко на свою статью, Н.С. Трубецкой опубликовал ответ, где указал на манипуляции историческими фактами: «Украина того же времени представляется проф. Д.И. Дорошенко как какой-то земной рай, царство свободы и просвещения... Такой подход к проблеме кажется нам чрезмерно упрощенным...» [Трубецкой, 1995b, с. 394]. Тем не менее Трубецкой признает большое различие между двумя редакциями русской культуры – великорусской и украинской, и различие это диктовалось в первую очередь внешним влиянием. Любовь украинцев к

свободе и анархии, а также отрицание сильной государственной власти Н. Трубецкой объясняет польским влиянием. Русские, напротив, «выросли в государственном строительстве», и «государственность большого стиля была для них своим национальным делом, национальной миссией, и поэтому естественным для них являлся известный этатизм, государственный максимализм, по необходимости связанный с некоторой жестокостью государственной власти» [Трубецкой, 1995b, с. 395].

Заклучение

Евразийство возникло в среде творческой интеллигенции, которая волей судьбы оказалась в эмиграции. Евразийцы создали новую географическую реальность – Евразию, в которую поместили Россию, наследницу великих кочевых империй. Географический детерминизм оказался во главе угла евразийской идеологии, и главной задачей России-Евразии являлось сохранение целостности евразийского месторазвития. По мнению евразийцев, неотъемлемой частью Евразии была Украина. Евразийцы разделяли концепцию триединого русского народа, в состав которого входили русские (великороссы), малороссы (украинцы) и белорусы. Разделение некогда единого в языке, культуре, религии народа произошло из-за внешнего воздействия, а именно нашествия монголов и литовцев в XIII веке. В XIV веке некогда общая восточнославянская древнерусская культура оказалась разделена, как писал Н.С. Трубецкой, на две редакции: западнорусскую – украинскую и великорусскую – московскую. Московская Русь сумела освободиться и собрать все земли бывшего Древнерусского государства, но, по мнению, Н.С. Трубецкого, результатом этого процесса была «украинизация великорусской культуры» в XVII веке. Украинская культура стала общерусской. Предтечей Петра I был его отец, царь Алексей Михайлович, поскольку именно он начал массово заимствовать украинскую культуру, которая была под большим польско-католическим влиянием. Трубецкой даже церковные реформы патриарха Никона называет «украинизацией» московской духовной культуры и жизни церкви. Изменения касались не только церкви, но и образования, архитектуры, искусства. Все это облегчило реформы Петра I, поскольку, как писал Н. Трубецкой, Петру пришлось иметь дело уже с «украинской редакцией русской культуры, впитавшей в себя некоторые элементы европейской культуры» [Трубецкой, 1995а, с. 363]. Такая позиция Н. Трубецкого о роли украинской культуры в русской истории встретила критику историка Д.И. Дорошенко, который отверг данное влияние и какую-либо связь двух культур и народов.

Список литературы

- Вернадский Г.В. 2008. Начертание русской истории, М., Алгоритм: 336 с.
Дорошенко Д.И. 1995. К украинской проблеме. По поводу статьи кн. Н.С. Трубецкого В кн.: История. Культура. Язык. М., Прогресс: 380-392.
Евразийство. Опыт систематического изложения. 1997. В кн.: Континент Евразия. М., Аграф: 6-64.
Савицкий П.Н. 1997а. Географические и геополитические основы евразийства. В кн.: Континент Евразия. М., Аграф: 295-303.
Савицкий П.Н. 1997б. Геополитические заметки по русской истории. В кн.: Континент Евразия. М., Аграф: 303-332.
Трубецкой Н.С. 1995а. К украинской проблеме В кн.: История. Культура. Язык. М., Прогресс: 362-380.
Трубецкой Н.С. 1995б. Ответ Д.И. Дорошенко В кн.: История. Культура. Язык. М., Прогресс: 393-405.

References

- Vernadskij G.V. 2008. Nachertanie russkoj istorii [Outline of Russian history], Moscow, Publ. Algorithm: 336 p.
Doroshenko D.I. 1995. K ukrainskoj probleme. Po povodu stat'i kn. N.S. Trubeckogo [On the Ukrainian problem. Regarding the article by Prince N.S. Trubetskoy]. Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow, Publ. Progress: 380-392.

- Evracijstvo. Opyt sistematičeskogo izložhenija [Eurasianism. An attempt at a systematic presentation]. 1997. Kontinent Evrazija [Continent of Eurasia]. Moscow, Publ. Agraf: 6-64.
- Savickij P.N. 1997a. Geograficheskie i geopolitičeskie osnovy evracijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. In: Kontinent Evrazija [Continent of Eurasia]. Moscow, Publ. Agraf: 295-303.
- Savickij P.N. 1997b. Geopolitičeskie zametki po russkoj istorii [Geopolitical notes on Russian history]. Kontinent Evrazija [Continent of Eurasia]. Moscow, Publ. Agraf: 303-332.
- Trubeckoj N.S. 1995a. K ukrajinskoj probleme [On the Ukrainian problem]. In: Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow, Publ. Progress: 362-380.
- Trubeckoj N.S. 1995b. Otvet D.I. Doroshenko [Reply to D.I. Doroshenko]. In: Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow, Publ. Progress: 393-405.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.03.2024

Received March 10, 2024

Поступила после рецензирования 10.06.2024

Revised June 10, 2024

Принята к публикации 30.08.2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волков Максим Владимирович, специалист по учебно-методической работе, соискатель кафедры теории культуры, этики и эстетики, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Maxim V. Volkov, Specialist in Educational and Methodological Work, Candidate of the Department of Cultural Theory, Ethics and Aesthetics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-607-614

Русская философская мысль: знак и символ в XIX–XX веках

Нифонтова В.А., Селюков С.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
nifontova@bsu.edu.ru, SelyukovSA@yandex.ru

Аннотация. В современном мире наблюдается усиление воздействия знаковых и символических систем на принятие идентичности и выражение индивидуального опыта. Авторами рассмотрены основные вехи в определении значения знака и символа, выявлены уникальные черты русской философской традиции, показаны изменения в смысловом содержании понятий «символ» и «знак» от дореволюционной философской традиции до современной философии. Показано, что русская философская традиция в определении символа и знака особое внимание уделяла духовному воздействию знакового и символического на личность, культурной особенности национального и религиозного опыта. Анализ основных точек зрения на проблему знака и символа А.А. Потебни, Л.С. Выготского, А.М. Лосева, Ю.М. Лотмана и Э.В. Ильенкова позволил выявить, что, несмотря на разные подходы к проблеме знака и символа, русские философы подчеркивали важную роль этих категорий в процессе осмысления реальности, формирования мышления и культуры. Полученные результаты вносят вклад в развитие культурно-исторической теории.

Ключевые слова: понятие, знак, символ, А.А. Потебня, слово, язык, Л.С. Выготский, развитие, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, категория культуры, культурно-историческая теория, Э.В. Ильенков

Для цитирования: Нифонтова В.А., Селюков С.А. 2024. Русская философская мысль: знак и символ в XIX–XX веках. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 607–614. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-607-614

Russian Philosophical Thought: Sign and Symbol in the 19th – 20th Centuries

Victoriya A. Nifontova, Sergey A. Selyukov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
nifontova@bsu.edu.ru, SelyukovSA@yandex.ru

Abstract. In the modern world, there is an increasing impact of iconic and symbolic systems on the acceptance of identity and the expression of individual experience. The authors consider the main milestones in determining the meaning of a sign and a symbol, identify unique features of the Russian philosophical tradition, and describe changes in the semantic content of the concepts of "symbol" and "sign" from the pre-revolutionary philosophical tradition to modern philosophy. It is shown that the Russian philosophical tradition, in defining the symbol and sign, paid special attention to the spiritual impact of the iconic and symbolic on the individual, the cultural peculiarities of national and religious experience. The analysis of the main points of view on the problem of the sign and symbol by A.A. Potebnya, L.S. Vygotsky, A.M. Losev, Y.M. Lotman and E.V. Ilyenkov revealed that, despite different approaches to the problem of the sign and symbol, Russian philosophers emphasized the important role of these categories in the process of understanding reality, shaping thinking and culture. The results obtained contribute to the development of cultural and historical theory.

Keywords: concept, sign, symbol, A.A. Potebnya, word, language, L.S. Vygotsky, development, A.F. Losev, Yu.M. Lotman, category of culture, cultural and historical theory, E.V. Ilyenkov

For citation: Nifontova V.A., Selyukov S.A. 2024. Russian Philosophical Thought: Sign and Symbol in the 19th – 20th Centuries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 607–614 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-607-614

Введение

Проблематика символов и знаков в современном мире остается значимой и усиливается на фоне технологического прогресса и стремительных социально-культурных изменений. Важность определения идентичности (социальной, этнической, культурной (включая теперь уже и виртуальную (сетевую)) в современном обществе возрастает в связи с ростом запросов индивида о его месте в мире и в структуре общественных отношений. Близок к этому аспект взаимодействия (особенно между субъектами (индивидуальными и групповыми)) как элемент коммуникации.

Можно указать несколько областей человеческой деятельности, где важность вопросов, связанных с понятиями «знак» и «символ», видна наиболее ярко. Область искусства и культуры: с одной стороны, символы и знаки являются частью культурного наследия, концентратом исторического опыта и общественных ценностей. С другой стороны, знаки и символы в современном искусстве используются для выражения новых идей, эмоций, и социальных нарративов. В области политики символы и знаки играют важную роль как идентификаторы субъектов на политическом поле и как мотиваторы симпатизантов (или, наоборот, негативные маркеры оппонентов). Схожую роль маркеров играют знаки и символы в рекламе. Кроме того, в области экономики они используются в формировании корпоративного стиля (брендинг) и создании «товарных знаков», защищающих права владельцев.

Рассмотрению понятий «символ» и «знак» в современной научной литературе посвящен целый ряд работ, в которых данные категории анализируются с точки зрения культурологии, эстетики, религии или литературоведения. К примеру, можно выделить работы Гриненко Г. В., «О природе знаков: культурно-историческая перспектива» [2021] о современных исследованиях когнитивных процессов, Воркачева С.Г., «Семиотика символа по данным российского научного дискурса» [Воркачев, 2021] исследуются представления о символе в гуманитарных науках. В статье «Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии» Е.В. Малаховой [Малахова, 2023] рассматривается искусственный интеллект как технология, порождающую множество культурных конструкторов – знаков и нарративов, которые могут быть причислены к так называемым социальным мифам. Обоснование невербальных и вербальных систем коммуникации человека и человечества в культуре предпринято в работе Приваловой В. М. «Язык знаков и символов. Обзор текста и анализ контекста» [Привалова, 2019]. Вместе с тем в исследованиях отсутствует целостная картина вклада представителей русской философской традиции в формирование историко-культурного понятийного представления категорий «знак» и «символ», что и определило необходимость нашей работы.

В данной работе предпринята попытка проследить основные этапы определения значений «символа» и «знака», выявить уникальные особенности подхода русской философской традиции в определении этих категорий, исследовать изменения в смысловом содержании понятий «символ» и «знак» от дореволюционной философской традиции до современной философии.

Методы исследования: обзор ключевых работ русских философов (А.А. Потебни, Л.С. Выготского, А.М. Лосева, Ю.М. Лотмана и Э.В. Ильенкова); сравнительный анализ этих работ в контексте проблемы знака и символа; историко-культурный анализ роли символа в русской культуре и духовной традиции.

Трактовка понятий «знак» и «символ» в русской философии (XIX–XX веков)

Русская философская мысль, отражая национальные особенности и духовные искания, разработала своеобразное понимание знака и символа, отличающееся от западных концепций и имеющее уникальные черты, связанные с поиском смысла, духовности и трансцендентного, уделяла большое внимание культуре, искусству и языку, рассматривала знак и символ как ключевые элементы духовного и культурного развития.

Концепция символа имеет различное толкование в восточной и западной культуре. Например, в новоевропейской концепции символ рассматривается как одна из разновидностей знакового определения. Происхождения понятий знака и символа чрезвычайно сложно, связано со многими факторами человеческой жизни. Трактовки этих понятий менялись на протяжении исторических эпох, поскольку определения символа и знака связаны со сложными общественными структурами, которые формируются в результате совместной деятельности, «впечатаны» в паттерны, которыми кодируется и передается жизненно важная информация.

Символ – это коммуникационная модель взаимодействия, которая позволяет объединить индивидуальные сознания в цельное культурное пространство, связанное единым смысловым кодом. Это одно из центральных понятий гуманитарного знания, которое, благодаря диалогической структуре, интегрирует индивидуальное в общественное. При том, что использование понятий «символ» и «знак» имеет давнюю историю, сам термин «символ» в научном употреблении является одним из самых противоречивых, что обусловлено несколькими факторами: его многозначностью, противоречием между конкретностью и абстрактностью, между универсальностью и специфичностью, а также проблемами интерпретации и функций символа. Понятие символа берет свое начало с платоновской традиции трактовки символа как знакового образа, имеющего неисчерпаемую смысловую коннотацию [Лосев, 1994].

Символы используются для коммуникации при передаче сложных или абстрактных идей. По форме символы могут являться физическими (жесты, рисунки) или теоретическими образами (понятия).

Рассмотрим формирование определений для понятий «знак» и «символ» в исторической традиции русской философской мысли в конце XIX – начале XX веков.

В философском словаре 1876 года дано следующее определение понятию символ: «Символ (σύμβολον знак, σύμβάλλειν сравнивать, сопоставлять) означает какой-нибудь образ или начертание, когда им указывается на нечто мыслимое, подразумеваемое или на такое общее безобразное представление, которое не слилось и не могло, как общее, слиться совершенно с единичным знаком, а потому этот знак, хотя и указывает какой-нибудь аналогичной стороной на общее представление, удерживает, однако, и выявляет и свое особенное, свойственное ему конкретное, частное значение» [Гогоцкий, 1876, с. 117] в котором мы видим наложение границ знака и символа, что демонстрирует нам размытость, не обособленность понятия знака и понятия символа, восприятие этих категорий как тождественных.

Обратимся к наследию русского лингвиста А.А. Потебни, который впервые в русском научном сообществе дал определение слову как лингвистическому знаку, имеющему сложное универсальное строение, несущему культурное значение национальной и языковой традиции. По определению, которое ученый дает знаку, «знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли» [Потебня, 1977, с. 217], то есть знак является формой замены образа, для облегчения понимания и действия.

В своих работах А.А. Потебня определил основополагающую роль, которую знак (слово) играет в процессах познания действительности, именовании предметов и актах общения. Эта роль заключается в представлении. Представление и несет в себе

символическую функцию языка – «системы символов, служащих мысли»: «Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию» [Потебня, 2007, с. 99].

А.А. Потебня развивает свое учение о языке как исторически сложившейся знаковой системе и указывает, что представление знака как символа есть отношение как к предыдущему, так и к последующему значению слова, поскольку любое представление слова обусловлено: «При определении значения грамматической формы, и вообще слова, нам нужны... категории первообразные и производные, исторически предшествующие и последующие» [Потебня, 197, с. 217]. «Существующий строй языка – лишь этап в цепи исторического развития», и «в каждый момент речи наша самодеятельность направляется всею массою прежде созданного языка» [Потебня, 1977, с. 45].

Исторически сложившиеся отношения между знаками языка определяли для А.А. Потебни невозможность разделения состояния языка и его истории образования.

В развитии понятия символа в философском словаре начала XX века мы встречаем такое определение символа: «Символ есть известный образ, долженствующий указывать на более широкое и общее содержание. Всякое слово есть символ, указывающий на предмет или понятие. Всякий предмет в свою очередь может рассматриваться как символ указывающий на идею или общее содержание, отражающееся в предмете» [Философский словарь..., 1911, с. 235]. В данном определении мы видим трактовку понятия символа как некоего предмета, указывающего на другой, отличный от упоминаемого, предмет, то есть понятие символа дается как более широкое определение, применимое и к понятию знака. Таким образом, мы видим тождественность определения понятий знак и символ в философской мысли начала XX века.

В работах русского психолога Л.С. Выготского мы встречаемся с определением знака как орудия, опосредующего взаимодействие между людьми [Выготский, Л. С. 1984]. Понятие знака употребляется ученым в различной трактовке. В текстах знак – это форма передачи информации; и в то же время язык, в его определении, – это символическая деятельность, связанная с употреблением знаков. Выготский указывает на формирование символической функции речи: «Ребенок, видя новый предмет, спрашивает, как это называется. Ребенок сам нуждается в слове и активно стремится овладеть знаком, принадлежащим предмету, знаком, который служит для названия и сообщения... Ребенок как бы открывает символическую функцию речи» [Выготский, 2022, с. 159].

Л.С. Выготский считал, что знаки играют центральную роль в мыслительных процессах человека. Он делал различие между прямым сигналом (ситуация или объект) и знаком, который представляет собой символическое отображение этой ситуации в уме. Ученый анализировал способы, которыми дети учатся и развивают свои познавательные способности через взаимодействие с символическими системами, такими как язык, математические символы, культурные знаки и т. д. Лев Выготский считал, что знаки структурируют мышление и выстраивают картину понимания мира, а также важны в развитии умственных операций. Его исследования дают понимание важности символических систем и знаковых средств коммуникации в формировании человеческого мышления.

Психолог уделял внимание символической деятельности человека, особенно в контексте психологии. Он рассматривал использование символов как важную составляющую культурного и интеллектуального развития. В работе «Психология искусства» [Выготский, 1998]. Выготский описывал важность воображаемых и игровых символов в раннем детском развитии. Он отмечал, что ребенок использует символы для выражения внутренних представлений и переживаний.

Л.С. Выготский считал, что символы играют ключевую роль в образовательном процессе, поскольку они позволяют детям осваивать абстрактные понятия и формировать

понимание мира вокруг себя. Символы, по мнению ученого, являются важным средством коммуникации и взаимодействия между людьми. Они позволяют передавать и понимать информацию и, что особенно важно, эмоции и мысли. Ученый подчеркивал, что использование символов способствует развитию детского мышления, интеллектуальных способностей и воображения, а также формированию культурных и социальных навыков. Лев Выготский уделял внимание значению символов как инструменту психического развития и понимания мира.

Рассматривая развитие ребенка, ученый последовательно перечисляет этапы становления коммуникативных навыков передачи информации: «...Для ребенка слово представляет часть вещи, одно из ее свойств, оно неизмеримо теснее связано с предметом, чем слово взрослого» [Выготский 2022, с. 493]. На примере формирования языкового общения ребенка, ученый прослеживает этапы преобразования знаковых и символических значений. Выготский проводит параллель между онтогенезом и филогенезом. В последующем, «...в ходе исторического развития языка изменяется смысловая структура значения слова, изменяется психологическая природа этого значения... переходит к высшим и наиболее сложным формам, находящим свое выражение в абстрактных понятиях...» [Выготский, 2022, с. 470], т. е. слово в процессе общения перестает быть знаком, четко фиксированным с предметом, явлением или действием, а становится обобщенным образом, абстрактным понятием, обладающим символическим значением. Изучая языковое развитие ребенка, Л.С. Выготский приходит к следующим выводам: в различных ситуациях смысл слова начинает приобретать различное значение, связанное с контекстом воспринимаемой информации.

Мышление ребенка начинает определяться не столько звуковой формой слова, сколько внутренним содержанием – значением. Итогом развития употребления знаков как основных инструментов передачи смысла становится разделение двух составляющих: внешней – звука и образа, и внутренней – смысла и значения. Звук и образ определяют знаковую природу слова, смысл и значение – символическую. Ученый отмечал социокультурный контекст возникновения знаков и символов, что говорит об определяющем значении ценностей, норм и представлений того общества, в котором знаки и символы употребляются. Однако в работах Л.С. Выготского не приведены определения этих понятий, что во многом затрудняет применение и понимание положений его теории. Символ как философская основа, как конкретный способ понимания действительности продолжает свое развитие. В отличие от западных мыслителей, русские философы считали, что мир есть единство явления и сущности, которые пронизаны духовными энергиями. Символ соединяет вещь и ее смысл в их взаимопроникновении, не существует отдельной чистой мысли или отдельного чистого бытия [Лосев, 1994, 1995; Соловьев, 2012].

Русский мыслитель А.Ф. Лосев изучал символ в контексте культуры, искусства и религии. Он рассматривал символ не только как внешний знак или обозначение, но, прежде всего, как способ доступа к метафизическим и духовным реальностям. Символ для Лосева был мостом между видимым миром с внешними явлениями и внутренними законами бытия. В своих работах [Лосев, 1994, 1995] ученый подчеркивал важность символа в культуре как средства передачи глубинных смыслов, ценностей и идей из поколения в поколение. Символы в культуре несут в себе концентрированные смыслы и часто становятся ключом для понимания и интерпретации культурного наследия.

Лосев в своих работах [1993, 1994, 1995] выступает против идеалистических смыслов, приписываемых символу, в результате чего он (символ) утрачивает свое значение, а воспринимается как субъективное представление. В его трудах понятие «символ» неразрывно соединяет реальное и идеальное. В работе «Диалектика мифа» им была предпринята попытка вычленив символ как особенный способ выражения, как некую эстетическую основу, отличную от аллегории или других категорий. А.Ф. Лосев утверждал, что «символ» – это такая выразительная форма, которая являет «синтез двух

планов, одного – наиболее внешнего, очевидного и другого – внутреннего, осмысляющего и подразумевающего» [Лосев, 1995, с. 36].

Ученый рассматривал искусство как особую форму символического выражения. Он интересовался способностью искусства передавать метафизические и духовные идеи через символы, формы и образы. В контексте религии ученый видел символы как ключевой элемент духовной практики и веры. Он исследовал религиозные символы как способ доступа к трансцендентному и духовному опыту. Лосев интересовался также символическим содержанием мифа, рассматривая его как форму символического выражения ценностей и архетипических образов [Лосев, 1994, 1995].

В своих трудах А.Ф. Лосев отождествляет знак и символ, но это отождествление происходит как бы на разных уровнях. С одной стороны, «...символ вещи есть ее знак, но только не мертвый, а рождающий собою многочисленные единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность» [Лосев, 1995, с. 68]. С другой стороны, ученый, анализируя движение от знака к символу, пишет следующее: «...знак может иметь бесконечное количество значений, то есть быть символом» [Лосев, 1995, с.130], т. е. символ у Лосева – это объемный знак, включающий в себя множество значений, а знак – росток будущего символа. Похожесть знака и символа определяется ученым тем, что значение одного предмета переносится на совершенно другой предмет, который в результате переноса становится символом первого: «...Самое интересное здесь то, что смысл, перенесенный с одного предмета на другой, настолько глубоко и всесторонне сливается с этим вторым предметом, что их уже становится невозможно отделить один от другого. Символ в этом смысле есть полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью» [Лосев, 1995].

Лосев указывает, что символ не имеет ничего общего с содержанием понятия, это отвлеченная величина. Символ являет собой некую безобразную сущность, т. е. сущность, в которой преобладает не некий образ, а идеальное представление об этом образе, идеальность означаемого [Лосев, 1993].

Значительный вклад в развитии представления о философском понятии знака и символа внес русский лингвист Ю.М. Лотман. Разрабатывая науку о знаковых системах – семиотику, Лотман утверждал, что знаки являются «материально выраженными заменами предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе». В своей градации знаки представляют из себя как условные, так и изобразительные величины. Но их содержание возможно определить только в рамках определенного культурного пространства. Что касается символа, то, по мнению ученого, «символ – это посредник в системе возникновения и передачи информации между знаковой и внезнаковой реальностью» [Лотман, 2010, с. 8].

Ю.М. Лотман рассматривал символ как самостоятельную смысловую единицу, которая может включаться в любое смысловое окружение и легко из него вычленяется. Особенностью символа является то, что он не принадлежит определенному временному или сиюминутному культурному пространству, а пронзает временной срез: «Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [Лотман, 2004, с. 241]. Символ у Лотмана включает культурный контекст, отсылает воспринимающего к различным смысловым референтам, что в свою очередь, позволяет лучше воспринимать таким образом структурированную информацию. Символ, как категория культуры, трактуется ученым как набор концептуальных категорий, связанных с культурообразованием, таким образом, центром символа является концепт [Лотман, 2004, с. 250]. В философском словаре 1961 года мы встречаем следующую трактовку понятия знака: «...понятие философии, логики, языкознания, психологии и др. дисциплин, связанных с анализом человеческой деятельности. Чаще всего Знак понимается как чувственно-воспринимаемый предмет, действие или событие, к-рое указывает, обозначает или представляет др. предмет, событие, действие, субъективное образование и т. п. Эта характеристика, схватывая существенную особенность З., не может служить его

определением, т. к. берет лишь одно из тех отношений или связей (а именно отношение обозначения), система к-рых создает 3. Попытка определения понятия 3. наталкивается на значительные трудности, обусловленные прежде всего тем, что 3. принадлежит к сложным структурным образованиям, методы исследования к-рых к настоящему времени еще не разработаны в достаточной мере» [Философский словарь, 1963, с. 18].

Середина XX века характеризуется масштабными исследованиями в теоретической разработке марксистской теории исторического развития. Один из выдающихся ученых-марксистов того времени, Э. Ильенков, занимался и рассмотрением культурно-исторической теории, в рамках которой определил понятия знака и символа. Подчеркивая особенность любой человеческой деятельности как деятельности общественной, разрабатывая понятие идеального в рамках марксистской теории стоимости, Ильенков резюмирует определение знака и символа. В его интерпретации символ представляет собой «знак, указывающий на нечто "другое", лишь как символ этого "другого", на символ внешне совсем не похожего субъекта» [Ильенков, 1979, с. 134].

Философ, опираясь на диалектический материализм, в результате своих изысканий определяет основное направление общественной деятельности как движение от дела к мысли, выраженной в слове (читай: «в символе»). А.Д. Майданский, резюмируя вклад Ильенкова Э., подводит итог его определению знака и символа: знак-Дело, символ-Слово: «Мысль возникает как форма Дела в процессе предметно-практической деятельности, а Слово является формой выражения Мысли в процессе общения с другими людьми» [Майданский, 2019, с. 128–136]. Таким образом, знак используется разумом для однозначной трактовки определения объекта деятельности. Символ является результатом практического опыта, не имеющего однозначного наполнения. В отличие от знака символ – всегда предмет интерпретации, некий образ, который есть воплощение некой идеи, притом такой, которую воспринимает и трактует некая общность людей. В каком-то смысле символ – тайный знак для посвященных, некое знание за пределами чувственно воспринимаемой действительности.

Заключение

Развитие понятий знака и символа в XX веке пришло к разделению этих понятий. Знак определяется как нечто однозначное, унифицированное, не имеющее индивидуальных характеристик. В таком значении он используется как активный компонент массового употребления, служащий для облегчения, простоты и однозначности коммуникации. Символ, в отличие от знака, не имеет однозначной, точной трактовки, а, наоборот, обладает сразу несколькими значениями, он – результат культурного опыта, опыта переживания. Символы играют важнейшую роль в нашей жизни, влияя на то, как мы воспринимаем мир, как мы мыслим и как мы взаимодействуем друг с другом. Неопределенность символа дает широкий простор для расшифровки закодированного культурным контекстом смысла, для трактовки и интерпретации. Символ всегда не до конца определен, всегда несет большее, чем он сам, значение. В русской философской традиции символ рассматривается как мост между миром духовного и материального, между истиной и реальностью. Философы не всегда разделяют понятие «символа» и «знака». Важным аспектом исследования символа в русской философии является его связь с духовным опытом человека и поиском смысла жизни.

Символы – это неотъемлемая часть цивилизационной культуры, они играют важную роль в формировании нашего мышления, чувств, идентичности. Русские философы отразили уникальную черту русской философии – связь с духовностью, поиском смысла жизни и трансцендентным истинным бытием. Их работы продолжают быть актуальными и стимулируют дальнейшие исследования этой важной темы.

Список литературы

- Выготский Л.С. 1998. Психология искусства. Мн.: Современное Слово, 480 с.
Выготский Л.С. 2022. Мышление и речь. М.: АСТ, 576 с.

- Выготский Л.С. 1984. Орудие и знак в развитии ребенка. В кн. Л. С. Выготский, Собрание сочинений (т. 6, с. 5-90). М.: Педагогика.
- Гриненко Г.В. 2021. О природе знаков: культурно-историческая перспектива. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 3(101): 31-45.
- Ильенков Э.В. 1979. Проблема идеального. *Вопросы философии*, 2: 128–136.
- Лосев А.Ф. 1995. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 736 с.
- Лосев А.Ф. 1993. Бытие – Имя – Космос. М.: Мысль, 958 с.
- Лосев А.Ф. 1994. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Ладомир, 716 с.
- Лотман Ю.М. 2004. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 703 с.
- Лотман Ю.М. 2010. Люди и знаки. В кн. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 704 с.
- Майданский А.Д. 2019. Мышление и язык в Логике Ильенкова. *Вопросы философии*, 2: 128–136.
- Малахова Е.В. 2023. Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии. *Гуманитарные и социальные науки*, 96(1): 33-41.
- Потебня А.А. 1958. Из записок по русской грамматике. М., 576 с.
- Потебня А.А. 2007. Эстетика и поэтика. М., 616 с.
- Потебня А.А. 2022. Из записок по теории словесности. М., Из-во Флинта, 680 с.
- Соловьев В.С. 2012. Оправдание добра. М., Алгоритм, 656 с.

References

- Vygotsky L.S. 1998. Psychology of art. Mn., Publ. Modern Word, 480 p. (in Russian).
- Vygotsky L.S. 2022. Thinking and speech. Moscow, Publ. AST, 576 p. (in Russian).
- Vygotsky L.S. 1984. A tool and a sign in the development of a child. In the book L. S. Vygotsky, Collected works (vol. 6, pp. 5-90). M., Publ. Pedagogy. (in Russian).
- Grinenko G. V. 2021. On the nature of signs: a cultural and historical perspective. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 3(101): 31-45. (in Russian).
- Ilyenkov E.V. 1979. The problem of the ideal. *Questions of philosophy*, 2: 128-136. (in Russian).
- Losev A.F. 1995. The problem of symbolism and realistic art. 2nd ed., ispr. M., Publ. Iskusstvo, 736 p. (in Russian).
- Losev A.F. 1993. Genesis – Name – Cosmos. M., Publ. Thought, 958 p. (in Russian).
- Maidansky A.D. 2019. Thinking and language in Ilyenkov's Logic. *Questions of philosophy*, 2: 128-136 (in Russian).
- Malakhova E.V. 2023. Artificial intelligence as a subject of social mythology. *Humanities and Social Sciences*, 96(1): 33-41 (in Russian).
- Potebnya A.A. 1958. From notes on Russian grammar. M., 576 p. (in Russian).
- Potebnya A.A. 2007. Aesthetics and poetics. M., 616 p. (in Russian).
- Potebnya A.A. 2022. From notes on the theory of literature. M., Publ. From Flint, 680 p. (in Russian).
- Solovyov V.S. 2012. Justification of good. M., Publ. Algorithm. 656 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.03.2024

Поступила после рецензирования 10.06.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received March 10, 2024

Revised June 10, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нифонтова Виктория Анатольевна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Селюков Сергей Александрович, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victoriya A. Nifontova, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Sergey A. Selyukov, postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-615-618

Насилие «без места» или позитивность не для всех. Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна»

Борисов С.Н., Дмитраков Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
1034387@bsu.edu.ru

Аннотация. Бён-Чхоль Хан в работе «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна» выстраивает оригинальную концепцию насилия на фундаменте тезиса о существенном отличии общества позднего модерна от всех предыдущих этапов развития общества. Прежде всего оно заключается, по мысли автора, в переходе от негативного насилия к позитивному. Под негативным насилием понимается бинарное противостояние руга и врага, своего и чужого, Я и Сверх-Я. Позитивное насилие лишено бинарности и потому направлено во внутрь общества и человека, являясь по своей сути само-насилием. Критическое прочтение Бён-Чхоль Хана позволяет сделать вывод о контрпродуктивности отказа от бинарности в исследовании насилия, которая сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: насилие, человек, культура, модерн, общество, позитивность, коммуникация, пространство

Для цитирования: Борисов С.Н., Дмитраков Р.А. 2024. Насилие «без места» или позитивность не для всех. Рецензия на книгу Бён-Чхоль Хана «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна». *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 615–618
DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-615-618

Violence “Out of Place” or Positivity Is Not for Everyone. Review of the Book by Byung-Chul Han “Topology of Violence. A Critique of Late Modern Positivity Society”

Sergey N. Borisov, Roman A. Dmitrakov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
1034387@bsu.edu.ru

Abstract. In his work “Topology of Violence. Critique of the positivity society of late modernity”, Byung-Chul Han builds his own concept of violence based on the thesis about the significant difference between late modern society and all previous stages of social development. First of all, according to the author, it lies in the transition from negative to positive violence. Negative violence is understood as a binary opposition between foe and enemy, self and foe, self and super-ego. Positive violence is devoid of binary and is therefore directed inside society and the individual, being inherently self-violent. A critical

reading of Byung-Chul Han allows us to conclude that the rejection of binaries in the study of violence is counterproductive, which remains relevant.

Keywords: violence, man, culture, modernity, society, positivity, communication, space

For citation: Borisov S.N., Dmitrakov R.A. 2024. Violence “Out of Place” or Positivity Is Not for Everyone. Review of the Book by Byung-Chul Han “Topology of Violence. A Critique of Late Modern Positivity Society”. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 615–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-615-618

Введение

Бён-Чхоль Хан вместе со своими книгами буквально ворвался в русскоязычный сегмент философского дискурса и, безусловно, захватил внимание, не в последнюю очередь благодаря отличному изданию работ, но также или даже прежде всего скоростью. Его «Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна» может быть прочитана за один день. Это легко и понятно, временами иронично и неожиданно, особенно когда автор критикует признанные авторитеты: Бенямина и Шмитта, Фуко, Бодрийяра и целый ряд других, выделяя в их понимании насилия ключевые идеи и подвергая их сомнению с позиции сегодняшнего дня, делая акцент на том, что все изменилось, человек и насилие стали другими.

При этом сам Бён-Чхоль Хан уже в первой строке отмечает, что само насилие никуда не делось, оно просто стало другим. Глобальные изменения перевели его из негативного в позитивное. Кровавое насилие жертвоприношений прошлого, насилие во славу древних богов, насилие правителей, пытки и терроризм сменяются более «утонченными» формами, основанными на чрезмерности, избыточности вполне обычных и действительно позитивных явлений. И потому «насилие позитивности, вероятно, фатальнее, нежели насилие негативности, поскольку оно совершенно невидимо и скрыто, а в силу своей позитивности обходит иммунные защиты» [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 17]. Иначе говоря, все настолько благополучно, что насилие прошлого осталось в нем, а само хорошее стало угрожающим. Благополучие «насилует» современного человека, в логике автора, производительного субъекта. Точнее, это делает сам субъект, который за неимением оппонента вступает в войну с самим собой.

Благополучие связано с развитием капитализма, который для Бён-Чхоль Хана сегодня функционирует через накопление жизни и упразднение смерти. Капитал сегодня занимает место насилия, только не отбирая жизнь, а продляя ее, в идеале до бесконечности [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 37]. Разросшееся и тотальное производство захватило саму жизнь как основу основ, реплицируя и это базисное основание через исключение смерти, по сути оперируя неким промежуточным состоянием, уже не живым, но еще и не мертвым, отсылающим к интересной концепции времени как зазора бытия у Тертуллиана, о чем Бён-Чхоль Хан не пишет [Борисов, 2013]. И отсюда же, из связи капитала и насилия, – общая логика его понимания как аналога капитала и критика других концепций, Рене Жирара в частности, поскольку для последнего насилие противостоит смыслу эквивалентности и обмена. Оно является губительной субстанцией, которая накапливается в сообществе и должна быть исключена из него, в идеале направлена на внешний объект, через уничтожение которого будет реализовано и обезврежено [Жирар, 2010].

Бён-Чхоль Хан этот принцип экстернализации насилия отрицает и критикует, придерживаясь идеи не отвода насилия во вне, а растворения его внутри. В том числе и внутри субъекта, который в концепции З. Фрейда конструируется через противостояние со Сверх-Я или Другим. Под Другим следует понимать, по автору, Бога (который, кстати, в книге с маленькой буквы), суверена и отца. И если ранее диктат этих инстанций реализовывался как долженствование, то сегодня – в формате возможности, а значит

самопринуждения [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 45-47]. В отношении политики и манифестаций Другого в политической сфере так же. Поэтому критика К. Шмитта разворачивается вокруг фигуры врага, поскольку он и есть Другой или внешнее. Для Бён-Чхоль Хана это объяснение политической реальности безвозвратно закончено, так как в современном мире нет врага или врагов, есть конкуренты. Исчезает сама негативность – форма отношения к врагу, а вместе с ней и форма, возможность определения себя и мира, шанс на создание собственной идентичности и субъектности [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 67].

Насилие должно уступить место дружелюбию – тезис Бён-Чхоль Хана. Новому отношению к Другому, заново созданному на основе отношений, лишенных противостояния. Проект такой пересборки скорее намечается через апелляцию к Аристотелю, а также критику уже упомянутых авторитетов и других, которые усматривают связь насилия с ключевыми феноменами человеческого бытия. Наряду со Шмиттом такими авторами являются Беньямин и Агамбен, поскольку оба связывают право и насилие. Для автора «Топологии насилия» оба жили в обществе негативности и не увидели произошедших изменений, распада или даже отсутствия связи между правом и насилием. Тогда как еще Гоббс выводит правовые отношения из договора, тогда как Агамбен ошибочно видит их в чрезвычайном положении [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 87]. Но сам Бён-Чхоль Хан не рассматривает идею этого договора, а только упоминает его. Негативность Шмитта, среди прочего, включает действительную топологию насилия, опыт общества, находящегося в войне, и содержит интуиции гражданской войны как реальной войны «всех против всех».

Размышления о противостоянии Эго и Альтерэго, Друга и Врага, наконец, Внутреннего и Внешнего приводят Бён-Чхоль Хана к обоснованию различий между властью и насилием. Из них к топологии можно отнести утверждения о том, что власть «действует символически», а значит, связывает, а насилие – «диаволически», то есть разделяет. И это интересно на уровне риторики с учетом того, что насилие, как мало что другое, нуждается в символизации, будь то обоснование его применения или рефлексия после [Борисов, 2020]. Утверждение о том, что насилие разрушает пространство и оставляет пустоту, находится в логике автора, но также не соответствует действительности. Насилие проводит границы, передвигает их и все еще «работает» с внешним, который и есть враг. И такое насилие не устарело или ушло в прошлое. Если говорить об избытке позитивности, то он как раз и возможен только внутри тщательно оберегаемого пространства, внутри границ, за которые вытеснена негативность во всех формах насилия, которые Бён-Чхоль Хан записал в устаревшие.

Иными словами, без оппозиции внешнего и внутреннего макрофизика насилия выглядит проблематичной, игнорирующей реальность негативности, которая никуда не исчезла. Если и можно согласиться с Бён-Чхоль Ханом, то с наличием насилия позитивности на уровне микрофизики, когда эволюция форм эксплуатации достигла совершенности самоэксплуатации. В таком случае производительный субъект и есть прекариат [Гай Стэндинг, 2014]. Вопрос в том, виноват ли он сам и насилует ли он сам себя, как утверждает Бён-Чхоль Хан, или все же не стоит сбрасывать со счетов категорию системного насилия. И только в искусственном оберегаемом пространстве «позитивности» можно говорить о приоритетности депрессии и выгорания, так же как и об отмене иммунологии. Находясь в Белгороде сложно согласиться и с отсутствием врага, который стал конкурентом, и особенно с невозможностью чрезвычайного положения [Бён-Чхоль Хан, 2024, с. 166]. Чрезвычайное положение для автора «Топологии насилия» слишком умозрительно, скорее концептуальная конструкция, чем реальность. Но мы наблюдаем ее из окна кабинета или дома, переживаем и осмысливаем здесь и сейчас, не в ушедшем прошлом и не в своей голове.

В заключение можно сказать только одно, что «позитивности» Бён-Чхоль Хана можно позавидовать. Помыслить врага как конкурента, отказаться от него, отказаться от внешнего вообще, наверное, можно только в исключительно благоприятных условиях,

в пространстве благополучия и мира. И если не замечать той границы и тех пространств, которые радикально отличаются. В противном случае мы имеем позитивное насилие без своего «места», растворенное в абстракции внутреннего субъекта и общества.

Список литературы

- Агамбен Дж. 2018. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.-СПб., Изд-во Института Гайдара, 552 с.
- Борисов С.Н., Римский В.П. 2013. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 2(145): 5-17.
- Борисов С.Н., Римский В.П. 2020. Hermeneutics of Translation and Understanding of Violence. *Philosophy and Society*, 31-2 (2020): 139–276. DOI: <https://doi.org/10.2298/FID2002165B>.
- Жирав Р. 2010. Насилие и священное. М., Новое литературное обозрение, 448 с.
- Стэндинг Г. 2014. Прекариат. Новый опасный класс. М., АдМаргинем Пресс, 328 с.
- Хан Бён-Чхоль. 2024. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. Перевод с немецкого С. Мухамеджанова. М., АСТ, 192 с. (Byung-Chul Han. *Topologie der gewalt*. MSB Matthes & Seitz Berlin Verlagsgesellschaft mbH, Berlin. 2013).

References

- Agamben Dzh. 2018. Carstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya. [Kingdom and Glory. To the theological genealogy of economics and management]. Moscow - St. Petersburg, Publ. Izd-vo Instituta Gajdara, 552 p.
- Borisov S.N., Rimskii V.P. 2013. Tertullian, Media and Transhumanism: The ontology of freedom and the anthropology of violence in a post-secular world. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2(145): 5-17 (in Russian).
- Borisov S.N., Rimskii V.P. 2020. Hermeneutics of Translation and Understanding of Violence. *Philosophy and Society*, 31-2: 139–276. DOI: <https://doi.org/10.2298/FID2002165B> (in Russian).
- Zhirar R. 2010. Violence and the sacred. M., New Literary Review, 448 p. (in Russian).
- Standing G. 2014. The precariat. The new dangerous class. M., Ad Marginem Press, 328 p. (in Russian).
- Byung-Chul Han. 2024. The topology of violence. Criticism of the society of positivity of the late modern. Translated from the German by S. Mukhamedzhanov. M., Publ. AST, 192 p. (in Russian). (Byung-Chul Han. *Topologie der gewalt*. MSB Matthes & Seitz Berlin Verlagsgesellschaft mbH, Berlin. 2013).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 27.04.2024

Поступила после рецензирования 27.07.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received April 27, 2024

Revised July 27, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Дмитраков Роман Андреевич, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Roman A. Dmitrakov, graduate student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-619-624

Современный экстремизм: кто виноват и что делать? Рецензия на монографию А.В. Римского «Человек в практиках экстремизма (философско-культурологическая интерпретация)»

Шестаков Ю.А., Руденко А.М.

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического университета,
Россия, г. Шахты, Ростовская обл. 346505, ул. Шевченко, д. 147
shesyur@mail.ru, amrudenko@list.ru

Аннотация. Монография А.В. Римского, философа культуры и правоведа, подводит итоги его почти 20-летней творческой работы по противодействию экстремизму. По мнению рецензентов, в монографии во всей полноте и с безупречной логикой раскрыта идея о том, что проблема экстремизма тесно связана с цивилизационным и культурным противоборством России и Запада, экстремизм продуцируется модерном как феноменом культуры, порожденным Западом в качестве цивилизационного типа, парадоксально способствуя этим элиминации культуры как таковой. Автором монографии дано исчерпывающее обоснование необходимости бескомпромиссного противодействия «рукотворной мифологизации» в сфере массовых коммуникаций на государственном уровне.

Ключевые слова: А.В. Римский, экстремизм, модерн, культура, кризис

Для цитирования: Шестаков Ю.А., Руденко А.М. 2024. Современный экстремизм: кто виноват и что делать? Рецензия на монографию А.В. Римского «Человек в практиках экстремизма (философско-культурологическая интерпретация)». *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(3): 619–624. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-619-624

Modern Extremism: Who Is to Blame and What to Do? Review of A.V. Rimskiy's monograph "Man in the Practices of Extremism (Philosophical and Cultural Interpretation)"

Yuriy A. Shestakov, Andrey M. Rudenko

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of the Don State Technical University
147 Shevchenko St, Rostov region, Shakhty 346505, Russian Federation
shesyur@mail.ru, amrudenko@list.ru

Abstract. The reviewed monograph by A.V. Rimskiy, a cultural philosopher and jurist, summarizes the results of his almost 20 years of creative work on countering extremism. According to the reviewers, the monograph reveals in its entirety and with impeccable logic the idea that the problem of extremism is closely linked to the civilizational and cultural confrontation between Russia and the West, extremism is produced by modernity as a cultural phenomenon generated by the West as a civilizational type, paradoxically contributing to the elimination of culture as such. The author of the monograph provides an exhaustive justification for the need for uncompromising counteraction to "man-made mythologization" in the field of mass communications at the state level.

Keywords: A.V. Rimsky, extremism, modernity, culture, crisis

For citation: Shestakov Yu.A., Rudenko A.M. 2024. Modern Extremism: Who Is to Blame and What to Do? Review of A.V. Rimsky's monograph "Man in the Practices of Extremism (Philosophical and Cultural Interpretation)". *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 619–624 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-619-624

В настоящее время проблема сохранения культурно-исторической идентичности нашего Отечества выходит на первый план. Происходит это в связи с началом специальной военной операции и открытого, фактически вооруженного, противостояния с цивилизационным Западом и технико-технологическим Севером. С одной стороны, эта ситуация, по видимости, делает ненужным обоснование истоков и сути противоборства. Там, где начинается вооруженное противостояние, сопровождающееся гибелью людей, в том числе и мирного населения, вроде бы излишним становится поиск культурфилософских и антропологических оснований борьбы. Однако, с другой стороны, именно эта ситуация и делает такую экспликацию остро необходимой. В сущности, обоснование сохранения отечественной цивилизации, сохранения своей идентичности, права оставаться собой является обоснованием противоборства. Следовательно, не детский вопрос: «кто первый начал?», а научно-обоснованное выяснение того антропогенного негатива, который несет всему человечеству доминирование Запада как культурного феномена, является подлинно насущным для объяснения антагонизма России как государства-цивилизации и данного цивилизационного типа. В этой связи огромной ценностью обладает монография А.В. Римского «Человек в практиках экстремизма (философско-культурологическая интерпретация)» [Римский, 2023].

Работа стала плодом долголетнего труда, который воплотился в двух диссертационных исследованиях, на основании защиты которых Алексей Викторович снискал степени кандидата и доктора философских наук, а также в десятках статей о борьбе с экстремизмом на основе использования культурфилософского знания, борьбе, которой он посвятил не только свою научную, но и служебную жизнь, являясь работником правоохранительных органов и преподавателем кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина.

Автор монографии сосредотачивает свое внимание на культурфилософской интерпретации экстремизма, который, несомненно, является одной из глобальных проблем современности, ставящей под вопрос выживание человека и сохранение культуры как таковой. Принимая во внимание то обстоятельство, что истоки этого феномена изучены явно недостаточно, что явления здесь (особенно в средствах массовой коммуникации и идеологическом дискурсе) постоянно выдаются за сущность, что видимость заслоняет подлинные факторы, продуцирующие этот феномен, продуктивная попытка «философского понимания природы, культурно-исторических и актуальных форм экстремистских практик в диахронных и синхронных измерениях» [Римский, 2024а, с. 7] является серьезным вкладом в решение этой глобальной проблемы современности путем, прежде всего, выяснения детерминант его появления и превращения в серьезную угрозу национальной, региональной и глобальной безопасности.

Во-первых, автор, уяснив причины данного явления, справедливо увязывает его с кризисным состоянием социума. Экстремизм продуцируют, выражаясь словами исследователя, «кризисные, пограничные и чрезвычайные ситуации в жизнедеятельности и социокультурных практиках» [Римский, 2024а, с. 40]. На первый план в ситуации нарастания экстремистских настроений в обществе выходит угроза экзистенциальной определенности общества. Экстремизм не только порождает социальный и культурный хаос. Он порождается им.

Во-вторых, автор обоснованно усматривает качественную определенность современного «экстремизма», тождественную с его бытием, отличие от домодерного «протоэкстремизма» [Римский, 2023, с. 194]. Он верно подметил и смог доказать, что экстремизм модерна есть его порождение как культурного феномена, продуцируемого прежде всего западной цивилизацией с ее атрибутами индивидуализма и рационализма [Римский, 2023, с. 91]. Воспользовавшись методологией исследования модерна В.П. Римского, автор монографии делает акцент на «модернизацию Модерна», на постоянно сменяющиеся и взаимно отрицающие друг друга «мифы модерна», модерна как отрицания самого себя в проявлениях «антимодерна», «контрмодерна», «неомодерна» [Белоненко, Римский, 2015, с. 78] и т. п., как на доминирующий фактор, продуцирующий лавинообразный рост экстремистских настроений в социумах как классической модернизации, так и модернизации неорганической, неестественной, догоняющей, наиболее ярким примером которых является Россия. Он убедительно доказывает, что этот рост приводит в конце концов к революциям, которые на деле являются не «локомотивами истории», а локомотивами модернизации, инструментами, методами, формами, которые способствуют развитию по западному образцу. Причем модернизации резкой, радикальной, «стрессогенной», а потому и травмирующей социум, подрывающей традицию, которая является основным транслятором культуры.

Инновации конечно же неизбежны. Они и необходимы. Но лишь инновации, продуцируемые в рамках традиции, оформленные ею, существующие в традиционной матрице. Современная отечественная аксиология недаром утверждает, что вообще «...никакие культурные инновации не возникнут, если они не найдут опору в традиционных ценностных ориентациях» [Котлярова, 2010, с. 86]. Именно поэтому автор актуализирует свою идею, объясняя экстремизмом «цветные» революции в качестве явлений, созданных «искусственно», имея ввиду, по-видимому, именно разрыв с традицией, трактуя их как «конструируемые» и «манипулятивные», «политико-технологические» [Римский, 2023, с. 174] феномены, приводящие к «квазиреволюциям», которые не являются локомотивами модернизации, то есть все-таки развития, хоть и по западным лекалам, а представляют собой лишь способ обеспечить интересы уходящих со сцены истории вследствие глобализации, «западного» универсализма и «северного» глобализма, реализуя деструктивным путем их претензии на перераспределение мировых ресурсов в свою пользу.

В-третьих, закономерно, с учетом вышесказанного, постулирование автором тезиса: культура и экстремизм фактически антагонисты. «Постсовременный экстремизм – это реакция на попытки лишения человека и целых цивилизаций традиционалистского, онтологического и аксиологического базиса, замены его квази-религиозностью, политико-идеологическими мифами и виртуальной, симулятивной массовой культурой» [Римский, 2024, с. 8], – утверждает автор. Он пишет о маргинальных личностях и девиантных практиках как о носителях и проявлениях экстремистской идеологии, о «контркультурных» и «субкультурных» сообществах как о субъектах экстремистской деятельности [Римский, 2023, с. 28], а также о прочих «квазикаультурных» проявлениях экстремизма. «Экстремизм в поведении несовместим с личной культурой, культурным развитием личности», – утверждает философ уже в одной из своих ранних работ [Римский, Артюх, 2009, с. 249]. В другой работе, также послужившей основой упоминаемой монографии, автор указывает на то, что «экстремизм стремится радикально переделать "скверный" окружающий мир, что фактически становится признанием своей недостаточной сакральности и легитимности, что и вызывает желание разрушить, деформировать наличную "профанную" реальность...» [Римский, Рязанова, 2019, с. 711]. Исследователь говорил о том, что «экстремист всегда носитель экстремальной практики разрушения общества в "антисистемном бытии-вместе"» [Римский А.В., Римский В.П., 2021, с. 466]. Алексей Викторович подчеркивает, что экстремистские антисистемные сообщества «взрывают социум» [Римский, 2024а, с. 11] именно потому, что представляют

собой «антимир» культуры, состоящие из ее «антивещества», которое при столкновении с подлинной культурой аннигилируют ее, элиминируя нормы, институты, общественную деятельность, общественные отношения, субъекты общества и в итоге само общество в качестве социокультурной системы.

В-четвертых, автор выявляет механизмы формирования питательной среды для этого акультурного и антикультурного феномена. На его взгляд, прежде всего «медийность и цифровизация современной культуры и повседневной жизни молодого человека порождает массовые информационные и сетевые каналы порождения и трансляции экстремизма» [Римский, 2024а, с. 12]. И действительно, современная эпоха – это эпоха, в которой средства массовой информации и коммуникации превратились из транслятора ценностей в их творца, демиурга. Поэтому именно такой взгляд на основу формирования массового экстремизма выглядит наиболее релевантным современной ситуации. Особенно хотелось бы отметить в этой связи опасность «мифологизации прошлого», создания рукотворных мифов, продуцируемых СМИ и СМК, действующих в интересах разнообразных акторов Запада, – опасность, которую автор упоминает и признает (так, в одной из своих ранних работ он говорит о том, что противодействие экстремизму находится на путях «признания инаковости и индивидуальности» культурных феноменов [Римский, Борисов, 2012, с. 121]), хотя и не отводит ей главной роли конкретно в этой монографии.

Мифологизированное историческое сознание, отрицающее преемственность, активно формируемое ныне в процессе осуществления коммуникативных и образовательных культурных практик, опасно тем, что создает иллюзию полной свободы выбора своего исторического пути, иллюзию возможности произвольного «творения будущего», являющуюся в сущности проявлением потери историчности, в результате которой история становится шизофренической. Будущее нельзя творить из пустоты. Оно исторически обусловлено. Социум может осуществлять свое историческое творчество только на основе «габитуса», культурного капитала, доставшегося от предков, соотносящих себя с национально-государственным сообществом. В силу этого оно достижимо в определенном, ограниченном своим размером веере возможностей, в коридоре, обусловленном историческим творчеством предыдущих поколений. «Культурная безграничность» выливается в культурный произвол, чреватый аномией, анархией и, как следствие, экономическим и политическим хаосом, «войной всех против всех» (используя аллюзию Т. Гоббса), что и представляет собой торжество экстремизма. Подобную ситуацию можно наблюдать во многих странах, ставших жертвами разнообразных «цветных» революций, инициируемых извне и произошедших во многом благодаря внешне детерминированной деформации массового сознания. История этих национально-государственных сообществ посредством самого разнообразного контента (средств массовой информации, социальных сетей, образовательной системы, квази-религиозных организаций и т.п.) подавалась как «разорванная», как процесс, не основанный на преемственности, а потому вполне подверженный рукотворной коррекции в необходимую «поезду современности» (и, главное, его «локомотиву») сторону. Яркий пример такой ситуации демонстрирует как раз Украина.

Периоды аксиологического «включения» в мир Запада (цивилизации, сформированной на основе антитрадиционалистской культуры) объявляются «подлинными», а периоды противостояния ему в рамках своеобразной, отечественной культуры, составляющей трансгисторическое аксиологическое ядро нации, ее ценностную сущность – «неподлинными», «ненастоящими», а потому – ненужными для ориентации в нынешнем национально-государственном бытии и построения бытия будущего. Подобная «шизофренизация», раскол исторического сознания, провоцирует экстремизм, который, в свою очередь, закономерно ведет к расколу в обществе, гражданской войне и в итоге создает угрозу утраты нацией возможности безопасного существования и развития. Не случайно автор монографии в одной из своих работ говорит о необходимости

ценностного единения общества в противодействии экстремизму, когда «право как социальный институт становится коридором возможностей идентификации молодежи с обществом и предполагает интолерантность к экстремизму» [Римский, 2019, с. 432].

Проясняя нашу точку зрения на возможности устранения негативных последствий мифологизации исторического сознания, порождающего экстремизм, надо упомянуть о том, что сущность этого явления – в элиминации принципа объективности в подаче исторического материала, что принципиально угрожает национальной безопасности, составляя питательную среду для различных экстремистских движений. Средством устранения этой угрозы является государственная защита исторической информации от злонамеренного искажения на основе «признания окультуривающей, по отношению к обыденному сознанию, роли теоретического уровня исторического сознания, в частности философской и философско-исторической науки, понимания недопустимости прямой подмены научных понятий образами, символами и представлениями, сформировавшимися на обыденном уровне» [Шестаков, 2022, с. 404]. Это позволит национально-государственному сообществу сохранить достоинство и единство, надежно обеспечив защиту от распространения экстремистской идеологии.

Таким образом, авторская концепция А.В. Римского сути и причин этого негативного явления позволяет ответить на два основополагающих и сакраментальных вопроса, касающихся экстремизма: «кто виноват?» и «что делать?». Наш призыв, предлагающий углубить борьбу с «цифровым экстремизмом», задействуя мощнейший ресурс Всемирной паутины в деле формирования коммуникации между двумя уровнями исторического сознания для того, чтобы научное историческое и философско-историческое знание выполняло окультуривающую функцию по отношению к историческому сознанию, является лишь небольшим дополнением достаточно полной, стройной и логически безупречной концепции философа, обосновывающей культурные и антропологические истоки, типологизацию, а также формы и методы распространения экстремизма в современном обществе.

Список литературы

- Белоненко Е.О., Римский В.П., 2015. Время и самоидентификация модерна. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право*, 2(199): 65-80.
- Котлярова В.В., 2010. Традиционные ценности в современной культуре. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 1: 84-86.
- Римский А.В. 2019. Молодежный экстремизм: сфера социально-правового контроля. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 44(3): 427-433.
- Римский А.В. 2023. Человек в практиках экстремизма (философско-культурологическая интерпретация). Белгород, Эпицентр, 200 с.
- Римский А.В. 2024. Человек в практиках экстремизма: философско-культурологические конфигурации: автореферат дис... док. филос. наук. Белгород, 34 с.
- Римский А.В. 2024а. Человек в практиках экстремизма: философско-культурологические конфигурации: дис... док. филос. наук. Белгород, 274 с.
- Римский А.В., Артюх А.В. 2009. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 16(71): 244-249.
- Римский А.В., Борисов С.Н. 2012. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 5(49): 114-122.
- Римский А.В., Римский В.П. 2021. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46(3): 489-498.
- Римский А.В., Рязанова Н.А. 2019. Экстремизм и насилие в практиках «цветных переворотов»: «сакральная жертва» и «чрезвычайное положение». *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 44(4): 704-713.

Шестаков Ю.А. 2022. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности России. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 47(2): 399-407. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-399-407

References

- Belonenko E.O., Rimskiy V.P., 2015. Time in modern identity. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Philosophy. Sociology. Law*, 2(199): 65-80 (in Russian).
- Kotlyarova V.V. 2010. Traditional values in modern culture. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 1: 84-86 (in Russian).
- Rimskiy A.V. 2019. Youth extremism: sphere of social and legal control. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 44(3): 427-433 (in Russian).
- Rimskiy A.V. 2023. Man in the practices of extremism (philosophical and cultural interpretation): monograph. Belgorod, Publ. Epicenter, 200 p. (in Russian).
- Rimskiy A.V. 2024. Man in the practices of extremism: philosophical and cultural configurations: abstract of the dissertation... doc. philos. Belgorod, 35 p. (in Russian).
- Rimskiy A.V. 2024 a. Man in the practices of extremism: philosophical and cultural configurations: dis... doc. philos. Belgorod, 274 p. (in Russian).
- Rimskiy A.V., Artyukh A.V. 2009. Extremism and terrorism: notion and essential forms. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 16(71): 244-249 (in Russian).
- Rimskiy A.V., Borisov S.N., 2012. Cultural and historical forms of religious extremism: From traditionalism to modernity. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 5(49): 114-122 (in Russian).
- Rimskiy A.V. Rimskiy V.P., 2021. «The Destruction Together» or On the Specifics of Extremist Communities. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 46(3): 489-498 (in Russian).
- Rimskiy A.V., Ryazanova N.A., 2019. Extremism and violence in the practices of "Color coups": "Sacred sacrifice" and "State of emergency". *Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 44(4): 704-713 (in Russian).
- Shestakov Yu.A. 2022. Historical Consciousness of Russian Youth in the Context of Ensuring National Security of Russia. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 47(2): 399-407 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.05.2024

Поступила после рецензирования 20.08.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received May 26, 2024

Revised August 20, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестаков Юрий Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г. Шахты, Россия.

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г. Шахты, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy A. Shestakov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of the Don State Technical University, Shakhty, Russia.

Andrey M. Rudenko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of "Social and Humanitarian Disciplines", Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of the Don State Technical University, Shakhty, Russia.